

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

На правах рукописи

АРХИПОВ

Владислав Владимирович

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ МЕДИАЛЬНОГО
ПОВОРОТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений
о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Научный консультант

доктор юридических наук, профессор

Козлихин Игорь Юрьевич

Санкт-Петербург

2019

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
ВВЕДЕНИЕ	12
ГЛАВА 1. Постановка проблемы в свете методологического подхода, эмпирического материала и социокультурного контекста.....	78
§ 1. Общие замечания о методологическом подходе исследования: лингвистическая философия и социальный конструкционизм.....	78
§ 2. Правовые коллизии игровой деятельности в цифровой среде как исходная посылка исследования	91
§ 3. Взаимосвязь правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде с другими подобными коллизиями	110
§ 3.1. Оговорки о «художественном» в критериях запрещенной в Интернете информации	113
§ 3.2. Защита детей от информации и правовая квалификация «насилия» в жестоких компьютерных играх	120
§ 3.3. Уголовно- и административно-правовая защита исторической памяти.....	127
§ 3.4. Правовая оценка объективной стороны преступлений, совершенных с использованием имитации оружия	130

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3.5. Дискуссии в области права относительно пределов допустимого художественного творчества	132
§ 3.6. Шутки, анекдоты и пародии в пределах и за пределами допустимого в юридическом разрезе	140
§ 3.7. Материалы, утратившие свою актуальность, в контексте «права на забвение»	145
§ 3.8. Проблемы юридического разграничения азартных игр и игр, не являющихся азартными	147
§ 4. Концепция медиального поворота как обобщение ключевых признаков социокультурного контекста проблемы	150
§ 5. Формирование гипотезы о семантических пределах права: виртуальная реальность, абсурд и здравый смысл	176
ГЛАВА 2. Поиск методологии разрешения проблемы и реконструкции семантических пределов права	184
§ 1. Попытки реконструкции пределов права исходя из позиций философии морали	184
§ 2. Спор Г. Харта и Л. Фуллера и последующее переосмысление дискурса данного спора	202
§ 3. Оценка семантических пределов права с точки зрения подходов к толкованию права, претендующих на осмысление абсурда	213
§ 3.1. Отдельные примеры отсылок к абсурду в отечественной правоприменительной практике	214

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3.2. Развитие «доктрины абсурдности» в контексте зарубежной правоприменительной практики.....	231
§ 3.3. Оценка представлений об абсурдности в праве через призму представлений о здравом смысле	239
§ 3.4. Предварительные заключения о признаках и видах абсурда в толковании и применении права	246
§ 4. Реконструкция семантических пределов права средствами деонтической логики: опыт переосмысления	249
§ 4.1. Критический анализ теории семантической нормативности права М. Клатта	250
§ 4.2. Общие замечания о семантических пределах права, эксклюзивном позитивизме и деонтической логике	261
§ 5. Междисциплинарная концепция «магического круга» в игровых исследованиях.....	266
§ 6. Концепция обобщенных символических посредников в теоретической социологии	291
ГЛАВА 3. Реконструкция концепции семантических пределов права: содержание, значение, методологический потенциал.....	310
§ 1 Переосмысление проблемы «магического круга»: от квалификации общественных отношений к квалификации их предмета.....	310
§ 2. Критерий серьезности или несерьезности предмета отношений: «социально-валютная ценность».....	316

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3. Моделирование коммодификации как методология определения конвертируемой социально-валютной ценности.....	323
§ 4. Критерий структурно-функциональной адекватности или «фантазийности» предмета общественных отношений.....	331
§ 5. Теоретическое моделирование применения критериев серьезности и структурно-функциональной адекватности	341
§ 6. Сопутствующие результаты: аналогия права и игры, серьезность как принцип моральности права, притязание права на серьезность	357
§ 6.1. Аналогия права и игры в истории правовой мысли и в контексте настоящего исследования.....	357
§ 6.2. «Притязание на серьезность» и девятый принцип внутренней моральности права	368
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	378
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	384
Источники на русском языке.....	384
Нормативные источники.....	384
Правоприменительная практика	387
Научные статьи	393
Монографии и иные книги.....	400
Диссертационные исследования	403
Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов.....	404

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Источники на иностранных языках	406
Нормативные источники.....	406
Правоприменительная практика	406
Научные статьи	407
Монографии и иные книги.....	411
Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов.....	413
<i>Приложение 1. Структурная схема логики концепции семантических пределов права.....</i>	<i>417</i>
<i>Приложение 2. Функциональная схема аналитического процесса применения концепции семантических пределов права («пограничная ситуация» толкования)</i>	<i>418</i>
<i>Приложение 3. Таблица соответствия выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права</i>	<i>423</i>

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Предисловие

Если выразить суть этой работы на наглядных примерах и в нескольких предложениях, то можно сказать, что в ней представлена концепция, которая позволяет объяснить, в каких случаях и в какой степени право принципиально может применяться к общественным отношениям, складывающимся в отношении *виртуальной реальности*. Хотя предмет исследования выходит далеко за пределы игровой проблематики, логически (но не исторически) первые и самые яркие примеры – это отношения в играх с использованием дополненной реальности вроде *Pokémon Go* и отношения по поводу виртуальной собственности в более привычных многопользовательских ролевых онлайн-играх. Первый случай стал предметом внимания юристов недавно, второй анализируется в литературе уже более десяти лет. При этом до XX в. *игры в целом* осмысливались в социально-гуманитарном дискурсе крайне мало, но в прошлом столетии стали достойным предметом исследования благодаря трудам Й. Хейзинги, Р. Кайуа и, в некоторой мере, Л. Витгенштейна. До XXI в. *компьютерные игры* в той же степени игнорировались юриспруденцией, но за последние годы стали интересным предметом изучения. Общий вопрос, который объединяет эти и многие другие примеры, заключается в том, может ли право, ориентированное на нечто серьезное и реальное применяться в случаях, когда речь идет о несерьезном и нереальном.

В целом исследования системных правовых аспектов виртуальных миров (в узком, техническом смысле слова) и онлайн-игр, связанных с разграничением условных реального и виртуального миров, ярко ворвались в пространство мировых академических публикаций в начале 2000-х гг., но уже к 2010-м годам

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

интерес к таким вопросам угас – он не нашел достаточно отклика в самой игровой индустрии, и ученые-юристы, заинтересованные в объекте, в большей степени переключились на более конкретные, частные и практичные вопросы, связанные, например, с правовой квалификацией отдельных отношений (в области интеллектуальной собственности, электронных средств платежа и т.п.), связанные с вполне осязаемыми и конкретными вещами. Появление публикаций на созвучные общие темы в России после 2010-гг. до текущего момента можно считать, скорее, введением общей проблематики в отечественный научный оборот и констатацией легитимности темы исследования. Причина кажущегося угасания интереса к теме за рубежом, однако, видится нам только в том, что предшествующие работы именно в интересующем нас ракурсе рассматривали вопрос о соотношении «виртуального» и «реального» как частную проблему многопользовательских компьютерных игр. В настоящем же исследовании предлагается более широкий взгляд. Указанная проблема относится не только к специальному виду игр – она представляет собой наиболее репрезентативный срез общей проблематики права и виртуальной реальности в условиях *медиального поворота*.

Современное общество живет не только цифровизацией экономики, хотя она и составляет существенный круг актуальных вопросов повестки дня. Изменения социальной реальности шире и особенно удачной представляется концептуализация таких изменений в термине «медиальный поворот», разрабатываемом медиафилософией. Составляющие этого феномена – цифровой поворот и игровой поворот – определяют своего рода переход количественных изменений в качественные во всем, что касается *симуляции*,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

имитации и т.п. как конституирующих элементов сопутствующей виртуальной реальности. С учетом развития как информационно-телекоммуникационных технологий, так и социальных практик, связанных с *prima facie* «несерьезной» коммуникацией (распространение мемов, «фейкньюс» и т.п.), проблема выходит на новый уровень. В связи с этим, еще один особенно наглядный пример – появление новых норм, устанавливающих критерии для ограничения распространения информации в Интернете и предусматривающих в некоторых случаях оговорки о том, что такие ограничения не применяются к информации, содержащейся в художественных произведениях. Собственно, вопрос о том, может ли право регулировать отношения «внутри» многопользовательской игры и вопрос о том, можно ли распространять ограничения информационного характера на художественные произведения – это вопрос одного порядка, и в таком ракурсе можно привести еще много иных актуальных примеров.

Предыдущие попытки осмыслить методологический потенциал игровых исследований в разрезе правовой проблематики не учитывали такой широкий подход и потому не вышли на должный уровень высоких теоретических обобщений. Однако нам с достаточной степенью ясности видится, что проблема «магического круга» (метафора из трудов Й. Хейзинги, описывающая условную границу между «серьезным» и «несерьезным») в праве, в действительности, может быть переосмыслена как проблема *абсурда* в применении и толковании права, а также в правотворчестве. Такая постановка проблемы представляется достаточно новой и актуальной, поскольку позволяет поставить вопрос о разработке новой методологии поиска разумных пределов права в условиях, соответствующих как медиальному повороту в целом, так и цифровой экономике

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

в частности. Поиск таких пределов предполагает переосмысление в современных реалиях некоторых известных концепций моральной философии, системообразующей дискуссии Л. Фуллера и Г. Харта, отдельных концепций деонтической логики и нескольких междисциплинарных подходов. В итоге, будет предложена концепция, основанная, в первую очередь, на нескольких идеях, относящихся к области теоретической социологии, и имеющих непосредственное отношение к методологии определения того, какие общественные отношения принципиально могут входить в предмет правового регулирования, а какие – нет.

Соответственно, частные проблемы виртуальной реальности, понятой в узком технологическом смысле слова, помогут нам переосмыслить гораздо более широкие проблемы современной теории и философии права, и именно этому и посвящено настоящее исследование. Развиваемая концепция поможет найти достаточно четкие ориентиры как для «пограничных случаев» толкования права, так и для поиска разумных пределов в отношении правотворчества – в первую очередь, в инновационных областях права, связанных с цифровой трансформацией общества.

Автор хотел бы поблагодарить своего научного консультанта И.Ю. Козлихина, предопределившего интерес к теоретической юриспруденции и любовь к здравому смыслу, своих академических учителей, наставников и старших коллег – Д.И. Луковскую, А.В. Полякова, Е.В. Тимошину, С.А. Белова, Н.А. Шевелеву, старшего коллегу и наставника по юридической практике права интеллектуальной собственности информационных технологий – В.Б. Наумова, вдохновителя медиафилософских исследований В.В. Савчука, зарубежных коллег

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

– *Х. Тревиньо, оценившего новизну подхода о применении в праве концепции обобщенных символических посредников, а также коллектив редакции журнала Interactive Entertainment Law Review (Г. Димита, Дж. Фестингер, М. Мимлер) за конструктивные критические комментарии первых набросков концепции, и многих авторов цитируемых трудов, с некоторыми из которых автор имел честь общаться лично, что, в том числе, повлияло на формирование концепции. Автор выражает отдельную благодарность своим коллегам по практике Р.А. Ахобековой за первичную критическую оценку основных положений диссертации с точки зрения практикующего юриста и А.В. Грачевой за неоценимую помощь с источниками. И, конечно, огромная благодарность моей жене В.Е. Архиповой, моим родителям – В.Н. Архипову и Н.А. Архиповой, и детям – за любовь и терпение.*

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Право сейчас все больше находится в «области полутени», представление о которой, в специальном смысле философии права, было сформулировано в дискуссии между Г. Хартом и Л. Фуллером в середине XX века.¹ Происходящая сейчас цифровая трансформация общества подразумевает не просто развитие технологий – многие из них не оторваны от повседневной жизни и изменяют социальную реальность в той же степени, в которой они изменяют технологический ландшафт. Современные цифровые технологии определяют формирование информационной культуры, в которой появляются новые коммуникативные практики и видоизменяются старые. В культурологическом и социологическом дискурсе особое значение обретают исследования, посвященные различным аспектам *медиального поворота* и *виртуальной реальности*. Среди актуальных технологических феноменов социально-гуманитарному дискурсу интересны, в первую очередь, те, которые непосредственно нацелены на социальное взаимодействие. Возможности социальных сетей, мессенджеров и различных иных многопользовательских сред (среди которых для целей настоящего исследования, прежде всего, выделяются игровые) на практике уже породили

¹ См.: Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. – 1958. – Vol. 71. – P. 593–629; Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. – 1958. – Vol. 71. – P. 630–672. Дискуссия была опубликована в переводе на русский язык в журнале «Известия высших учебных заведений. Правоведение» в 2005 году, см.: Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 5. – С. 102–136; Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 124–159. Фундаментальное значение данной дискуссии для юриспруденции можно считать общеизвестным фактом в юридической науке, и о нем писали многие зарубежные и отечественные авторы. См. напр.: Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Философские взгляды «раннего» Г. Харта и проблемы языка права // Харт Г.Л.А. Философия и язык права. – М., 2017. – С. 7–26.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

ряд, на первый взгляд, *частных и курьезных* юридических проблем. Например, принятие отдельных правоприменительных решений о блокировке интернет-ресурсов, содержащих информацию об объектах, относящихся к игровым контекстам, как в случае с блокировкой информации об изготовлении виртуальных «взрывчатых веществ» в компьютерной игре *Minecraft* как если бы речь шла о реальных объектах,² или несколько дел, связанных с применением норм имущественного права к отношениям, связанным с виртуальной собственностью в других многопользовательских онлайн-играх.³ Однако частными и курьезными юридические проблемы, отраженные в данных решениях, могут казаться лишь на первый взгляд. В основе настоящего исследования лежит принципиальное убеждение автора в том, что правоприменительные решения такого рода, в действительности,

² См.: Роскомнадзор попросил не запрещать Minecraft из-за рецепта динамита, 03 фев. 2017 [Электронный ресурс] // Информационное агентство РБК. – [Сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d (дата обращения: 04.07.2018). Решение суда, которое подразумевается в указанном материале: Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016. – [Сайт]. – URL: https://zavodoukovskiy-tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2018). Принципиальная особенность данного казуса связана с тем, что он, действительно, относится к «области полутени» – однозначные критерии оценки именно такой информации, в отличие от других видов информации, запрещенной к распространению в Интернете, на тот момент (как и на момент написания настоящей работы) установлены не были.

³ Обзор и анализ отдельных репрезентативных дел представлен, в том числе, в следующих публикациях: Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей // Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – 528 с.; Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – № 9. – С. 69–90; Семенюта Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 8. – С. 38–45. Глубокий анализ правовой проблематики виртуальной собственности с точки зрения гражданского права также представлен в работах А.И. Савельева, в частности в Главе 6 «Цифровой контент и виртуальная “собственность”» книги: Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. – М.: Статут, 2016. – 640 с., а также в статье: Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 127 – 150.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

свидетельствуют о наличии *общей и серьезной*,⁴ а не частной и курьезной, проблемы, которая при этом не сводится к отраслевым проблемам гражданского или информационного права. Проблема эта гораздо шире, и она связана с философско-правовым дискурсом правосознания и правовой культуры, а также переосмыслением догматических аспектов действия права, применения права, толкования права и правотворчества. Право как социальный институт консервативно, историческое развитие права во всем было ориентировано на социальную реальность, в которой доминировала этика «реального» и «серьезного», тогда как игровой элемент долгое время вытеснялся из общественного сознания и табуировался.⁵ Современная же информационная культура в условиях общего медиального поворота может быть охарактеризована, в том числе, условным термином «*игровой поворот*» (условным, поскольку здесь он как раз используется как фигура речи; характеристика может быть не точна – в философском, психологическом и социологическом смысле речь, возможно, должна идти в большей степени о «несерьезном», чем об «игровом»). Помимо собственно беспрецедентного развития в массовой культуре различных игровых практик, за счет

⁴ Как будет показано далее, слово «серьезный» в контексте настоящего исследования используется не просто как прилагательное, соответствующее легкому литературному стилю, а как специальный термин, подразумевающий отсылку к теоретико-социологической концепции обобщенных символических посредников. Подробнее см. § 6 Главы 2 исследования.

⁵ Оценки данного факта культурологами весьма характерны. Например, О.С. Потапова отмечает, что «в начале XX столетия вряд ли кто-то расценивал только что изобретенный кинематограф как новый вид искусства. Достижения технического прогресса волновали и поражали зрителей, но не побуждали задуматься о месте кинематографа в пространстве культуры. Сейчас ситуация кардинально изменилась: есть настоящее искусство, а вот голливудские блокбастеры часто осуждаются. Компьютерные игры, завоевавшие определенное культурное пространство в начале XXI века, столь же часто критикуют за излишнее влияние на умы подрастающего поколения. Психологи предупреждают о возможном негативном влиянии игр на сознание, и в такой обстановке редко кто заговаривает о том, что компьютерная игра претендует на звание нового вида искусства». См.: Потапова О.С. Компьютерная игра в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (1). – С. 349.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

принципиально нового темпа и качества технологий, обеспечивающих обмен информацией, в повседневности появляется все больше ситуаций, которые можно считать спорными в свете возможного правоприменения – среди прочего, эта проблема интенсифицируется по мере появления все новых юридических ограничений и правил распространения информации, что, в свою очередь, обусловлено развитием концепций государственного суверенитета и распространения его на информационное пространство.⁶ При каких условиях *шутка* как, по общему правилу, феномен «несерьезного» может быть признана экстремистским материалом?⁷ Может ли художественное произведение, основанное на «воображаемом», а не «реальном», содержать юридические признаки оскорбления?⁸ Представляется, что данные вопросы, особенно

⁶ Так, например, А.А. Ефремов отмечает, что тенденция «суверенизации» в информационном пространстве выражается, в частности, в установлении правил относительно «информации, распространение которой запрещено», деятельности организаторов распространения информации и блогеров (правила в отношении последних ныне отменены), ограничений для иностранных СМИ, блокировок информационных ресурсов, нарушающих правила обработки персональных данных, введения дополнительных требований к операторам связи и организаторам распространения информации. См.: Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2017. – № 1. – С. 202. См. также: Ефремов А.А. Тенденции развития правового регулирования информационного пространства // *Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Право»*. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 80–83; Ефремов А.А. Защита государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. – М. НОРМА, 2017. – 128 с.

⁷ Общественная значимость данной проблемы обусловила принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» и последующих изменений, отраженных в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”».

⁸ В данном случае речь идет о художественных произведениях с узнаваемыми или практически тождественными реальными прототипами, в том числе, историческими деятелями. Вопрос, однако, может быть сформулирован и в противоположном ключе: в какой степени допустимо использование реально живущих или живших людей в качестве прототипов для художественных произведений? Примечательно, что в нынешних условиях и теоретически, и практически можно применять к таким случаям законодательство о персональных данных – в смысле защиты персональных данных реальных прототипов персонажей художественных произведений, которые не могли бы появиться без использования таких персональных данных. Не случайно п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» предусматривает в качестве

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

актуальные для общества на данном этапе (раньше темпы производства и распространения информации были другими и такие вопросы возникали значительно реже), формируют единый контекст и могут быть подвергнуты теоретическому обобщению, в результате которого главным вопросом станет следующий: можно ли концептуализировать в одном понятии, относящемся частично к философии, а частично – к догме права, условную границу, при нарушении которой обращение к праву будет абсурдным, противоречащим здравому смыслу, и каким образом ее можно выявить? Это вопрос, который, в некотором смысле, связан с концепцией «открытой текстуры» юридического языка Г. Харта,⁹ и может быть при этом осмыслен как проблема семантики в праве.

В некоторой форме вопрос, на самом деле, уже косвенно затрагивался в философии права. Вот, например, цитата из «Анатомии права» Л. Фуллера (отметим, что с точки зрения философско-правовой методологии настоящее исследование можно соотносить с продолжением традиции, заложенной данным теоретиком права, и развитием идей, предложенных автором этой работы ранее

отдельного основания обработки персональных данных «литературную или иную творческую деятельность», но при условии, что при этом не нарушаются права и законные интересы субъекта персональных данных.

⁹ Как отмечает В.В. Оглезнев, «склонность правил обладать “периферийной неясностью” (fringe of vagueness) [1. С. 126], т.е. становится неопределенными в пограничных случаях, Харт называет «открытой текстурой» правил (и языка в целом) [1. С. 131]. Добавляя при этом, что “открытая текстура” правовых правил должна рассматриваться скорее как преимущество, чем недостаток, в том смысле, что это позволяет разумно истолковать правила в тот момент, когда они применяются в ситуациях и проблемных случаях, которые их создатели не предвидели и не могли предвидеть». См.: Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 2 (34). – С. 237–238. Здесь В.В. Оглезнев отсылает к изданию «Понятия права» Г.Л.А. Харта в переводе на русский язык, соавтором которого он является, см.: Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

в кандидатской диссертации,¹⁰ с учетом последующего развития данного дискурса):

«В рамках любого общества есть позиции, которые *настоль противны общеразделяемым положениям, что их с легкостью отметит любой здравомыслящий* (выделено мною – *В.А.*) судья. Человек убивает своего отца; отвечая на предъявленное ему обвинение в убийстве, он утверждает, что его отец был добродетельным человеком, который был убежден в существовании рая; таким образом, лишая его жизни, он отправил его в край бесконечного счастья, которое его отец никогда не познал бы на земле; а значит, тот, кто дарует такое благо, должен быть вознагражден, а не наказан. Чиновник присваивает огромную сумму государственных денег; в ответ на выдвинутое против него обвинение он цитирует преамбулу к конституции, декларирующую, что государство существует для того, чтобы способствовать наибольшему счастью наибольшего количества граждан; деньги, которые подсудимый присвоил, сделали его очень счастливым; при этом следующее из этого факта уменьшение богатства каждого из остальных граждан бесконечно мало и не было способно произвести ощутимое уменьшение *их* счастья (если эти иллюстрации кажутся неуместными к контексте столь же серьезном, сколь и этот, то можно отметить, что Св. Фома Аквинский уделил определенное внимание первой из них, тогда как Иеремия Бентам – второй)... Позиции, подобные только что предложенным, отвергаются не на основании статута, судебного решения или обычая. Их отрицание зависит не от права. Напротив, можно сказать, что право зависит от их отрицания, когда они представлены на суд обыденного непрофессионального суждения. Определенный внеправовой консенсус относительно того, что с очевидностью преступает границы, необходим для того, чтобы сузить периферию эксплицитного права до работоспособных измерений. Как ни парадоксально, именно позитивист, настаивающий на том, что все истинное право создано эксплицитно, выступает в роли бенефициара этого молчаливого ограничения; без такого ограничения его “право” станет излишне хаотичной вещью для того, чтобы предложить какое-либо пристанище его вере».¹¹

¹⁰ См.: Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. Автореферат кандидатской диссертации автора был опубликован в «Российском ежегоднике теории права» в 2011 году (номер за 2009 год), см.: Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2-2009. – С. 186–203.

¹¹ Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 313–314. Здесь и далее цитаты из англоязычных источников приводятся в переводе автора исследования.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Л. Фуллер осторожен и не указывает на *однозначное* отнесение проблемы к дискурсу философии морали. Сама «Анатомия права» была написана позже «Морали права» (или «Моральности права», англ. “*The Morality of Law*”),¹² и такой подход вполне оправдан в контексте развития взглядов ученого. В некоторых случаях право не может применяться потому, что такое применение будет *абсурдным*, а не противоречащим морали в строгом смысле слова. Но почему оно будет абсурдным? Ответ на этот вопрос, которому во многом и посвящено данное исследование, не так прост, как может показаться, если включить в предмет рассмотрения ситуации, которые будут менее ясны для понимания, чем представленные в приведенной цитате.¹³ Кроме того, обратим внимание и на отсылку к семантике – то, что право зависит от отрицания позиций,

¹² См.: Fuller L.L. *The Morality of Law*. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p. В переводе на русский язык книга вышла в 2007 году, см.: Фуллер Лон Л. *Мораль права* / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 308 с. О нюансах перевода с точки зрения автора настоящего исследования см.: Архипов В.В. «Мораль права» Лона Фуллера: к выходу в свет русского перевода книги // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 2008. – № 5 (280). – С. 113 – 121. Особенность подхода Л. Фуллера, часто идентифицировавшего себя как сторонника «процедурного естественного права», предполагает незначительное внимание субстантивным моральным ценностям. «Естественность» в его юснатурализме – это естественность разума и, как раз, здравого смысла, конституирующего социальную реальность, картину которой разделяют субъекты права.

¹³ Предваряя содержание исследования, если обращаться к примеру многопользовательских онлайн-игр, достаточно ясным с точки зрения здравого смысла будет почему мы не распространяем диспозицию ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации («Убийство») на «убийство» игровых персонажей, даже если внутри игры они соотносятся со словом «человек». Однако, в этом смысле, гораздо менее очевидным является вопрос о том, допустимо или нет применять реальное право к отношениям между игроками, предмет которых составляет оборот «виртуальных» ценностей за «реальные» деньги. Как подмечает, например, С.Л. Будылин, в решении Верховного суда Нидерландов HR31-01-2012, NJ 2012, 536 отражен подход о том, что виртуальное имущество в многопользовательской онлайн-игре *RuneScape* следует считать имуществом. «По заключению нижестоящего суда, в данной игре владелец виртуальных объектов имеет “фактическое и исключительное господство” над ним, то есть возможность их единоличного использования и распоряжения ими по своему усмотрению (как в реальном мире собственник имеет господство над вещами). После перехода объектов к обвиняемому потерпевший утратил это господство, а обвиняемые приобрели. Это значит, что “волшебные предметы” удовлетворяют признакам имущества, сформулированным в “деле о краже электричества”». См.: Будылин С.Л. Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста. – М.: «Инфотропик Медиа», 2017. – 308 с. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

противоречащих здравому смыслу, означает, что у семантики права есть пределы. Однако подчеркнем, что Л. Фуллер по вполне объективным причинам еще не мог в 1960-х гг. прошлого столетия оценить принципиально новый и богатый эмпирический материал, связанный с виртуальной реальностью XXI века.

В современных пограничных ситуациях толкования и применения права, связанных с виртуальной реальностью, необходимо переосмыслить проблему абсурда в толковании и применении права, а также в правотворчестве. Мы часто можем почитать или послушать о соотношении права и разумности, но очень редко – о соотношении права и абсурдности. Настолько редко, что последний вопрос часто неправильно подается как самоочевидный.¹⁴ В итоге, когда дело становится серьезным, и требуется по-настоящему глубокое обоснование, почему то или иное правоприменительное решение или норма (которые при этом могут и не противоречить морали – ни в мягкой форме, ни в случае, соответствующем «Формуле Г. Радбруха»¹⁵) являются абсурдными,¹⁶ а потому не

¹⁴ Здесь уместно привести цитату философа Ф. Гиренка: «Абсурд превращает реальное во что-то страшное, опасное, в то, от чего хочется убежать, спрятаться, сделать вид, что тебя нет. Невозможность уклониться от встречи приводит к агрессии, к вспышке страха и злобы». См.: Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. – М.: Академический Проект, 2012. – С. 44.

¹⁵ Б. Бикс акцентирует внимание на двух составляющих «Формулы Радбруха»: «(1) Позитивное право, обеспечиваемое законодательством и властью, имеет приоритет даже тогда, когда его содержание несправедливо и не отвечает пользе людей, если только конфликт между законом и справедливостью не достигает столь невыносимой степени, что закон, будучи “порочным правом”, не должен уступить справедливости. (2) В тех случаях, когда нет даже попытки реализовать справедливость, там, где равенство, основа справедливости, произвольно предается изданием позитивного права, в таких случаях закон это не просто “порочное право” – он полностью лишен правовой природы. Ибо право, включая позитивное право, не может быть определено иначе как система и институт, самым значением которого является служить справедливости» (пер. с англ. В.В. Архипова). См.: Bix V. Radbruch's Formula and Conceptual Analysis // *The American Journal of Jurisprudence*. – 2011. – Vol. 56. – P. 46. Б. Бикс цитирует классическую работу Г. Радбруха «Законное бесправие и надзаконное право» 1946 г., опубликованную в переводе на английский в 2006 году, см.: Radbruch G. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law (1946) // *Oxford Journal of Legal Studies*. – 2006. – Vol. 26. – No. 1. PP. 1 – 11.

¹⁶ При этом из объема семантических пределов права ни в коем случае не исключаются случаи, когда право противоречит морали, хотя они теперь не единственные таковые, и более того – противоречие морали,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

подлежат применению, внезапно не находится рациональных аргументов, столь необходимых юридическому дискурсу. Тем не менее, как отмечал Л. Фуллер в «Анатомии права» с отсылкой к Аристотелю, изучение патологии может дать больше результатов, чем изучение здорового состояния. Патологии в праве не сводятся только к нарушению правил юридической техники, отдельных норм или принципов, либо чего-либо еще привычного и понятного. Есть гораздо более «основательные» патологии, которые распознать очень сложно – настолько близко они порой к нам находятся, а смотрим мы, в основном, вдаль или вглубь. Л. Фуллер, в частности, не без иронии отмечал:

«В попытках раскрыть понимание проблем, с которыми сталкиваются труженики юридического сада, нашего особого внимания должны заслуживать те ситуации, где что-то неправильно, но не радикально и с очевидностью неправильно, а неправильно неявно и неприметно. Никто не сможет многое узнать о проблемах садоводства, если он изучает сад, разрушенный ураганом или полностью истощенный в результате засухи. Однако всегда можно узнать много интересного, если обратить внимание на два растения одного и того же вида, которые растут в слегка отличающихся друг от друга местах, и при этом одно из них тянется вверх, а второе – увядает. Поэтому мы заинтересованы прежде всего не в грубых нарушениях – коррупции, незаконных деспотиях и тиранических поправах права, – а в менее значимых ошибках, которые появляются вопреки разумным добросовестным намерениям из-за невнимательности и отсутствия должной проницательности... Может показаться полезной и другая аналогия – на этот раз из области медицины. Давным-давно Аристотель отметил, что мы можем изучать здоровье человека в тех случаях, когда человек болен. Когда мы здоровы, здоровье кажется нам такой простой и очевидной вещью, что оно не требует никакого изучения. “Только когда человеку плохо, он может осознать сложность устройства своего тела”. При этом наш интерес к правовым заболеваниям имеет

вероятно, является не безусловным, не необходимым и не достаточным признаком выхода за семантические пределы права. С точки зрения методологии, развиваемой в настоящем исследовании, условно говоря, в некоторых случаях будет некорректно сказать «закон не применяется, потому что он противоречит морали». Не каждое нарушение морали будет говорить о выходе за семантические пределы права. Отметим, что слово «мораль» в данном контексте используется в том широком смысле, в котором оно применяется в большинстве дискуссий о соотношении права и морали в философско-правовом дискурсе.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

клинический характер, и он далек от того интереса, который мог бы испытывать патологоанатом. Соответственно, предметом нашего рассмотрения станут более мягкие случаи юридической патологии, а не отсутствующие органы и конечности».¹⁷

В работе мы будем следовать именно этому методологическому подходу, но также будем учитывать, что исследуемые проблемы поиска семантических границ права, в действительности, представляют собой более чем актуальную проблему для современного контекста смещения общей цивилизационной парадигмы, подразумевающей не просто видоизменение средств производства в условиях цифровой экономики, но и изменение общественных отношений как таковых.

Подчеркнем, что отсылки к трудам Л. Фуллера в начале работы не случайны и еще по одной, весьма значимой причине. Формулируемая проблема семантических пределов права может быть рассмотрена как **проблема разумных границ осмысленной [правовой] коммуникации**. Как отмечалось в предшествующих работах, «идея общения (коммуникации) в определенном смысле пронизывает все творчество Л. Фуллера».¹⁸ Ученый отмечал, что «коммуникация – это нечто большее, что способ оставаться в живых. Это способ быть живым».¹⁹ Закономерно еще одна, более развернутая цитата, поясняющая такой подход исследователя, приводится А.В. Поляковым в качестве эпиграфа к статье “*The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought*”,

¹⁷ Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 210.

¹⁸ См. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 63.

¹⁹ Fuller L.L. The Morality of Law. – P. 186.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

опубликованной в книге “*Russian Legal Realism*”: «Я убежден в том, что если бы нас заставили выбрать один принцип, который поддерживает и пронизывает все человеческие устремления, мы найдем его в цели поддержки коммуникации с нашими собратьями... Человек смог выжить до текущего момента благодаря своей способности к коммуникации».²⁰ Представляется, что подход, предлагаемый в настоящей работе, развивается в контексте Санкт-петербургской школы философии права, ориентированной, прежде всего, на коммуникативную методологию. Как отмечает А.В. Поляков, в свете разработки постклассической теории права социальная и юридическая реальность должны рассматриваться как коммуникативная реальность, и при этом:

«...когда субъект наблюдает область социального, он воспринимает все “социальные” феномены как бесконечное и многообразное сочетание стандартов, мнений, эмоций, суждений, временных горизонтов, ассоциаций и т.п. Однако этот широкий круг социальных феноменов всегда субъективно структурирован, т.е. организован определенным образом. Такая организация определяется тремя ключевыми факторами: вид лингвистического единства, посредством которого информация организуется определенным образом и трансформируется в бесконечный текст; отличительные культурные свойства, которые заставляют нас сосредотачиваться на некоторых социальных феноменах, но в то же время игнорировать другие; и индивидуальные когнитивные структуры, необходимые для восприятия как такового. Человек не смог бы быть социальным существом, если бы у него не было возможности структурировать многообразие социальной реальности, окружающей его. У нас должна быть способность упорядочивать информацию, фильтровать ее и подготавливать для возможной коммуникации другому».²¹

²⁰ Polyakov A., *The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – P. 1.* (Здесь и далее пер. с англ. автора настоящего исследования).

²¹ *Ibid.* P. 21.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

И содержание настоящего исследования, в определенном смысле, направлено именно на анализ тех принципов, которые позволяют структурировать социальную реальность для целей правовой коммуникации. В настоящей работе предлагается устранить теоретический пробел, предполагающий отсутствие в достаточной степени разработанных подходов к объяснению того, в каких случаях право может противоречить здравому смыслу, за счет разработки философско-правовой и догматической категории **семантических пределов права**.²² Она позволит обосновать случаи, когда толкование, применение или создание права противоречит здравому смыслу в том значении, в котором данная категория определяет границы нашей социальной реальности в *современных* условиях. Сопутствующая цель исследования заключается в развенчании мифа о том, что абсурд в юриспруденции возникает там и тогда, когда речь идет только о каком-либо одном специфическом контексте – например, моральном или игровом. Как будет показано далее по ходу работы, игровой характер социального взаимодействия сам по себе не обуславливает возможность или невозможность юридической квалификации отношений.

²² В целом, дискуссия о том, что праву (или правовому регулированию), особенно в цифровую эпоху, свойственны некие пределы, развивается достаточно активно и к общей проблеме поиска таких пределов обращаются разные исследователи независимо друг от друга. Параллельно с последними на данный момент публикациями автора настоящего исследования по вопросу о пределах права как таковых (правда, в нашем случае, семантических) вышла емкая статья Н.А. Дмитрика «Пределы правового регулирования в цифровую эпоху». Автор выделяет «четыре группы факторов, выступающих пределами правового регулирования общественных отношений. К ним относятся однородность регулируемых отношений, познаваемость правил, установленных нормой, территориальная ограниченность государства и наличие частной жизни. Поскольку наличие таких пределов не учитывается господствующей в правовой науке позитивистской доктриной, это влечет проблемы как в правотворчестве, так и в правоприменении». См.: Дмитрик Н.А. Пределы правового регулирования в цифровую эпоху // Информационное общество. – 2018. – № 3. – С. 47. Можно сказать, что автор придерживается социолого-правового подхода, указывая, что в основе разумного подхода к развитию правового регулирования с учетом рассматриваемых пределов необходимо исходить из баланса интересов, но такой баланс не должен «насаждаться» императивно – право должно закреплять уже сложившийся в обществе баланс.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Актуальность настоящей работы обусловлена и более прагматичными обстоятельствами, которые стоило бы более подробно раскрыть в начале, если бы только настоящее исследование не представляло собой, прежде всего, работу, относящуюся к предметной области философии права. Но, так или иначе, конкретные вызовы современного информационного общества²³ и цифровой экономики²⁴ в значительной степени также определяют значимость темы, поскольку приводят к необходимости применения права к отношениям, предметом которых является информация. Именно это и отражено в примерах,

²³ Как отмечает А.В. Белов: «Теорий информационного общества достаточно много. Однако, по нашему мнению, они достаточно легко группируются в два основных подхода. Первый включает теории, связанные с концепциями постиндустриализма ... В целом они, как и постиндустриальная доктрина, лежат в русле того направления европейской философии, в котором эволюцию человечества принято рассматривать сквозь призму прогресса знания. Второй подход связан с концептуальными схемами О. Тоффлера, Р. Дарендорфа, Ф. Феррароти, а также скорректированной теорией Д. Белла (первый подход – *В.А.*). Именно в их фундаментальных трудах были сформулированы основные черты общества, которое Э. Тоффлер назвал «третьей волной». Так, Д. Белл основными признаками нового общества считает превращение теоретических знаний в источник инноваций и определяющий фактор политики». См.: Белов А.В. Информационное общество и информационная культура в России: к постановке проблемы // Вестн. Волгогр. гос. Ун-та. Сер. 7, Филос. – 2009. - № 1 (9). – С. 198-199. Отметим, что пдп. «г» п. 4 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 определяет «информационное общество» как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан».

²⁴ Как и в случае с понятием информационного общества, имеется несколько подходов к определению понятия «цифровая экономика». Так, согласно одному из возможных подходов, термин «цифровая экономика» обозначает «тип экономики, характеризующийся активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности; систему социально-экономических и организационно-технических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-телекоммуникационных технологий; сложную организационно-техническую систему в виде совокупности различных элементов (технических, инфраструктурных, организационных, программных, нормативных, законодательных и др.) с распределенным взаимодействием и взаимным использованием экономическими агентами для обмена знаниями в условиях перманентного развития». См.: Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – Т.10. – №3. – С. 12. В Разделе I Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, понятие цифровой экономики соотносится с тем, что данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

связанных со «сбоями» в функционировании механизма действия права применительно к «игровому» и «несерьёзному» информационному контексту. Исследователи при этом отмечают, что в условиях информационной эпохи, действительно, изменяются социальные практики, которые в целом можно охарактеризовать как «игровые».²⁵ Полагаем, такие изменения не обходят стороной и право, что будет продемонстрировано на примере эмпирического материала работы.

Следует отметить, что как в рамках специальной отраслевой теории информационного права, так и в рамках философско-правовых исследований данная проблематика, в том ракурсе, в котором она представлена в работе, несмотря на имеющийся задел в философии права, может рассматриваться как принципиально новая. Основных причин этому усматривается две. Во-первых, с исторической точки зрения, переход к информационному обществу случился совсем недавно, а к современному этапу развития информационного общества, характеризуемому, в том числе, понятием цифровой экономики, – в течение лишь последнего десятилетия. Общество уже сталкивается с вызовами и угрозами информационного перенасыщения, что приводит публичную власть к необходимости создания новых правовых норм, часть предмета регулирования

²⁵ Как, например, отмечает Т.Д. Лопатинская, «игровая деятельность, традиционно рассматриваемая исследователями как важнейший способ адаптации человека к окружающим условиям, в информационную эпоху приобретает новую специфику и функции. Наиболее значительные изменения оказались связаны с процессом виртуализации, одним из проявлений которой является перемещение объектов культуры в виртуальное пространство, созданное с помощью информационных технологий. Однако характер этих изменений, как и сущность самого процесса виртуализации, еще не имеют достаточной степени разработанности в науке. При этом изменения в области технологии и их влияние на игровые практик столь существенны, что анализ этих процессов требует актуализации внимания со стороны современных исследователей». См.: Лопатинская Т.Д. Феномен игры в условиях виртуализации современной культуры / Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», 2013. – С. 3.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

которых составляют отношения по поводу распространения различных видов информации. Во-вторых, со сравнительно-правовой точки зрения, значительный массив юридических исследований, развивавшихся в условиях западной правовой культуры естественным образом отсекал рассматриваемую проблематику в силу конституционно-правовой традиции, предполагающей не только приоритет прав на свободу слова и свободу выражения,²⁶ в том числе творческого, но и преимущественно частно-правовые способы защиты данных прав. Это, в свою очередь, приводит к условиям, при которых, например, вопросы пределов вмешательства государства в свободу художественного творчества в целях обеспечения различных видов национальной безопасности, актуализируются прежде всего в правовых системах, в которых государства активно и прямолинейно отстаивают свой суверенитет в информационном пространстве, к числу которых относится, прежде всего, Российская Федерация²⁷

²⁶ Однако, несмотря на отсутствие (на момент написания настоящей работы) во многих западных юрисдикциях именно прямых законодательных норм, непосредственно предусматривающих публично-правовые ограничения на распространение определенных видов информации в том же смысле как это установлено в России, было бы заблуждением считать, что такой приоритет является абсолютным. Как известно, например, распространение романа В.В. Набокова «Лолита» в середине XX века ограничивалось властями Великобритании и Франции (наряду с Аргентиной, Новой Зеландией и Южной Африкой). См. напр.: *Lolita / The Hunger Games Reaches Another Milestone: Top 10 Censored Books // Time*. Sept. 28, 2008 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <http://entertainment.time.com/2011/01/06/removing-the-n-word-from-huck-finn-top-10-censored-books/slide/lolita/> (accessed: 02.10.2018). При спорной тематике книги следует отметить, что в свете прямых положений российского законодательства она не рассматривается в качестве юридически противоречивой. Другой релевантный случай – это «мягкая цензура», в результате которой, из последних примеров, в школьных библиотеках Графства Аккомак, Вирджиния, США, под запретом оказались книги «Убить пересмешника» Харпера Ли и «Приключения Гекльберри Финна» классика Марка Твена за высказывания, которые были сочтены расистскими. См. напр.: *Allen N. To Kill a Mockingbird and Huckleberry Finn banned from schools in Virginia for racism // The Telegraph*. 5 Dec. 2016. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/05/kill-mockingbird-huckleberry-finn-banned-schools-virginia-racism/> (accessed: 02.10.2018).

²⁷ Примером этому могут послужить как правовые нормы, ориентированные на ограничение распространения отдельных видов информации – например, ст. 15.1 или 15.2 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так и нормы нацеленные на признание подсудности российских судов в спорах с участием иностранных лиц в связи с деятельностью, осуществляемой через сеть Интернет, в частности пп. 2, 10 и 11 ч. 3 ст. 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

и Китайская Народная Республика,²⁸ где на текущем этапе проблематика семантических пределов права в том виде, в котором она реконструируется в рамках настоящего исследования, и проявляется наиболее наглядно.

В рамках общей методологической парадигмы постклассического типа научной рациональности невозможно обойти стороной и интроспективный анализ субъективной значимости темы исследования, поскольку это может пролить свет и на его объективное значение в силу того факта, что автор во многом сам является «продуктом» своей эпохи. Научный интерес автора к предмету настоящего исследования исторически проистекает из научного интереса к частной междисциплинарной (на стыке игровых исследований²⁹ и юриспруденции) проблеме правовых аспектов виртуальных миров и многопользовательских компьютерных игр, в центре которой исторически находилась проблематика *«виртуальной собственности»*. Гипотеза о научной значимости данного исследования возникла, в свою очередь, из интуитивного понимания перспектив компьютерных технологий в раннем возрасте. Тем не менее, субъективный интерес к какой-либо теме не является гарантией ее объективной научной значимости, поэтому данное направление исследований должно было пройти проверку на методологическую прочность. Изучение данной проблематики с точки зрения предмета юридической науки, на первый взгляд, поднимает, прежде всего, частные вопросы гражданского и

²⁸ См. напр.: Jiang M. Authoritarian Informationalism: China's Approach to Internet Sovereignty // SAIS Review of International Affairs. 2010. No. 30(2). PP. 71-89. – Available at Social Science Research Network [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1702128 (accessed: 02.10.2018).

²⁹ Игровые исследования (*game studies*) – область, которая междисциплинарна сама по себе и объединяет, прежде всего предметы культурологии, социологии и философии применительно к играм и, в первую очередь, компьютерным играм (*прим.*).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

информационного права, однако вскоре переходит к более широкой проблеме **соотношения «виртуального» и «реального»** в разрезе гипотетической границы, где не могут действовать «реальные» правовые нормы (в качестве условного примера, который еще не раз встретится на страницах настоящей работы, можно привести запрет «реального» уголовного права на убийство, который, как многим кажется, очевидно не действует применительно к виртуальным отношениям между компьютерными персонажами). Концепции, связанные с объяснением такой гипотетической границы традиционно соотносятся в науке с понятием **«магического круга»** – метафорой из трудов выдающегося нидерландского культуролога Й. Хейзинги, который в своей книге *Homo Ludens* («Человек играющий»)³⁰ в числе первых концептуализировал, во-первых, представления о роли игр в человеческой культуре, а во-вторых провел аналогию между игрой и правом как таковым (ориентируясь, прежде всего, на архаичное право). В процессе анализа литературы, посвященной данному ракурсу рассмотрения проблемы, становится очевидно, что концепция «магического круга», как она была впоследствии развита, подвергается критике, и нередко заслуженной, поскольку в действительности грань между «виртуальным» и «реальным» оказывается достаточно тонка, если она вообще

³⁰ Как отмечал Й. Хейзинга, «формально функция такой отгороженности и ради священной цели, и ради чистой игры совершенно одна и та же. Ипподром, теннисный корт, площадка для игры в “классики”, шахматная доска функционально не отличаются от таких вещей, как храм или магический круг», и даже применительно к праву: «Всякое место, где свершается правосудие, – это подлинное *теменос*, освященное место, отрезанное, отгороженное от обычного мира. Таким образом, сначала *выделяют* место для суда, а затем *созывают* суд. Это поистине магический круг, игровое пространство, внутри которого привычное деление людей по их рангу временно прекращается. На время они делаются неприкосновенными». См.: Хейзинга Й. *Homo Ludens*; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997 – 416 с. Нельзя не отметить, что в терминологии Й. Хейзинги «магический круг» выступает в качестве инструмента обеспечения формального равенства.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

есть. При этом, однако, возникает и другой закономерный вывод. Концепция «магического круга» может быть интерпретирована иначе, более широко, и объединять комплекс отношений, связанных не только с играми, но и с другими феноменами и практиками *современной информационной культуры*, или же ранее известными феноменами и практиками, которые в рамках современной информационной культуры переосмысливаются. К числу таких феноменов и практик, заметных при восхождении на более высокий уровень теоретических обобщений, относится широкий круг явлений, связанных с понятиями «игры», «несерьёзного» и «вымышленного» (в произвольных комбинациях) – это и художественное творчество, и народный фольклор, основанный на различных видах юмора и сатиры, и иные подобные социальные практики. С высоты данного обобщения в современных условиях становится понятно, что такая постановка задачи неожиданно вскрывает *sui generis* проблему, относящуюся к области философии права и юридической догматики. В чем она заключается? В рамках современной информационной культуры возникают, при первом приближении, принципиально новые правовые конфликты. Причина их возникновения, в том числе, связана с тем, что *государство начинает отстаивать суверенитет в информационном пространстве*, и как следствие нормы права рассматриваются публичной властью как распространяющиеся и на чисто информационные отношения. В ряде случаев, это приводит к ситуациям, которые интуитивно кажутся «странными» – например, к блокировке интернет-сайтов, содержащих рецепты динамита в компьютерных играх, на основаниях установленных запретов и ограничений на распространение информации в связи с целью противодействия терроризму. При более детальном анализе становится

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

понятно, что уже сейчас российское (и не только) законодательство содержит множество норм, в отношении которых можно ставить вопрос о пределах их применения с точки зрения *здравого смысла, поскольку иное применение и толкование будет абсурдным*.³¹ Данная постановка проблемы определённо выводит рассматриваемую проблематику за пределы частных и отраслевых проблем, поскольку подразумевает недвусмысленную параллель с давно известными истории правовых и политических учений примерами абсурда в праве (от диалога пирата и Александра Македонского³² до упомянутых ранее примеров Л. Фуллера). Острота проблемы сейчас, тем не менее, обусловлена тем, что аналогичные ситуации перестают составлять лишь область умозрительных моделей философско-правовых исследований или историко-философских анекдотов. Как раз в контексте современной информационной культуры актуализируются практические проблемы обоснования *семантических пределов права* как концептуализации рассматриваемого дискурса. При этом предлагаемый подход, как представляется, актуален не только на текущем этапе развития информационного общества. Например, он обладает существенным прогностическим потенциалом, поскольку создает прямую методологическую базу для анализа проблем *виртуальной и дополненной реальности*, при этом не

³¹ Подчеркнем, что при более детальном рассмотрении ограничение распространения информации о способах изготовления динамита в компьютерных играх, в действительности, не может казаться странным лишь потому, что речь идет о компьютерных играх. Дело в другом, а именно в том, насколько предмет отношений, складывающихся в связи с такими играми, в действительности, отвечает реальным признакам динамита, и насколько это социально значимое явление. В исследовании не оспаривается общий тезис о том, что отдельные виды информации могут представлять собой опасность в случае неконтролируемого распространения.

³² Имеется в виду популярный исторический анекдот о диалоге Александра Македонского и пирата, отметившего, что право хозяйничать на море пират получил от того же, от кого Александр получил право хозяйничать на суше, а разница (в интерпретации пирата) только в том, что пират это делает на своем единственном судне, тогда как Александр – с помощью огромной армии.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

теряя связи с традицией философско-правовой мысли. Существенная связь данного подхода прослеживается в отношении *доктрины абсурдности* в толковании права, и в предлагаемом ракурсе также становится очевидно, что содержательные аспекты данной доктрины наталкиваются на «стену очевидности» – в теории права и толкования права в целом отсутствует состоятельная и полноценная теория, объясняющая то, почему конкретно применение права в определенных случаях бывает абсурдным. Здесь, и, возможно, неожиданно усматривается соотношение с классическим дискурсом философии права о *соотношении права и морали*, поскольку именно противоречие морали нередко используется как универсальное объяснение абсурдности толкования или применения права. Как показывает исследование, это не так. Противоречие морали не является ни необходимым, ни достаточным условием для того, чтобы считать применение или толкование права абсурдным, даже в случае с «Формулой Радбруха». В связи с этим появляется идея рассматривать отдельные семантические пределы права как, образно (или не образно) говоря, *правила языковой игры права* в терминологии Л. Витгенштейна. Невозможно при этом игнорировать и *математическую теорию игр*, в свете которой рождается глубокая и масштабируемая *метафора* права как языковой игры с нулевой суммой. Таким образом, концепция семантических пределов права, которая изначально была намечена, отталкиваясь от необходимости определения критериев абсурдности правоприменения применительно к модели игровых отношений в узком и техническом смысле слова – может ли право вмешиваться в отношения в многопользовательских компьютерных играх – находит диалектическое применение в контексте

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

проблематики *игровой аналогии* в философии права. В процессе исследования становится понятно, что игровая аналогия представляет собой достаточно интересное, но крайне слабо разработанное направление, которое явно нуждается в переосмыслении в рамках современной информационной культуры, поскольку сейчас в культуре мы наблюдаем своего рода «игровой поворот». Любопытно, что «игровая аналогия» в праве прослеживается в трудах таких ученых как, например, Г. Харт³³ и А. Росса.³⁴ Небольшое количество специальных исследований по данной теме (например, М. Мидгли³⁵ и Б. Джексон³⁶) содержит интересные наблюдения, в целом развивающиеся в рамках общих подходов «магического круга», только в большей степени ориентированных на юриспруденцию как таковую, а не на игры. Однако подчеркнем, что взгляды мыслителей XX века могли бы, как минимум, существенно дополниться, но скорее – измениться в принципе, если бы они застали современные

³³ Г. Харт основывал свою интерпретацию аналогии на идее о том, что правовая система представляет собой набор определенных правил, которые можно сравнить с правилами игры в сквош и теннис. При этом и в одном, и в другом случае есть «центральное значение» правил и случаи, в которых они по-разному применяются в конкретных ситуациях. Удачное обобщение игровой аналогии в трудах Г. Харта представлено, например, у Дж. В. ван Дорена, см.: Van Doren J.W. Theories of Professors H.L.A. Hart and Ronald Dworkin – A Critique // *Cleveland State Law Review*. – 1980. – Vol. 279. – PP. 279 – 309. Интересно, что бы сказал Г. Харт, если бы внимательно изучил современные игры?

³⁴ В основе аналогии А. Росса лежала игра в шахматы. «Понимание» игры подразумевает не причинно-следственную связь, а взаимную определенность событий посредством правил игры, при этом в рамках одной игры интерпретация правил и событий должна быть одинакова, иначе не будет игры как таковой. См.: Ross A. On Law and Justice. – Clark, New Jersey: 2007. – PP. 12–15. Тот же вопрос, что и Г. Харту, мы можем адресовать и А. Россу.

³⁵ М. Мидгли развивает анализ проблемы серьезности игры как таковой, по сути, отмечая, что было бы наивно полагать все случаи игр несерьезным занятием – на примере спортивных игр у многих, не только профессиональных спортсменов, но и болельщиков, игры занимают очень серьезное место в жизни, и это можно считать социологическим фактом. См.: Midgley M. The Game Game // *Philosophy*. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: <https://www.jstor.org/stable/3750115> (accessed: 26 July 2018).

³⁶ Б. Джексон – автор одной из наиболее последовательных и глубоких публикаций, в которых анализируется аналогия права и игры в контексте современного типа научной рациональности и структуралистского подхода. См.: Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // *Droit et société*. – 1991. – No. 17–18. – PP. 99–123. – doi: <https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105>.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

компьютерные игры, представляющие собой намного более методологически богатое явление, нежели чем игры, известные на тот момент.

Но, возвращаясь к последовательному изложению внутренней логики исследования, отметим, что на основе представленных ранее ключевых методологических подходов формируется концепция семантических пределов права, представляющая собой совокупность теоретических положений, нацеленных на решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое и культурное значение. Политическое – поскольку, как будет продемонстрировано в работе, правовая политика в области свободы информации имеет серьезное значение в современных условиях. Социально-экономическое – в прикладном правовом аспекте. Культурное – поскольку подход к семантическим пределам права во многом определяет свободу художественного творчества и создания иных культурных артефактов. Как будет далее показано в настоящей работе семантические пределы права наилучшим образом объясняются посредством двух ключевых концепций: ***обобщенных символических посредников***, идея о которых развивается в теоретической социологии, начиная с трудов Т. Парсонса,³⁷ и ***изоморфной интерпретации***

³⁷ Говоря современным языком, обобщенный (генерализованный) символический посредник – это «токен» какой-либо социальной (т.е. общезначимой) ценности, соответствующих одной из подсистем социальной системы. Например, деньги – это обобщенный символический посредник материальных ресурсов, соответствующий экономической подсистеме, а власть – легитимной монополии на физическое насилие, соответствующий политической подсистеме. См. напр.: Johnson H.M. The Generalized Symbolic Media in Parsons' Theory // *Sociology & Social Research*. – 1973. – PP. 208–221; Chernilo D. The Theorization of Social Co-Ordinations in Differentiated Societies: The Theory of Generalized Symbolic Media in Parsons, Luhmann and Habermas // *British Journal of Sociology*. – 2002. – Vol. 53. – Issue 3. – PP. 431–449; Turner T.S. Parsons' Concept of "Generalized Media of Social Interaction" and its Relevance for Social Anthropology // *Sociological Inquiry*. – 1968. – Vol. 38. – Issue 2. – PP. 121–134. Наиболее актуальный современный подход в отношении обобщенных символических посредников отражен в трудах С. Абрютин, см. напр.: Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // *Czech Sociological Review*. – 2015. – Vol. 51. – No. 3. – PP. 445–471.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

корреспондентной теории истины,³⁸ применяемой к структуре и функциям предмета общественных отношений и переосмысленной в контексте постнеклассического типа научной рациональности применительно к праву, как феномену, онтология которого сама по себе формируется в социально-конструкционистском ключе. В итоге, результаты исследования позволяют как дополнить философско-правовые представления о природе права, так и определить методологию юридической аргументации в прикладных ситуациях, требующих юридически-значимого объяснения абсурдности или разумности применения, или же толкования отдельных правовых норм в пограничных ситуациях.

Степень разработанности темы. Настоящая диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решена научная проблема реконструкции семантических пределов права, имеющая важное политическое, социально-экономическое и культурное значение. Это потребовало, в первую очередь, осуществить постановку данной проблемы, поскольку в том ракурсе, в котором она с учетом эмпирического материала выделяется в рамках настоящего исследования, данная проблема ранее не подвергалась и не могла быть подвергнута обобщению. Ближе всего к постановке проблемы ранее подошел Л.Л. Фуллер, обозначивший в «Анатомии права» зависимость права от

³⁸ Корреспондентная теория истины, пожалуй, наиболее известна из всех возможных теорий истины. Она предполагает «соответствие» высказывания факту. Изоморфизм при этом предполагает не просто соответствие, а структурную адекватность реальности. См. напр.: Marian D. The Correspondence Theory of Truth [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – [Site]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence/#6> (accessed: 03.10.2018). Критика такой теории истины, основанная на представлении о фрагментарности и разобщенности реальности, в постклассическом типе научной рациональности не затрагивает юриспруденцию, поскольку право, как раз, представляет собой «сконструированную» особым образом модель реальности – в этом и заключается его предназначение в социальной жизни, подразумевающее как бы договоренность об условностях и правилах игры.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«общеразделяемых положений», противоречие которым приводит к абсурдности той или иной правовой позиции. В то же время, данная идея не нашла принципиального развития и явного отражения в последующем творчестве ученого и его последователей. Кроме того, следует подчеркнуть, что уникальность опыта концептуализации проблемы семантических пределов права в настоящей работе также объясняется актуальностью проблемы именно для современного информационного общества, для которого характерен новый и малоисследованный контекст современной информационной культуры, соответствующий условиям медиального поворота – данные обстоятельства объективно не были и не могли быть известны авторам, изучавшим проблемы философии права в XX веке и ранее.

При этом подход, предлагаемый в настоящем исследовании, соотносится, как минимум, с тремя основными *предметными областями* теории и философии права (естественная методологическая связь настоящего исследования с коммуникативным подходом к праву была отмечена ранее), каждое из которых в отдельности находило отражение в работах широкого круга авторов. *Во-первых*, концепция семантических пределов права соотносится с представлением о том, что право (закон) нацелено или должно быть нацелено на регулирование не любых, а «наиболее важных»³⁹ общественных отношений. Данное наблюдение может считаться «обманчивым общим местом» теории права, и в том или ином виде оно отражено в работах, выступлениях и иных материалах многих отечественных и зарубежных авторов работ – от учебников до монографий, – в

³⁹ См. напр.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. – С. 305.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

которых затрагивается проблематика источников права (С.С. Алексеев, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, М.Н. Марченко, В.С. Нерсисянц, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина и др.). В то же время, критерии, позволяющие с разумной степенью точности и достоверности определить, какие общественные отношения являются «важными», а какие – нет, нельзя считать разработанными хотя бы в минимально удовлетворительной степени. *Во-вторых*, концепция семантических пределов права соотносится с дискурсом о соотношении права и морали, в том числе в разрезе дискуссии между позитивистами и юснатуралистами XX века. Представление о пределах права (в англ. – “*the limits of law*”), как правило, рассматривалось через призму *моральных* пределов права. Так, например, Дж. Стентон-Айф, систематизируя представления о пределах права, анализирует преимущественно тех зарубежные авторы, которые прямо или косвенно занимались проблематикой соотношения права и морали (Р. Дворкин, Д. Льюис, Н. МакКормик, Дж. Раз, Дж. Ролз, Дж. Фейнберг, Дж. Финнис, Л. Фуллер, Г. Харт, Дж. Хэмптон и др.),⁴⁰ и именно к моральному дискурсу сводит саму постановку вопроса.⁴¹ Одна из составляющих научной новизны настоящего исследования как раз и заключается в обосновании «области абсурда», исключающей не только применение права, но и взвешивание (балансировку)⁴²

⁴⁰ См.: Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/> (accessed: 17.10.2018).

⁴¹ В частности, автор цитирует Лорда Девлина, который сказал: «Я, таким образом, полагаю, что теоретические пределы власти Государства законодательствовать против аморальности установить нельзя. Нельзя установить заранее исключения общему правилу или определить неизменные области морали, в которые праву никогда будет не позволено войти». См. напр.: Devlin P. The Enforcement of Morals. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p.

⁴² Здесь и далее, упоминая «взвешивание» или «балансировку» мы будем подразумевать отсылку к концепциям, характерным для конституционного права и судебной аргументации. См. напр.: Белов С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность //

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

ценностей, имеющих моральную природу. *В-третьих*, ключевая область применения концепции семантических пределов права – толкование правовых текстов. Доктрина юридического толкования находится в двояком положении. С одной стороны, можно найти примеры обращения к проблематике толкования права в широком круге источников – от работ указанных выше отечественных авторов по общим проблемам теории права до философских и социологических трудов, в которых с необходимостью затрагиваются и предпосылки толкования права. Из последних следует, прежде всего, отметить авторов, исследования которых относятся к предметной области аналитической и лингвистической философии (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Дж. Мур, М. Шлик и др.), герменевтики и феноменологии (В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, Э. Гуссерль и др.), социального конструкционизма в теоретической социологии (П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Остин и др.). С другой стороны, специальных исследований в области теоретических основ методологии именно толкования права, как ни странно, достаточно мало. Неизбежно затрагивали в своих работах данную проблематику указанные ранее зарубежные авторы, занимавшиеся проблематикой соотношения права и морали (характерным примером дискуссии в данной области является, конечно, спор Л. Фуллера и Г. Харта). Из наиболее релевантных рассматриваемой проблематике специальных работ зарубежных и, прежде всего, англо-американских авторов следует отметить труды,

Петербургский юрист. – 2016. - № 1. – С. 63–75; Тимошина Е.В. Проблема юстициальности прав человека в ситуациях их конкуренции и принцип пропорциональности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. - № 4. – С. 464–485; Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 14. – Вып. 3. – 2015. – С. 4–34. Какая-либо особая разработка таких процедур сама по себе не входит в предмет настоящей работы.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

посвященные анализу отдельных *практических* принципов толкования – «правила общеупотребительного значения» (англ. “*plain meaning rule*”),⁴³ «правила вреда» (англ. “*mischief rule*”)⁴⁴ и «золотого правила» (англ. “*golden rule*”),⁴⁵ – а также наиболее актуальных тенденций судебного толкования, выраженных в терминах «текстуализм» (англ. “*textualism*”)⁴⁶ и «доктрина абсурдности» (англ. “*absurdity doctrine*”).⁴⁷ Речь идет о работах таких авторов как В. Догерти, Ф. Истербрук, Дж. Мэннинг, А. Скалиа, Л. Солум, К. Уиттингтон и др. С учетом специфики англо-американского права, часть подходов в этой области нашла также отражение в различных прецедентных судебных решениях, среди которых можно отметить, например, *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* (США),⁴⁸ *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98*⁴⁹

⁴³ «Правило общеупотребительного значения» можно рассматривать как аналог принципа применения буквального толкования по объему, если иное не требуется исходя из ситуации, в рамках российской правовой доктрины.

⁴⁴ В основе «правила вреда» лежит принцип, согласно которому при толковании статута суд должен определить, на устранение или предотвращение какого вреда была направлена созданная Парламентом норма, чтобы опираться на это представление при правоприменении. Аналог телеологического толкования.

⁴⁵ «Золотое правило» по своей сути наиболее близко к проблематике настоящего исследования, поскольку его суть – избегать буквального толкования в тех случаях, когда такое толкование приведет к откровенному абсурду или к противоречию общественному порядку.

⁴⁶ Концепция текстуализма, в таком виде более характерная для США, чем для Великобритании (в отличие от вышеуказанных принципов) предполагает, что при толковании статута необходимо руководствоваться его текстом и исключить из объема рассмотрения иные возможные источники информации о правовой норме (намерение законодателя, проблему, на решение которой нацелен закон, абстрактные представления о справедливости и т.п.).

⁴⁷ Доктрина абсурдности, напротив, постулирует необходимость применения здравого смысла в противовес буквальному толкованию в тех случаях, когда буквальное толкование приведет к абсурдным результатам. Отметим, что несмотря на развитость самой доктрины абсурдности, представления о том, что именно следует считать абсурдным, в современной юридической науке далеки от системности и эксплицитной обоснованности.

⁴⁸ *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* [Electronic resource] // FindLaw. – [Site]. – URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/264/443.html> (accessed: 18.10.2018).

⁴⁹ *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98* [Electronic resource] // E-Lawresources.co.uk. – [Site]. – URL: <http://www.e-lawresources.co.uk/Re-Sigsworth.php> (accessed: 18.10.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

(Великобритания).⁵⁰ Однако в указанных источниках развитие представлений о здравом смысле и абсурде в толковании права достаточно ситуативно и обусловлено конкретными практическими задачами, что еще не означает разрешение общей научной проблемы. В российской доктрине толкования права также крайне мало работ, посвященных теоретическому обоснованию не только каких-либо семантических границ в толковании права, но и способов толкования как таковых.⁵¹ Пожалуй, в наибольшей степени близки к такому методологическому направлению классический труд Е.В. Васьковского «Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов» (1901),⁵² а также современные работы А.Г. Карапетова, А.Ф. Черданцева и Е.В. Тимошиной.

Методология настоящего исследования также включает в себя рассмотрение проблематики игровой деятельности через призму социально-гуманитарных наук. С одной стороны, данное направление связано с проблемной соотношения «виртуального» и «реального», с другой – с диалектической связью основной проблемы, изучаемой в рамках предметной области диссертации, с игровой аналогией в праве. Первое системное исследование игр как явления культуры представлено в книге нидерландского историка и культуролога

⁵⁰ Отметим, что примеров из практики судов Великобритании и США, в действительности, намного больше, однако раскрытие теоретических оснований методологии толкования права применительно к вопросам абсурда и здравого смысла закономерно нельзя считать достаточным.

⁵¹ Весьма характерно, например, что в статье «Толкование права в контексте различных типов правопонимания» А.В. Корнев в большей степени ориентируется на классиков отечественной правовой мысли, труды которых посвящены главным образом общим проблемам юридической науки и лишь частично затрагивают собственно проблемы толкования права (Б.А. Кистяковский, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич и др.). См.: Корнеев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 29 – 43.

⁵² См. напр.: Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. – 508 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Й. Хёйзинги “*Homo Ludens*” («Человек играющий»). С его трудами традиционно соотносят интерпретацию соотношения «виртуального» и «реального» через метафору «магического круга». Однако, как отмечают критики такого подхода (например, Э. Циммерман или М. Консалво), хотя у Й. Хёйзинги данная метафора используется не один раз, но при этом проработанной считаться не может.⁵³ Другое и вполне естественное ограничение фундаментального труда Й. Хёйзинги отражено М. Консалво и полностью соответствует одному из ключевых положений настоящего исследования:

«Когда Хёйзинга (1950) писал о магическом круге, наше чувство пространства и места радикально отличалось от сегодняшнего. При постулировании места, «оторванного» от повседневной жизни, такое место может быть достаточно легко представлено в географическом смысле – как в случае с игровой площадкой, рингом для бокса или игрой в классики».⁵⁴

Тем не менее, развернувшаяся с началом развития игровых исследований (англ. “*game studies*”) дискуссия вокруг магического круга в целом (Р. Баргл, Э. Кастронова, М. Консалво, Я. Стенрос, Э. Циммерман и др.) и применительно к праву в частности (Б. Дюранске, Г. Ластовка, Ш. Кейн, Дж. Фэйрфилд, Д. Хантер и др.) может рассматриваться как существенный научный задел в области определения разумных границ применения права к некоему условному пространству общественных отношений, связанных с потенциально «виртуальным» и «несерьезным» контекстом. В трудах предшественников при

⁵³ См.: Zimmerman E. Jerked Around by the Magic Circle – Clearing the Air Ten Years Later [Electronic resource] // Gamasutra. – [Site]. – URL: https://www.gamasutra.com/view/feature/135063/jerked_around_by_the_magic_circle_.php (accessed: 18.10.2018).

⁵⁴ Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408 – 417. – URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575> (accessed: 02.07.2018). – P. 410.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

этом не усматривается идея оценки предмета правовых или в целом общественных отношений для целей различения «виртуального» и «реального» (а равно «серьёзного» и «несерьёзного»). При этом в процессе рассмотрения проблем в точке пересечения права и игровой деятельности с необходимостью обнаруживает себя диалектическая связь данного дискурса с представлением об аналогии права и игры, которая полностью или частично следует из трудов отдельных философов (Л. Витгенштейн, М. Мидгли и др.), и не игнорировалась юристами (Б. Джексон, А. Росс, Дж. Финнис, Г. Харт и др.) – данный ракурс рассмотрения проблематики также находит отражение и развитие в настоящем исследовании.

Несмотря на то, что проблема соотношения «виртуального» и «реального» прослеживалась в истории философии уже достаточно давно, следует согласиться с тем суждением, что современные технологии виртуальной реальности (понимаемой в узком смысле слова) существенным образом изменяют социальную реальность – речь идет и об изменениях концептуальных подходов к правовому регулированию общественных отношений под влиянием информационно-телекоммуникационных технологий (Е.А. Войниканис, Г.А. Гаджиев, В.Б. Наумов, А.И. Савельев, С.В. Сарбаш и др.), и об изменении информационной культуры в целом (О.Ю. Волков, Ю.К. Волков, А.А. Лисенкова, В.В. Савчук, О.В. Сергеева и др.). Представления об общей цифровой культурной трансформации, рассмотренные через призму юридических импликаций художественных и игровых практик, формируют обоснование теоретически и практической значимости исследования, а также определяют аргументацию того положения, что **в том виде, в котором данная**

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

проблема может быть поставлена и разрешена сейчас, она не могла быть поставлена и разрешена ранее.

Наконец, в основе методологии разработки решения проблемы семантических пределов права лежат две дисциплинарные области – теоретическая социология (в разрезе проблематики обобщенных символических посредников и социального капитала в широком смысле слова) и теория познания (в разрезе изоморфной интерпретации корреспондентной истины применительно к структурно-функциональным особенностям предмета правоотношений). В первом случае предпосылками теоретического осмысления семантических пределов права выступают преимущественно труды авторов, относящихся к направлению социального конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Остин), а предпосылками реконструкции самой проблемы – труды авторов, развивавших теорию социального действия (Т. Парсонс, его последователи и интерпретаторы, в первую очередь Х. Тревиньо). Для объяснения одного из критериев семантических пределов права в работе развивается концепция «обобщенного символического посредника» (Т. Парсонс, Н. Луман, Ю. Хабермас, С. Абрютин), не нашедшая ранее подобного применения.⁵⁵ Во втором случае изоморфная интерпретация корреспондентной истины, разумеется, сама по себе относится к числу довольно глубоко исследованных областей логики и теории познания (Дж. Остин, Р. Киркхэм, Г. Питчер, Дж. Фодор и др.), однако в настоящем исследовании обосновывается новый подход – применение такой концепции в условиях постклассической

⁵⁵ В ходе личной научной дискуссии автора с Д-ром Хавьером Тревиньо, одним из наиболее значимых исследователей творческого наследия Т. Парсонса, Х. Тревиньо подчеркнул научную новизну такого подхода (переписка от сентября 2018 года из личного архива автора).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

научной рациональности в области установления соответствия между двумя значениями юридических высказываний, возможность которого обосновывается через представление об относительно закрытой и конвенциональной онтологии права как продукта социального конструирования реальности.

Объектом исследования являются случаи толкования и (или) применения права, а также правотворчества, соответствующие современным условиям медиального поворота и относящиеся к общественным отношениям, в которых усматривается философски-осмысленный элемент симуляции (виртуальности), по итогам которого либо толкование соответствующего правового текста, либо результат самого применения права интуитивно воспринимается как абсурдный, противоречащий здравому смыслу. **Предмет исследования** – качественные характеристики процесса толкования и применения права, а также правотворчества в рассматриваемых случаях, которые могут определять такие характеристики как абсурдность и противоречие здравому смыслу с точки зрения философии права.

Выбор объекта и предмета исследования обусловлен применением сперва индуктивного, а затем – гипотетико-дедуктивного метода научного познания. Индуктивный метод предполагает отбор изначального нормативного и эмпирического материала, тогда как гипотетико-дедуктивный – формирование гипотезы о семантических пределах права с последующим ее обоснованием. Поскольку такое обоснование основано на широком круге концепций, относящихся к философии права, теоретической социологии и логике, постольку тексты, в которых выражены данные концепции также, в определенном смысле, составляют объект исследования, в то время как к предмету исследования

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

относятся такие идеи данных текстов, которые связаны с представлениями о границах разумного в праве, абсурде, здравом смысле, игре.

Целью исследования является обоснование и разработка научной концепции семантических пределов права в контексте современной информационной культуры и актуальных задач адаптации правовой системы общества к условиям, характерным для информационного общества и цифровой экономики, медиального поворота.

Цель исследования определяется представлением о концепции семантических пределов права как относящейся к области (1) толкования права – поскольку она определяет общие семантические границы данного процесса; (2) применения права – поскольку она позволяет выявить случаи абсурдного либо противоречащего здравому смыслу, а значит – несправедливого правоприменения; (3) правотворчества – поскольку она лежит в основе представления о границах правовых норм и, как следствие, может использоваться при моделировании нормативных предписаний; (4) онтологии права – поскольку, семантические пределы права могут рассматриваться как новое измерение для действия правовых норм, наряду с территориальными или субъектными границами; (5) проблематике развития права в условиях цифровой экономики и медиального поворота в целом – поскольку, отвечая на ключевые вопросы семантики права, она может использоваться в разработке инструментов алгоритмизации права, построения экспертных систем и искусственного интеллекта в юридической области.

Задачи исследования определяются целью исследования и включают:

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

— постановку, описание и обоснование исходной гипотезы о проблеме определения семантических пределов права в актуальных социокультурных и экономических условиях;

— выявление и описание ключевых признаков современной информационной культуры как контекста, определяющего актуальность проблемы семантических пределов права;

— выбор и описание репрезентативного нормативного и эмпирического материала, позволяющего обосновать актуальность и содержание проблемы семантических пределов права;

— научно-методологическую квалификацию содержания проблематики семантических пределов права в междисциплинарном дискурсе социально-гуманитарных наук;

— изучение концепций игровой деятельности в социально-гуманитарных науках как области, в которой впервые в явной форме был поставлен вопрос о границах между «серьезным» и «несерьезным»;

— анализ и интерпретацию аналогии права и игры в истории философии права, находящейся в диалектической связи с проблематикой игровой деятельности в социально-гуманитарных науках;

— выбор и обоснование философско-правовых концепций, позволяющих осуществить проблемно-теоретическую реконструкцию семантических пределов права;

— анализ и критическое переосмысление существующих подходов к проблемам определения принципов синтаксиса и семантики в юриспруденции и деонтической логике;

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

— разработку методологии и формирование конкретных критериев определения семантических пределов права с опорой на междисциплинарный дискурс, ориентированный на теоретическую социологию и логику;

— осуществление мысленного экспериментирования (теоретического моделирования) с выработанными критериями семантических пределов права с целью верификации полученных научных результатов;

— восхождение от абстрактного к конкретному и реконструкцию полноценной масштабируемой концепции семантических пределов права для применения в толковании права и правотворчестве.

Методологические основы исследования. В диссертации применяются следующие основные методы: формально-юридический (догматический), интерпретации и проблемно-теоретической реконструкции, теоретического моделирования, сравнительно-правовой, интроспекции.

Формально-юридический (догматический) метод, являющийся специальным методом юридической науки, предполагает использование двух составляющих – дедуктивно-аксиоматического и гипотетико-дедуктивного способов рассуждения, применение которых в тексте исследования отражено в явной форме или подразумевается. Дедуктивно-аксиоматический способ рассуждения предполагает анализ нормативной источниковой базы диссертации с условным принятием в качестве аксиом положений действующего позитивного права и последовательным применением приемов толкования права. Гипотетико-дедуктивный способ рассуждения во всем аналогичен дедуктивно-аксиоматическому, за исключением того, что в первом используется постановка гипотезы о возможном конечном результате юридического толкования, которая

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

затем подтверждается или опровергается. Формально-юридический метод в целом позволяет ответить на два основных вопроса: во-первых, каково позитивно-правовое регулирование определенных общественных отношений на данный момент времени; во-вторых, в каких случаях отсутствует формальная определенность правовых норм. Для целей настоящего исследования, ориентированного на концептуализацию и разрешение фундаментальной проблемы определения семантических пределов права, формально-юридический метод имеет инструментальное значение, поскольку главная задача его применения – продемонстрировать границы этого метода на конкретных эмпирических примерах и соотнести их с представлением о семантических пределах права.

Сравнительно-правовой метод, также являющийся специальным методом юридической науки и развивавшийся в отечественной и зарубежной доктрине сравнительного правоведения, в том числе, в работах И.Ю. Козлихина, предполагает сопоставление юридических феноменов одного порядка, относящихся к различным правовым системам, в целях выявления сходства и различия между ними. Использование сравнительно-правового метода в настоящей работе обусловлено гипотезой о том, что проблема семантических пределов права должна рассматриваться как универсальная для всех правовых систем.

Метод интерпретации, частью которого является *метод проблемно-теоретической реконструкции*, может рассматриваться как основной метод, применяемый в целях исследования истории правовых идей. Данный метод, обоснованный Д.И. Луковской, развитый А.В. Поляковым и нашедший

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

отражение и творческое переосмысление в исследованиях Е.В. Тимошиной, предполагает создание оригинальных интерпретационных концепций в процессе предпосылочной и контекстуальной интерпретации текста как первичной реальности гуманитарных наук.⁵⁶ В рамках настоящего исследования он используется преимущественно для интерпретации и реконструкции не общих, а частных концепций, развиваемых отечественными и зарубежными мыслителями и релевантных основной проблеме, на разрешение которой нацелена данная работа.

Метод теоретического моделирования в интерпретации, применимой к юридической науке, предполагает, с одной стороны, создание абстрактных моделей общественных отношений, а с другой – моделей возможных норм позитивного права, с последующим применением последних к первым в целях создания общей модели правоприменения. В контексте целей и задач настоящего исследования метод теоретического моделирования необходим для выявления различных примеров семантических пределов права и демонстрации методологического потенциала концепции, развиваемой в диссертационной

⁵⁶ Как отмечает Е.В. Тимошина, «сущность данного метода раскрывается в следующих основных положениях: 1) текст – первичная реальность гуманитарных наук, обладающая по отношению к познающему субъекту определенной онтологичностью; 2) процесс интерпретации имеет предпосылочный и контекстуальный характер, который определяет выбор исследовательской гипотезы и отбор текстуальных «фактов»; 3) возможность «диалога» с автором интерпретируемого текста связана с соблюдением в процессе интерпретации определенных этических принципов; 4) знание рассматривается как имеющее личностный и социокультурный характер; 5) интерпретация представляет собой коммуникативный процесс – выявление актуального intersubъективного смысла правовых идей прошлого происходит в «пространстве» современного научного диалога, опосредуемого текстами мыслителей прошлого; 6) результат исследования выражается в создании оригинальной интерпретационной концепции (теоретической модели) правового учения, актуализация которого вносит вклад в современную теорию права; 7) многообразие интерпретационных концепций является «нормальным» научным явлением. См.: Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в русской философии права (начало XX в.). – Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 11.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

работе. В частности, применение метода теоретического моделирования раскрывается на примере применения концепции семантических пределов права в правотворческой деятельности.

Метод интроспекции, изначально разработанный в психологической науке, предполагает наблюдение и описание собственных ценностных установок исследователя и обусловлен представлением о том, что в условиях постклассического типа научной рациональности личность исследователя, его опыт и парадигмальные особенности мышления объективно не могут не влиять на направленность научных выводов в социально-гуманитарном научном исследовании. При этом, однако, не исключается рациональное описание таких ценностных установок, что может выступать в качестве необходимого условия интерпретации данного научного текста.

Метод включенного наблюдения используется в работе применительно к изучению феноменов современной информационной культуры (в первую очередь, социальных сетей и многопользовательских компьютерных игр), составляющих часть эмпирической базы исследования. Эксплицитное упоминание метода включенного наблюдения нацелено на демонстрацию опыта автора как участника соответствующих социальных практик и, соответственно, пользователя известных продуктов цифровой экономики.⁵⁷

⁵⁷ В частности, автор участвовал в отдельных многопользовательских игровых и киберспортивных проектах с 2005 года по настоящее время (среди которых, в хронологическом порядке, *Ultima Online*, *Second Life*, *Achaea: Dreams of the Divine Lands*, *Discworld*, *Aardwolf*, *World of Warcraft*, *Rift*, *Everquest II*, *Star Wars: the Old Republic*, *Magic: the Gathering Online*, *Аллоды Онлайн*, *Skyforge*, *Perfect World*, *Dota 2*, *League of Legends* и некоторые другие). Также автор является опытным пользователем и – временами – заядлым читателем социальных медиа (*ВКонтакте*, *Facebook*, *Twitter*, *LinkedIn*, *Livejournal*, *Blogspot*, *WordPress*) с 2005 года. Хотя конкретно в период, соответствующий написанию данной работы, – данный комментарий, наверное, сопоставим с тем, чтобы заявить, что «автор является опытным читателем книг» или даже «автор является опытным участником процесса коммуникации» (хотя и то, и другое, конечно, – не лишнее), позволим предположить, что

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Отдельно следует отметить, что настоящее исследование также во многом отражает опыт переосмысления правовой проблематики в контексте «лингвистического поворота» в научной рациональности в целом и, как следствие, в явной или неявной форме использует методологический потенциал отдельных учений, развивавшихся в рамках философии языка, применительно к проблемам философии и теории права. При анализе проблем абсурда и здравого смысла в контексте настоящего исследования применяется аналитический метод, характерный для аналитической философии («поздний» Л. Витгенштейн и др.) и аналитической юриспруденции (Г. Харт и др.) и предполагающий прояснение понятий с точки зрения их использования в естественном языке.

Дополнительно необходимо указать, что в отношении нормативных источников и эмпирического материала, отобранных для настоящего исследования, использовался *индуктивный* метод научного познания, а также подход, предполагающий построение текста на основе репрезентативных примеров. Исчерпывающее приведение в тексте работы указанных источников и материала не является необходимым для целей и задач исследования и может затруднить системное обоснование концепции семантических пределов права. Принцип, определяющий репрезентативность соответствующих примеров, в каждом конкретном случае определен и обоснован.

В диссертации также используются общенаучные методы познания, в числе которых следует особо выделить логический и, включающий в себя, в том

долговременный опыт практического изучения соответствующих ресурсов и практик, в большинстве случаев, с момента их непосредственного появления, не может не быть релевантным для контекста работы, посвященной правовой проблематике виртуальной реальности в широком смысле слова. Тем более в условиях, когда не по всем из доступных публикаций в области юридических наук, даже конкретно по проблемам игровых исследований и социальных медиа, прослеживается аналогичный порядок вещей.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

числе, – применение логического приема доведения до *абсурда* (“*reductio ad absurdum*”), который соответствует задачам исследования по содержанию и стилю, а также его предмету как таковому.

Источниковую базу диссертации составили, в первую очередь, (1) российские и зарубежные нормативные источники и эмпирический материал, относящиеся к следующим основным областям: критерии оценки информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей; обработка информации, утратившей свою актуальность в силу последующих событий; административные правонарушения и преступления, связанные с распространением информации; создание творческих произведений с конкретными прототипами персонажей; игровая деятельность, не относящаяся к азартным играм; применение отсылок к абсурду и (или) здравому смыслу в юридической аргументации; (2) научные труды в области анализа игровой деятельности в социально-гуманитарных науках, в том числе таких авторов как Р. Бартл, Р. Кайуа, М. Консалво, М. Мидгли, Я. Стенрос, Й. Хёйзинга и др.; (3) научные труды в области социальной философии и философии права, принадлежащие авторам, развивавшим подходы, предполагающие анализ соотношения игр и права, изучение аналогии права и игры либо установление рациональных границ юридического толкования и семантики права или же границ здравого смысла в праве, в частности работы Б. Джексона, А. Росса, Дж. Финниса, Л. Фуллера, Г. Харта и др.; (4) научные труды в области теоретической социологии, прежде всего, основанные на методологии социального конструкционизма, и предполагающие изучение вопроса о принципах формирования ценности предметов общественных отношений и

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

природе такой ценности, что прямо или косвенно предполагает относимость тех или иных общественных отношений к области правового регулирования, в частности работы П. Бергера, Т. Лукмана, Т. Парсонса, Х. Тревиньо, С. Абрутина и др.

Теоретические основы исследования. Реконструкция проблемной области семантических пределов права предопределила необходимость обращения к работам российских ученых – специалистов по философии, теории и социологии права, истории правовой мысли: М.В. Антонова, Н.В. Варламовой, В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова, В.Д. Зорькина, С.Н. Касаткина, И.Ю. Козлихина, В.А. Козлова, В.В. Лазарева, В.В. Лапаевой, Д.И. Луковской, О.В. Мартышина, В.С. Нерсисянца, А.В. Полякова, Н.Н. Тарасова, И.Л. Честнова и др., а также зарубежных теоретиков права – Р. Алекси, Е.В. Булыгина, Б. Бикса, Р. Дворкина, Г. Кельзена, Э. Паттаро, С.Л. Полсона, У. Твайнинга, Дж. Раза, Г. Радбруха, А. Росса, Р. Саммерса, Л. Фуллера, Г. Харта и др.

Концепция семантических пределов права рассматривается, в первую очередь, в разрезе проблематики анализа игровой деятельности в социально-гуманитарных науках, представленной в работах авторов междисциплинарных исследований, относящихся к области медиафилософии и “*game studies*”, в частности, следующих авторов: зарубежных – Р. Бартл, Р. Кайуа, Э. Кастронова, М. Консалво, М. Мидгли, Я. Стенрос, Й. Хёйзинга и др. и отечественных – В.В. Савчук и др., а также авторов специальных юридических и экспертных исследований в области отношения теоретической и практической юриспруденции к игровой деятельности, в том числе следующих ученых и

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

практиков, зарубежных – Б. Дюранске, Г. Ластовка, Ш. Кейн, Дж. Фэйрфилд, Д. Хантер и др. и отечественных – А.И. Савельев и др.

Поскольку актуальность проблемы семантических пределов права обосновывается не только через системность специально-юридических проблем толкования права, но и посредством обращения к контексту современной культурологии, а реконструкция одного из ключевых критериев семантических пределов права осуществляется с использованием методологического потенциала теоретической социологии, теоретические основы исследования включают идеи и концепции авторов, чьи работы относятся к указанным областям знаний. В частности, речь идет об отдельных отечественных – О.Ю. Волков, Ю.К. Волков, А.А. Лисенкова, О.В. Сергеева и др. – и зарубежных – С. Абрютин, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, Дж. Остин, Т. Парсонс, Х. Тревиньо – исследователях.

Обращение к общей методологии, определяемой лингвистическим поворотом постклассической научной рациональности, которая при этом формирует органическую часть контексте социального конструкционизма в теоретической социологии, предопределяет в качестве теоретических основ исследования ключевых авторов в данной области, прежде всего зарубежных, а именно представителей аналитической и «постаналитической» философии, с одной стороны, – Л. Витгенштейн, А. Кожибски, Дж. Мур, Б. Рассел, – и герменевтики с другой – В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, Э. Гуссерль и др.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой первое комплексное монографическое исследование, в котором представлена актуальная для современных условий медиального поворота концептуализация

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

семантических пределов права как понятия, обобщающего комплекс теоретических и практических проблем юриспруденции, в основе которых лежит дихотомия абсурда и здравого смысла, а также представлено обоснование общей методологии решения данных проблем.

В процессе исследования получены следующие обладающие научной новизной результаты:

1) Предложен обоснованный вариант интерпретации и развития как положений концепции права Л. Фуллера, содержащихся в поздних исследованиях ученого (прежде всего, в «Анатомии права» и «Принципах социального порядка»), так и намеченных автором настоящего исследования в кандидатской диссертации. В частности, сама концепция семантических пределов права отчасти призвана объяснить представление Л. Фуллера об «общеразделяемых положениях», которые с внешней стороны ограничивают объем возможных интерпретаций права с точки зрения здравого смысла, и тем самым обеспечивают саму возможность развития позитивистских представлений и «чистого учения о праве».

2) Изучена, обобщена и существенно дополнена историко-философская аналогия права и игры, развивавшаяся как в культурологических исследованиях (Й. Хейзинга), так и в собственно философско-правовых (Г. Харт, А. Росс и др.). Аналогия права и игры переосмыслена с учетом состоявшегося в современной информационной культуре «игрового поворота» и появлением принципиально новых видов игр – многопользовательских компьютерных, нередко сейчас включающих элементы виртуальной и дополненной реальностей в узком технологическом смысле слова. Обоснована позиция о наличии диалектической

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

связи и методологическом потенциале изучения такого рода игр как моделей нормативных систем.

3) С учетом развития современной информационной культуры и необходимости осмысления общественных отношений, являющихся предметом регулирования права, осуществлена оценка возможных квалификаций коммуникации в социальной реальности по критериям воображаемого и реального, серьезного и несерьезного, игрового и неигрового. Обоснованы подходы к тому, как правовые конфликты, относящиеся к коммуникации, которая может быть охарактеризована различными комбинациями указанных характеристик, может расцениваться с точки зрения самого права. Философское, социологическое и культурологическое качество серьезности определено как один из ключевых признаков релевантности того или иного социального феномена праву.

4) Развита система представлений об абсурде и здравом смысле в праве с точки зрения действия права, применения права, толкования права и правотворчества. Изучены различные концепции абсурда в разрезе, необходимом для разрешения задач диссертации. Проанализированы системы представлений о здравом смысле. Обобщены различные по своей природе интерпретации данного понятия, которые подразумевают в одних случаях отсылку к морали, в других – к базовой парадигме реальности, разделяемой в обществе, в прочих – к формальной логике. Продемонстрирована прямая связь между дихотомией абсурда и здравого смысла, с одной стороны, и семантикой содержания нормативных предписаний – с другой.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

5) Продемонстрированы функциональные ограничения деонтической логики, используемой в качестве основного инструмента нормативизма и аналитической философии права. Инструментарий деонтической логики позволяет с достаточной ясностью структурировать и формализовать в целях изучения и использования синтаксис юридической аргументации, однако принципиально не позволяет разрешать проблемы в «области полутени», по сути относящиеся к глубинному уровню семантики права. Дополнительно развито представление о том, что при таком положении дел полноценное использование экспертных систем (программного обеспечения, использующего машинное обучение и искусственный интеллект) в юриспруденции невозможно без построения семантических моделей.

б) Разработана концепция необходимых и достаточных критериев определения семантических пределов права, которые могут выступать в качестве наиболее общих принципов юридической семантики – качества «серьезности» и «реальности», применимые к предмету общественных отношений, а не к самим общественным отношениям. Применительно к концепции семантических пределов права данные термины следует рассматривать в специальном смысле, реконструируемом с опорой на теоретическую социологию и представление об «обобщенных символических посредниках» («серьезность») и изоморфной интерпретации теории корреспондентной истины в аксиоматическом универсуме права («реальность»). Продемонстрировано восхождение от абстрактного к конкретному на примере отдельных моделей случаев правоприменения.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Указанные аспекты научной новизны диссертационного исследования раскрываются, в том числе, в следующих **основных положениях, выносимых на защиту**.

1. *Право нуждается в переосмыслении в условиях медиального поворота, основными релевантными составляющими которого являются цифровой поворот и игровой поворот.* Медиальный поворот, обоснованный в российских междисциплинарных исследованиях В.В. Савчуком,⁵⁸ представляет собой системное явление, которое видоизменяет парадигму социокультурной жизни. Поскольку право представляет собой часть таковой, оно также нуждается в переосмыслении в условиях медиального поворота. Главные составляющие медиального поворота, релевантные для права – это цифровой поворот и игровой поворот. Объединяющим признаком этих двух «поворотов» является виртуальная реальность, понимаемая как социальная реальность, альтернативная реальности повседневности, в основе которой лежит *симуляция* (имитация), интерпретируемая через призму методологии игровых исследований (включая подходы Й. Хейзинги, Р. Кайуа и, частично, «позднего» Л. Витгенштейна). Таким образом, данный подход шире, чем понимание виртуальной реальности исходя из только лишь технологических средств моделирования реальности, хотя техническое понимание виртуальной реальности формирует ключевые репрезентативные примеры исследования. Данное понимание виртуальной реальности позволяет выявить и обосновать ключевой объединяющий признак для эмпирических примеров правовых коллизий, которые позволяют поставить

⁵⁸ См.: Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА. – 2014. С. 7–28.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

проблему, используя не только дедуктивный, но и индуктивный метод научного познания.

2. Основная область юриспруденции, требующая переосмысления в указанном контексте, – это толкование права и, прежде всего, проблема разграничения между абсурдом и здравым смыслом в толковании права в «пограничных ситуациях». Эмпирические примеры применения права к отношениям, опосредованным виртуальной реальностью в вышеуказанном понимании, позволяют сформулировать гипотезу о том, что в некоторых случаях применение права к таким отношениям будет абсурдным и противоречащим здравому смыслу. Более того, анализ правоприменительной практики и нормативного материала демонстрирует, что аргументация посредством абстрактной отсылки к абсурду, с одной стороны, представляет собой устоявшийся прием юридической техники, но с другой – не предполагает системного рационального объяснения причин такой абсурдности или противоречия здравому смыслу (кроме абстрактных отсылок к «противоречию воле законодателя» или «[вопиющему] противоречию нравственности» либо узкой логико-синтаксической трактовке). Однако абсурдность толкования или применения права к отдельным отношениям, связанным с виртуальной реальностью, не может быть объяснена исходя из известных примеров или подходов.

3. Абсурд в толковании права может быть синтаксическим и семантическим. При этом в условиях медиального поворота возникает необходимость дифференцировать семантический абсурд на два уровня. При синтаксическом (грамматическом) абсурде отсутствует смысл высказывания по

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

причине нарушения правил отношений между элементами высказывания с точки зрения грамматики или формальной логики. Примерами синтаксического абсурда могут послужить классические случаи нелепых или бессмысленных нормативных высказываний – от «казнить нельзя помиловать», до простого набора слов, в котором противоестественным (по отношению к естественному языку) образом слова соединяются – как, например, если вместо одной части речи используется другая, неподходящая часть речи. В случае с семантическим абсурдом противоречие возникает на уровне значений грамматически и логически верных прескриптивных высказываний. Семантический абсурд первого уровня может быть объяснен исходя из приема *reductio ad absurdum*. Семантический абсурд второго уровня не может быть объяснен логикой или только лишь логикой, поскольку он проистекает из социокультурно-обусловленных представлений о социально-значимых объектах.

4. *Хотя противоречие морали (нравственности) может объяснять отдельные случаи семантического абсурда второго уровня, такое объяснение не является универсальным в условиях медиального поворота.* Известные теории моральной философии или соответствующих разделов философии права, действительно, позволяют реконструировать аргументацию абсурдности толкования права в случае, если результат толкования будет противоречить морали – как в субстанциальном понимании (в том числе, в соответствии с «принципом вреда» Дж. Ст. Милля), так и в процедурном (в ключе аргументации Л. Фуллера). В то же время, на примере анализа системного примера из дискуссии между Г. Хартом и Л. Фуллером в контексте медиального поворота на материале, относящемся к технологии дополненной реальности, становится

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

очевидно, что моральная аргументация абсурдности или соответствия здравому смыслу в праве не может рассматриваться как универсальная, поскольку она не может объяснить возможность или невозможность применения права в тех случаях, где отсутствует прямое столкновение между моральными посылками, но постулируется, условно говоря, вызов онтологии социальной реальности повседневного.

5. Междисциплинарные игровые исследования отражают, в том числе, попытки поиска подхода к преодолению семантического абсурда второго уровня, но имеющиеся интерпретации недостаточны или противоречивы. В рамках игровых исследований (“*game studies*”), начиная непосредственно с Й. Хейзинги, намечаются попытки обозначить границы «магического круга», отделяющего несерьезный мир игры, где реальное право не действует, от серьезного мира повседневной социальной реальности, где реальное право действует. В рамках междисциплинарных, не ориентированных на юриспруденцию исследований, намечается дискуссия об актуальности разграничения «реального» и «виртуального» и необходимости отказа от концепции «магического круга» (Э. Циммерман, М. Консалво и др.). В то же время, данный дискурс был переосмыслен в праве в связи с правовыми коллизиями, возникающими по поводу виртуальной реальности, и предложены базовые подходы, где основным критерием «магического круга» выступает субъективная сторона деяния (Б. Дюранске) или же договор между участниками игрового взаимодействия (Дж. Фэйрфилд). Данные подходы, однако, не могут объяснить все случаи семантического абсурда второго уровня в праве в условиях

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

медиального поворота, кроме того их значение социокультурно ограничено и не может быть универсальным.

6. *Для определения семантического абсурда второго уровня оценке должен подвергаться именно предмет общественного отношения, а не сами отношения, действия сторон или субъективная сторона.* Известные междисциплинарным исследованиям попытки разделить отношения на «виртуальные» и «реальные» обречены на неудачу, поскольку, как показывают современные культурологические и социологические исследования, практически невозможно четко определить где и когда заканчивается «виртуальное», а начинается «реальное». Квалификация действий сторон, интерпретируемая через концепцию согласия Дж. Фэйрфилда (право не применяется к тем отношениям, которые стороны по своему соглашению рассматривают как игровые) также ограничена в применении, поскольку в правовых системах, предусматривающих значительное количество императивных норм, согласие сторон не может отменить правовую квалификацию их действий с точки зрения реального права. То же самое можно сказать и о концепции субъективной стороны Б. Дюранске. Более того, узкие концепции «магического круга», ориентированные только лишь на компьютерные виртуальные миры, не рассчитаны на иные артефакты виртуальной реальности, подразумевающие опосредованную коммуникацию, такие как, например, художественное творчество. Однако обоснованным представляется подход, частично пересекающийся с третьей интерпретацией «магического круга» Я. Стенроса, об оценке предмета отношений. Данный подход еще не развивался в праве.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

7. Для обоснования ценности и значимости предмета отношений с точки зрения права целесообразно использовать теоретико-социологическую концепцию обобщенных символических посредников. Истоки концепции «обобщенных символических посредников» (англ. “*generalized symbolic media*”) (далее – «ОСП») могут быть усмотрены в ранних социологических и даже экономических исследованиях,⁵⁹ однако в юридических исследованиях данная концепция еще не применялась, однако методологические перспективы тому есть. ОСП – коммуникативные средства социального конструирования реальности. Согласно Т. Парсонсу, они характерны для каждой социальной подсистемы, например, для экономической – это деньги, а для политической – власть. «ОСП» – поскольку они являются символическим выражением абстрагированной реальной ценности (например, деньги – абстрактный «токен» материального богатства). С. Абрютин расширяет систему и выделяет десять видов ОСП. При этом ОСП могут конвертироваться друг в друга подобно валюте (деньгам). Предмет отношений, который имеет ценность с точки зрения ОСП можно характеризовать как «внешний референт ценности». Все «серьезное» может быть квалифицировано именно как внешний референт ценности. Соответственно, для целей юриспруденции, не будет абсурдным регулировать отношения, предмет которых имеет ценность с точки зрения ОСП. Качество предмета, выражающееся в конвертируемой «социально-валютной ценности»,⁶⁰ можно соотносить с квалификацией «серьезности» предмета.

⁵⁹ Однако в современном виде они впервые были предложены Т. Парсонсом, частично переосмыслены для целей социологических исследований Ю. Хабермасом и Н. Луманом, и адаптированы для междисциплинарного контекста С. Абрютина.

⁶⁰ Данная концепция также, очевидно, перекликается с теорией социального капитала П. Бурдьё, однако последний не заострял столько необходимого внимания на механике конвертации.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

8. *«Серьезности» предмета недостаточно для полноценного вывода об абсурдности или здравомыслии толкования права. Данный критерий должен быть дополнен критерием «структурно-функциональной адекватности» изоморфно-логического толка.* Анализ, основанный на теоретическом моделировании, позволяет прийти к выводу о том, что даже если предмет отношений имеет конвертируемую социально-валютную ценность, право не всегда может вмешиваться в отношения с таким предметом. Причина, однако, заключается в том, что в данном случае мы сталкиваемся с классической областью «взвешивания» (в терминологии Р. Алекси) ценностей и, как следствие, это именно та область, в которой на вопрос о семантическом абсурде второго уровня ответ может дать моральная философия. Для того, чтобы однозначно констатировать абсурдность толкования и применения права, необходимо, чтобы структура и, особенно, *функциональность* «виртуального» предмета также не соответствовала функциональности «реального» предмета (была фантазийна). Необходимо особо подчеркнуть, что в контексте настоящей работы речь идет не о фантазийности предмета как такового (в виртуальной реальности все объекты в некоторой степени фантазийны), а о фантазийности репрезентации ключевых функциональных свойств предмета в виртуальной реальности (т.е. того, «что делают» предметы, а не «как они выглядят»). Это приводит к следующему принципу. Если результат юридического толкования нацелен на общественное отношение, предмет которого (1) «несерьезен» (не имеет социально-валютной ценности) и при этом (2) его функциональность фантазийна (он виртуален и его структура при этом не изоморфна виртуальной модели реального предмета), такое толкование будет абсурдным по определению. В то же время, остаются и

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

две других возможности – когда удовлетворен только один из критериев или же когда предмет одновременно и реален, и серьезен.

9. *Концепция семантических пределов права может быть выражена в матрице, допускающей три возможных ситуации, и при этом она имеет онтологическое значение для права.* В предыдущих тезисах было отмечено, что в случае, если предмет одновременно серьезен и реален (пример – разбой с использованием реального оружия), то применение права к отношениям с ним будет соответствовать здравому смыслу без оговорок. Если же предмет одновременно несерьезен и нереален, то применение права к отношениям с ним будет абсурдным (пример – «убийство» одним персонажем компьютерной игры другого вне киберспортивного контекста и в рамках текущей социокультурной парадигмы). В промежуточных ситуациях – когда предмет несерьезен, но реален (например, использование реального оружия в игре), или же когда предмет серьезен, но нереален (например, если гипотетическая компьютерная игра используется как идеологический инструмент для вербовки террористов), оценка толкования и применения права с точки зрения абсурда и здравого смысла осуществляется с опорой на морально-философский дискурс и «взвешивание» ценностей права. Онтологичность данной концепции семантических пределов права объясняется через методологическую позицию Л. Фуллера о том, что «...как ни парадоксально, именно позитивист, настаивающий на том, что все истинное право создано эксплицитно, выступает в роли бенефициара этого молчаливого ограничения; без такого ограничения его “право” станет излишне хаотичной вещью для того, чтобы предложить какое-либо пристанище его

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

вере».⁶¹ Указанные «молчаливые ограничения» – это ограничения здравого смысла в пределах толкования и применения права, о которых не говорится эксплицитно, но именно которые и были раскрыты в развиваемой концепции семантических пределов права.

Приведенные выше основные положения, выносимые на защиту, отражают последовательность развития методологии концепции семантических пределов права. Данная концепция представляет собой систему «масштабируемых» общетеоретических представлений об абсурде и здравом смысле в праве, которые могут быть развиты и за пределами аспектов, детально затронутых в настоящей работе. Например, они могут быть использованы для оценки правотворческих инициатив и отдельных подходов к толкованию права в инновационных областях (отдельным особенностям применения концепции в областях правового регулирования робототехники, больших данных и искусственного интеллекта посвящен § 6 Главы 3 исследования). Кроме того, концепция семантических пределов права может быть «переведена» на язык юридической догматики (в том числе, на язык тех терминов, которые по определению рассматриваются как «априорные» и просто соответствующие здравому смыслу в праве) и использоваться как прагматический принцип при толковании и применении права, а также при моделировании правовых норм. Соответствующие обобщения, логика и примеры приведены в Главе 3 и Приложениях № 1–3 к настоящему исследованию в краткой и практической форме.

⁶¹ Фуллер Л.Л. *Анатомия права* / пер. с англ. В.В. Архипова // *Российский ежегодник теории права*. – 2009. – № 2. – С. 313–314.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что оно представляет собой оригинальную концепцию, в рамках которой предлагается модель объяснения юридической семантики и определения границ создания, толкования и применения права, проходящих по линии соприкосновения абсурда и здравого смысла и применимых, в первую очередь, к отношениям, опосредуемым виртуальной реальностью. Концепция семантических пределов права позволяет выстроить рациональную аргументацию, объясняющую возможность или невозможность применения права в том или ином контексте, актуальном, в первую очередь, для информационной культуры общества в условиях цифровой экономики – в частности, определить, в каких случаях «вмешательство» права в область воображаемого может быть обоснована, а в каких – нет. Выводы диссертационного исследования могут быть положены в основу дальнейших научных разработок методологии теории и философии права, юридического толкования, информационного права, а также междисциплинарных исследований, связанных с использованием методологии социального конструкционизма, в том числе в области изучения игровой деятельности. Результаты исследования могут быть также использованы как в практике преподавания, так и при разработке учебников и учебных пособий по основным курсам бакалавриата и магистратуры «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «История политических и правовых учений», «История и методология юридической науки», «Современные проблемы юридической науки», «Философия права», «Социология права», а также при разработке специальных курсов, включая «Толкование права», «Публичное и

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

частное право в цифровую эпоху», «Правовое регулирование отношений в сети Интернет».

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование прошло апробацию при его обсуждении на кафедре теории и истории государства и права СПбГУ. Кроме того, лежащая в основе концепции семантических пределов права методология использовалась автором в процессе осуществления юридической практики в качестве советника международной юридической фирмы Dentons при разработке правовых позиций по спорным и не урегулированным законодательством напрямую вопросам правовой оценки различного контента, распространяемого в цифровой среде. Основные положения исследования отражены в публикациях диссертанта, посвященных проблемам теории и философии права, включая творческое переосмысление концепции права Лона Л. Фуллера, а также иным предметам, в том числе, отдельным существенным составляющим методологии исследования, анализу отдельных правовых проблем, находящихся в «области полутени» и относящихся к юридической проблематике цифровой экономики, а также примерам применения методологии, основанной на концепции семантических пределов права, применительно к конкретным юридическим проблемам. Основные положения исследования также используются в практике преподавания на юридическом факультете СПбГУ основных дисциплин бакалавриата, магистратуры и аспирантуры *«Теория права и государства»*, *«Современные проблемы юридической науки»*, *«История и философия науки»*, а также специальных курсов *«Толкование права»*, *«Публичное и частное право в цифровую эпоху»*, *«Правовое регулирование отношений в сети Интернет»*.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Помимо этого, отдельные результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в открытом онлайн-курсе «Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива», размещенном на платформах Coursera и «Открытое образование» в 2017 году⁶² и удостоенного Премии Правительства Санкт-Петербурга за развитие инновационной деятельности в образовательном учреждении.⁶³

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:⁶⁴

Разделы в монографиях

1. § 8. Правила игры и нормы права в контексте социального конструкционизма // *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр* / Под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – С. 135–149.

⁶² См.: Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Coursera. – [Сайт]. – URL: <https://ru.coursera.org/learn/regulirovaniye-interneta> (дата обращения: 08.11.2018 г.) и Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Открытое образование. – [Сайт]. – URL: <https://openedu.ru/course/spbu/PRAVREG/> (дата обращения: 08.11.2018 г.).

⁶³ Распоряжение Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга от 07.05.2018 № 47 [Электронный ресурс] // Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. – [Сайт]. – URL: <http://knvsh.gov.spb.ru/closedcontests/view/188/> (дата обращения: 08.11.2018 г.).

⁶⁴ Приведенные публикации посвящены различным предметам, однако те из них, в названии которых прямо не отражен методологический подход, развиваемый в настоящей работе, также непосредственно с ним связаны, поскольку представляют собой отражение практического применения такого подхода и находятся в системной целостности с общим направлением исследования. Среди прочего отдельно подчеркнем, что публикации по теоретико- и философско-правовой проблематике соотносятся с той частью работы, в которой анализируются взгляды Л. Фуллера и Г. Харта, а также рассмотрение проблемы пределов права с точки зрения соотношения права и морали; публикации по правовым аспектам компьютерных игр и киберспорта – с методологической составляющей игровых исследований, отраженных в настоящей работе; публикации по инновационным правовым проблемам цифровой экономики (робототехника, персональные данные в условиях больших данных, интернет вещей и пр.) – с эмпирическим материалом и с областью приложения концепции в «условиях полутени», характерной для медиального поворота. Аналогичное пояснение применимо и к конференциям, о которых речь пойдет далее.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

2. Виртуальные миры и многопользовательские ролевые онлайн-игры в юридической теории и практике // *Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования* / Под ред. В.В. Савчука. Издательство: Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2014. – С. 105–117.

3. Глава 6. Робот – субъект права (?). Развитие дискуссии (в соавт. с А.В. Незнамовым, В.Б. Наумовым, С.В. Сарбашем, К.М. Смирновой) // *Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта* / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 79–93.

4. Глава 12. Роботы и персональные данные (в соавт. с А.В. Незнамовым и В.Б. Наумовым) // *Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта* / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 186–197.

Диссертационные исследования

5. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009.

Статьи в российских рецензируемых периодических изданиях

6. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. – 2018. – Т. 13. – № 6. – С. 94–123.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

7. Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. – 2018. – № 5. – С. 80–92.

8. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 52–68.

9. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – Вып. 6(55). – С. 46–62.

10. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.

11. Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 19–27.

12. Архипов В.В., Наумов В.Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2016. – № 2. – С. 186–196.

13. Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. – Москва, 2016. – № 2. – С. 18–25.

14. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. – Москва, 2015. – № 11. – С. 61–69.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

15. Архипов В.В. Правила игры как нормативная система, или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // *Философско-литературный журнал Логос*. – Москва, 2015. – Т. 25. – № 1 (103). – С. 214–225.

16. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // *Закон*. – Москва, 2014. – № 9. – С. 69–90.

17. Архипов В.В., Килинкарлова Е.В., Мелащенко Н.В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // *Закон*. – Москва, 2014. – № 6. – С. 120–143.

18. Архипов В.В., Азизов Р.Ф. Отношения в сети Интернет формата Web 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием // *Закон*. – Москва, 2014. – № 1. – С. 90–104.

19. Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – СПб., 2013. – № 2 (307). – С. 93–114.

20. Архипов В.В. Игра всерьез: многопользовательские ролевые онлайн-игры в фокусе российской правоприменительной практики // *Петербургский юрист*. – СПб., 2013. – № 1. – С. 56–61.

21. Архипов В.В., Поляков А.В., Тимошина Е.В. Адаптация опыта систем прецедентного права к российской правовой системе: к постановке проблемы // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 2012. – № 3 (302). – С. 113–134.

22. Антонов М.В., Архипов В.В., Поляков А.В. Научная полемика на берегах Майна: XXV Всемирный конгресс по философии права и социальной

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

философии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 4 (297). – С. 7–20.

23. Архипов В.В. Postmortem: «Анатомия права» Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2-2009. – С. 186–203.

24. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2-2009. – С. 708–711.

25. Архипов В.В. «Мораль права» Лона Л. Фуллера: к выходу в свет русского перевода книги // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 5 (280). – С. 113–121.

26. Архипов В.В. Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 6 (257). С. 145–152.

Статьи в зарубежных рецензируемых периодических изданиях

27. Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887 (Web of Science Core Collection).

Учебники и учебные пособия

28. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 249 с.

29. Архипов В.В., Краевский А.А., Тимошина Е.В. Теория права и государства. Практикум. – Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2015. – 201 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Статьи в сборниках научных трудов

30. Архипов В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права // Сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции «Компьютерные игры: культурные интерфейсы и социальные интеракции» (Социологический институт РАН и Лаборатория исследований компьютерных игр, 19-21 октября 2018 г.) (статья принята к публикации, сборник в процессе подготовки).

31. Архипов В.В. Предпосылки концепции смысловых пределов права в контексте современной информационной культуры // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. – М.: ИГП РАН, 2018. – С. 272–286.

Тезисы докладов на российских и зарубежных конференциях

32. Архипов В.В. Правовые риски использования социальных сетей в науке и образовании // Получение, хранение использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Сер. «Электронное законодательство» ФГБУ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина; Науч. ред. Н.А. Шевелева. – СПб.: 2013. – С. 213–218.

33. Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. Speaking About Law: General Fiction of Legal Theory // 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Frankfurt am Main, 2011. – PP. 248–249.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

34. Arkhipov V.V., *Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research* // 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Frankfurt am Main, 2011. – P. 248.

35. Arkhipov V.V. *Evgeny Pashukanis: Legality and Economic Calculation* // Abstracts. Special Workshops and Working Groups (II) of IVR 24th World Congress “Global Harmony and Rule of Law”. – Beijing, 2009.

Основные положения диссертационного исследования докладывались на российских научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Вторые Бачиловские чтения» (ИГП РАН, 8 февраля 2019 г.); Научно-практическая конференция «Компьютерные игры: культурные интерфейсы и социальные интеракции» (Социологический институт РАН, 19–21 октября 2018 г.); Секция «Киберспортивное право: миф или реальность?» на Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ, 17 мая 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право – Первые Бачиловские чтения» (ИГП РАН, 15–16 февраля 2018 г.); Международная конференция «Творческое наследие Л.И. Петражицкого: история и современность (к 150-летию со дня рождения)» (СПбГУ, 14–15 декабря 2017 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Право и информация: вопросы теории и практики» (Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 15 апреля 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности» (V Международный культурный форум, СПбГУ, 1 декабря 2016 г.); Всероссийская

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

научная конференция «Компьютерные игры – театр активных действий» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 20 июня 2013 г.); Научно-практическая конференция «Мониторинг правоприменения» (СПбГУ, Министерство юстиции Российской Федерации, 11 июня 2013 г.) Международная научно-практическая конференция «Получение, хранение и использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование» (Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2013 г.); Международная научно-теоретическая конференция «Право и глобализация: вопросы теории и истории» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 28 ноября 2008 г.); Всероссийская межвузовская конференция «Принципы права» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 30 ноября 2006 г.),

а также на зарубежных научных конференциях: IV Международная конференция “More Than Just a Game” – “Culture, Identities, Freedoms & Artificial Intelligence” (Queen Mary, University of London, Centre for Commercial Law Studies, Лондон, 5–6 апреля 2018 г.); 25-й Мировой конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR) – “Law, Science, Technology” (Университет Гёте, Франкфурт-на-Майне, 15–20 августа 2011 г.); 24-й Мировой конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR) – “Global Harmony and Rule of Law” (Китайское юридическое сообщество, 15–20 сентября 2009 г.).

Эмпирический материал исследования в значительной степени обусловлен экспертным участием диссертанта в российских и зарубежных научно-практических, практических и деловых мероприятиях, связанных с индустрией компьютерных игр и компьютерного спорта: Winter Nights: Mobile Games

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Conference 2014 (Санкт-Петербург, 7–8 февраля 2014 г.); DevGAMM Minsk 2014 г. (Минск, 17–18 октября 2014 г.); Games Industry Law Summit 2015 (Вильнюс, 23–24 апреля 2015 г.); DevGAMM Moscow 2015 (Москва, 15–16 мая 2015 г.); Mastering the Game 2015 (Всемирная организация интеллектуальной собственности, Министерство культуры и национального наследия Польши, Краков, 4–5 ноября 2015 г.); Games Industry Law Summit 2016 (Вильнюс, 28–29 апреля 2016 г.); DevGAMM Moscow 2016 (Москва, 12–13 мая 2016 г.); Mastering the Game 2016 (Министерство культуры и национального наследия Польши, Варшава, 17–18 ноября 2016 г.); Games Industry Law Summit 2017 (Вильнюс, 27–28 апреля 2017 г.); Mastering the Game 2017 (Министерство культуры и национального наследия Польши, Варшава, 16–17 ноября 2017 г.); Games Industry Law Summit 2018 (Вильнюс, 3–4 мая 2018 г.).

Основные положения диссертационного исследования прошли научную экспертизу: в рамках исследовательского проекта при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-18-10162 «Новый тип рациональности в эпоху медиального поворота» (СПбГУ) – в части подготовки раздела в монографии «Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр»; в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Определение и оценка аспектов влияния компьютерных игр на общественно-экономические процессы: анализ и обобщение зарубежных исследований (психология и юриспруденция) в 2016 – 2017 гг. (СПбГУ); в рамках научно-исследовательской работы при поддержке СПбГУ «Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до “виртуальной собственности”» в 2013 году (СПбГУ); в рамках научно-исследовательской

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

работы при поддержке СПбГУ «Толкование правовых норм и проблема адаптации опыта систем прецедентного права к российской правовой системе» в 2011 году (СПбГУ). За рукопись статьи «Концепция права Л. Фуллера: опыт неклассической интерпретации», отражающую опыт применения методологии философии «позднего» Л. Витгенштейна к философско-правовым концепциям Решением Ученого совета СПбГУ (Протокол № 6 от 27.06.2005 г.) диссертант был признан победителем конкурса научных трудов молодых ученых и специалистов СПбГУ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, объединяющих семнадцать параграфов, заключения, списка источников и трех приложений.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

ГЛАВА 1. Постановка проблемы в свете методологического подхода, эмпирического материала и социокультурного контекста

§ 1. Общие замечания о методологическом подходе исследования: лингвистическая философия и социальный конструкционизм

Прежде чем перейти непосредственно к предмету настоящей работы, целесообразно конкретизировать основные методологические представления, определившие содержание и направленность исследования, поскольку *в условиях постклассической научной рациональности невозможно игнорировать особенности субъекта научного познания*. Такая «методологическая декларация» основных подходов автора в начале работы позволит объяснить выбор темы исследования, заранее очертить его парадигмальные пределы и соотносить его с определенной научной традицией. Задачей настоящего параграфа не является при этом исчерпывающее описание собственно методов решения проблемы реконструкции семантических пределов права – этому посвящены Главы 2 и 3 исследования.

В целом, настоящее исследование отражает опыт *философско-правового* осмысления той части процессов трансформации общества в условиях цифровой экономики, которая связана с явлением, часто именуемым как «*виртуальная реальность*». Содержательным поводом к исследованию послужил интерес автора к тому, каким образом развитие именно социальных практик (т.е. общественных отношений как таковых, а не их предмета – информации), связанных с участием социальных субъектов во взаимодействии в «*виртуальной*

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

реальности» влияет на фундаментальные представления о праве. Одним из основных же методологических поводов к исследованию послужила общая для философии права XX века проблематика, концептуализированная Г. Хартом в понятии «область полутени».⁶⁵ Если Г. Харт считал, что к наиболее ярким примерам такой области относится первобытное право и международное право, то в настоящей работе, по сути, обосновывается тезис о том, что на текущем этапе развития общества основную «область полутени» как раз и составляют явления, относящиеся к взаимодействию людей в виртуальном пространстве, которое в самых общих чертах нередко, на первый взгляд, предполагает «серьезные» отношения по поводу «несерьезного» предмета. Подобно тому, как Л. Лессиг полагал, что изучение вопросов «киберправа» позволит пролить свет на ряд общих проблем юриспруденции,⁶⁶ так же и в настоящей работе может быть усмотрена, прямо или между строк, мысль о том, что изучение вопросов взаимодействия людей в новых виртуальных средах может пролить свет на

⁶⁵ Как, например, Е.А. Баженова описывает сущность данной проблематики в изложении Г. Харта: «И в системе прецедентного права, и в системе статутарного (законодательного) права юридические нормы отличаются качеством неопределенности. Такая неопределенность связана с природой языка, поскольку многие понятия в языке носят общий характер и не могут охватить собой все случаи и факты, которые возникнут в будущем. Тезис о неопределенности правил и юридического языка Харт основывает на различении «ядра» / «сердцевины» (*core*) и «полутени» (*penumbra*) значения, присущего правовым нормам (составляющим их словам и выражениям). В пример Харт приводит понятие “транспортного средства” и запрет на нахождение транспортных средств в парке. Ясно, что это понятие включает в себя такие определенные случаи, как автомобили, автобусы или мотоциклы. Однако включает ли оно с такой же неизбежностью велосипеды, игрушечные машинки с электрическим двигателем или роликовые коньки?». См.: Баженова Е.А. Философия права Г.Л.А. Харта: учеб. пособие / Е.А. Баженова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: изд-во ВлГУ, 2016. – С. 30. Отметим, что взгляд Л. Фуллера, критиковавшего саму постановку проблемы «полутени» значений, согласно которому мы никогда не сможем определить «центральное» и «периферическое» значение слов, прежде чем определим цель законодательного акта (или правовой нормы прецедентного права), определяющую контекст и пространство возможных коннотаций, саму постановку проблемы в контексте настоящего исследования вовсе не исключает.

⁶⁶ См.: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: <http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf> (accessed: 26.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

практики и феномены, предшествующие современной «виртуальной реальности». Такова самая общая методологическая посылка, обуславливающая и обосновывающая научный интерес к теме исследования.

Что касается различных способов исследования, то общий контекст работы, как уже было намечено, определен постклассическим типом научной рациональности,⁶⁷ одним из центральных аспектов которого является т.н. «лингвистический поворот» или «лингвистическая революция», предопределившие внимание ученых к основному инструменту познания

⁶⁷ В вопросе периодизации науки автор разделяет позицию, предложенную Е.В. Тимошиной об избыточности «постнеклассики» в теории права. Как отмечает Е.В. Тимошина, «выделение в теории права еще одного этапа – так называемой постнеклассики, в свое время заимствованной из концептуальной схемы В.С. Степина, видится избыточным. Как известно, В.С. Степин, прежде всего применительно к истории естествознания, выделял три типа научной рациональности – классический, неклассический и постнеклассический. Однако его позиция даже в качестве концептуализации истории и современного состояния естествознания не стала общепризнанной. В социогуманитарном же знании, в том числе – в теории (философии, социологии) права, такая типология представляется избыточной, так как положенные в ее основание и ориентированные на историю естественных наук критерии: типы изучаемых наукой системных объектов (соответственно, простые, сложные, саморазвивающиеся), а также «глубина рефлексии по отношению к самой научной деятельности» – не соотносимы с историческим развитием собственно теоретико-правового знания. Во всяком случае без разработки критериев соответствующей типологии правопонимания, которые позволили бы обосновать выделение также и постнеклассического правопонимания, говорить об этом несколько преждевременно... Соответственно, методологически оправданным видится выделение классического и постклассического (или, что то же самое, – неклассического) правопонимания. Поддержку такой позиции можно найти у В.С. Швырева, который, комментируя предложенную В.С. Степиным типологию, предлагал исходить “прежде всего, из различения классической и неклассической в широком смысле, или, может быть, во избежание терминологической путаницы лучше говорить – постклассической рациональности”. Кроме того, и сам автор данной концептуальной схемы В.С. Степин в своей последней монографии исходит уже из разделения научной рациональности на классическую и неклассическую...». См.: Тимошина Е.В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 4 (315). – С. 8–9. Приведенные позиции представителей истории и методологии науки отражены в следующих публикациях (ссылки позаимствованы у Е.В. Тимошиной): Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М., 2000. – С. 633 – 635; Швырев В.С. Мой путь в философии // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2009. – С. 231–232; Степин В.С. Человеческое познание и культура. – СПб., 2013. От себя отдельно отметим еще одну причину избыточности постнеклассики в периодизации юридической науки: предполагается, что в трехзвенной периодизации на неклассической стадии происходит лингвистический поворот. Казалось бы, он должен был бы отразиться на стиле и структуре мышления и использования языка в юридических исследованиях – но, к несчастью, отражение осознания зависимости результатов познания от используемого языка в большинстве конкретных примеров юридических текстов мало отличается от подходов, свойственных XIX веку...

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

социально-гуманитарных наук, а именно к естественному языку. На первых порах – к его логике, на последующих – к семантике, осмысливаемых как ключевые факторы, определяющие отношение субъекта к значению и роли результатов процесса познания. Автор в целом придерживается комплекса общих методологических идей, проистекающих из философии «позднего» Л. Витгенштейна⁶⁸ и исходит из того, что значительная часть научных рассуждений, многие из которых сосредоточены вокруг терминов и их принципиальной «правильности» и «неправильности», методологически ошибочна. В большей степени в социально-гуманитарных науках, и в меньшей – в естественных, ученые, скорее, формулируют определенные инструментальные вербальные концепции, которые должны оцениваться не с точки зрения «истинности» и «ложности», а с точки зрения системности, внутренней логической непротиворечивости и работоспособности. Можно сказать, что, согласно Л. Витгенштейну, «сущность» обретается в грамматике языка, значение слова есть его употребление, и, соответственно, используемые, в том числе, и в науке термины не могут претендовать на семантическую универсальность – их значения реконструируются в контексте.⁶⁹ Такой подход допускает

⁶⁸ Весьма характерна следующая цитата из Л. Витгенштейна: «Для большого класса случаев хотя и не для всех, где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова — это его употребление в языке. А значение имени иногда объясняют, указывая на его носителя» (§ 43 «Философских исследований», написанных в 1945 году). См. напр.: Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 347 с.

⁶⁹ Комментируя п. 3.262 «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна («То, что нельзя проявить в Знаке, обнаруживается в его употреблении. То, что проглатывают Знаки, проговаривает их употребление»), В. Руднев отмечает: «Имя (простой Знак) лишено Смысла, оно обладает только референцией (Bedeutung). Но стоит Имени появиться в Пропозиции, в конкретном употреблении, как Смысл его как бы проговаривается наружу. Имя «стул» просто указывает на стул, но, появившись в пропозиции «Он сидел на стуле», Имя раскрывает свой Смысл, имплицитно заложенный в нем. В Имени, таким образом, заложена Возможность Смысла (т.е. Имя не вовсе бессмысленно), который актуализируется при употреблении в конкретной Пропозиции. *Данный раздел в свернутом виде уже содержит семантическую теорию, разработанную Витгенштейном в “Философских исследованиях”, в соответствии с которой значение слова и есть его употребление (для позднего Витгенштейна*

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

определенную долю терминологической гибкости в исследовании. Кроме того, с точки зрения терминологии учения «позднего» Л. Витгенштейна, речь идет о «языковых играх», которые, тем не менее, ведутся на самом высоком уровне и, уже в свете иных концепций, относящихся, скорее, к области социологии знания, представляют собой своего рода способ не столько «открытия» в естественно-научном смысле, сколько средство воспроизводства и развития самого «изучаемого» явления.⁷⁰

понятия Значения и Смысла сливаются [Wittgenstein 1967: § 43] (выделено мною – **В.А.**). См.: Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 68.

⁷⁰ Данная интерпретация основана как на упомянутых трудах самого Л. Витгенштейна, так и на последующих интерпретациях. Подробный и глубокий анализ идей мыслителя на русском языке можно также найти в следующем издании: *Философские идеи Людвиг Витгенштейна*. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. – 169 с. Приведем несколько высказываний М.С. Козловой о концепции языковых игр: «Преодолевая прежние, ранее казавшиеся ему безупречными, позиции, Витгенштейн приходит к выводу: постижение сути высказываний, значений слов – и не в последнюю очередь важнейших философских положений, понятий – требует искусства проникать в их *скрытую* логическую структуру, заключенный в них смысл, а предполагает нечто совсем иное. Что действительно необходимо, – таково теперь его убеждение – так это умение ориентироваться в *действии, функциях* языка, его практическом использовании в “ткани” самой жизни, поведения, – то есть там, где работа слов, фраз вполне открыта взору. При таком реалистичном (его еще называют прагматическим), земном взгляде на вещи базовыми структурными образованиями языка Витгенштейну представились не искомые прежние некие его *предельные* элементы в виде *элементарных* предложений, соотношенных с простейшими (тоже *предельными*) *ситуациями* и якобы составляющими своего рода «субстанцию» языка. В рассуждении, повествовании, чтении, письме и иных формах речевого разумения высвечивались “семейства” более или менее родственных друг другу, подвижных и живых функциональных систем, практик. Витгенштейн назвал их *языковыми играми*» (с. 7); «*Языковые игры* – своеобразный аналитический метод (совокупность приемов) *прояснения* языка, *высвечивания* его функций, работы. Он мыслится как поиск выходов из разного рода концептуальных тупиков, которыми изобилует философская традиция» (с. 10); «Идея языковой игры предполагает, что язык – явление в *принципе* нестатичное, что он – подобно исполнению музыки, сценическому действию, спортивным и иным играм – динамичен по самой своей природе, живет лишь в действии, деянии, в практике коммуникации. Витгенштейн подчеркивал: знаки как нечто “вещественное” – в звуковом, письменном, печатном виде – мертвы, но это не значит, что к ним, дабы вдохнуть в них жизнь, нужно добавить что-то принципиально иное по сравнению с материальным – нечто сугубо *духовное*. Это старое-престарое затруднение философ разрешает по-своему: жизнь знаку дает его применение! А таковое, понятно, предполагает реальную *жизнь* языка или языковую *игру*. Толкование значения знака как способа его *употребления* и принцип языковых *игр* – аспекты по сути единой позиции» (с. 12). См.: Козлова М.С. *Идея “языковых игр” // Философские идеи Людвиг Витгенштейна*. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. С. 5 – 24.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Необходимость данного комментария во многом обусловлена практиками, распространенными в современной юридической науке. Как отмечает Дж. Фэйрфилд в недавней статье, название которой содержит намек на применение рассматриваемой общей методологии в области юриспруденции («Языковая игра неприкосновенности личной информации» – “*The Language-Game of Privacy*”):

«Ученые-юристы, однако, страдают необходимостью определять. Они осуществляют это посредством ассоциирования слова с примерами или случаями, которые представляет слово, а также посредством исключения примеров и случаев, которые, как они полагают, выпадают из значения. Такое определение часто искусственное. Представим себе определение «добросовестности» в договоре, которое дается юристами, составляющими его текст, так, чтобы оно включало вещи, не имеющие очевидной связи со значениями «добра» и «совести». Разумеется, такой подход необходим в случае с задачами вроде договорного права, поскольку договорные определения представляют собой основу для внимательного осуществления судами своей власти. Но юристы время от времени неспособны понять, что их тщательно отчеканенные определения в точности таковыми и являются – изувеченными, искаженными и выдавленными версиями слов, которые живут более богатой жизнью за пределами договора или университета. Техничко-юридические термины (англ. “*legal terms of art*”) с необходимостью лишаются большей части их естественного значения посредством самого процесса определения. Юридино-технические термины представляют собой экспликации: *особые инструменты для особых контекстов, а не объяснения значения терминов* (выделено мною – **В.А.**)».⁷¹

Автор далее отмечает, что

«...нет ничего плохого в точно определенных юридико-технических терминах. Проблема возникает тогда, когда юристы-практики и ученые не оговаривают, что они используют общеупотребительный термин как юридико-технический – что они применяют лишь одну экспликацию термина, а не все его значение. И это

⁷¹ Fairfield J., *The Language-Game of Privacy* // *Michigan Law Review*. – 2018. – Vol. 116. – Issue 6. – PP. 1174–1175.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

особенно актуально в случае, когда они делают заявления о сущностном значении терминов. Для мыслителя в области права сказать, что неприкосновенность личной информации «является» чем-то – посредством отсылки к праву, статуту и юридической теории – очень часто означает то же самое, что сказать, что неприкосновенность личной информации «не является» тем, что мы привыкли понимать под этим в обычной ситуации. С точки зрения лингвиста это неправильно. И даже юристы должны понимать, что «неприкосновенность личной информации» не является технико-юридическим термином. Она не может им быть. Мы задаемся вопросом о том, есть ли у обычных людей разумные ожидания о неприкосновенности их личной информации. Значение данного термина в большой степени зависит от того, что ожидают люди, когда считают что-либо «неприкосновенным». Неприкосновенность личной информации практикуется в спальне и ванной комнатах, но не в комнате суда. И нам необходимо идти по пути лингвистов».⁷²

Функционально в данном тексте приведенные цитаты проясняют одновременно две вещи: подход автора настоящего исследования к юридической терминологии (термины не «высечены в камне», не отражают какие-либо «сущности», а инструментальны) и, в то же время, иллюстрируют один из тезисов работы – в особом смысле приведенной методологии Дж. Фэйрфилда, концепция семантических пределов права нацелена на определение правил соотнесения семантики «юридико-технических терминов» с семантикой их прототипов, соответствующих естественному языку.

В развитие приведенных идей имеет смысл также заострить внимание и на том аспекте, что социальный конструкционизм (который составляет часть методологии реконструкции семантических пределов права во взаимосвязи с концепцией обобщенных символических посредников, как это будет показано в Главах 2 и 3 настоящего исследования), лежит и в основе общего научного мировоззрения, предопределившего содержание и направленность настоящего

⁷² Ibid. P. 1169.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

исследования, а также методику его построения. Идеи, выраженные в книге П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»,⁷³ часто выступающие предметом анализа, переосмысления и дискуссии в рамках Санкт-петербургской школы философии права, позволяют рассматривать право как социальный институт, имеющий субъективно-объективную природу. Сложно не согласиться с концепцией правогенеза, представленной в трудах А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, согласно которой право представляет собой явление, конструируемое в процессе коммуникации субъектами, осуществляющими последовательность коммуникативных действий, в результате которых и формируется данный социальный институт. Действия социальных субъектов, проявляющих себя вовне, т.е. осуществляющих экстернализацию, проходят процессы хабиутализации (опривычивания) в случае, если они позволяют наилучшим образом достичь социально значимой цели.⁷⁴ Опривыченные действия впоследствии взаимно типизируются и формируют образцы поведения социальных субъектов. Опривыченные действия интернализируются – усваиваются социальными субъектами в процессе коммуникации. Таким образом формируются социальные институты, и право представляет собой один из таких социально-конструируемых институтов.⁷⁵ Что это означает для методологии юридической науки?

⁷³ См. напр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

⁷⁴ Отметим, что вопрос о том, какие цели рассматриваются в качестве «социально-значимых» и составляют, в определенном смысле, предмет настоящего исследования. Можно легко принять данное выражение за самоочевидное, но юридическая практика нуждается в четких ориентирах, которые, как нам кажется, и может предложить «соединенная» с теорией [предмета] правоотношения в юриспруденции концепция обобщенных символических посредников из теоретической социологии.

⁷⁵ См.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 75 – 81. Как отмечают авторы:

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Как минимум, что такие термины как «наука», «исследовать», «разрешать научную проблему» и прочие им подобные, столь привычные для академического дискурса, обладают некоторой долей условности или метафоричности. С уважением относясь, например, к своего рода платонической традиции юснатурализма, тем не менее, отметим, что о праве в целом нам известно главным образом то, что оно «существует» в качестве коммуникативной практики, которая воспроизводится в процессе взаимодействия людей, разделяющих определённый минимум общих ценностей. Более того, когда мы произносим слово «право», не следует питать иллюзии о том, что мы однозначно имеем в виду строгое, раз и навсегда определённое смысловое поле. Напротив, вся история развития правовой мысли показывает многообразие возможных значений или, если быть точным, нюансов значений и различного распределения удельного веса между различными смысловыми составляющими термина «право». Здесь натуральным образом можно высказать фразу: «Юридическая наука принципиально отличается от естественных и точных наук». С одной стороны, она точно выражает смысл. С другой стороны, она может быть интерпретирована как иносказание фразы «Термин “наука” используется в отношении юриспруденции и в отношении естественных и точных наук в разных смыслах». Что совершенно нормально, просто таковы правила устоявшейся «языковой игры» в терминологии Л. Витгенштейна. И право, и указанные неюридические науки, действительно, объединяет принцип формирования

«Институциональный мир, как и любой отдельный институт, – это объективированная человеческая деятельность. Это означает, что, несмотря на то что социальный мир отмечен объективностью в человеческом восприятии, тем самым он не приобретает **независимости от человеческой деятельности**, в процессе которой он создается» (с. 80).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

знаний за счет абстрактных терминологических моделей. В то же время, в самом общем виде, такие абстрактные терминологические модели юриспруденции отличаются от естественно-научных и тех, что свойственны точным наукам. Наивный вопрос о том, как можно считать наукой право, если право – это то, что создается людьми, на деле становится выражением фундаментальной природы юридического знания. Юридическая наука лишь частично изучает объективные по отношению к конкретному субъекту факты. В другой части юридическая наука эти факты изменяет и создает в рамках сложной коммуникативной деятельности.

Таким образом, общая методология настоящего исследования, определяющая субъективный, но научно-обоснованный взгляд автора на то, каким образом исследование должно строиться, предполагает следующие основные посылки:

Во-первых, термины «юридическая наука», «исследование», «разрешение научной проблемы» и прочие подобные отчасти представляют собой иносказание для процесса конструирования правовой реальности как субъективно-объективной реальности, предполагающей «картографирование» действительности в рамках моделей нормативных общественных отношений.

Во-вторых, «конструирование» такой субъективно-объективной реальности, хотя и содержит в себе элемент творческого усмотрения, развивается в рамках *sui generis* «языковой игры» (в терминологии «позднего» Л. Витгенштейна). Дискурсивная практика юридической науки, в рамках которой осуществляется настоящее исследование, – это практика языковой игры. Однако уже сейчас отметим, что игра – не всегда несерьезна.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В-третьих, языковая игра – это, прежде всего, игра. И, как у всякой игры, у нее есть правила, которые и определяют ее как явление. Если не соблюдать правила игры, то игра исчезает. Если обращаться к «несерьезным» примерам настоящей работы, лучше всего это видно на примере настольных ролевых игр.⁷⁶ Соответственно, право – это языковая игра, которая должна осуществляться по определенным правилам.

В-четвертых, как уже было отмечено, если нарушать правила языковой игры под названием «право», то такая языковая игра перестает существовать. Нарушитель этой игры, говоря уже языком Й. Хёйзинги, – «шпильбрехер»,⁷⁷ который портит игру, разрушает ее. В итоге, уже сейчас становится очевидно, что семантические пределы права определяются пограничными случаями права как «языковой игры».

Завершая разговор об общей методологии, отметим, что основной посыл работы двойственный и, в некотором смысле, «авторефлексивный». С одной стороны, исследуемый феномен, обозначенный термином «семантические пределы права», представляет собой явление, которое актуализируется на современном этапе информационного общества, культура которого характеризуется дуализмом *вымышленного* (художественного, виртуального, несерьезного) и *настоящего* (документального, реального, серьезного), эпитомией чего являются виртуальные игровые контексты. С другой стороны, в свете такой методологии, к праву как к коммуникативной практике, конституирующей институт субъективно-объективной социальной реальности,

⁷⁶ Они «существуют» лишь постольку, поскольку их участники поддерживают коммуникацию «как если бы» (вспоминая “*als ob*” Х. Файхингера) разговор шел о событиях, происходящих «на самом деле».

⁷⁷ Нем. *spielbrecher*, букв. «ломающий игру».

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

самому по себе применима метафора «языковой игры», и объяснение семантических пределов права весьма органично строится на такой методологии, имеющей в своей основе лингвистический поворот постклассического типа научной рациональности и социальный конструкционизм. Таким образом, закономерно, что и право само по себе может быть рассмотрено как [языковая] игра. В самом таком взгляде, несмотря на некоторую, возможно, кажущуюся спорность с консервативных эстетических и этических позиций, *модель* описания права, – подчеркнем, одна из возможных, – предполагающая опору на игровые метафоры представляется вполне работоспособной. Более того, как ни странно, такая точка зрения, в социально-гуманитарном дискурсе в целом, и философии права в частности, уже встречался опыт осмысления юридической реальности именно в таком направлении, что продемонстрировано в настоящем исследовании.

В заключение данного параграфа, необходимо затронуть еще один важный вопрос. Если право, теория права и, тем более, отдельные теории в рамках юриспруденции – это [языковые] игры, то где истинность как критерий научного знания? Прежде всего, отметим, что, независимо от теории истины, истинность или ложность – это возможное логическое качество отдельных высказываний, а не теории в целом (тем более, юридической теории). Применение терминов «истинность» и «ложность» в отношении теории в целом может рассматриваться только как метафора. Однако, в то же время, юридическая теория может быть *справедливой* и *несправедливой*, и это уже совсем другой вопрос. Высказывание о праве может быть истинным или ложным в рамках онтологии определенной теории, однако теория может быть справедливой или несправедливой с точки

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

зрения, внешней по отношению к такой теории. Данный методологический подход предполагает самостоятельность юриспруденции не в системе научных дисциплин, а в системе знания. Слово «наука» в самом общем смысле (а равно и в том смысле, который придают этому термину известные нормативные документы) в качестве значения имеет не экспериментальную естественную науку, а родственные, в терминологии Л. Витгенштейна, области *знания*. Такое знание может быть естественно-научным, социально-гуманитарным и *юридическим*. Возможно, еще каким-либо, что находится за пределами настоящего исследования, в том числе его методологической части. Справедливость – критерий «научности» юридических теорий в широком смысле слова. Что есть справедливость – не устанавливается и по определению не может быть установлено естественно-научными методами, но выступает в качестве инструмента оценки юридических теорий.

© Архипов Владислав Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 2. Правовые коллизии игровой деятельности в цифровой среде как исходная посылка исследования

Игровая деятельность в цифровой среде,⁷⁸ не относящаяся к азартным играм в юридическом смысле слова,⁷⁹ и возникающие в связи с ней правовые коллизии, служат исходной посылкой настоящего исследования. В настоящем параграфе исследования заострим внимание на наиболее релевантных аспектах проблемы, стремясь не повторять (кроме нескольких принципиальных) те положения и тезисы, касающиеся юридических исследований в области игровой деятельности, которые развивались автором с 2011 года.⁸⁰ Отметим только, что интерес к данной проблематике только растет, о чем свидетельствуют и последние публикации, в которых отражаются идеи, по существу созвучные тем, которые были представлены автором настоящего исследования уже более пяти

⁷⁸ Здесь в контексте настоящей работы мы подразумеваем отсылку к гипотетическим и актуальным правовым коллизиям, возникающим при взаимодействии между игроками и игровыми компаниями, а также между самими игроками без участия игровых компаний, применительно, в первую очередь, к разного рода «виртуальным мирам» и многопользовательским ролевым онлайн-играм, поскольку в продуктах индустрии цифровых развлечений этого жанра в наибольшей степени проявляется свойство *постоянства* (“*persistence*”) виртуального мира, понимаемого в узком технологическом смысле. Подразумеваются примеры от классического объекта социально-гуманитарных наук – *Second Life*, – до современных проектов вроде *The Elder Scrolls: Online*, а также малоисследованные, но весьма перспективные для *game studies* классические текстовые игры – *Achaea*, *Aardwolf* и др.

⁷⁹ Юридические критерии азартных игр в России и за рубежом предполагают существенное отличие таковых от не азартных компьютерных игр, как иммерсивных, так и киберспортивных. Отграничение азартных игр от не азартных более подробно исследуется в следующем параграфе, поскольку эти явления остаются во многом в одном контексте обсуждения и критики. Любопытно, что право давно выработало подходы к азартным играм, но к современным компьютерным – еще нет, и время от времени правовые коллизии вызваны именно несоответствием подходов, применимых к азартным играм, природе отношений, возникающих в связи с иммерсивными компьютерными играми.

⁸⁰ Речь идет, в частности, о следующих публикациях: Arkhipov V.V., *Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research* / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019) и Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – СПб., 2013. – № 2 (307). – С. 93-114.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

лет назад, что, вероятно, можно только приветствовать с точки зрения легитимации проблемы в научном дискурсе.⁸¹

На наш взгляд, как практические, так и теоретические⁸² проблемы многопользовательских онлайн-игр с постоянной (англ. “*persistent*”) средой представляют крайне удачный срез правовой проблематики цифровой эпохи и медиального поворота⁸³ – не только «до сих пор» (основной этап исследований пришёлся на первую декаду XXI века), но и «особенно сейчас», поскольку именно переосмысление общей социокультурной значимости данной проблематики заставляет задуматься о том, что дело, наверное, не только в играх – оно в изменении социальных практик в условиях медиального поворота в целом. Данная точка зрения основана, в том числе, и на той оценке, которую методологическому потенциалу правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде давали ведущие современные теоретики права, включая Р. Познера.⁸⁴

Для простоты, но без потери смысла, мы можем использовать термин «виртуальный мир» для того, чтобы отразить ту область социальных практик, которые являются основным предметом исследования в настоящем параграфе. В

⁸¹ См. напр.: Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Том 13. – № 2. – С. 9–35.

⁸² На практике эти проблемы периодически проявляются, однако нельзя сказать, что количество дел и их значимость для экономического и социокультурного пространства столь велики, чтобы такое положение дел можно было бы считать критическим для всего общества. В то же время, мы придерживаемся тезиса о том, что это не отменяет фундаментальной значимости примера для цифровой эпохи и общества в условиях медиального поворота.

⁸³ Более подробное обоснование данного тезиса было представлено в следующей публикации: Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – СПб., 2013. – № 2 (307). – С. 93–114.

⁸⁴ См. напр.: Au W.J. Second Life of Judge Richard A. Posner [Electronic resource] // New World Notes. – [Site]. – URL: https://nwn.blogs.com/nwn/2006/12/the_second_life.html (accessed: 04.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

контексте информационных технологий данный термин означает симулируемую компьютерными средствами относительно постоянную среду, в которой пользователи взаимодействуют друг с другом посредством обособленных виртуальных репрезентаций («аватар»). Так, один из первых современных исследователей виртуальных миров Б.Т. Дюранске отмечал, что все виртуальные миры представляют собой симулируемые компьютерными средствами пространства (среды), все предназначены для «заселения» аватарами, все допускают взаимодействие между пользователями, многие обеспечивают сохранение пользовательского контента (англ. “*user generated content*” или “*UGC*”), во многих есть экономические системы.⁸⁵ История виртуальных миров насчитывает уже не один десяток лет, первые из них появились на рубеже 1980-х гг.⁸⁶ С точки зрения как теоретической социологии, так и игровых исследований (англ. “*game studies*”), может вызывать интерес то обстоятельство, что в играх складывается обособленный контекст общения, который позволяет задуматься о квалификации отношений в них как «виртуальной социальной реальности», подобно тому, как в социальном конструкционизме концептуализируется социальная реальность как таковая.⁸⁷ В таких условиях определенные артефакты виртуального мира начинают восприниматься пользователями как достаточно

⁸⁵ Duranske B.T. *Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds.* – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. 2008. P. 2.

⁸⁶ См.: Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований. С. 96–97.

⁸⁷ Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований. С. 98. Более подробно данное направление мысли было развито автором в работе, подготовленной для целей участия в 25 Мировом конгрессе Международной ассоциации философии права и социальной философии, см.: Arkhipov V.V., *Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper* [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

ценные для того, чтобы тратить на них реальные ресурсы. За счет этого сформировалась и экономическая модель, используемая в игровой продукции, предполагающая возможность «продажи» виртуального контента за реальные деньги пользователям игровыми компаниями, а также «серый»⁸⁸ рынок» торговли виртуальными предметами между самими игроками.

Появление относительно реального экономического компонента виртуальных правовых отношений породило три взаимосвязанных вопроса. *Во-первых*, можно ли применять «реальное» право к отношениям в игре, и если да – то в каких случаях. *Во-вторых*, каким образом квалифицировать «виртуальное имущество» с точки зрения гражданского права. *В-третьих*, если мы допускаем возможность вмешательства «реального» права в отношения с «виртуальным имуществом», в какой степени и в каких случаях возможно вмешательство «реального» права *в другие области виртуальных отношений*. Контекст этих вопросов наглядно может быть отражен в аннотации к книге «Виртуальная справедливость» (“*Virtual Justice*”)⁸⁹ Г. Ластовки, профессора Школы права Рутгерского университета (ныне, к сожалению, почившего), одного из ключевых исследователей правовых аспектов виртуальных миров:

«Десятки миллионов людей сегодня проживают часть своей жизни в виртуальном мире. В таких местах как *World of Warcraft*, *Second Life* и *Free Realms*, люди находят друзей, организуют сообщества, создают предметы искусства и зарабатывают реальные деньги. Расцветает виртуальный бизнес, и миллиарды долларов идут в оплату пикселей на экране. Но иногда дело может пойти не так, как надо. Виртуальные преступники обманывают онлайн-сообщества в поисках

⁸⁸ «Серый» – поскольку пользовательские соглашения чаще всего содержат запреты игрокам на совершение «делок» с виртуальными предметами.

⁸⁹ См.: Lastowka G. *The New Laws of Online Worlds (Annotation)* [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice> (accessed: 04.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

реальной выгоды. Люди чувствуют себя обманутыми, когда их аватары теряют виртуальную собственность по вине злоумышленников. Все больше и больше в поиске решений они обращаются к [реальным] правовым системам. Но какой закон может вам помочь, если ограблен ваш аватар?»⁹⁰

Обратимся к примерам правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде, но подчеркнем, что **для целей настоящего исследования нам необходимо выявить общетеоретическую проблему, репрезентативным примером которой они выступают.** Вопросы подхода и правовой квалификации игровых отношений и виртуальной собственности в узком смысле слова нам интересны только в той части, в которой они служат делу развития основного содержания исследования. В связи с этим, в настоящем параграфе будет приведен далеко не весь комплекс дел, связанных с отношениями в рамках компьютерных игр, а лишь иллюстративные примеры, иначе мы рискуем уйти от основного тезиса настоящей работы, который заключается в том, что в условиях медиального поворота (отражением которого в полном и совершенном смысле слова и являются виртуальные отношения в играх), может и должна быть переосмыслена универсальная проблема семантических пределов права.⁹¹ Для этого обратимся к нескольким репрезентативным делам из российской правовой системы, затем представим краткий обзор развития юридической практики в данной области в зарубежных странах.

Одни из первых дел в России, в которых была затронута рассматриваемая проблематика, связаны с исковыми требованиями пользователя, которого

⁹⁰ Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice> (accessed: 04.02.2019).

⁹¹ Как бы автору не хотелось превратить это исследование в книгу, аналогичную «Виртуальной справедливости» Г. Ластовки или «Виртуальному праву» Б. Дюранске.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

заблокировали в нескольких онлайн-играх в связи с подозрением о нарушении правил игры. Пользователь полагал, что нарушены его права как потребителя, однако суд счёл необходимым применить положения Главы 58 ГК РФ («Проведение игр и пари»). Напомним, что п. 1 ст. 1062 ГК РФ предусматривает, что требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением требований лиц, принявших участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари, а также требований, указанных в пункте 5 статьи 1063 ГК РФ (о требованиях, связанных с неисполнением организатором игр обязанности по выплате выигрыша). Применение данной статьи, ориентированной на собственно внутриигровые события, будь то азартные, спортивные и иные, в том числе, многопользовательские компьютерные игры, сомнительно, но в этом и заключается суть проблемы.⁹² Пример такого правоприменения отражен, собственно, в Определении Басманного районного суда города Москвы от 01.06.2011 по делу № 11-43/11 и делу № 11-115/09, Определении Московского городского суда от 10.03.2011 по делу № 4г/1-1668 и, наконец, сам подход нашел отражение и в Определении Конституционного Суда

⁹² Точное и всестороннее обобщение дискуссии по поводу термина «азартная игра» в ст. 1062 ГК РФ приводит Е.А. Останина в следующей статье: Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей [Электронный ресурс] // Право в сфере Интернета: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», С. 188–210. Е.А. Останина также приводит в пример несколько исследований, в которых рассматривается возможность уточнения терминологии ст. 1062 ГК РФ и включения прямого указания на «азартные игры...». См., в частности: Багно Ю.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из игр и пари: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004; Павленко П.В. Гражданско-правовое регулирование игр, пари и смежных с ними институтов гражданского права (сравнительный аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Российской Федерации от 26.06.2011 № 684-О-О (в котором термин «игра» в ст. 1062 ГК РФ был сочтен формально-определенным).

В деле, которое слушалось в Басманном районном суде города Москвы, истец требовал возмещения материального ущерба, взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами и компенсации морального вреда. В период с 16.02.2009 г. по 23.02.2009 г. ответчиком (игровой компанией) учетная запись истца была заблокирована, в связи с чем, по мнению истца, сокращением на три дня срока пользования виртуальным предметом, а также сокращением на семь дней срока пользования платной подпиской на игровой сервис, ему был причинен материальный ущерб. Суд первой инстанции вынес решение об отказе в удовлетворении иска (что впоследствии подтвердил и суд апелляционной инстанции). Хотя суд согласился с тем, что сама возможность участия в игре опосредуется договором, он пришел к выводу, что возможность применения права как бы завершается в тот момент, когда пользователь согласился с правилами игры. Дальнейшая правовая оценка действий пользователя, в свою очередь, зависела уже от оценки того обстоятельства, соблюдал или нет пользователь данные правила, но данная квалификация уже не входила в предмет рассмотрения суда. В доктрине, включая специальные работы по вопросам виртуальной собственности и автора настоящего исследования, данная правовая квалификация считается спорной. Причина в том, что в случае, когда пользователь осуществляет оплату какой-либо ценности (пока не будем утверждать, что это, например, услуги) *«реальными» деньгами* в «виртуальном» мире, потенциально возможно действие Закона Российской Федерации от

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».⁹³ Момент, действительно, сложный для аргументации: с одной стороны, в отношении фигурирует ценность, имеющая однозначно «реальное» значение (деньги), с другой стороны вопрос о возможности соответствующего возмещения пользователю зависит от правил игры.

Другой подход был впоследствии реализован в аналогичных по фактам последующих спорах. Так, Б. Семенюта, приводящий актуальный на 2014 год обзор практики по данному вопросу,⁹⁴ ссылается на Определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26.05.2013 г., в котором суд отметил следующее:

«...в интерактивной компьютерной онлайн-игре... отсутствует условие о "выигрыше", т.е. о денежных средствах или ином имуществе, в том числе имущественных правах, подлежащих выплате или передаче участнику азартной игры при наступлении результата азартной игры, предусмотренного правилами, установленными организатором азартной игры, в связи с чем отсутствует существенное условие "азартной игры" или "пари". В связи с тем, что интерактивная компьютерная онлайн-игра... не является азартной игрой или пари, положения главы 58 ГК РФ, в том числе и ст. 1062 ГК РФ, применению не подлежат».

В указанном деле суд квалифицировал правовые отношения между игровой компанией и игроком как отношения между профессиональной стороной (исполнителем) и потребителем. Эта квалификация, на первый взгляд,

⁹³ Игровой сервис в целом вполне укладывается в основополагающие определения данного закона, согласно которым «потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» (абз. 3 Преамбулы), а «исполнитель – организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору» (абз. 4 Преамбулы).

⁹⁴ См.: Семенюта Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 8. – С. 38 - 45.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

выглядит более разумной, поскольку в отношениях между игровой компанией и пользователем, определенно присутствует, как минимум, элемент договора оказания услуг, который является (в случае с подпиской) или может быть (в случае с условно-бесплатной или *“free to play”* моделью виртуального мира) возмездным. Оставим вопрос о фактах и их оценке суду и частноправовым исследованиям, а для целей нашей работы подчеркнем, что возмездность услуг, возможно, является основанием для применения законодательства о защите прав потребителей вполне обоснованно не только в силу догматических или отраслевых соображений, но и в силу определенных фундаментальных особенностей отношений, возникающих между пользователями и игровыми компаниями.

В этом контексте подход, согласно которому отношения между игровой компанией и пользователем, как минимум, в части могут быть квалифицированы как потребительские, был развит в, пожалуй, самом значимом и серьезном деле по поводу правовой природы виртуальной собственности (таково действительное положение дел, с формальной же точки зрения данное дело было делом о налоговой ответственности и не более). Речь идет о споре Федеральной налоговой службы Российской Федерации и Обществом с ограниченной ответственностью «Мэйл.Ру Геймз», который нашел свое отражение, в частности, в следующих судебных актах: Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 18.06.2015 г. № Ф05-7093/2015 по делу № А40-91072/14 и Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 12.10.2015 г. № Ф05-13554/2015 по делу № А40-56211/14. Если делать обобщение, то суть спора заключалась в следующем. Игровая компания опиралась на представление о том,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

что отношения между ней и пользователями по поводу виртуального имущества могут быть полностью объяснены концепцией лицензионных отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности. Виртуальная собственность – это часть интеллектуальной собственности игровой компании, которая лицензируется игроку. Для налоговых целей такая квалификация критически важна, поскольку п. 26 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – «НК РФ») устанавливает, что не подлежит налогообложению НДС (освобождается от налогообложения) реализация (а также передача, выполнение, оказание для собственных нужд) на территории Российской Федерации исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, **программы для электронных вычислительных машин** (о них и речь), базы данных, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора. Опираясь на возможность применения данного исключения к отношениям по «реализации виртуальной собственности», игровая компания не уплачивала НДС. В свою очередь, ФНС РФ посчитала это необоснованным и только по одному из дел доначислила 184 023 052 рубля НДС (точек и запятых нет – более ста восьмидесяти четырех миллионов рублей – сумму из судебного акта приводим как лишнее подтверждение экономической значимости такой, казалось бы, узкой области отношений). Аргументация ФНС РФ, если излагать по существу, заключалась в том, что отношения по поводу результатов интеллектуальной деятельности в данной ситуации может быть и есть, но это не устраняет другого пласта отношений между пользователем и игровой компанией.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Для того, чтобы использовать «дополнительный игровой функционал» пользователю не только необходимо предоставить право использования соответствующих результатов интеллектуальной деятельности, но и обеспечить определенные изменения в деятельности по организации игрового процесса, а это уже услуги. Что нам важно в этом деле в специфическом общем ракурсе настоящего исследования: суд обратил внимание на то, что один и тот же комплекс общественных отношений (по поводу игры и виртуального мира) может рассматриваться с разных сторон – в нем может быть выделен отдельный предмет отношений. Именно об этом более подробно мы поговорим в Главах 2 и 3 настоящего исследования, когда речь пойдет о выделении критериев семантических пределов права.

Приведенные примеры, безусловно, не исчерпывают весь комплекс дел по вопросам виртуальной собственности. Более того, практика продолжает развиваться. В последнем на момент написания данного текста деле по иску игрока популярной игры к игровой компании (Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2018 г. по Делу №33-10610) суд, напротив, отказался от безусловного применения норм о защите прав потребителей. Согласно тексту апелляционного определения, основным аргумент был процессуальным – дело не может рассматриваться судом в Российской Федерации, поскольку сторонами посредством *лицензионного* соглашения была изменена территориальная подсудность, и дело должно рассматриваться в судах иностранного государства, где зарегистрирована компания, а сам факт заключения такого соглашения как части лицензионного соглашения истцом не оспаривался. Однако в ходе фактической подготовки позиции в рамках

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

слушаний,⁹⁵ существенное значение для разрешения спора имел факт «обвинения» игровой компанией истца в нарушении **правил игры** (использовании «неправомерных» способов получения игровых преимуществ) и признание такого факта пользователем. В то же время, такая аргументация как раз и была возможна под тем условием, что суд квалифицирует отношения между пользователем и игровой компанией как лицензионные отношения, поскольку именно в лицензионном договоре можно с разумной степенью свободы определять пределы использования результата интеллектуальной деятельности. Таким образом, вопрос о пределах возможного вмешательства права в игровые отношения в контексте многопользовательских онлайн-игр (и, как показывает последнее из приведенных дел, не только ролевых), остается открытым.

Зарубежная практика в отношении аналогичных споров развивается в сопоставимом ключе. Поскольку принципиальные аспекты, актуальные именно для предмета настоящего исследования, вполне раскрываются уже на приведенных выше примерах, мы, вслед за Е.А. Останиной, можем остановиться лишь на упоминании двух примеров. Первый из них – дело, рассматривавшееся в штате Пенсильвания, США, *Bragg v. Linden Research, Inc.* (2007).⁹⁶ Адвокат Марк Брэгг, являвшийся пользователем Second Life, в 2005 году приобрел на виртуальном аукционе виртуального мира земельный участок за реальные

⁹⁵ По данным представителя игровой компании, с которым консультировался автор настоящего исследования.

⁹⁶ Хотя для нарративных целей мы приводим последовательность изложения примеров, соответствующей статье Е.А. Останиной (которая, в свою очередь, в своей работе цитирует и более ранние труды В.В. Архипова, что с благодарностью подмечает автор настоящего исследования), отметим один из непосредственных источников: *Bragg v. Linden Research, Inc.*, 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007) [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-paed-2_06-cv-04925/summary (accessed: 11.02.2019). По этой ссылке нам интересна вторая закладка, содержащая отсылку к основному судебному меморандуму по делу.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

деньги, используя изъян в механике игры, в связи с чем его учетная запись была заблокирована. М. Брэгг требовал возмещения денег, вложенных в учетную запись, а суть спора сводилась к оценке вопросов договорного и процессуального права – при наличии реальной стоимости у виртуального имущества у суда не возникло принципиальных сомнений в возможности применить «реальное» право в данном случае. В том числе, поскольку ответчик сам позиционировал механику виртуального мира таким образом, что она позволяет иметь некие имущественные права в виртуальной собственности.⁹⁷ В свою очередь, в деле *Blizzard Entertainment* (правообладатель *World of Warcraft*), которое слушалось в 2014 году в Берлине,⁹⁸ суд счел возможным применить законодательство о защите прав потребителей к отношениям между игровой компанией и игроками, оценивая правомерность определенных пунктов пользовательского соглашения. Особых затруднений при этом по вопросу о применимости реального права к виртуальным отношениям у суда не возникло, поскольку тот аспект, в котором дело рассматривалось, был сочтен вполне реальным.

Но подчеркнем, что все приведенные выше примеры касаются отношений именно между игровыми компаниями и отдельными игроками (пользователями). Судебной практике пока, к сожалению,⁹⁹ не известны случаи споров между самими пользователями, тогда как в них, вероятно, рассматриваемая

⁹⁷ Memorandum of May 30, 2007 / *Bragg v. Linden Research, Inc.*, 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007) [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: <http://www.paed.uscourts.gov/documents/opinions/07D0658P.pdf> (accessed: 20.02.2019).

⁹⁸ См.: Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей [Электронный ресурс] // Право в сфере Интернета: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹⁹ С точки зрения обывателей этическая оценка интереса юристов такого рода сродни, вероятно, этической оценке интересов патологоанатома, жаждущего новых знаний в своей профессиональной области и сожалеющего о недостатке эмпирического материала.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

проблематика проявилась бы в полной мере. Возможно, такие споры применительно к прежним виртуальным мирам уже и не появятся, поскольку технологии в частности и информационная продукция в целом меняются очень быстро. Тем не менее, попробуем теоретически смоделировать еще одно возможное направление правовых коллизий.

На первый взгляд, «виртуальная собственность» (понимаемая в узком смысле слова как предметы «существующие» в виртуальных мирах и представляющие собой ценность для пользователей в рамках имитации экономической системы – дома, транспорт, оружие, валюта и т.п.) представляет собой частный социальный институт, относящийся к игровым практикам. Однако именно на примере виртуальной собственности наиболее прямолинейно обнажается проблема семантических пределов права, менее очевидная в контексте «классического» художественного творчества или в пространстве несерьезной коммуникации. Более того, именно проблема виртуальной собственности совершенно очевидно затрагивает специальные юридические аспекты проблемы, которым и посвящено настоящее исследование.

Рассмотрим данную импликацию на известном примере одной из первых действительно массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр “*Ultima Online*”, которой 24 сентября 2018 года исполнился уже двадцать один год. Эта игра во многом предопределила дальнейшее развитие индустрии интерактивных развлечений. Игра относится к жанру графических MMORPG. Она не была первой в этом жанре, именно она вошла в Книгу рекордов Гиннесса как первая игра такого рода, которая насчитывала сто тысяч игроков в 2008 году. Через четыре года, в 2012 году, она вошла в список 100 величайших компьютерных игр

© Архипов Владислав Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

в истории по версии журнала “TIME”. Примеры, которые дает материал данной игры, актуальны как для социально-гуманитарных наук в целом, так и для юриспруденции в частности.

«Архитектурные свойства игры, в том числе отсутствие на определенных серверах со старыми, наиболее строгими правилами, каких-либо гарантий, заложенных игровой механикой, в части обеспечения неприкосновенности виртуальной собственности, явно способствовали такому положению дел. Отметим, что большинство новых многопользовательских ролевых игр после *Ultima Online* до текущего момента, в основном, предусматривают своего рода «техническую неприкосновенность» виртуальной собственности, запрещая произвольные действия с собственностью других игроков на уровне программного кода... Сейчас эта тенденция, возможно, вновь сменяется на модель «открытых» в этом плане виртуальных миров, однако новые проекты с аналогичной механикой носят, в основном, все же экспериментальный характер. В формате классических правил игры *Ultima Online* объекты виртуальной собственности существуют не только в инвентаре игроков, при выбытии из которого они «уничтожаются», а как бы объективно в самом виртуальном мире: если игрок выбросит предмет из своего инвентаря, то условно этот же предмет может быть, например, подобран другим.¹⁰⁰ При этом параллельно формируется рынок обмена виртуальных предметов в игре на «реальные» деньги, что в итоге стало причиной для совершенно нестандартной ситуации: внутри игры предмет может быть украден одним персонажем у другого, и это допускается правилами игры, но такой предмет мог быть куплен за «реальные» деньги. Соответственно, возникает противоречие: правила игры допускают «кражу» в виртуальном мире, но такая разрешенная в игре кража в действительности приводит к определенному ущербу в реальном мире».¹⁰¹

¹⁰⁰ Эта особенность механики важна, поскольку в виртуальном мире она способствует имитации как объективности виртуальной собственности, так и иллюзии «фактического господства» над [виртуальной] вещью.

¹⁰¹ Архипов В.В. Предпосылки концепции смысловых пределов права в контексте современной информационной культуры // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. – М.: ИГП РАН, 2018. – С. 279–280.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Этот пример также заставляет нас задуматься о том, можно ли каким-либо образом квалифицировать такого рода действия игроков в виртуальном мире с точки зрения реального права, и если да, то каким образом.

Рассмотрение вопросов виртуальной собственности уже само по себе дает хорошую пищу для размышлений о том, в какой степени право может быть разумно применимо к виртуальному миру. Но можно сделать и еще один шаг на пути построения теоретических обобщений высокого уровня. Уходя от отраслевой специфики проблем виртуальной собственности можно изменить угол рассмотрения и переформулировать проблему. Действительно, вполне возможно взглянуть на ситуацию иначе и поставить вопрос так: **при каких условиях, правовые тексты могут быть интерпретированы таким образом, что в объем возможных значений будут входить общественные отношения, опосредуемые виртуальной реальностью (причем, заранее отметим, в широком смысле слова)?** Такая постановка вопроса о семантических пределах права, поводом для которой служат вполне прямолинейные проблемы виртуальной собственности, представляется весьма перспективной для теории права в целом, задачи которой сейчас, в условиях медиального поворота, должны быть частично переосмыслены.

Семантические пределы права, действительно, нередко осознаются интуитивно, в том числе, самими правоприменителями. Практическая проблема, как уже было отмечено, заключается в отсутствии разработанной правовой позиции о способах разрешения данной проблемы, вытекающих из теоретических обобщений высокого уровня, поскольку проблема семантических пределов права – это проблема правовой онтологии. Так, в одном из материалов

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

СМИ отражены примеры и от работников Роскомнадзора, также относящийся к контексту многопользовательских игр:

«Однажды к нам поступило решение суда о блокировке сайта с информацией об изготовлении динамита в игре *Minecraft*. На сайте было сказано, что если смешать песок и уголь, то получится динамит. *И вот думаешь, а что с этим судебным решением делать: нельзя же его исполнять и блокировать Minecraft* (выделено мною – **В.А.**). В итоге мы поговорили с юристами и написали в прокуратуру, чтобы они обратились в суд с просьбой пересмотреть решение».¹⁰²

Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области, которое подразумевается в этом отрывке, уже упоминалось на страницах настоящего исследования.¹⁰³ Проблема, которая была затронута в таком, казалось бы не самом значительном деле, в действительности, весьма серьезна. При попытке рационально объяснить, почему именно «нельзя его исполнять и блокировать *Minecraft*» возникают трудности.

С точки зрения позитивного права определенный законом критерий оценки информации, потенциально подлежащей блокировке, в данном случае отсутствует. Эта ситуация отличается от других оснований – например, связанных с информацией, относящейся к детской порнографии или наркотикам.¹⁰⁴ Для текущей правоприменительной практики характерна

¹⁰² Я работаю в Роскомнадзоре [Электронный ресурс] // The Village. 26 июня 2018 г. – [Сайт]. – URL: <https://www.the-village.ru/village/people/howtobe/316129-zapreschalschik> (дата обращения: 28.01.2019).

¹⁰³ Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016. – [Сайт]. – URL: https://zavodoukovsky-tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2018).

¹⁰⁴ Для этого есть прямые критерии, установленные как в ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так и на уровне подзаконных актов.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

следующая ситуация: если какая-либо информация так или иначе противоречит публичному порядку, но при этом отсутствует прямое основание или критерии для такой квалификации, она может быть заблокирована по решению суда, вынесенному после обращения прокурора, действующего в интересах неопределенного круга лиц в порядке ст. 45 ГПК РФ. При вынесении решения суд *de facto* вступает в «область полутени» или «пограничную ситуацию», поскольку опирается лишь на п. 2 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».¹⁰⁵ В такой «области полутени», очевидно, должна подразумеваться определенная рациональная аргументация. Кроме того, как в рассматриваемом случае с *Minecraft*, возникает вопрос о разумных пределах права в отношении игровой, художественной и иной «несерьезной» информации. Возвращаясь к решению из самого примера, мы не можем объяснить такого рода позицию свободой слова и творчества, или *только* этим, потому что речь принципиально идет не об этих свободах как таковых – в некоторых случаях, очевидно, что такого рода информация может быть ограничена. Тот факт, что информация связана с «игрой» сам по себе также говорит мало. С одной стороны, любому, кто играл в *Minecraft*, ясно, что эта игра как таковая вряд ли может составлять угрозу безопасности (если не брать в расчет содержание возможной коммуникации недобросовестных пользователей в редких и, не исключено, гипотетических случаях). С другой стороны, слово «игра» явно недостаточно определенное для того, чтобы оно могло служить каким-либо критерием, ведь

¹⁰⁵ Данный пункт устанавливает, что основанием для включения в Единый реестр [запрещенных сайтов] является, в том числе, вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«русская рулетка» – тоже своего рода игра. Или карточные игры на деньги. Данный пример интересен тем, что заставляет задуматься о том, какие аргументы, поддающиеся рациональной научной реконструкции, могли бы быть использованы для объяснения того, почему критикуемое работником Роскомнадзора судебное решение является ошибочным. Кроме того, он указывает на то, что проблемы, с которыми сталкивается юриспруденция в отношении виртуальных миров, возможно, не ограничены узким игровым контекстом, а связаны с более широким контекстом изменения коммуникативных практик на современном этапе развития информационного общества, о чем речь и пойдет далее.

Значение рассмотренного в настоящем параграфе репрезентативного эмпирического материала следующее: конкуренция подходов, один из которых предполагает возможность «реального» права вмешиваться в «виртуальный» игровой процесс (включая квалификацию отношений как потребительских, рассмотрение виртуальной собственности как иного имущества и т.п.), а другой – исключение возможности такого вмешательства (на основании положений о том, что отношения из игр не подлежат судебной защите либо, например, исходя из лицензионной природы отношений между игровой компанией и пользователем), по сути, представляет собой дискуссию о границах «магического круга» в терминологии Й. Хейзинги или же, в терминологии настоящего исследования, – смысловых или семантических пределах права. С одной стороны, эмпирический факт, который выражается в том, что указанные противоречия сохраняются на практике, следует рассматривать как еще одно подтверждение постулируемой универсальной проблемы. С другой стороны,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

решение данной проблемы, развиваемое в рамках данной работы, позволит структурировать и аргументировать системный подход к применению и толкованию права, а также правотворчеству и в данной области тоже.

§ 3. Взаимосвязь правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде с другими подобными коллизиями

Системный взгляд на правоприменительную практику в современных социокультурных и технологических условиях позволяет предположить, что проблемы, с которыми сталкиваются пользователи и производители многопользовательских компьютерных игр, в действительности, представляют собой срез проблем более широкого характера. На текущий момент в различных правовых системах мира (Россия не является исключением) уже, можно сказать, сформирован корпус правоприменительной практики, определяющий постановку проблемы о семантических пределах права. Речь идет, прежде всего, о тех делах, в которых применение права или отдельные подходы к толкованию правовых норм *интуитивно* воспринимаются как неправильные по причине «абсурдности». Подробнее об абсурде как о категории, имеющей отношение к праву, а также о «доктрине абсурдности» в системе подходов к толкованию права будет сказано в Главе 2 исследования, посвященной методологии разрешения проблемы семантических пределов права. Здесь же отметим, что такие дела сами по себе известны истории права достаточно давно (пожалуй, одним из наиболее ярких мифолого-исторических примеров мог бы быть приказ царя Ксеркса высечь море, однако такой пример может быть оправдан лишь с наивно-

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

современной точки зрения, исключая контекст и другие обстоятельства ситуации¹⁰⁶). Известны подборки курьезных, смешных или поражающих своей нестандартностью иным образом судебных решений из англо-американской правовой системы,¹⁰⁷ характер которой, помноженный на представления о невозможности отказать в судебной защите, «естественным образом» издревле располагал к различным смелым (иногда – «смелым») поворотам. Несомненно, и континентальное право богато различными примерами правоприменения,

¹⁰⁶ Так, Д. Брикель, с точки зрения фактов, отмечает, что, согласно Геродоту, помимо того, чтобы высечь море, Ксеркс приказал обезглавить надсмотрщиков за возведением моста через Геллеспонт, а это уже может несколько изменить общую оценку произошедшего. Кроме того, с точки зрения возможных интерпретаций, автор предлагает оценивать поступок Ксеркса в контексте господствовавших в социальной реальности того времени представлений о богах и героях. «Его поведение интерпретировалось греческими наблюдателями как акт *гибриса* [нарушение воли богов, проистекающее из желания сравниться с ними, своего рода гордыня в языческом обществе], – пишет Д. Брикель, – но истинное значение иное: согласно идеям, относящимся к доисторическим индоевропейским временам, герой должен был доказать свою ценность посредством преодоления сопротивления со стороны воды. Это следствие концепции “огня в воде”, которая может быть реконструирована посредством многих параллелей за пределами Ирана – например, в Риме, Ирландии или даже Греции». См.: Briquel D. The Punishment of the Hellespont by Xerxes: Perception of Religious Behaviour of the Enemy in Conflict Situations [Electronic resource] // Graeco-Latina Brunensia. – 2016. – No. 2. – P. 51. – URL: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/136219> (accessed: 28.01.2019). В свете методологии настоящей работы данный пример может быть раскрыт следующим образом: наказание в отношении моря (оставим за пределами рассмотрения обезглавливание тех, кто организовывал постройку моста) кажется абсурдным, в том числе, с точки зрения права, *сейчас*, но, возможно, не было абсурдным *тогда*. Причина – в изменениях, связанных с субъективно-объективной социально-конструируемой реальностью.

¹⁰⁷ Подборки такого рода можно часто встретить в Интернете. См. напр.: Roberts W. The Dumbest Lawsuits in Recent History [Electronic resource] // Ranker. – [Site]. – URL: <https://www.ranker.com/list/the-13-dumbest-lawsuits-in-recent-history/williammtx> (accessed: 28.01.2019); Unger R. 25 Insane Court Cases That Never Should Have Made It To Court [Electronic resource] // MoneyVersed. – [Site]. – URL: <http://moneyversed.com/absurd-court-cases/> (accessed: 28.01.2019); 10 Weird and Wonderful Cases Every Law Student Should Know About [Electronic resource] // Oxford Royale Academy. – [Site]. – URL: <https://www.oxford-royale.co.uk/articles/weird-wonderful-law-cases.html> (accessed: 28.01.2019) и т.п. Что любопытно, в последней из подборок в качестве «странных и замечательных» судебных дел упоминается *R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC*, одно из дел, которое легло в основу “дела спелеологов” Л. Фуллера (см.: *R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC* [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. – [Site]. – URL: <https://la.utexas.edu/users/jmciver/357L/QueenvDS.PDF>, accessed: 28.01.2019). Также упоминается дело *Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000)* (см.: *Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/88/116/2579076/>, accessed: 28.01.2019). В последнем в аргументации суда постоянно упоминается дихотомия «серьезный» – «несерьезный» применительно к восприятию рекламы и оферты, из которой следовало, что за определенное количество очков в маркетинговой акции можно было приобрести военный истребитель «Харриер» так, что его стоимость оказывалась в несколько десятков раз ниже рыночной.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

подразумевающего факты или аргументацию на грани здравого смысла, однако создание подборок таких решений на данный момент не стало культурным феноменом современного Интернета.¹⁰⁸ Интересная подборка ярких и нестандартных дел (причем реальных, а не гипотетических), в которой нашлось место и виртуальной собственности, представлена С.Л. Будылиным в книге «Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста».¹⁰⁹ Собственно, занимательные противоречия юридической практики, давно служившие причиной улыбок либо, в зависимости от случая, негодования юристов, и составляют часть эмпирического материала, на основе которого сформулирована первоначальная гипотеза о семантических пределах права. Тем не менее, **проблема семантических пределов права актуализируется именно на современном этапе информационного общества в условиях медиального поворота.** В данных условиях информация становится основным «родовым» объектом правоотношений, а правовая коммуникация в цифровой среде по определению имеет информационное измерение. И, в первую очередь, именно в отношении информации (в отличие от осязаемых объектов «реального мира») возможна постановка вопросов, сводимых к релевантным поставленной проблеме дихотомиям «воображаемое и реальное», «серьезное и несерьезное» и иным аналогичным.

¹⁰⁸ Читатель, располагающий свободным временем, может сравнить количество ссылок по ключевым словам “funny US court decisions” и “funny EU court decisions” (или аналогичным) и увидеть, что Европа куда более серьезно относится к своим органам правосудия. С освещением подобных дел в России ситуация развивается вместе с правовой системой. Не так давно подборку сделал коллектив сайта Право.ру, см.: Топ-10 самых нелепых судебных споров в России [Электронный ресурс] // Право.ру. – [Сайт]. – URL: <https://pravo.ru/story/204500/> (дата обращения: 28.01.2019).

¹⁰⁹ Будылин С.Л. Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста. – М.: «Инфотропик Медиа», 2017. – 308 с. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Однако если бы пример с *Minecraft*, который служит иллюстрацией поворота угла зрения от узкой группы вопросов виртуальной собственности к более широкому контексту, был единственным возможным, проблема вряд ли могла бы претендовать на универсальность. В ходе предварительной работы с эмпирическим материалом были выявлены и иные, указанные далее области, к которым относятся репрезентативные примеры нормативных источников и практики, релевантные предмету настоящего исследования о семантических пределах права. Отметим, что для целей настоящей работы нормативные источники и эмпирический материал отобраны преимущественно в отношении правовой системы Российской Федерации, поскольку настоящее исследование, прежде всего, ориентировано на развитие отечественной правовой доктрины в свете актуальных проблем российской правовой системы. В то же время, в случаях, когда примеры полезны для развития соответствующих тезисов, приводится эмпирический материал и из иных юрисдикций. Каковы основные области, в которых мы видим правовые коллизии, аналогичные (по крайней мере, на каком-либо уровне теоретического обобщения) правовым коллизиям игровой деятельности в цифровой среде?

§ 3.1. Оговорки о «художественном» в критериях запрещенной в Интернете информации

Один из наиболее близких и наглядных примеров – нормативные источники и эмпирический материал в области **критериев оценки информации**,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

распространение которой в сети Интернет запрещено.¹¹⁰ В действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации, устанавливающих ограничения на распространение информации исходя из публичного интереса, в некоторых случаях содержатся исключения, связанные с художественным характером соответствующей информации. Данный факт свидетельствует о том, что рассматриваемая проблема уже начинает осознаваться на уровне правотворчества, однако в указанной системе норм не всегда прослеживается системность, по крайней мере, на первый взгляд.

Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 251, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017¹¹¹ конкретизирует критерии информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации (далее – «Критерии запрещенной информации»).¹¹² В трех случаях из двадцати семи содержится

¹¹⁰ Если иное прямо не следует из содержания настоящего исследования (как, например, в случае с представлением о промежуточной между абсурдом и здравым смыслом области «взвешивания» - см. Главу 3 настоящей работы, а также Приложение № 1 к ней), данные и последующие аналогичные примеры мы рассматриваем вне контекста проблем цензуры и реализации конституционных прав на свободу слова и свободу информации – это предмет отдельного исследования.

¹¹¹ Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 251, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (зарегистрирован в Минюсте России 27.06.2017 г. № 47207).

¹¹² Перечень такой информации по состоянию на 21.02.2019 г. включает материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (пдп. «а» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации), информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

оговорка о «художественных произведениях», а в двух случаях – о «художественной ценности».

Так, рассмотрим для сравнения общий критерий, имеющий в своей основе наличие материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (Глава I Критериев запрещенной информации). Оговорка о художественных произведениях или ценности отсутствует, например, в п. 1.1 Критериев запрещенной информации, относящих к запрещенной информации любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные¹¹³ откровенно сексуальные действия, или любое

веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений (пдп. «б» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информацию о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства (пдп. «в» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами (пдп. «г» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информации, нарушающей требования Федерального закона от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 11.11.2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях» о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети «Интернет» и иных средств связи (пдп. «д» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информации, содержащей предложения о розничной продаже дистанционным способом алкогольной продукции, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, и (или) этилового спирта, и (или) спиртосодержащей непивной продукции, розничная продажа которой ограничена или запрещена законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции (пдп. «е» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации). В самом конце 2018 года вступили в силу поправки, которые дополнили критерии еще одним – «информация, направленная на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц (пдп. «ж» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации).

¹¹³ Здесь в контексте настоящего исследования также можно упомянуть примечания к статье 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации («Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних»), введенные Федеральным законом от 23.06.2016 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статью 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях противодействия обороту порнографической продукции с использованием несовершеннолетних и (или) среди несовершеннолетних и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Так, к числу подобных материалов, в том числе, относятся: любое изображение или описание в сексуальных целях несовершеннолетнего, совершающего либо *имитирующего* половое сношение или иные действия сексуального

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

изображение половых органов ребенка в сексуальных целях. Сложно не согласиться с таким разумным и обоснованным подходом. В то же время, в п. 1.4 Критериев запрещенной информации в качестве таковой рассматривается информация, направленная на возбуждение сексуальных чувств по отношению к несовершеннолетним либо оправдывающая сексуальное поведение в отношении несовершеннолетних. И вот к этому критерию добавлена следующая оговорка:

«За исключением художественных произведений, в которых описываются оправданные их жанром и (или) сюжетом отношения между несовершеннолетними, а также несовершеннолетними и взрослыми, не подпадающие под критерии, указанные в пунктах 1.1 – 1.3 настоящей главы».

По-видимому, подразумевалась классика мировой литературы – например, роман В.В. Набокова «Лолита». Категорически не принимая детскую порнографию как допустимое явление, можно в то же время заметить, что п. 1.3 Критериев запрещенной информации, например, упоминает такой критерий, как «информация о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера, содержащие сведения о местах проведения зрелищных мероприятий либо контактную информацию». Каких-либо оговорок о художественных произведениях применительно к данному пункту не содержится, однако будет ли (и должен ли) данный критерий подлежать применению к художественному произведению,

характера, а также совершеннолетнего лица, *изображающего* несовершеннолетнего, совершающего либо *имитирующего* данные действия (отметим – в последнем случае, в рамках модели, отраженной в правовом тексте, совершеннолетний *изображает* несовершеннолетнего и при этом также *имитирует* соответствующие действия). При этом, однако, что второе примечание к данной статье предусматривает исключение для материалов или предметов, имеющих историческую, художественную или культурную ценность либо предназначенных для использования в научных или медицинских целях, либо в образовательной деятельности в установленном федеральным законом порядке.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

допустим, в детективном жанре, в котором указанная информация, в том числе о местах проведения таких мероприятий является полностью вымышленной и относится к иллюстративным элементам произведения, направленного на демонстрацию, в том числе, неотвратимости наказания за соответствующие преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних? Аналогичный вопрос, к слову, возникает и в отношении исторически-значимой информации, например, из судебных сводок XIX века, которая может содержать сведения, буквально соответствующие данному критерию, но утратившие свою актуальность для повседневности.

Схожая ситуация и с приведенными в Главе II Критериев запрещенной информации критериями оценки информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, аналогов наркотических средств и психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее, для краткости – «наркотические средства»). Так, п. 2.1.1 Критериев запрещенной информации устанавливает в качестве такового информацию, описывающую либо дающую представление о порядке действий по изготовлению, разработке и использованию тех или иных видов наркотических средств (в том числе описание процессов и (или) инструкций (схем) их разработки, изготовления и использования), а также способах использования прекурсоров для их изготовления. Устанавливается и оговорка: «За исключением художественных произведений, в которых описывается информация, оправданная их жанром». Действительно, мировая литература и кинематограф (а равно и другие произведения) особенно XX века, содержат отдельные примеры, где такая

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

информация, по-видимому, сюжетом или жанром оправдана. Такая же оговорка содержится и в п. 2.1.6, устанавливающим в качестве критерия информацию, направленную на формирование у целевой аудитории положительного образа лиц, осуществляющих изготовление, разработку и использование наркотических средств, предоставляющих услуги по их приобретению либо осуществляющих культивирование растений, содержащих наркотические средства. Вряд ли нужно далеко идти за примерами из популярной культуры – можно вспомнить и отечественный фильм «Игла» (в той части, в которой в фильме, говоря предельно формальным языком, демонстрируются лица, осуществляющие использование наркотических средств),¹¹⁴ с участием Виктора Цоя и Петра Мамонова в главных ролях и – возможно, это будет более наглядно, – американского сериала «Во все тяжкие» (англ. “*Breaking Bad*”),¹¹⁵ который, вероятно, можно считать направленным на формирование у целевой аудитории положительного образа лиц, осуществляющих изготовление Наркотических средств.

Более сложная в свете настоящего исследования картина представлена в Главе III Критериев запрещенной информации, раскрывающей критерии оценки информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства, необходимые для принятия решений, являющихся основаниям для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети Интернет, а также сетевых адресов в Единый реестр. Оговорка о художественном применима только в отношении п. 3.2.2 Критериев запрещенной

¹¹⁴ См. Игла (1988) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/igla-1988-42576/> (дата обращения: 21.02.2019 г.).

¹¹⁵ См. Во все тяжкие (сериал, 2008 – 2013) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/404900/> (дата обращения: 21.02.2019 г.).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

информации – *«наличие информации о совокупности необходимых для самоубийства условий (выбор места, времени. Способа, иные подготовительные действия, которые необходимо совершить для достижения цели самоубийства)»*. При этом сама оговорка выражена более строго, чем в предшествующих случаях, поскольку упоминает она охраняемые законодательством произведения, имеющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность для общества. Оставив в стороне специальные отраслевые вопросы и сомнения, связанные с системным толкованием данного положения,¹¹⁶ отметим, что речь идет уже не просто о художественных произведениях, в которых описывается информация, оправданная их жанром. Как же быть тогда, например, с охраняемыми законодательством произведениями, имеющими незначительную художественную ценность, или с неохраняемыми произведениями (если таковые можно представить), художественная ценность которых, тем не менее, значительна? В область сомнений могут войти следующие примеры. Так, п. 3.1 Критериев запрещенной информации ограничивает распространение «призывов к совершению самоубийства». К таковым относится, например, наличие указания самоубийство как на способ решения проблемы (п. 3.1.2). Будет ли отнесен, в таком случае, к запрещенной информации какой-либо очевидный образец черного юмора? Комментарий с такой же логикой представляется уместным и в

¹¹⁶ Например, следует ли толковать термин «произведение» в том же ключе, как это предусмотрено для положений части четвертой ГК РФ (подразумеваются объекты авторского права) в свете того принципа лексического филологического толкования, согласно которому нельзя без достаточных оснований наделять одни и те же термины из разных отраслей права одним и тем же значением. Подчеркнем, что в контексте законодательства о культурном наследии термин «произведение» может толковаться более широко, чем для целей права интеллектуальной собственности.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

отношении п. 3.1.5 – *«выражение осуждения, высмеивания неудавшейся попытки совершить самоубийство»*. И как быть с историческими и современными культурными различиями? П. 3.1.3 немногим ранее указывает еще на один из критериев, по которым подлежат выявлению призывы к совершению самоубийства, а именно *«выражение положительно оценки либо одобрение: совершения самоубийства либо действий, направленных на самоубийство, или намерений реального (воображаемого) собеседника или третьего лица совершить самоубийство, а также призыва, побуждающего совершить самоубийство»*. В свете культурных различий совершенно очевидно, что данные критерии могут быть применимы к культуре ритуальных самоубийств средневековой Японии (впрочем, в мире современных ценностей, данная проблема, скорее, относится к событиям, утратившим свою актуальность, о чем речь также пойдет далее в работе).

§ 3.2. Защита детей от информации и правовая квалификация «насилия» в жестоких компьютерных играх

В контексте настоящего исследования нельзя не обойти стороной и особый случай прямого применения правовых норм к общественным отношениям, в которых информация выступает в качестве непосредственного предмета. Наиболее наглядны, в этом смысле, положения различных нормативных актов, ориентированные на **защиту детей от информации, которая может причинить вред их здоровью и развитию**. Нормы такого рода в разной форме существуют во многих странах мира. В одних случаях они закреплены на уровне

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

саморегулирования,¹¹⁷ в других – на уровне гетерономных правовых текстов, устанавливающих нормы официального права.¹¹⁸ В Российской Федерации реализована как раз последняя модель, и критерии соответствующей информации закреплены в Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – «Закон о защите детей»). Проблематика данной предметной области в том ракурсе, который представлен в настоящем исследовании, отчетливо раскрывается на примере дискуссий о компьютерных играх. В частности, о «жестоких компьютерных играх». Не отрицая необходимость серьезных научных исследований о влиянии новых медиа на психику, с сожалением отметим, что в юридической периодике, как российской, так и зарубежной, прослеживается тенденция: если автор говорит о вреде новой информационной продукции, то весьма вероятно, подобные утверждения будут лишены достаточной и последовательной аргументации.

Например, Е.М. Никитина пишет:

«Что касается игр, в которые играют, находясь в сети, подростки, то эти игры опасны для детей тем, что сами по себе они содержат элементы агрессии, убивая других персонажей игры в сети онлайн (то же можно сказать и о содержании

¹¹⁷ Речь идет о системах оценки возрастных рейтингов, таких как, например, PEGI (Pan European Game Information) или ESRB (Entertainment Software Rating Board). См. соответственно: PEGI Age Ratings [Electronic resource] // PEGI. – [Site]. – URL: <https://pegi.info/page/pegi-age-ratings> (accessed: 21.02.2019) и ESRB Ratings Guide [Electronic resource] // ESRB. – [Site]. – URL: http://www.esrb.org/ratings/ratings_guide.aspx (accessed: 21.02.2019).

¹¹⁸ В Германии, например, действует смешанная модель: присвоение рейтингов осуществляется саморегулируемой организацией USK, но при этом действует общий закон о защите детей – Jugendschutzgesetz (JuSchG) от 23 июля 2002 г. См.: USK - Unterhaltungssoftware Selbstkontrolle [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: <http://www.usk.de/en/> (accessed: 21.02.2019) и Protection of Young Persons Act (Jugendschutzgesetz, JuSchG) of 23 July 2002 [Federal Law Gazette BGBl. I p. 2730, 2003 I, p. 476] [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/fileadmin/documents/Publisher_Bereich/2017_JuSchG_englisch.pdf (accessed: 21.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

большинства обычных компьютерных игр, покупаемых детьми на простых компьютерных дисках), дети становятся более жестокими».¹¹⁹

К сожалению, в статье не приводится каких-либо научных обоснований к данной позиции, позволивших бы считать должным образом аргументированной, а не выражающей субъективное эмоциональное мнение автора, не говоря уже о данных психологических, медицинских и социологических исследований, которые ведутся в мире уже более 25 лет и в большинстве случаев доступны.¹²⁰ Автор далее приводит пример убийства одним игроком онлайн-игры другого на почве ссоры,¹²¹ однако, во-первых, осужденному в приведенном автором примере 22 года – он совершеннолетний, и пример с ним мало соотносится с проблемой влияния компьютерных игр на психику детей (как и с проблемами ювенальной юстиции – статья опубликована в одноименном журнале), а во-вторых, из факта совершения такого преступления само по себе никак не следует, что противоправное поведение находится в причинно-следственной связи с игрой. В мире более двух миллиардов игроков в компьютерные игры,¹²² и устанавливать взаимосвязи такого рода кажется не очень убедительным. Подчеркнем, однако, что для контекста нашей работы иллюстративной является постулирование связи между реальной агрессией и «насилием» в играх. На наш

¹¹⁹ Никитина Е.М. Как уберечь наших детей от негативного влияния СМИ? // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 18.

¹²⁰ См. напр.: Amini T., 25 Video Game Violence Studies, Summarized // Kotaku. 1/17/13 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://kotaku.com/5976781/25-video-game-violence-studies-summarized> (accessed: 11.01.2019).

¹²¹ Никитина Е.М. Как уберечь наших детей от негативного влияния СМИ? // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 18.

¹²² По данным The European Mobile Game Market, 2016 общее количество игроков в компьютерные игры – более чем 2,5 миллиарда человек. См.: Video Gaming Industry Overview // WePC. May 2018. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://www.wepc.com/news/video-game-statistics/> (accessed: 11.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

взгляд, и об этом мы скажем подробнее в Главе 3 настоящего исследования, вопрос о том, что считать насилием в играх, может быть адресован не только психологам, но и юристам – речь идет о вопросах юридического толкования и структурной адекватности между тем, что является насилием в реальности, и что условно называется «насилием» в играх. При таком повороте вопрос соотносится с проблематикой семантических пределов права. Приведем наглядную и условную¹²³ иллюстрацию: реалистичное изображение насилия, структурно-адекватное реальному (которое, в действительности, есть в небольшом количестве по-настоящему жестоких игр вроде серии *Manhunt*¹²⁴) вполне может подпадать под объем правового регулирования законодательства о защите детей, но если в игре присутствует лишь несколько «квадратов» (условных пиксельных объектов), один из которых исчезает при столкновении с другим, на геймерском сленге это вполне может быть «убил». Но с таким же успехом мы можем позиционировать шахматы как игру 18+, поскольку они – игра, полная жестокости и насилия, где подчас ни много ни мало слоны едят королей.

Взвешенная позиция по вопросу насилия в играх в российской периодике представлена в работах А.Д. Белоусова. Автор проводит анализ современных исследований вопроса о возможной связи между компьютерными играми и преступлениями в реальной жизни и заключает, что в этой области не все очевидно. Основной вопрос, по его утверждению, следующий –

¹²³ Условную – поскольку в большинстве современных игр дизайн находится где-то посередине между указанными полярными примерами.

¹²⁴ См.: *Manhunt* [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: <https://www.rockstargames.com/manhunt/> (accessed: 21.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«...в контексте проблемы преступности несовершеннолетних наиболее актуальной нам представляется задача установления не только корреляционной, но и причинно-следственной связи между увлечением подростками компьютерными играми, содержащими сцены насилия, и характеристиками отдельных составляющих их структуры личности, которые, в свою очередь, могут обуславливать и их преступное поведение».¹²⁵

Автор отмечает наличие ряда корреляций, но указывает, что

«при этом остается открытым вопрос: меняется ли деструктивно личность несовершеннолетнего под воздействием игр, содержащих сцены насилия и немотивированной жестокости, либо, напротив, подростки с соответствующими психологическими особенностями выбирают аудиовизуальную продукцию преимущественно такого содержания? Более того, высказываются мнения о положительной роли данных игровых ситуаций, позволяющих снимать излишнюю агрессию как детям, так и взрослым вне реальных межличностных отношений. К этому стоит добавить, что некоторые исследователи считают, что вероятность негативного развития личности под влиянием увлечения компьютерными играми следует считать сильно завышенной».¹²⁶

Опираясь на опыт изучения информации в системе МВД России, а также собственного исследования предполагаемой взаимосвязи, А.Д. Белоусов делает вывод об отсутствии достоверной связи между соответствующими показателями, однако указывает на то, что «жестокие» компьютерные игры могут выступать в качестве одного из нескольких внешних средовых воздействий, частично предопределяющих последующее поведение, и выступает за разработку системы возрастных рейтингов (впоследствии и выразившуюся в системе норм Закона о защите детей, принятого уже после данной публикации), а также за проведение

¹²⁵ Белоусов А.Д. К вопросу о влиянии компьютерных игр на преступное поведение несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2007. № 6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 13.

¹²⁶ Там же. Абз. 14–17.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

дальнейших исследований.¹²⁷ Сходные результаты сравнительного анализа современных исследований отражены и в результатах проекта Санкт-Петербургского государственного университета.¹²⁸

В контексте вышеуказанной дискуссии интересен и опыт признания компьютерного спорта видом спорта.¹²⁹ В частности, не все виды (жанры) компьютерных игр соответствуют спортивной этике и, как следствие, – не все из них признаны. Причина заключается в том, что некоторые из них, как предполагается, основаны на насилии, а это противоречит олимпийскому подходу. В то же время, своего рода «насилие» встречается и в признанных «видах программы дисциплины» компьютерного спорта (т.е. конкретных компьютерных играх). И здесь мы также подходим к вопросу о том, каким образом дискуссия о «жестоких» компьютерных играх связана с предметом настоящей работы. Разумеется, спор о пользе или вреде компьютерных игр выходит далеко за рамки настоящего исследования, однако *спор о том, как следует юридически толковать термин «насилие», используемый в Законе о защите детей*, имеет прямое отношение к изучаемой проблематике семантических пределов права.

¹²⁷ Там же. Абз. 18–25.

¹²⁸ См.: Полезные игры: мировые исследования интерактивных развлечений. Экспертный Совет Игровой Индустрии и СПбГУ о недоказанности вреда видеоигр // DTF. – [Сайт]. – URL: <https://dtf.ru/gamedev/5940-poleznye-igry-mirovye-issledovaniya-interaktivnyh-razvlecheniy> (дата обращения: 21.02.2019).

¹²⁹ В 2016 году Минспорта России во второй раз включило компьютерный спорт в число признанных видов спорта (Приказ Минспорта России от 29.04.2016 г. № 470), в 2017 году – в число видов спорта, развиваемых на федеральном уровне (Приказ Минспорта России от 16.03.2017 г. № 183 в ред. Приказа Минспорта России от 22.01.2018 г. № 49), тогда как Федерация компьютерного спорта России была аккредитована в качестве общероссийской спортивной федерации (Приказ Минспорта России от 05.07.2017 г. № 618). Подробный анализ правовых аспектов киберспорта автором приведен в следующей публикации: Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80 – 92. Также приведем общую статью Дж. Намари и М. Сёблума: Namari J., Sjöblom M. What is eSports and why do people watch it? // Internet Research. – Vol. 27. – Issue 2. – PP. 211–232.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Для прояснения указанного тезиса рассмотрим три примера из игровой индустрии: одну из первых популярных игр “*Space Invaders*”,¹³⁰ киберспортивную дисциплину “*Dota 2*”¹³¹ и запрещенную в ряде стран мира «определенно жестокую» игру “*Manhunt*”.¹³² На примере конкретных материалов из данных игр заметно, что с внешней точки зрения «насилие» выражено совершенно по-разному – от столкновения пикселей с минимумом контекста и коннотаций в первом случае (вряд ли это то же самое насилие, которое мы видим в реальном мире), до фотореалистичного интерактивного процесса в последнем случае. Для целей настоящей работы как раз интересен не столько вопрос о том, следует ли, и если да, то каким образом ограничивать доступ несовершеннолетних к информационной продукции, содержащей изображение или описание насилия, сколько вопрос о том, *в какой момент и при каких условиях совокупность абстрактных пикселей на экране монитора может быть юридически интерпретирована как «насилие»*.¹³³ Данный вопрос

¹³⁰ См.: *Space Invaders. Electronic Game* [Electronic resource] // Encyclopaedia Britannica. – [Site]. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Space-Invaders> (accessed: 21.02.2019).

¹³¹ *Dota 2* [Electronic resource] // *Dota 2*. – [Site]. – URL: <http://ru.dota2.com/> (accessed: 21.02.2019).

¹³² *Manhunt* [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: <https://www.rockstargames.com/manhunt/> (accessed: 21.02.2019).

¹³³ Кстати, с точки зрения социологии права можно предложить следующую гипотезу. В XX веке в целом устанавливается все больше и больше запретов насилие как «способ решения проблемы», в том числе как способ защиты чести и достоинства. Развязывание драки (не говоря уже о вызове на дуэль) в ответ на оскорбление в рамках современных правовых систем приведет к применению наказания не к оскорбившей, а к оскорбленной стороне. В некотором смысле, пострадавшие от посягательств на нематериальные блага, лишаются тех моделей поведения, которые еще не так давно были и социально приемлемыми, и социально одобряемыми. В моральном смысле человек становится незащищенным перед теми, кто не посягает на его физическое тело. Нельзя вызвать на поединок, нельзя дать сдачи. Как следствие – и как реакция на это – обостряется чувство необходимости в равнозначной юридической замене исторических средств защиты чести и достоинства. Отсюда и возникает внезапное «обострение» информационной чувствительности как отдельных граждан, так и общества. Развивается практика в области защиты чести и достоинства (отдельные граждане) и ограничения информации (общество). Соответственно, развитие правового государства и юридического мировоззрения предопределяет ограничение права на свободу слова. Буквально по Гоббсу «война всех против всех» заменяется на тотальные запреты Левиафана.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

непосредственно связан с одним из критериев семантических пределов права, развиваемых в Главе 3 данного исследования.

§ 3.3. Уголовно- и административно-правовая защита исторической памяти

Обратимся к другим примерам. Вопрос о художественном (или, возможно, ином «виртуальном» характере информации) актуален и для **областей административного и уголовного права, связанных с защитой публичного интереса в области исторической памяти**. Практике хорошо известна ст. 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – «КоАП РФ»), ч. 1 которой предусматривает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. При этом ни ст. 20.3 КоАП РФ, ни Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», к которому она отсылает,¹³⁴

¹³⁴ Абз. 3 ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» запрещается пропаганда либо публичное демонстрирование атрибутики или символики организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала для суда и

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

не содержит каких-либо оговорок не только о художественных произведениях, ни о научных или каких-либо иных подобных источниках. На практике это успело породить уже не одну спорную ситуацию. Полностью и искренне разделяя ценности, отраженные в преамбуле к указанному федеральному закону,¹³⁵ отметим концептуальное юридическое противоречие, которое возникает при буквальном или расширительном толковании термина «публичное демонстрирование» в рассматриваемом случае. Если запрещенная символика не может публично демонстрироваться, значит юридически-значимое решение о том, что относится к такой символике, а что – нет, будет выноситься на основании сведений, которые публично не доступны. В свою очередь, смысл принципа, отраженного в ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации подразумевает не только то, что законы и любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина (а в данном случае речь идет как об обязанностях, так и о конституционных правах, в том числе свободно распространять информацию, заниматься творчеством, преподаванием и получать доступ к культурным ценностям) подлежат официальному опубликованию, но и то, что диспозиция правовых норм полностью известна гражданину. Иначе не может действовать презумпция знания закона. Собственно, данное соображение служит или может послужить формально-

наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны.

¹³⁵ Как гласит преамбула: «Исходя из традиций народов России хранить и беречь память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость, принимая во внимание, что забота об участниках, о ветеранах и жертвах войны является историческим долгом общества и государства, учитывая народный, освободительный характер Великой Отечественной войны, участие в ней народов Европы и других континентов, необходимость международного сотрудничества в целях поддержания всеобщего мира и согласия, недопущения проявлений фашизма в любой форме, принимается настоящий Федеральный закон».

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

юридическим аргументом для оговорки о научных и иных целях в отношении иных норм, ограничивающих распространение информации. Тем не менее, в рассматриваемом случае оно проигнорировано. Безусловно, можно прибегнуть к историческому толкованию и сказать, что на данный момент, когда приведенное ограничение в исторической перспективе актуально, всем «и так понятно», о какой символике идет речь, однако данный аргумент вряд ли может рассматриваться как рациональный и соответствующий природе юридической аргументации. Скорее, в данном случае следует говорить о пробеле в законе или о необходимости ограничительно толковать используемый в КоАП РФ термин «публичное распространение». В этом контексте можно вспомнить и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – «УК РФ»). Ч. 1 ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма») предусматривает, в том числе уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично. В принципе, каждый из элементов объективной стороны, отраженный в диспозиции данной правовой нормы может быть осмыслен в контексте проблематики настоящего исследования, но заострить внимание можно на двух наиболее релевантных аспектах юридического толкования в данном случае, связанных с терминами «отрицание фактов» и «заведомо ложные сведения». Могут ли они быть применимы, например, к художественному творчеству или к

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

интерактивным играм, допускающим развитие событий во внутриигровом мире по сценариям «альтернативной истории»?

§ 3.4. Правовая оценка объективной стороны преступлений, совершенных с использованием имитации оружия

Кроме того, очевидно, что правовая оценка информации, в широком смысле слова, может иметь юридическое значение **практически для любых иных преступлений, не обязательно связанных с ней непосредственно** (в этом, кстати, отражается основополагающая роль социальной коммуникации, в том числе с точки зрения теоретической социологии). Примером могут послужить самые разные преступления. Например, п. 13 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» указано, что

«если виновный угрожал заведомо негодным оружием или имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т.д., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни, его действия (при отсутствии отягчающих обстоятельств) следует квалифицировать как разбой, предусмотренный ч. 1 ст. 146 УК РСФСР».

П. 4 действующего на момент написания настоящей работы Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержит следующую формулировку:

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, *имитирующими оружие* (здесь и далее выделено мною – **В.А.**), например, *макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и т.п.*, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств, предусмотренных в качестве признаков преступления) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью первой статьи 162 УК РФ, а в том случае, *если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметам, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж*».

Независимо от уголовно-правовой оценки изменения подхода к рассматриваемым случаям отметим, что проблема в уголовном праве осознается достаточно давно, и что в последнем из процитированных актов также содержится критерий субъективного восприятия потерпевшего, перекликающийся с «теорией согласия» для интерпретации «магического круга» в компьютерных играх, предложенной Дж. Фэйрфилдом (см. § 5 Главы 2 настоящего исследования).

Кроме того, весьма характерна и оценка указанных случаев в современной доктрине уголовного права. Как отмечает Р.С. Гасанов:

«В таких случаях решающее значение для правильной квалификации имеет то, чем *на самом деле* (здесь и далее выделено мною – **В.А.**) являлся предмет (оружием или макетом), и намерения нападающего. Если квалификация угрозы заведомо для нападающего негодным оружием или макетом оружия по ч. 1 ст. 162 УК РФ логична (потерпевший рассматривает его как *реальное оружие*), то этого нельзя сказать о случаях угрозы годным оружием, даже если лицо и не собирается его применять для причинения вреда. Если незаряженное оружие по степени опасности (способности, вернее неспособности, причинить вред) и может быть ближе к макету оружия, то заряженное оружие создает *непосредственную и реальную угрозу (фактическую, а не мнимую потерпевшими)* жизни и здоровью потерпевшего. Для *реального* причинения вреда в данном случае достаточно

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

нажать на курок, что при определенных условиях может быть сделано даже инстинктивно».¹³⁶

§ 3.5. Дискуссии в области права относительно пределов допустимого художественного творчества

Обратимся к методу аналитической философии, взяв в качестве объекта саму приведенную только что цитату. Разумеется, конкретно в данном случае вряд ли требуется особая философия для того, чтобы объяснить, что значат слова, которые автор использовал – «реальный», «фактический», «мнимый», – и достаточно философии здравого смысла. Ведь в цитате идет речь о причинении вреда жизни и здоровью, а это понятно. Отметим, однако, что если бы речь шла даже об имуществе (не говоря уже об информации), то интерпретация указанных слов в правовом контексте будет уже довольно сложной задачей – собственно, настоящее исследование и посвящено ее разрешению. Однако, что важно, природа проблема одна и та же – что считать «серьезным» («реальным», «фактическим» и т.п.) для целей толкования и применения права, а также правотворчества. Полагаем, что данных примеров из области уголовного права,

¹³⁶ Гасанов Р.С. Проблемы квалификации и доказывания разбойных нападений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 35 – 39. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 68. Отметим, что помимо грабежа и разбоя, с точки зрения уголовного права, данная проблема также актуальна для такого преступления как хулиганство. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» указано, что «применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо *декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п.* дает основание для квалификации содеянного по пункту "а" части 1 статьи 213 УК РФ» (т.е. с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия). В доктрине отмечается непоследовательность позиции Верховного Суда в данном вопросе – см. напр. Абубакиров Ф.М. Квалификация причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Российский следователь. 2016. № 13. С. 17 – 20. Однако данная «непоследовательность», собственно, и может рассматриваться в качестве лишнего подтверждения актуальности рассматриваемой проблематики.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

отражающих проблемы восприятия информации вполне достаточно в качестве иллюстрации для исследования, предметом которого не является административно- или уголовно-правовая проблематика.

Оговорки о «художественном» или «историческом» в позитивном праве – одна сторона вопроса. Мы также располагаем весьма любопытным эмпирическим материалом, на примере которого также можно поставить вопрос о **пределах художественного творчества**. Это взгляд как бы с другой стороны: рассуждение начинается не с вопроса о [семантических] пределах права, а напротив – с вопроса о пределах свободы творчества. Речь идет о достаточно хорошо известной проблеме свободы обращения автора с реальным и историческим материалом, например, в случае создания творческих произведений, посвященных реальным историческим фигурам, но относящихся к художественному жанру. С точки зрения права, данные вопросы связаны, в первую очередь, с гражданско-правовым институтом нематериальных благ. Может ли литературное или кинематографическое произведение художественного, а не документального характера, например, в принципе нарушить право реального субъекта или его наследников на честь, достоинство и доброе имя? Может ли творческий и художественный характер произведения в отношении общеизвестного лица давать иммунитет автору от применения законодательства о персональных данных? А об экстремизме? Отметим, что подобные вопросы также особо актуализируются именно в современной информационной культуре. В условиях, когда средства производства, поиска, передачи и распространения стали общедоступными, интенсифицировались и практики, относящиеся к художественному или квази-художественному

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

(подразумеваются произведения, созданные непрофессиональными пользователями) творчеству, а также их обсуждение и, как следствие, накал страстей. Соответственно, обострились и противоречия на фоне правовой неопределенности относительно подходов к разрешению проблемы семантических пределов права в теории и на практике. Рассмотрим несколько практических примеров.

Поскольку в настоящем исследовании заострено внимание именно на современной информационной культуре, будет вполне правомерно взять в качестве одного из примеров комиксы как характерный пример современного массового искусства. Так, в 2019 году издательство «Комильфо»¹³⁷ отказалось от публикации одной из глав комикса про Дэдпула,¹³⁸ ориентируясь на консультацию с экспертом Роспотребнадзора.¹³⁹ Вопрос был связан с одной из историй,

«в которой рассказывается о борьбе Дэдпула с неонацистом по имени Барон Земо. Часть комикса написана от имени отрицательного персонажа: он рассуждает о величии белой расы, восхваляет Гитлера и говорит о необходимости холокоста. Параллельно он восстанавливает Ку-Клукс-Клан и готовит провокацию, чтобы развязать в США межрасовую войну. Перед финальной битвой Дэдпул переодевается в костюм еврея-хасида и называет Барона Земо “нацистским куском [удалено по этическим соображениям]”. Этот выпуск сопровождается послесловием автора, где Дэвид Лафем пишет об отрицательном персонаже:

¹³⁷ См. Издательство «Комильфо» [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <http://www.komilfobook.ru/> (дата обращения: 15.01.2019).

¹³⁸ Дэдпул (“*Deadpool*”) – известный с 1990-х гг. персонаж вселенной комиксов *Marvel Comics* (автор – Фабиан Ницеза), антигерой, обладающий циничным чувством юмора. Неоднократно встречается в кино- и телефильмах, компьютерных играх и, собственно, комиксах. См.: *Deadpool // Marvel*. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://www.marvel.com/characters/deadpool-wade-wilson> (accessed: 15.01.2019).

¹³⁹ Согласно российскому законодательству, за некоторыми исключениями, освещенными в настоящем исследовании, Роспотребнадзор не относится к числу органов, осуществляющих экспертизу информационной продукции, однако это снижает ценности и репрезентативности возникшей дискуссии, особенно, с учетом последующих исторических примеров из практики США.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

“Самое ужасное, что таких в реальном мире полно”. Кроме того, он советует читателям “погуглить про холокост”, предупреждая, что это будет “не смешно”». ¹⁴⁰

Как отмечается в СМИ,

«несмотря на очевидную антинацистскую направленность истории, эксперт Роспотребнадзора заявил, что с точки зрения российского законодательства ¹⁴¹ публикация подобного комикса недопустима. “Эксперт указал на наличие нацистской символики и на неоправданные сюжетом (выделено мною – **В.А.**) высказывания Барона Земо о необходимости холокоста, одобрении действий национал-социалистического режима в Германии и Ку-Клукс-Клана, – сообщил “Ъ” Роман Дмитровский. – Эксперт признал, что образ злодея является карикатурным, а произведение – сатирой, но заявил, что холокост, нацизм и расизм не могут являться объектами сатиры и юмора. Это якобы сделает проблему менее существенной, заставит читателя не считать ее важной, а, следовательно, это пропаганда нацизма». ¹⁴²

¹⁴⁰ См.: Черных А., Карпенко М., Миронова К. Роспотребнадзор победил супергероя. Часть комикса о Дэдпуле не допущена к печати в России // Коммерсант. 15.01.2019, стр. 5. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3854153> (дата обращения: 15.01.2019); В России отказались допускать к печати часть комикса о Дэдпуле // Lenta.Ru. 15 января 2019 г. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/01/15/deadpool/> (дата обращения: 15.01.2019).

¹⁴¹ Между делом отметим, что это лишний раз доказывает, насколько полезным было бы участие юристов в экспертизе контента, поскольку в профессиональные компетенции специалистов из других областей знаний *не входит толкование правовых норм*, – допустимость или недопустимость публикации определяется исходя не только из экспертной оценки содержания как такового, но и из системы правовых норм, правовых позиций Конституционного суда и иных составляющих правовой системы, определяющих пределы реализации конституционных прав, включая право на свободу слова и распространения информации. Кроме того, упоминаемое далее понятие «пропаганды», как оно используется в законе, представляет собой специальный юридический термин, который не обязательно совпадает с тем значением, которое ему придается в неюридических науках, хотя и пересекается с ним (такой же наглядный пример, как и в случае с «азартными играми» - многое, являющееся «азартным» с точки зрения психологии, не является таковым с точки зрения действующего на момент написания настоящей работы российского законодательства). Другое дело, если в комиксе используется символика, до степени смещения схожая с символикой нацистских и иных запрещенных организаций, – в таком случае речь, с формально-юридической точки зрения, действительно, может идти об ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, но этот вопрос мы уже рассмотрели отдельно.

¹⁴² Черных А., Карпенко М., Миронова К. Роспотребнадзор победил супергероя. Часть комикса о Дэдпуле не допущена к печати в России.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Отметим прямое отношение поставленной проблемы к предмету исследования – подпадает или нет такой предмет отношений как сюжет комикса в рассматриваемом варианте, тем более, что соответствующие спорные высказывания не просто осуждаются автором произведения, но и вложены в уста антагониста (!). Весьма характерно, что с экспертом выразил несогласие Президент Российского еврейского конгресса Юрий Каннер:

«“Я не видел этого комикса, но для меня очевидно, что в таких вопросах необходимо учитывать контекст. Давайте вспомним фильм “Семнадцать мгновений весны”, где Штирлиц носит форму СС. И никому не придет в голову называть это пропагандой, – сказал господин Каннер. – Я не понимаю, *какая тут может быть экспертиза, если речь идет об искусстве* (выделено мною – **В.А.**)”. Он отметил, что не видит ничего плохого в том, чтобы рассказать историю холокоста в комиксах: “В наше время подача материала должна быть такой, чтобы зацепить целевую аудиторию. Если молодежь получит знания еще и из комиксов, ничего страшного. Важно, чтобы это происходило с правильной расстановкой акцентов”. Также Юрий Каннер заявил “Ъ”, что шутить можно “по самым разным поводам”, и даже привел пример: “Однажды я был участником официальной российской делегации в Польше, и мы посетили музей нацистского лагеря смерти в Освенциме. За обедом официант спросил у одного известного московского раввина, какую воду тот предпочитает. Раввин ответил: “Обычно я пью воду с газом, но именно в Освенциме, пожалуй, попрошу без газа”. Все посмеялись, никого эта шутка не задела. В тонком вопросе юмора не стоит быть ханжами”».¹⁴³

Данная дискуссия имеет прямое отношение к предмету исследования, поскольку вскрывает проблему пределов действия ограничений на распространение информации. Сам факт наличия такой дискуссии (а это лишь один из возможных примеров в данной области) демонстрирует отсутствие разделяемого в профессиональном сообществе на данный момент решения. В то

¹⁴³ Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

же время, отметим, что приведенная дискуссия представляет собой обмен частными мнениями, а не правоприменительную практику.

Кстати, вопрос о содержании именно комиксов актуален не только для современной России. В США он возник еще в середине XX в. на фоне волны популярности данных изданий. Авторы статьи в «Коммерсанте» приводят мнение эксперта в области комикс-культуры, автора тематического канала в Telegram Ульяна Чеснокова, который упоминает «Кодекс комиксов» (“*Comics Code*”) США 1954 года.¹⁴⁴ Создание данного «Кодекса», представлявшего собой акт саморегулирования индустрии, было обусловлено тем фактом, что в стране, часто воспринимаемой как «колыбель свободы слова», в некоторых городах в 1940-х годах были установлены запреты и организованы *публичные сожжения* тиражей комиксов.¹⁴⁵ В 1955 году в США состоялись слушания Сената по вопросу комиксов со спорным содержанием (при этом ориентированным на взрослую аудиторию). Слушания были связаны с комиксом ужасов Ф. Уэртама (F. Wertham) “*Seduction of the Innocent*”, на обложке которого был изображен рисунок отрубленной головы женщины.¹⁴⁶ М. Костелло приводит следующий диалог между Уильямом Гэйнсом (издателем комикса) и сенатором Эстесом Кефаувером:

«Кефаувер: Вы полагаете, что это хороший вкус?»

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ См.: Costello M.J. *Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America*. New York: Continuum. 2009. P. 7; Nyberg A.K. *Seal of Approval: The Origins and History of the Comics Code*. Vol 1. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. P. 26. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://books.google.ru/books?id=WGDschFUKRQC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 15.01.2019).

¹⁴⁶ См.: Wilson M.D. *Comics Bogeyman: A Look Back at ‘Seduction of the Innocent’* // Comic Alliance. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <http://comicsalliance.com/history-fredric-wertham-seduction-of-the-innocent/> (accessed: 15.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Гэйнс: Да, сэр. Полагаю, именно так, для обложки комикса ужасов. Обложка, исполненная в плохом вкусе, изображала бы голову выше, чтобы было видно, как капает кровь из шеи и течет дальше по телу, так чтобы шея была запятнана кровью.

Кефаувер: На вашей картинке кровь течет из ее рта.

Гэйнс: Немного.

Кефаувер: Кровь и на топоре. Я думаю, большая часть взрослых будет этим шокирована». ¹⁴⁷

В итоге, индустрия пошла по пути самоцензуры и создала «Кодекс Комиксов» 26 октября 1954 года.¹⁴⁸ Любопытно, что содержание Кодекса отражает многие из известных сейчас запретов и ограничений информационного законодательства в отношении распространения публичного распространения определенных видов контента, в том числе в Интернете. Отметим здесь несколько примеров. Так, предусматривается, что «преступления никогда не должны изображаться в таком ключе, чтобы возникала симпатия к преступнику, формировалось недоверие силам правопорядка и правосудия или чтобы у других возникало желание имитировать преступников». Согласно Кодексу, «полицейские, судьи, государственные служащие и соответствующие органы никогда не должны изображаться таким образом, чтобы выражалось неуважение к действующей власти». Среди прочего, Кодекс указывает, что «сцены или инструменты, связанные с ходячими мертвецами, пытками, вампирами и вампиризмом, упырями, каннибализмом и оборотнями запрещаются». Запрещаются бранные и нецензурные слова, а также слова и символы, которые получили «нежелательные значения». Устанавливается запрет на насмешку над

¹⁴⁷ Costello M.J. Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America. P. 7.

¹⁴⁸ См.: The Comics Code of 1954 // Comic Book Legal Defense Fund. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <http://cblidf.org/the-comics-code-of-1954/> (accessed: 15.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

какой-либо религиозной или расовой группой, или посягательство на нее. Примечательно, что Кодекс комиксов США также стоит на защите традиционных семейных ценностей вплоть до запрета на ироничное отношение к разводу или изображение данного акта как желательного. Это лишь несколько характерных примеров. В целом, Кодекс использовался как инструмент саморегулирования, позволяющий определять отношение к информационной продукции и третьим лицам, в том числе рекламодателям. К 2000-м годам, с учетом в целом изменившейся обстановки, издатели постепенно начали отходить от строгого применения маркировок, предусмотренных Кодексом в пользу альтернативных и более мягких способов классификации контента.¹⁴⁹ Однако такое развитие событий не сказалось на остроте самой проблемы, характерным примером чего является дело *Castillo v. Texas*, 79 S.W. 3d 817 (Tex. 2002).¹⁵⁰ В данном деле суд подверг уголовному наказанию продавца комиксов «для взрослых», который продал один из таких комиксов из специальной ограниченной секции для взрослых совершеннолетнему (как потом выяснилось – полицейскому в гражданской одежде), убедившись в его совершеннолетию. Прокурор, однако, высказал «железный» аргумент о том, что все равно «всем известно», что комиксы сами по себе, в любом случае, предназначены для детей.

В то же время, создание Кодекса комиксов можно считать началом долгого процесса развития саморегулирования и самоцензуры американских организаций, которая сейчас преимущественно выражается в развивающихся

¹⁴⁹ Abandonment / Comics Code Authority // Wikipedia. – [Electronic Resource]. – [Site]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Comics_Code_Authority#cite_note-3 (accessed: 15.01.2019).

¹⁵⁰ См.: CBLDF Case Files – Texas v. Castillo [Electronic resource] // Comic Book Legal Defense Fund. – [Site]. – URL: <http://cbldf.org/about-us/case-files/cbldf-case-files/castillo/> (accessed: 21.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

правилах относительно контента на различных пользовательских платформах (например, известный *YouTube*¹⁵¹) и содержательно, но с поправкой на другие приоритеты политического и социокультурного контекста, мало чем отличается от содержания норм публичного права в юрисдикциях, следующих по пути преимущественно прямого законодательного регулирования информационных отношений.

§ 3.6. Шутки, анекдоты и пародии в пределах и за пределами допустимого в юридическом разрезе

Ранее мы рассмотрели примеры семантических пределов права, относящиеся к областям художественного. Помимо этого, очевидно, релевантна еще одна область, но она немного отличается от произведений, охраняемый в той или иной степени авторским правом. Речь идет о «несерьезном» – **шутках, анекдотах и прочих подобных артефактах культуры** (обратим внимание на интернет-мемы XXI столетия), которые относятся к области юмора и сатиры. Одно из наиболее острых бытовых проявлений семантических пределов права на протяжении всей истории человечества косвенно выражается в относительно извечном вопросе о том, можно ли «сесть» за анекдот. Семантические пределы права, в данном случае, определяют ту линию, которая разграничивает юмор или сатиру от оскорбления или иного подобного юридического феномена, связанного с нарушением неимущественных прав. Методология построения описательной

¹⁵¹ См.: YouTube Policies and Safety [Electronic resource] // YouTube. – [Site]. – URL: <https://www.youtube.com/intl/en-GB/yt/about/policies/#community-guidelines> (accessed: 21.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

характеристики такого разграничения напоминает дихотомию «воображаемое» – «реальное». В то же время, рассматриваемая дихотомия несколько иная. Смешное – не обязательно воображаемое.

В связи с упоминанием авторского права имеет смысл вспомнить еще и такое явление как *пародии*. В контексте настоящей работы мы предлагаем рассматривать особенности правового режима пародий с точки зрения авторского права, предполагающего определенную степень исключений из общих правил. Так, например, п. 4 ст. 1274 ГК РФ («Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях») прямо указывает, что создание произведения в жанре литературной, музыкальной или иной пародии либо в жанре карикатуры на основе другого (оригинального) правомерно обнародованного произведения и использование этих пародий либо карикатуры допускаются без согласия автора или иного обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения. Что это как не пример позитивного закрепления семантических пределов права в отношении исключительного права? В обычной ситуации, в которой предметом общественных отношений не выступают пародийные произведения (а, напротив, – серьезные) для создания и, тем более, использования пародии (карикатуры) оригинального произведения, необходимо получение соответствующего разрешения от обладателя исключительного права на оригинальное произведение. Здесь – нет. Причина заключается в том, что, с точки зрения здравого смысла, положения об исключительном праве не могут

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

применяться к тому, что является своего рода шуткой.¹⁵² Тем не менее, следует учитывать и судебную практику, которая предполагает не формальный, а содержательный подход к определению того, может ли какое-либо производное произведение считаться пародией.

Вернемся к юридической проблематике юмора и сатиры. Как отмечают С.В. Борисов и А.В. Жеребченко,

«применение уголовного законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности также должно учитывать ... положения Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации»,¹⁵³ в частности, о том что «юмор и сатира... допускают высокую

¹⁵² Отметим, что в литературе приводится точка зрения, согласно которой правовая природа пародий отличается от производных произведений, и именно поэтому в законодательстве различных стран мира, включая Российскую Федерацию, включено «сверхисключение» относительно пародий. Так, например, С. Зыков отмечает, что «то, что на пародию не распространяется режим производного или составного произведения, дает ответ и на поставленный выше вопрос о причине отсутствия пародии в примерном перечне производных произведений, т.е. созданных в результате переработки. Можно было бы сформулировать, что переработка охватывает создание производного произведения (перевода, обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и тому подобного), за исключением пародии. Если же присмотреться внимательнее, то усматривается и содержательное отличие пародии от переработки: во втором случае сохраняется по меньшей мере внутренняя форма произведения. Изменения претерпевает внешняя форма произведения, например, при переводе с одного языка на другой или при переложении прозаического произведения в сценарное. При пародировании же внутренняя форма претерпевает существенные изменения, система образов представляется в новом соотношении с целью достижения комического эффекта, который является существенным и необходимым признаком пародии». Далее автор ссылается на опыт США и говорит о таком необходимом признаке пародии, как узнаваемость. Именно поэтому позволим себе не согласиться с подходом, поскольку он не включает рассмотрение вопроса об авторских правах, в частности, на персонажей. Дело в том, что согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ, авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонажа произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают требованиям, установленным п. 3 ст. 1259 ГК РФ. Судебная практика говорит о персонажах как объектах авторского права следующее: «...». Представляется крайне сложным избежать создания производного произведения от персонажа при создании пародии именно в условиях, когда узнаваемость является необходимым качеством пародии.

¹⁵³ Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. Монография / Отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. – 264 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018). – Абз. 695 / 2233.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

степень преувеличения, даже провокации, при условии что общество не вводится в заблуждение относительно фактической стороны дела».¹⁵⁴

В данном случае, как можно отметить в контексте настоящего исследования, семантические пределы права выстраиваются по критерию введения общества в заблуждение относительно фактической стороны дела.

Одним из наиболее ярких примеров определения семантических пределов права в коммуникации, которой (как установил суд – неправильно) придавался характер «несерьезного», в практике Европейского суда по правам человека является содержание Решения ЕСПЧ от 20.10.2015 г. по делу «М'Бала М'Бала (M'Bala M'Bala) против Франции» (жалоба № 25239/13).¹⁵⁵ Обстоятельства дела, изложенные в решении, следующие:

«В декабре 2008 года заявитель, артист-комик, известный под именем Дьедонне, являвшийся политическим активистом, предложил преподавателю университета, которому во Франции несколько раз выносились обвинительные приговоры за негационистские и ревизионистские высказывания, отрицающие наличие газовых камер в концентрационных лагерях, выйти вместе с ним на сцену в конце его представления. Затем заявитель позвал актера, одетого «в чем мать родила», то есть в полосатую пижаму, напоминающую одежду депортированных евреев с нашивкой в виде желтой звезды и словом «еврей», чтобы вручить этому преподавателю «награду за нелюдимость и высокомерие». Эта награда представляла собой трехствольный канделябр (семиствольный канделябр является символом иудаизма), каждый ствол которого был увенчан яблоком. Произошедшее было зафиксировано полицией. В октябре 2009 года трибунал большого процесса признал заявителя виновным в публичном оскорблении лица или группы лиц в связи с их происхождением или с тем, принадлежат или не принадлежат они к какому-то конкретному этносу, нации, расе или религии, в данном случае лиц еврейской национальности или вероисповедания. Суд

¹⁵⁴ Цит. по: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. – Абз. 703 / 2233

¹⁵⁵ Информация о Решении ЕСПЧ от 20.10.2015 г. по делу “М'Бала М'Бала (M'Bala M'Bala) против Франции” (жалоба № 25239/13) [Электронный ресурс] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2016. - №. 3. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

назначил заявителю наказание в виде штрафа в размере 10 000 евро, а также обязал его выплатить по одному евро каждому гражданскому истцу в качестве компенсации ущерба. Данный приговор был оставлен без изменения апелляционным судом, а Кассационный суд Франции оставил кассационную жалобу заявителя без удовлетворения».

Ключевая часть решения, имеющая значение для рассматриваемого вопроса, отражена в следующем параграфе:

«Европейский Суд счел, что в ходе оскорбительного эпизода представление утратило характер развлекательного зрелища и превратилось в политическое мероприятие. В конкретных обстоятельствах дела и, принимая во внимание его контекст в целом, заявитель не мог утверждать, что он выступал в качестве актера, имеющего право выражать свои мнения посредством сатиры, юмора и провокации. Фактически под видом комедийного представления он пригласил одного из самых известных французских негационистов, который за год до этого был осужден за отрицание преступления против человечности, с целью оказать ему честь и предоставить ему возможность выступить. Кроме того, во время подчеркнуто нелепой постановки он вывел на сцену актера в одежде, которую носили депортированные евреи в концентрационных лагерях, поручив ему вручить преподавателю награду. Из-за того, что в этой пропаганде негационизма центральное место было отведено преподавателю университета, а евреи, пострадавшие от депортаций, были поставлены в унижительное положение, сопряженное с отрицанием того, что они подвергались истреблению, Европейский Суд усмотрел в ней проявление ненависти и антисемитизма, а также сомнений в реальности Холокоста. Европейский Суд не может допустить, чтобы на представлении, пусть даже сатирическом или провокационном, подпадающем под защиту статьи 10 Конвенции, выражались идеи, которые противоречат основополагающим ценностям Конвенции, нашедшим отражение в Преамбуле к ней, таким как справедливость и мир».¹⁵⁶

В предлагаемом в настоящей работе методологическом ключе допустимо утверждать, что Европейский Суд, таким образом, определил семантические пределы права в данной ситуации.

¹⁵⁶ Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3.7. Материалы, утратившие свою актуальность, в контексте «права на забвение»

Области художественного (воображаемого) и несерьезного (юмора и сатиры), о которых шла речь ранее, и область игрового, о которой речь шла в предыдущем параграфе и пойдет дальше, – не единственные релевантные предмету исследования. **Материалы, которые можно назвать «историческими» или, более широко, утратившими актуальность**, также непосредственно связаны с проблемой семантических пределов права. Как было показано ранее, проблемы с толкованием правовых текстов, направленных, например, на установление ограничений на распространение информации, могут быть актуальны не только для вымысла, но и для реальности – в части событий минувших дней, многие из которых уже не актуальны для настоящего.

В качестве иллюстрации того, что данный ракурс проблемы уже начинает осознаваться в законодательстве, можно обратить внимание на то, как сейчас в Законе об информации реализовано «право на забвение»,¹⁵⁷ воплощенное в ст. 10.3 указанного нормативно-правового акта. Указанная статья возлагает на оператора поисковой системы, на которого распространяется данная норма по

¹⁵⁷ Отметим, что условное название «право на забвение» применительно к специальной норме об обязанностях оператора поисковой системы, которое в России имеет в большей степени значение специальной правовой нормы из области публично-правового регулирования отношений в Интернете, не полностью совпадает с аналогичным «правом на забвение» (“right to be forgotten”) в GDPR, которое сейчас интерпретируется как специальная норма законодательства о персональных данных. Однако источник у обоих подходов общий – это дело ЕСПЧ Марио Костехи Гонсалеса. См.: Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костехи Гонсалеса [Электронный ресурс] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2014. – № 9. – С. 22–23. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

критерию направленности,¹⁵⁸ обязанность по требованию физического лица прекратить выдачу сведений, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, являющейся, в том числе, *«неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость»*. Можно сказать, что данная статья, в некотором смысле, содержит пример отдельных критериев семантических пределов права: утрата значения в силу последующих событий или действий заявителя. При этом за семантические пределы права, в таком смысле, не выходит указанная информация о деяниях, относящихся к области уголовного-правовой практики. Пример с «правом на забвение» представляется весьма уместным для данной части исследования. С сожалением вынуждены отметить, что пояснительная записка к проекту федерального закона, которым, в итоге, была введена ст. 10.3 Закона об информации, не раскрывает подходы к тому, как следует понимать иные признаки «неактуальности» информации.¹⁵⁹

¹⁵⁸ Ст. 10.3 Закона об информации, в силу прямого указания, распространяется на операторов поисковой системы, которые распространяют в сети Интернет рекламу, которая направлена на потребителей, находящихся на территории Российской Федерации. Такое указание само по себе представляет собой один из дискуссионных подходов к определению юрисдикции в Интернете, но рассмотрение данных специальных вопросов информационного права находится за пределами настоящей работы.

¹⁵⁹ Пояснительная записка с Законопроекту № 804132-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» в части установления обязанностей операторов поисковой системы при распространении информации о гражданах [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). – [Сайт]. – URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/804132-6> (дата обращения: 21.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3.8. Проблемы юридического разграничения азартных игр и игр, не являющихся азартными

В качестве еще одной области, которая может послужить источником для примеров, можно вспомнить проблему определения того, **является или нет та или иная игра азартной с точки зрения права**. Проблема разграничения азартных и не азартных игр, на первый взгляд, является узкой и отраслевой. Однако, в то же время, в данной проблеме может быть усмотрено и философско-правовое измерение, соответствующее предмету настоящего исследования. В большинстве юрисдикций и культур азартные игры рассматриваются как социокультурная практика, имеющая негативную ценность, и требующая вмешательства законодателя для установления запретов или, как минимум, ограничений. В связи с этим и возникает проблема правовой квалификации игр как азартных и не азартных, осложненная многозначностью слов «азарт» и «игра» в быденном языке. Кроме того, есть и еще одна грань проблемы правового регулирования азартных игр как таковых. В правовых системах многих стран мира отношения, связанные с организацией азартных игр и участием в них, рассматриваются как допустимый предмет правового регулирования с точки зрения запретов и ограничений. В то же время, требования, вытекающие из данных отношений, часто не подлежат судебной защите в силу прямого указания закона. Этот аспект также непосредственно связан с предметом настоящего исследования.

Прежде чем перейти к рассмотрению игровой деятельности, не относящейся к азартным играм, приведем краткий анализ ситуации с

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

нормативным регулированием самих азартных игр – данная область представляет собой весьма наглядный пример оценки предмета общественных отношений с точки зрения критериев несерьезности и фантазийности, которые более подробно будут раскрыты далее, в контексте методологии настоящего исследования.

Правовая политика, отраженная в действующем российском законодательстве, ограничивает и строго регламентирует деятельность по организации и проведению азартных игр. В отличие от культурологических, этнологических и иных интерпретаций,¹⁶⁰ законодательное определение азартной игры не связывает данный процесс *непосредственно* с психологическим феноменом азарта как таковым (иначе бы практически любую игру можно было бы считать азартной). Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ,¹⁶¹ азартная игра представляет собой основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное между двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры. На первый взгляд, данное определение может или же должно быть применено к какой-либо игре как таковой (например, игре в покер или игре в рулетку). Однако, в действительности, это определение подразумевает правовую квалификацию не

¹⁶⁰ См. напр: Понукалина О.В. Игры общества потребления: конструирование повседневности // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. - №1. – С. 1–7; Ахундова Л.А., Азарова Е.А. Гемблинг как форма нехимической аддикции в современном обществе // Инновационная наука. – 2016. - № 4–5 (16). – С. 91–93.

¹⁶¹ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

игры как таковой, а *договоренности о том, как следует в какую-либо игру играть*. В контексте настоящей работы здесь очевидна параллель между тем, что об играх говорили как М. Мидгли, так и А. Росс, подчеркивая, что любая игра с необходимостью отсылает к договоренностям о том, как в эту игру следует играть, имея в виду не только игровую механику, но и само отношение к игре. Предметом «основанного на риске соглашения о выигрыше...» может быть любой процесс, результат которого заранее не известен и при этом случаен. Причем в доктрине права, относящейся к проблематике правового регулирования деятельности по организации азартных игр, справедливо подчеркивается принципиальная важность надлежащего толкования слова «риск», используемого в приведенном определении. «Риск» в целом понимается как *возможность случайной утраты имущества*, принадлежащего игроку.¹⁶² Вы можете играть в покер, не делая ставки, а наслаждаясь процессом. Такая игра азартной в законодательном смысле не будет. Напротив, играя в шахматы со ставками, деятельность игроков будет представлять собой азартную игру, несмотря на то, что по своей природе шахматы с трудом могут быть рассмотрены как азартная игра в том смысле, в котором это слово употребляется в обыденном языке – в шахматах нет элемента случайности, который был бы предусмотрен самими правилами игры (для целей данного анализа мы не учитываем все возможные «случайности», проистекающие из индивидуальной реакции игроков).

¹⁶² См.: Иванова О.А. Азартные игры: понятие и признаки в концепции российского законодательства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). – С. 111–117.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Подводя промежуточные итоги отметим, что во всех приведенных выше примерах можно выделить нечто общее – это связь предмета общественных отношений с чем-то оторванным от «серьезной» повседневности, а также вытекающие из этого проблемы толкования права применительно к соответствующим ситуациям, которые, по крайней мере, в некоторых случаях могут привести к результатам, абсурдным с точки зрения обыденного языка и здравого смысла. Попробуем более точно охарактеризовать контекст, в котором значимость таких проблем качественно изменяется, и сформировать сообразную такому контексту гипотезу для дальнейшего анализа.

§ 4. Концепция медиального поворота как обобщение ключевых признаков социокультурного контекста проблемы

Актуальный социокультурный контекст, обуславливающий проблему семантических пределов права может быть охарактеризован двумя основными факторами. *Во-первых*, это **цифровой поворот**, подразумевающий такие изменения материальных основ производства, распространения и потребления информации, которые влекут изменения социокультурных практик. *Во-вторых*, это **игровой поворот**, в результате которого, с одной стороны, появляется новая форма [массовой] культуры и искусства (в том числе, влекущая переоценку «серьезности» происходящего в социокоммуникативном измерении), а с другой – поляризующая социальные группы по линии оценки значимости социальных ценностей. Представление об указанных «поворотах» для целей настоящей работы условно и инструментально. Их можно систематизировать и разделять

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

по-разному. Так, руководитель Центра медиафилософии Института философии СПбГУ и *de facto* основатель российского направления медиафилософии В.В. Савчук в книге «Медиафилософия. Приступ реальности»¹⁶³ отмечает:

«В современной философии мы без труда обнаружим различные повороты: онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, постмодернистский, медиальный, антропологический, риторический, пространственный. Их число растет. Оглядевшись пристальнее, кто-то непременно добавит новые, неучтенные».¹⁶⁴

В смысле такой рабочей классификации, и цифровой поворот, и игровой поворот могут рассматриваться как части общего **медиального поворота** (или «медиаповорота»). Такая квалификация имеет двойной смысл в контексте настоящей работы, ведь «обобщенные символические *посредники*», концепция которых лежит в основе разрабатываемого подхода о семантических пределах права, в оригинальных текстах Т. Парсонса и его англоязычных последователей – это “*generalized symbolic media*”, тогда как «посредник» – скорее, традиция перевода в теоретической социологии, но по существу, речь идет и о «медиа» в смысле медиафилософии.

Один из новых ракурсов, который представлен в настоящей работе, заключается как раз в том, чтобы дать **юридическую оценку медиальному повороту**. Это системное явление, которое видоизменяет парадигму социокультурной жизни, едва ли до конца осмысленное в философии, очевидно,

¹⁶³ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА. – 2014. – 162 с. Здесь и далее мы преимущественно сосредоточим внимание на этой работе В.В. Савчука как первом и главном в России монографическом исследовании медиафилософии, по мере необходимости обращаясь и к некоторым зарубежным авторам.

¹⁶⁴ Там же. С. 7.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

существенным образом влияет на круг актуальных проблем юриспруденции. В некотором смысле, данное исследование – исследование о праве в условиях медиального поворота, а проблема семантических пределов права медиальным поворотом прямо и продиктована, о чем свидетельствует значительная часть эмпирического материала, поскольку она связана именно с продуктами медиаповорота, и ни с чем иным. Как отмечает В.В. Савчук,

«после череды важнейших для XX и начала XXI в. поворотов все настоятельнее слышны голоса признать суммирующим и, одновременно, фундаментальным медиальный поворот (medial turn)»;¹⁶⁵ «...медиа – и способ коммуникации, и орудие производства, и **изоощренный способ симуляции** (выделено мною – **В.А.**), и орудие политической борьбы». ¹⁶⁶ Важно и следующее наблюдение: «...после лингвистического приходит медиальный поворот – онтологическое свидетельство изменения реальности, – что бытие и медиареальность отождествляются и взаимозаменяются, растворяясь друг в друге. Этапы его становления таковы: действительность опосредована мышлением, мышление – языком, язык – знаком, знак – медиа. Надстраиваясь друг над другом, “бытие” в современных условиях дается только через медиа». ¹⁶⁷

В этом контексте отметим подсказку к сути общефилософской проблемы исследования: право нацелено на регулирование реальности, но «жесткая реальность» доинформационного общества, в котором сложились основные институты права и само право как социальный институт, трансформируется в современную «игривую медиареальность», в которой сложно (но при этом необходимо!) найти принцип, по которому мы сможем определять ту область применения норм, имеющих предоставительно-обязывающий характер, которая

¹⁶⁵ Там же. С. 19.

¹⁶⁶ Там же. С. 23.

¹⁶⁷ Там же. С. 24.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

не будет противоречить здравому смыслу, иными словами – не приведет к абсурду. И, образно говоря, с точки зрения истории культуры, **до медиального поворота медиарельность была объектом права, но сейчас происходит осмысление того, что право действует в медиареальности**, более того – между медиареальностью и правом возникает диалектическая связь: воздействие перестает быть односторонним, и право также становится объектом медиареальности.

Медиафилософия формируется в эпоху «новых медиа». Хотя «нет более скоропортящегося интеллектуального продукта, чем слово новое»,¹⁶⁸ в контексте данной работы понятно, о чем идет речь. Во избежание путаницы и исключительно для целей настоящего юридического исследования (но не для целей медиафилософии) мы можем заменить слово «новый» на слово «цифровой», это будет более точно.

«При всей очевидности и интуитивной ясности, выражение “новые медиа” не имеют терминологического статуса, – отмечает В.В. Савчук, – скорее, его окружает облако смыслов, отсылающих к компьютеру, всевозможным мобильным устройствам и Интернету».¹⁶⁹

На рубеже XX и XXI в. Л. Манович противопоставил «новые» медиа «старым» именно по линии разграничения «аналоговый – цифровой», выделив пять основных принципов «новых медиа».¹⁷⁰ Как полагает В.В. Савчук, «по прошествии короткого, но насыщенного событиями и открытиями времени

¹⁶⁸ Там же. С. 50.

¹⁶⁹ Там же. С. 49.

¹⁷⁰ См.: Manovich L. The Language of New Media. – London: MIT Press: Cambridge, Massachusetts, 2001. – 202 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

многие отличительные характеристики новых медиа становятся инвалидными, либо уходят во второстепенные и несущественные».¹⁷¹ Тем не менее, данная оценка зависит от предмета исследования. Если для инновационной медиафилософии она, вероятно, будет верна, то для консервативной по своей природе юриспруденции, – нет. Каждый из признаков, выделенных Л. Мановичем, сохраняет актуальность для права, о чем мы ниже скажем отдельно, а в практике правоприменения актуализируется лишь тогда, когда становится *значимым* в смысле конвертируемой «социально-валютной ценности» обобщенных символических посредников (о чем более подробно будет сказано в Главах 2 и 3 настоящего исследования). В современных российских условиях системная юридическая значимость всех признаков, пожалуй, и возникла вместе с Программой «Цифровая экономика Российской Федерации».¹⁷² Какие же принципы формулирует Л. Манович?

Во-первых, новые объекты медиа,¹⁷³ независимо от того, создаются ли они на компьютере изначально, либо оцифровываются впоследствии, состоят из цифрового кода и в своей основе представляют **нумерические репрезентации**. Из этого следует, что новые объекты медиа могут быть описаны математически, и что они могут быть объектом манипуляции посредством алгоритмов. «Если кратко, – отмечает Л. Манович, – медиа становится программируемым».¹⁷⁴ В широком смысле, для права это влечет действительно разнообразные

¹⁷¹ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 50.

¹⁷² Принятие данной Программы – прямой признак «социально-валютной ценности» ряда феноменов, поскольку она была принята институтом политической власти. Опять же, подробнее о таком подходе – далее в работе. Здесь мы все же остановимся на социокультурном контексте.

¹⁷³ Подчеркнем, что «медиа» в данном контексте мы рассматриваем широко – не в смысле феноменов эстетики (не только в этом возможном смысле), но в смысле медиафилософии.

¹⁷⁴ Manovich L. The Language of New Media. P. 27.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

последствия. Например, объекты нового медиа *по определению* будут представлять собой не только *sui generis* объекты правового регулирования (произведения искусства для права интеллектуальной собственности, предмет юридически-значимой коммуникации для договорного права и т.п.), но также всегда – информацию и, потенциально, результат интеллектуальной деятельности. Последнее актуально не только для упомянутого права интеллектуальной собственности, но и для других областей. Возможность манипуляций посредством алгоритмов серьезным образом влияет на оценку новых медиа с точки зрения доказательственного права.¹⁷⁵

Во-вторых, новые объекты медиа **«модулярны» или, иными словами, «фрактальны».**

«Элементы медиа, будь это изображения, звуки, формы или паттерны поведения, представлены в виде коллекции дискретных образцов (пиксели, полигоны, воксели, знаки, скрипты). Данные элементы собираются в объекты большего масштаба, но продолжают сохранять свои отдельные идентичности... Если кратко, новые объекты медиа состоят из независимых частей, каждая из которых состоит из независимых частей поменьше, и так далее, вплоть до уровня самых маленьких “атомов” – пикселей, 3-D точек или текстовых символов».¹⁷⁶

Как отмечает Л. Манович, полностью модулярная структура и у Интернета – речь идет не о сайтах (представлять Интернет в виде совокупности сайтов – упрощенная модель, которая поддерживается главным образом производителями

¹⁷⁵ По крайней мере, в российских реалиях, несмотря на то, что частично такой подход может быть устаревшим (при использовании усиленной квалифицированной электронной подписи), к собственноручным подписям на бумажном носителе доверия больше, чем к электронным. Это вытекает, в том числе, и из текста Федерального закона от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», в ст. 6 которого в качестве «эталона» рассматривается именно документ на бумажном носителе, подписанный собственноручной подписью.

¹⁷⁶ Manovich L. The Language of New Media. PP. 30-31.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

браузеров), а о разнообразных информационных объектах.¹⁷⁷ Юридическое значение данного обстоятельства пересекается с наблюдением, связанным с предыдущим принципом. Кроме того, очевидно и то, что, если не принимать во внимание атомарный уровень, который чаще всего не может оцениваться в таком смысле, каждый «модуль» или «фрактал» может выступать самостоятельным предметом правового регулирования, и при этом такое регулирование средствами «старого» права может вступить в конфликт с регулированием целого большого объекта, состоящего из таких модулей. Аналоговые объекты редко бывают настолько фрактальны именно в этом смысле. Иными словами, преумножается сложность весьма философского, на первый взгляд, вопроса, который на примере гражданского права может быть сформулирован как вопрос о том, в какой момент прекращается право собственности на материалы, и возникает право собственности на вещь, созданную из таких материалов.

В-третьих, это **автоматизация**. Л. Манович подчеркивает, что из нумерического кодирования медиа и модулярной структуры объекта следует возможность автоматизировать множество операций, связанных с созданием и манипуляцией объектом, а также доступом к нему. Участие человека, по крайней мере, в части может быть устранено из данных процессов.¹⁷⁸ Несложно заметить, что данное обстоятельство существенным образом влияет на юридическую оценку – как сейчас, так и в перспективе. Обзор всех возможных юридических проблем, связанных с автоматизированными действиями, выходит далеко за рамки настоящего исследования и заслуживает нескольких самостоятельных

¹⁷⁷ Ibid. P. 31.

¹⁷⁸ Ibid. P. 32.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

монографических исследований. Очевидны импликации проблемы в области искусственного интеллекта и робототехники.¹⁷⁹ Естественным образом возникают проблемы в определении «автора» произведения, исходного или переработанного, если оно создавалось с помощью инструментов автоматизации.¹⁸⁰ Автоматизированная обработка персональных данных (которая, таким образом, стала возможным после того, как такие данные приняли форму цифрового объекта новой медиареальности) урегулирована специальным образом.¹⁸¹ Количество примеров потенциальных и актуальных юридических коллизий, связанных с данным принципом, сложно исчислить.

В-четвертых, речь идет о принципе **вариативности**. Как и в случае с предыдущим принципом, в связи с нумерической репрезентацией и модулярной структурой, «новый объект медиа не представляет собой нечто раз и навсегда зафиксированное, но нечто, что может существовать в различных, потенциально бесконечных версиях».¹⁸² Если взглянуть на этот принцип с юридической точки зрения, становится ясно, что количество потенциальных правовых импликаций

¹⁷⁹ См. напр.: Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – Вып. 6(55). – С. 46–62; Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170; Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 19–27; Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. – Москва, 2016. – № 2. – С. 18–25; Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

¹⁸⁰ См. напр.: Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7–18.

¹⁸¹ Специальные правила, например, предусмотрены в ст. 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 31.12.2017 г.) «Права субъектов персональных данных при принятии решений на основании исключительно автоматизированной обработки их персональных данных». Автоматизированная обработка персональных данных упоминается в пп. 15, 67, 68, 71 Преамбулы, ст. 2, 4, 15 и др. Общего регламента ЕС по защите данных – General Data Protection Regulation (GDPR) – Постановления ЕС 2016/79.

¹⁸² Manovich L. The Language of New Media. PP. 36.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

этого принципа также велико. Ранее статичный и зафиксированный предмет правового регулирования в условиях медиального поворота становится изменчивым, могут меняться, в том числе, те его свойства, которые значимы для правовой квалификации. Как и в предыдущем случае, примеров может быть множество. В качестве одного наглядного примера можем привести следующий, достаточно простой и даже немного устаревший и с точки зрения юриспруденции: материал, размещенный по гиперссылке какого-либо сайта может изменяться произвольно. Раньше там была запрещенная (или разрешенная) информация, а теперь – наоборот. Это порождает ряд вопросов, связанных с юридической ответственностью участников правоотношений, с эффективностью и целесообразностью юридических процедур, нацеленных на блокировку или снятие блокировки с ресурса и т.п. Сам автор приводит развернутый пример «гипермедиа», представляющего собой информационный продукт, состоящий из «лоскутков» информации, объединенной посредством гиперссылок. Понятно, что правовое измерение такого продукта как предмета регулирования будет не менее запутано, чем его техническая структура.

Наконец, *в-пятых*, выделяется принцип **транскодирования**. Л. Манович рассматривает его как самый серьезный по эффекту для культуры. Если кратко, его суть сводится к тому, что происходит «перевод» объектов старого медиа из артефактов человеческой докомпьютерной культуры в число артефактов цифровой реальности. Лучше всего это выразил сам ученый:

«Примером может послужить компьютерное изображение. На уровне репрезентации оно принадлежит к одной стороне человеческой культуры, автоматически входя в диалог с другими изображениями, другими культурными “семами” и “мифемами”. Но на другом уровне, это компьютерный файл, который

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

состоит из машиночитаемого заголовка, за которым идут числа, представляющие значения цветов его пикселей. На этом уровне оно входит в диалог с другими компьютерными файлами. Измерения этого диалога не составляют содержание, значения или формальные качества изображения, но размер и формат файла, тип сжатия и т.д. Если кратко, эти измерения принадлежат собственной космогонии компьютера, а не человеческой культуры... На языке новых медиа, “транскодировать” что-либо – значит перевести это в другой формат. Компьютеризация культуры постепенно предпринимает аналогичное транскодирование в отношении всех культурных категорий и концептов. Иными словами, культурные категории и концепты заменяются на уровне значения и/или языка новыми, которые проистекают из компьютерной онтологии, эпистемологии и прагматики. Новые медиа, таким образом, выступают в качестве провозвестников этого более общего процесса реконцептуализации культуры».¹⁸³

Но реконцептуализация культуры – это реконцептуализация социальной реальности, а реконцептуализация социальной реальности – это, в то же время, сущностные изменения многочисленных предметов правовых отношений.

Подчеркнем, что основной целью настоящего параграфа является систематизация основных предпосылок цифрового поворота. Количество новых технологий и практик растет. Например, не меньший методологический потенциал для настоящего исследования имеют **технологии виртуальной и, особенно, дополненной реальности**, которые будут рассмотрены в Главе 2 настоящего исследования применительно к ситуации с толкованием правового текста, содержащего правовую норму о запрете «транспортных средств» в парке из дискуссии между Г. Хартом и Л. Фуллером.

В целом приведенные выше признаки в интерпретации Л. Мановича описывают ту составляющую медиаповорота, которую мы обозначили как «цифровой поворот». Цифровой поворот задает **условия**, в которых формируется

¹⁸³ Ibid. P. 46-47.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

эмпирическая база для концептуализации проблемы семантических пределов права. Но **содержание** этой проблемы, хотя и зависит от этих условий, но определяется другой составляющей медиального поворота, *ориентированной не на объекты, а на социальные практики*. Речь идет об **игровом повороте**, и о том, что именно компьютерные игры, которые теперь мы рассматриваем, в том числе, как новые медиа, представляют собой яркий и репрезентативный материал для поставленной нами проблемы. Отметим, однако, что и другие социальные практики, задаваемые цифровым поворотом (в том числе, практики общения в социальных сетях как новой разновидностью новых же медиа, о которых, кстати, Л. Манович на момент написания своей книги знать не мог – первые современные социальные сети возникают только в первой декаде XXI века¹⁸⁴), также подталкивают нас к проблеме семантических пределов права, но, в отличие от игр, подобные практики изначально были ориентированы на *реальную*, даже если не всегда *серьезную*, коммуникацию, а потому они менее репрезентативны и наглядны в качестве основного эмпирического материала.

Игровой поворот в культуре определяется следующим контекстом. Как отмечает В.В. Савчук применительно к играм в целом,

«После Й. Хёйзинги, Л. Витгенштейна и Р. Кайуа всерьез говорить о понимании существа игры как онтологического условия культуры, функций, ею исполняемых, ее видов, не учитывая результаты их исследования – самонадеянно. Современные компьютерные игры или сетевые игры, о коих классики – по более чем понятным причинам – писать не могли, а из пишущих ныне преобладают осуждения педагогов, журналистов, психологов, врачей, все еще являются слепым пятном гуманитарных исследований. Тем не менее, они – **точное измерение “температуры” общественных ожиданий, накала противоречий и**

¹⁸⁴ Например, первая версия *Facebook* была запущена в 2004 году. См.: Facebook. Our History [Electronic resource] // Facebook Newroom. – [Site]. – URL: <https://newsroom.fb.com/company-info/> (accessed: 26.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

социальной дисгармонии довольно заметных слоев общества (выделено мною – В.А.)».¹⁸⁵

Отметим, что настоящее исследование не посвящено моральной оценке компьютерных игр, а также юридическим запретам и ограничениям в отношении таковых самим по себе (кроме отдельных специальных примеров из эмпирического материала), поэтому конкретно для юриспруденции проблема негативного восприятия самих исследований, направленных на изучение компьютерных игр как предмета регулирования и правовых отношений, складывающихся по их поводу, не стоит в принципе. И в самом деле, если бы юридическая наука не занималась анализом правового регулирования и иной юридической проблематики всех тех явлений, которые «осуждаются» педагогами, журналистами, психологами и врачами (справедливости ради, отметим, что далеко не все последние исследования свидетельствуют о негативной роли компьютерных игр, – ряд последних исследований говорит об обратном), то количество научных работ по юриспруденции сократилось бы наполовину, а уголовно-правовые и криминологические исследования можно было бы в принципе отбросить за ненадобностью.

Но вернемся к основной теме. Для нас важно следующее наблюдение:

«Компьютерные игры – результат мутации в конце XX века игры как таковой. Они вбирают все типы игр, выделенные Кайуа: *Agôn* (сопоставительные игры), *Aléa* (игры случая, «азартные»), *Mimicry* (подражательные) и *Pinx* (экстатические). Ни раскованная дохристианская античность, ни Средние века с их конвенциональной стыдливостью, ни, тем более, Возрождение с его героическим утверждением

¹⁸⁵ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 135.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

гуманизма, ни увлеченное разумом Новое время, с пафосом решившее взвесить все на его весах, не смогли запретить азартные игры».¹⁸⁶

Подчеркнем, что «азарт» в смысле игровых и медиа-исследований и «азарт» как признак ограничиваемых или запрещаемых юридически игр – это разные, хотя и родственные термины. Как правило, право ограничивает строго определенные категории игр по причине их «азартности» и данный термин специально ограничивает для целей правоприменения. О принципах данного ограничения скажем позднее. Пока отметим, что компьютерные игры представляют собой интересный и репрезентативный объект для исследования не только по той причине, что они соединяют все «старые» игры, но и потому, что они отражают культурные изменения, сопутствующие цифровизации, несмотря на некоторую остаточную маргинализацию, являются стержневым явлением современной информационной культуры и, кроме того, объединяют в себе различные направления искусства.

В целом культурологи отмечают, что

«кардинальная смена практик социализации, идентификации, коммуникации позволяет говорить о существенных социокультурных изменениях, а развитие и внедрение новых технологий оказывают непосредственное влияние на общество и на культуру в целом. Цифровизация, с одной стороны, выступает объединяющим и интегрирующим началом, с другой – вызывает еще большие разломы в обществе и порождает новые формы неравенства и сегрегации».¹⁸⁷

¹⁸⁶ Там же. С. 136–137.

¹⁸⁷ Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Том 7. – № 3. – С. 217.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Автор данного наблюдения, А.А. Лисенкова, среди новых социокультурных вызовов современной эпохи, отмечает, в том числе, «появление сетевых мультиличностей: (Я-один перестает существовать, создаются многопользовательские миры и фэндомные сообщества). Влечет за собой трансформацию способов социализации и идентификации (синтаксис сохранен – *В.А.*)»,¹⁸⁸ а также «трансформацию языковых практик: цифровое поколение говорит на другом языке, языке гиков, используя повсеместно иностранные слова с другими значениями. Эти процессы вызывают изменения языковой культуры и смещение смысловых значений».¹⁸⁹

Как отмечают О.Ю. Волков и Ю.К. Волков,

«...соглашаясь с субъектно-объектной и интерпретацией коммуникативного действия, нельзя не указать на его интересубъективное продолжение. Речь идет о том, что в системе опосредованных объектом субъектно-объектных отношений понимание или непонимание значения и смысла отчужденного знания связано с процессом нового смыслопорождения и субъективирования объективного [3, с.263]. Именно подобная диалогово-коммуникативная семиотическая трактовка информации легла в основу создания персональных устройств, использующих *информационные технологии* с целью общения, что и составило главный системный ресурс информационного общества».¹⁹⁰

Отмечая роль и значимость информационных технологий в жизни современного общества, авторы подчеркивают, что

¹⁸⁸ Там же. С. 220.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Волков О.Ю., Волков Ю.К. Компьютерная игра как технологический и эстетический феномен культуры информационного общества // Приволжский научный вестник. – 2015. – №6-3 (46). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-igra-kak-tehnologicheskij-i-esteticheskij-fenomen-kultury-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 01.10.2017). – С. 80.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«информационные технологии в обществе современного типа реализуются во всех основных сферах человеческой жизнедеятельности, включая самую сложную и масштабную область, идентифицируемую в понятии культура. Более того, степень влияния информационных технологий на область современной культуры оказалась столь значительна, что привела даже к появлению особой информационной культуры»¹⁹¹.

При этом авторы подмечают, что

«наряду с другими формообразующими признаками культуры информационного общества (клиповость, фрагментальность, модульность, изобразительность, метафоричность, многозначность, использование графики и т.д.), ее качественно новым состоянием является наличие зрелой формы т.н. “экранной культуры”, чаще всего определяемой как виртуальная реальность (от лат. *virtualis* – возможный)».¹⁹²

Продолжая рассуждение, исследователи указывают, что

«в информационном культурном пространстве современного социума особое место занимает феномен компьютерных игр», и заключают, что «...оставаясь по форме современным технологическим устройством, по своей эстетической сути компьютерная игра выступает в культуре информационного общества как сложный синтетический аналог игрового искусства и художественного творчества, единства образотворчества и смыслотворчества, одновременно содержащий в себе “бессознательно-художественные” и сознательно-волевые элементы деятельности, оценки и понимания»¹⁹³.

Иными словами, в общем, на современном этапе развития информационного общества формируется информационная культура, одним из

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. С. 80 – 81.

¹⁹³ Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

значимых эстетических феноменов которой являются компьютерные игры.

Однако это лишь одно из возможных проявлений данного аспекта развития.

Как подчеркивает В.В. Савчук,

«с развитием компьютерной техники и технологий виртуальной реальности совершенствовались и компьютерные игры. Изменения коснулись не только формы выражения – графика, сцены, образы, – но и внутренних структур компьютерных игр, которые стали обладать более сложным сюжетом и идеологией. Это привело к тому, что изменился состав играющих. Если ранее, на заре эры компьютеризации, в компьютерные игры играли, в основном, дети и подростки, то с распространением компьютерной техники и последующим развитием виртуальных игр, их потребитель стал более взрослым (он вырос вместе с развитием и совершенствованием самих игр) и образованным. Особняком – поскольку их принимают безусловно, а создание и развитие субсидируют – стоят обучающие игры, тренинги, симуляторы сложных машин и средств ведения войны... Одним из частных, но все же важных следствий является разоблачение мифа о компьютерных играх как о явлении низовой культуры, свойственном детскому возрасту или инфантильным личностям; игры не маргинальны, они являются таким же важным элементом культуры, как и игры психологические, спортивные, художественные, любовные. При этом традиционные игры все чаще прибегают к посредничеству новых медиа».¹⁹⁴

Таким образом, **игровой поворот выражается, в социальной легитимации компьютерных игр** как предмета исследования в социально-гуманитарном научном дискурсе в частности, а в целом – в легитимации компьютерных игр в культуре.¹⁹⁵ Кроме того, из системного осмысления представленных в настоящем параграфе источников следует и еще один важный вывод – **игры не только становятся разновидностью массового, тотального искусства, которое нельзя игнорировать, но и сама культура**

¹⁹⁴ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 139–140.

¹⁹⁵ Особенно следует подчеркнуть факт признания компьютерного спорта официальным видом спорта в некоторых странах, в первую очередь – в Российской Федерации, где это было сделано впервые в истории. Подробнее см.: Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80 – 92.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«игрофицируется».¹⁹⁶ На наш взгляд, последнее критически важно для понимания направленности исследования, посвященного юридическим способам преодоления конфликта между серьезным и несерьезным, здравым смыслом и абсурдом. Терминологический аппарат описания происходящих в рамках игрового поворота событий и тенденций не разработан. В то же время, ясно, что карнавальная культура и игры прошлого принципиально отличаются по масштабу от современных примеров – раньше игры и область несерьезного не были настолько распространены и «растворены» в повседневной жизни, что может быть объяснено экономически (появление большего количества «свободного времени»), психологически (напротив, обращение к развлечениям в минуты кризиса) и, очевидно, технологически (перенос игр в распространенный потребительских технологический ландшафт).

В свете данных рассуждений весьма характерны высказывания и лидеров самой индустрии компьютерных игр. В предисловии к книге Р. Костера, ключевого разработчика многопользовательской ролевой онлайн-игры *Ultima Online*, другой авторитетный гейм-дизайнер Уилл Райт¹⁹⁷ пишет:

«В первые десятилетия разработки интерактивных игр, медленно и с трудом овладевая этим непростым ремеслом, мы позволяли себе игнорировать глобальные вопросы, стоящие за нашей деятельностью. Но теперь мы понемногу начинаем проявлять интерес к ее философским аспектам. Работники игровой

¹⁹⁶ Оригинальный английский термин – “gamification”. Адаптирован, а не транслитерирован, для благозвучности и исключения не относящихся к предмету исследования коннотаций.

¹⁹⁷ Уилл Райт (род. 1960) – сооснователь компании *Maxis*, впоследствии работавший в компании *Electronic Arts*, разработчик известных игр-симуляторов серии *SimCity*, *The Sims* и др. «До Уилла Райта компьютерные симуляции были областью деятельности для военного дела, научных исследований и сообщества. Он же передал их всем». См.: Lifetime Achievement [Electronic resource] // PC Magazine. December 22, 2004. – [Site]. – URL: <https://www.pcmag.com/article2/0,2817,1744159,00.asp> (accessed: 23.01.2019); Will Wright [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: <https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,4217/> (accessed: 23.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

индустрии задаются вопросом: “А что, собственно, представляет собой та новая среда, в которой нам приходится работать?”. Этот научный интерес обусловлен двумя факторами. Во-первых, мы начинаем понимать, что компьютерные игры представляют собой принципиально новое средство взаимодействия, новую область дизайна и, возможно, даже новый вид искусства. И все это заслуживает пристального изучения. Во-вторых, на этих играх вырастает новое поколение, и кто-то из сегодняшних подростков впоследствии захочет войти в ряды разработчиков... Игры (как компьютерные, так и обычные) нелегко изучать в силу их многоаспектности. Их можно рассматривать с самых разных точек зрения. Для разработки и производства игр необходимы знания в области когнитивной психологии, информатики, дизайна игровой среды и написания сценариев – и это далеко не все! Чтобы до конца понять суть игры, вам нужно изучить каждый ее элемент».¹⁹⁸

С распространением компьютерных игр стал востребован их анализ не только с точки зрения самого ремесла (или, иногда, искусства) разработки игр, но и их анализ как артефакта социальной реальности, а также как предмета правового регулирования в широком смысле слова – анализ компьютерных игр с точки зрения права интеллектуальной собственности, скорее, относится к первому направлению. Нам же больше интересны отношения между пользователями, опосредованные компьютерными играми, и определение той тонкой грани, когда связанные с ними отношения становятся настолько *реальными и серьезными*, что право уже не может их игнорировать.

Актуальность и репрезентативность компьютерных игр и значение самого игрового поворота связана не только со «светлой стороной» методологического потенциала исследования игровых отношений как таковых. В.В. Савчук, подходя уже очень близко к юридической плоскости, подмечает, что,

¹⁹⁸ Костер Р. Разработка игр и теория развлечений. – Москва: ДМК Пресс, 2018. – С. x-xi.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«исходя из факта возрастающего распространения и совершенствования компьютерных игр, последние требуют пристального внимания и мониторинга, в том числе отслеживающего появление порнографии, пропаганды наркотиков, расовой и национальной ненависти – это оборотная сторона медиареальности в целом, и компьютерных игр в частности. Это явление рождает все новые феномены, проникая в кино, средства массовой информации, образование (подготовка и обучение специалистов и т.д.). Не следует забывать и такой важный аспект, как возможность использования компьютерных игр в качестве средства манипуляции общественным сознанием. Способность производить преобразования в реальности намного превосходит ее осознание теоретиками и практиками игры. Игра “играет роль” катализатора сплочения общества и регулирует его морально-этическое поведение. Нельзя не заметить, например, необходимости деконструкции способов идеологического воздействия на формирование американской версии Второй мировой войны, отношения к исламским странам, России, третьему миру в конкретных играх».¹⁹⁹

Отметим, что в этом наблюдении уже содержится потенциальная «подсказка» направлению, в котором следует искать вопрос о том, в каких случаях отношения, связанные с содержанием компьютерных игр, формированием такого содержания, а также отношения внутри виртуальной реальности могут неожиданно стать предметом правового регулирования. Кроме того, приведенная цитата возвращает нас к вопросу о пределах права не только в том специальном *семантическом* смысле, который развивается в рамках настоящей работы, но и в смысле моральной философии.

В разговоре о «темной стороне» современной социокультурной трансформации, некоторое (и, возможно, ироничное) пояснение тому, в каком именно ракурсе актуальный социокультурный контекст – информационного общества эпохи постмодерна – интересен в настоящей работе, может дать следующее наблюдение. Упомянутый далее на страницах настоящего

¹⁹⁹ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 141.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

исследования (в § 1 Главы 2) Дж. Фейнберг в книге «Посягательство в отношении других [*“Offense to Others”*]²⁰⁰: моральные пределы уголовного права» предложил читателю мысленный эксперимент. Смысл эксперимента заключается в том, что вы опаздываете на важную встречу, садитесь в автобус (соответственно, возникает замкнутое пространство) и на ваших глазах другие пассажиры начинают осуществлять действия, которые **не соответствуют понятию вреда** в терминологии Дж. Милля, автора основополагающих постулатов для моральных теорий западного мира, но которые явно вам не нравятся. Причем не нравятся настолько, что вы будете готовы рассмотреть возможность установления уголовно-правового запрета в отношении таких действий.

Гарольд Л. Далтон, строгий рецензент Дж. Фейнберга и автор рецензии под названием «“Отвращение” и наказание» (*“Disgust” and Punishment*),²⁰¹ отбирает ряд примеров, из которых в настоящей работе мы, с учетом высоких стандартов отечественного академического стиля, пожалуй, не рискнем полностью привести ни одного, ограничившись лишь общим абстрактным описанием, и при этом дополнительно подчеркнем, что целью отсылок к данным примерам в рамках настоящей работы ни в коем случае не является оскорбление чьих-либо чувств. Самые «яркие» примеры Дж. Фейнберга начинаются с шестой истории, в которой вы становитесь свидетелем поглощения вашими соседями «еды», которая обычно вызывает отвращение. В седьмой – обед перерастает в пир с древнеримским размахом, но с модификацией: соседями поглощается не

²⁰⁰ Точный перевод “offense” как понятия, отличного и от правонарушения как такового, и от «вреда» в миллевском смысле, вряд ли возможен. Дж. Фейнберг, как мы полагаем, имеет в виду нечто, объединяющее посягательство, оскорбление и правонарушение одновременно. Но гораздо меньшей интенсивности, чем «вред» по Дж. Миллю.

²⁰¹ Dalton H.L. “Disgust” and Punishment // The Yale Law Journal. – 1986-1987. – Vol. 96. – PP. 881–913.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

только свежая еда, но уже и частично переваренная. В восьмой встречается разнообразие поглощаемых соседями продуктов жизнедеятельности людей. В одиннадцатой истории напротив вас (подразумевается, что вы добропорядочный христианин) садится молодой человек в футболке, со злой карикатурой в отношении центральной личности вероучения. В двадцать третьей – рядом с вами совершается акт зоофилии.²⁰² Смысл мыслительного эксперимента Дж. Фейнберга заключается в том, чтобы убедить читателя посредством живой эмоциональной реакции в том, что что миллевский принцип вреда не является единственным основанием для возможного государственного принуждения. Цивилизованное общество, по мнению автора, должно ограждать своих членов, в том числе, за счет вмешательства в свободу других лиц, не только от вреда как такового, но и от «посягательства» (англ. “*offense*”),²⁰³ которое не может быть однозначно интерпретировано как вред. Впрочем, такого рода рассуждения актуальны прежде всего именно для западного морально-философского дискурса, во многом основанного на утилитаристской традиции, и неизбежно включающего критику или переосмысление трудов Дж. Милля практически в любой дискуссии о моральных измерениях права.

В контексте данного параграфа настоящего исследования о трансформации общества в современных условиях нам интересно другое – помимо рассмотренных ранее примеров, связанных с появлением новых феноменов и практик информационной культуры, связанных с цифровыми технологиями

²⁰² Ibid. P. 884.

²⁰³ Здесь есть некоторые трудности перевода, поскольку в исходном варианте автор оперирует тонкими семантическими различиями отдельных английских слов, которые соответствуют разной степени общественной опасности правонарушения.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

непосредственно, таких как многопользовательские компьютерные игры и компьютерный спорт, появляются и некоторые культурные практики, предположительно – не без элементов воздействия тех же процессов либерализации производства и распространения информации. Есть такое воздействие или нет – отдельный предмет исследования социологии и культурологии, однако мы, в любом случае, можем постулировать корреляцию данных процессов, поскольку это вопрос факта. Главный ракурс для настоящего исследования выражается в том, что некоторые из описанных выше Дж. Фейнбергом абстрактных примеров оскорбительного поведения, предложенных автором в большей степени как продукт воображения, за последние десятилетия нашли свое косвенное выражение в **акционизме**,²⁰⁴ часто интерпретируемом как практика, относящаяся к области искусства.²⁰⁵ Данный

²⁰⁴ В настоящем исследовании термин «акционизм» используется в узком смысле – в том, в котором он описывает деятельность П. Павленского и Pussy Riot, с обязательным элементом взаимодействия с социально-значимыми предметами общественных отношений и, как следствие, с неизбежным переходом коммуникации в правовую плоскость. Есть и альтернативные, более широкие трактовки. Как, например, отмечает В.О. Петров, «цель авторов акций, в том числе и музыкальных, – создать художественные образцы (не полностью зафиксированные в пространстве опусы), являющиеся *свободной реализацией конкретной идеи*. Получалось подчас и так, что единственно-значимой задачей художников и всех людей, принимавших участие в реализации акции, при этом становилось генерирование идей и концепций. Авторские текст представляет собой своеобразную «инструкцию по применению». Реализуют ее в музыкальном искусстве *исполнители*. Концептуальным объектов (в большинстве случаев, с обилием авторских комментариев) в музыкальном произведении могут стать графики, схемы, диаграммы, формулы, словесные пояснения и изобразительные рисунки, а также объекты, не имеющие определенного функционального назначения. Словом, получался, как правило, идейный пласт, не имеющий конкретной реализации. Иногда частью словесного выражения идеи акции становилось и указанием среды, в которой мог демонстрироваться сам концептуальный объект. Акции могли проводиться везде – на улице, на дороге, в поле, в лесу, у горы, в конкретном населенном пункте, галерее, концертном зале. Концептуальная идея автора носит, скорее, хаотичный характер, задача же исполнителей – привести хаос в гармонию». См.: Петров О.В. Акционизм и его проявление в вокально-инструментальных сочинениях Джона Кейджа // Проблемы науки. – 2018. – № 5 (125). – С. 103–104. Такая трактовка заостряет внимание на спонтанной передаче идеи, но не идет дальше в ограничении термина «акционизм» случая прямого внедрения в материал эстетического объекта «внешних референтов ценности» (в терминологии С. Абрюгина).

²⁰⁵ Сразу отметим, что относить акционизм к искусству в обычных, классических интерпретациях последнего, можно только в том случае, если мы рассматриваем оба термина в ключе языковых игр Л. Витгенштейна, согласно которому между значениями слов в реальной практике языка редко бывает прямая и иерархическая логическая связь, но чаще встречается «родственная связь». В рамках интерпретационной

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

культурный феномен заслуживает особого внимания в контексте нашей работы как второй (после многопользовательских игр) полярный пример столкновения серьезного и несерьезного, однозначно имеющий правовое измерение и вновь сталкивающий нас с вопросом о возможных пределах вмешательства права не только с точки зрения морали, но и с точки зрения здравого смысла.

Возвращаясь к главной теме настоящего параграфа подчеркнем, что современная информационная культура в условиях медиального поворота – социокультурный контекст, обуславливающий проблему семантических пределов права. Развитие информационных технологий, позволяющих всем и каждому произвольно производить информацию и свободно делиться ей, становится одной из основных предпосылок интенсификации коммуникативных практик, предметом которых является «несерьезная» информация – от сложных и многоаспектных реконструкций социальных систем в игровых многопользовательских компьютерных средах до более простых случаев новых популярных форм юмора и сатиры, которые в некоторых случаях приобретают социальную значимость. Что важно для нас, представленные далее эмпирический материал наглядно показывает, что правоприменительные органы в настоящее время в целом не располагают необходимым инструментарием для юридической аргументации в случае возникновения рассматриваемых *особых* правовых

концепции настоящей работы «материалом» для создания «произведений» акционизма являются обобщенные символические посредники в терминологии Т. Парсонса, более подробно раскрытые в Главах 3 и 4 настоящей диссертации, и это сущностно отличается от материала для традиционных произведений искусства, хотя эстетический эффект последних ситуативно также может говорить о «социально-валютной ценности» в некоторых случаях. В связи с этим правовая оценка радикальных примеров акционизма не может представляться абсурдной с точки зрения юриспруденции, а максимум может находиться в «пограничной зоне» взвешивания различных ценностей при применении права.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

коллизий, и именно на преодоление данного пробела и нацелено настоящее исследование.

В культурологии и социологии обосновывается точка зрения, согласно которой на текущем этапе развития информационного общества формируется новая информационная культура. В основе данного подхода лежит представление о том, что сейчас количественные изменения в социальном воздействии информационно-телекоммуникационных технологий и «новых медиа» в целом переходят в качественные, что приводит к появлению новых социальных практик и ценностей, а также к изменению старых. Данные факторы предопределяют изменения общественных отношений и, как следствие, преумножают проблемную область юриспруденции. Как было намечено ранее, помимо частных и, нередко, догматических проблем философии права, это позволяет задуматься о новых аспектах правовой онтологии. В некотором смысле, здесь будет уместно привести позицию представителя гарвардской школы права Л. Лессига (который, в дополнение к общеизвестным биографическим сведениям, был не только одним из основателей научного дискурса интернет-права или «киберправа», а также активистом в области авторского права и со-основателем *Creative Commons* как организации, продвигающей систему моделей свободных лицензий, но и может рассматриваться в качестве продолжателя методологического направления «принципов социального порядка», заложенного предшественником Л. Лессига – Л. Фуллером). В споре с Ф. Истербруком, возражавшим против введения в университетское расписание дисциплин, связанных с изучением правовых аспектов цифровой среды и построенных по принципу интеграции правового

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

знания вокруг новых технологических феноменов и практик, Л. Лессиг отметил, что изучение указанных проблем на современном этапе через призму технологической архитектуры, может пролить свет на фундаментальные вопросы права.²⁰⁶ Как нам кажется, эта мысль вполне соответствует и методологии, последовательное применение которой позволяет постулировать проблему семантических пределов права как проблему правовой онтологии.

В заключение подчеркнем, что основная цель настоящего параграфа – определить актуальный именно *социокультурный* контекст проблемы семантических пределов права. Безусловно, цифровой и игровой повороты как составляющие медиального поворота имеют и экономическое измерение. Факты из экономики также вполне могут использоваться для подтверждения актуальности указанных направлений развития общества. И цифровизация, и игровая индустрия связаны с весомыми экономическими показателями. В то же время, предмет настоящей работы и ее научная новизна связана, прежде всего, с междисциплинарным исследованием, ориентированным на юриспруденцию, культурологию и теоретическую социологию, поэтому экономический аспект рассматриваемых явлений отмечается по мере необходимости и представлен в распределенном между частями исследования виде.²⁰⁷

²⁰⁶ Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: <http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf> (accessed: 26.01.2019).

²⁰⁷ Тем не менее, можем отметить следующие примеры. Так, по мнению экспертов, объем цифровой экономики в России к 2021 году может вырасти до 7-8,76 трлн рублей, если темпы роста составят порядка 10-15% в год. См.: Эксперт: объем цифровой экономики может достичь 9 трлн рублей к 2012 году [Электронный ресурс] // ТАСС. 6 апреля 2018 г. – [Сайт]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/5100974/> (дата обращения: 26.01.2019). Если говорить о глобальном игровом рынке, то, по данным аналитической компании Newzoo, мировой рынок игр оценивается в 137,9 млрд Долларов США по состоянию на конец 2018 года. См.: Семенов А. Мировой рынок игр заработает \$137,9 млрд за 2018 год [Электронный ресурс] // App2Top.ru. – [Сайт]. – URL:

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Таким образом, в качестве ключевого социокультурного фактора, определяющего актуальность и содержание проблемы семантических пределов права в контексте социально-гуманитарного и юридического научного дискурса, усматривается **медиаальный поворот**. Медиаальный поворот определяет смещение внимания науки и социокультурных практик в сторону медиа как основного инструмента конструирования социальной реальности. Наиболее важные составляющие медиаального поворота – это **цифровой поворот** и **игровой поворот**. Цифровой поворот характеризуется «компьютеризацией» культуры, задающей новые частные юридические проблемы и общий контекст универсальной проблемы семантических пределов права. Игровой поворот характеризуется как переосмыслением значения игр в культуре, так и становлением актуальной тотальности игр, «игрофикацией». Помимо собственных игр формируются новые культурные практики, обостряющие конфликт между серьезным и несерьезным, вымышленным и реальным, такие как акционизм. Средства правовой аргументации, позволяющие разрешать новые коллизии, отсутствуют, и концепция семантических пределов права нацелена именно на преодоление данного научного и практического пробела.

<https://app2top.ru/industry/mirovoj-ry-nok-igr-zarabotaet-137-9-mlrd-za-2018-god-120106.html> (дата обращения: 26.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 5. Формирование гипотезы о семантических пределах права: виртуальная реальность, абсурд и здравый смысл

Безусловно, предметные области репрезентативных нормативных источников и эмпирического материала, относящегося к теме исследования, не исчерпываются вышеуказанными – перечень вряд ли можно считать закрытым. Тем не менее, именно в указанных областях сосредоточены наиболее яркие примеры, позволяющие сформировать достаточно материала для эмпирически-обоснованной предварительной постановки проблемы о семантических пределах права. Отметим, что некоторые другие примеры также встречаются в настоящей работе, но не выделены в отдельные структурные единицы и распределены по ее тексту. Принципиальная задача, которая достигается посредством анализа специально приводимых далее примеров, заключается в том, чтобы выделить набор характерных признаков фактического состава и (или) аргументации, свойственных для типичных примеров, которые, в свою очередь, позволят аргументированно высказать интуитивную гипотезу об абсурдности толкования или применения (а также, как следствие, создания) права.

Может показаться, что указанные выше примеры достаточно разнородны. Однако, когда мы говорим о проблеме определения семантических пределов права в контексте настоящей работы, мы имеем в виду вполне определенный круг случаев, для которых характерен **набор инвариантных признаков, определяемый контекстом медиального поворота**. Обобщим данные признаки для того, чтобы еще более четко ограничить предмет исследования. Итак, *в каждой из рассмотренных ситуаций:*

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

— правовая квалификация общественных отношений зависит от внешних по отношению к предмету юриспруденции, в центре которого находятся предоставительно-обязывающие нормы, обстоятельств²⁰⁸ (так, например, разрешение вопроса о противоречии нормам нравственности зависит от норм нравственности; разрешение вопроса о том, относится информация к категории информации, запрещенной для распространения, или нет – от соответствия критериям такой информации и т.д.);

— предмет общественных отношений не относится к *вещам* или *императивно установленным юридическим конструкциям* (таким как, например, юридические лица или обязательства). Иными словами, можно сказать, что предмет не находится в причинно-следственной связи с фактами реального мира, относящимися к настоящему или прошлому.²⁰⁹ Он относится к виртуальному, вымышленному или духовному миру (например, проблематика виртуальной собственности относится к виртуальному миру в узком смысле слова, а использование игрушечного оружия в разбойном нападении – к вымышленному миру в широком смысле слова, тогда как разрешение вопроса о противоречии нормам нравственности связана с духовным миром);

²⁰⁸ Примером случая, когда правовая квалификация общественных отношений зависит от юридических концептов, может послужить вопрос права в корпоративном праве (конструкция юридического лица и связанные с ним юридические конструкции составляют достаточно четкий и по-своему виртуальный мир юридической логики) или в праве интеллектуальной собственности (результат интеллектуальной деятельности – прежде всего, искусственно созданный юридический объект с теми же особенностями, что и концепты корпоративного права).

²⁰⁹ Подчеркнем, что данный признак не находится в противоречии с такой группой примеров, которая относится к «информации, утратившей свою актуальность в силу последующих событий». Как раз в случае с этим примером и необходимо установить, актуальна ли информация (и тогда она находится в причинно-следственной связи с фактами реального мира) или нет (в таком случае как раз и отсутствует причинно-следственная связь с фактами реального мира).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

— отсутствует прямой легитимный нормативный способ разрешить вопрос о возможности **толкования и (или) применения права** к рассматриваемому случаю на данном нормативном уровне или на уровне вышестоящей (в кельзеновском смысле) нормы. Для целей настоящего исследования мы в целом не рассматриваем ситуации, в которых есть норма права, прямо исключающая возможность соответствующей правовой квалификации (в качестве таких гипотетических норм можно представить следующие весьма определенные формулировки: *«Каждый вправе говорить, что он хочет, без ограничений. Данное право не может быть ограничено ничем, в том числе никаким частным или публичным интересом»* или, напротив: *«Каждому запрещено высказываться на данную тему, даже если такое высказывание является шуточным, относится к неактуальным событиям или к художественному вымыслу»*). Но рассматриваем такие, в которых вышестоящая норма не позволяет легитимировать нижестоящую или в этом есть сомнения.²¹⁰

— возможно, выделение данного признака как инвариантного, крайне субъективно, но на данном этапе исследования позволим его оставить. Речь идет о том, что в случаях, которые потенциально составляют предмет дискурса семантических пределов права, принципиально возможна постановка вопроса об «абсурдности» вывода о применимости права к соответствующим общественным

²¹⁰ Как в случае со ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая вполне прямо и однозначно запрещает, в том числе, публичное демонстрирование нацистской символики на известных исторических фотографиях, демонстрирующих опущенные солдатами нацистской Германии знамена на Красной площади в Москве после капитуляции. Текст ч.1 ст. 20.3 КоАП однозначно запрещает публичную демонстрацию такой фотографии, но возникает, тем не менее, вопрос о целесообразности такого запрета для исторических или научных целей. Возможно, он целесообразен, однако это не исключает необходимости рационального объяснения, почему такой запрет нужен, и тем более не исключает теоретической постановки вопроса об этом.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

отношениям. Забегая вперед, отметим, что у такой абсурдности может быть две причины. Одна из них связана, скорее, с синтаксическими связями (абсурдно утверждать, что юридическое лицо – это разновидность физического лица, поскольку формализованное логическое рассуждение демонстрирует формальное противоречие), а вторая – с семантическими связями (абсурдно распространять уголовно-правовой запрет на убийство на «убийство» персонажей компьютерных игр, потому что «и так понятно, что речь совсем не об этом»).

Почему указанный набор признаков определяется контекстом медиального поворота? Дело в том, что рассматриваемый круг ситуаций стал возможным и распространенным именно в условиях медиального поворота, и обоснованием этого тезиса для целей настоящей работы можно считать содержание всей Главы 1 исследования. Ключевой признак – **виртуальная реальность**, которая может быть интерпретирована в контексте настоящей работы достаточно широко. Случаи абсурдного толкования и применения права в условиях медиального поворота происходят в связи с феноменом виртуальности, и потому сейчас мы видим **специальный и новый случай абсурда в праве**, который нуждается в изучении. Одна из главных методологических посылок настоящего исследования заключается в том, что *морально-философского дискурса недостаточно для объяснения абсурдности такого рода*. В то же время, как покажет дальнейший анализ, его изучение будет полезно и для осмысления известной правовой проблематики.

Виртуальная реальность или просто «виртуальность» в этом понимании полностью перекликается с той интерпретацией, которую феномену игры давал

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Э. Кастронова, переосмысливая в условиях медиального поворота труды Й. Хейзинги и Р. Кайуа, подчеркивая, что в игровых (и, можем предположить шире, – виртуальных) условиях мы действуем «как если бы»²¹¹ что-то имело значение и [моральные] последствия. Кроме того, крайне важно отметить, что нас интересует та виртуальная реальность, которая **интерсубъективна и коммуникативна**, либо по своей природе (таковы компьютерные виртуальные миры), либо при определенном ракурсе рассмотрения (как, например, в случае с художественными произведениями, в которых нас, в контексте настоящего исследования, интересует аспект «диалога» автора с воспринимающей аудиторией).

Собственно, то, что мы понимаем под виртуальностью отношений для целей настоящего исследования – это «руины магического круга», оставшиеся после переосмысления предшествующей гипотезы о строгом отделении игровых или несерьезных пространств. Наглядно суть концепции видна в работах М. Консалво и Р. Стенроса, о которых пойдет речь далее. В этом и заключается суть проблемы: если с наивно-лудологической точки зрения есть четкая грань между серьезным и несерьезным, то в условиях современного медиального поворота – а научное осмысление представляет собой в данном случае отражение процессов, происходящих в социальной реальности, – такой четкой грани уже нет. То, что в трудах по игровым исследованиям называется «игрой», как показывает текстуальный анализ, значительно шире – речь идет о широком круге практик, которые и составляют часть объекта настоящего исследования. С учетом того, что основной методологический инструментарий данной работы

²¹¹ Здесь прослеживается связь с философским фикционализмом.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

усматривается в теоретической социологии, на данном этапе мы можем ограничиться упоминанием подхода П. Бергера и Т. Лукмана, на котором заостряет свое внимание Р. Стенрос при оценке теорий «магического круга».

В «Социальном конструировании реальности» социологи отмечали, что

«по сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии. Это становится понятнее на уже приводившихся примерах реальности сновидений или теоретического мышления. Аналогичны “переключения” с мира повседневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры — театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель “переносится” в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель “возвращается к реальности”, вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений».²¹²

Если следовать философии здравого смысла (см. § 3 Главы 2 настоящего исследования), то не должно требоваться особых доказательств тому, что *право, в терминологии социального конструкционизма, действует в реальности повседневной жизни.*

²¹² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995 – 323 с. [Электронное издание] // «Библиотека скептика». – [Сайт]. – URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/0458680_VCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf (дата обращения: 21.02.2019). – С. 15.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Таким образом, основной вопрос настоящего исследования, который концептуализирован нами в термине «семантические пределы права», заключается в том, в каких случаях право (независимо от типа правопонимания – для нас *в данный момент*²¹³ не важны противоречия между ними, поскольку каждый из типов правопонимания все равно рано или поздно ориентирован на применение права в реальности повседневной жизни), заключается в том, в какой степени право может применяться в иной реальности, отличной от реальности повседневной жизни, которую мы инструментально и обозначаем как «виртуальную реальность». Альтернативные реальности, о которых говорят П. Бергер и Т. Лукман, определяются «конечной областью значений», и потому постулируемые в настоящей работе пределы мы в полном праве обозначить как «семантические».

Ключевое качество виртуальности в контексте настоящего исследования – **симуляция** (она же – *имитация* или *подражание*²¹⁴) как таковая, а не технологический базис. Поэтому, например, электронные сигареты без никотина или безалкогольное пиво²¹⁵ в терминологии настоящего исследования – это такое же явление виртуальной реальности в условиях медиального поворота, как и «виртуальная собственность» в многопользовательских [ролевых] онлайн-играх (эти два новых примера неслучайны – они вполне остро вписываются в

²¹³ В конце рассуждения, отраженного в настоящем исследовании, однако, мы придем к вполне определенным выводам о том, в рамках какого типа правопонимания развивается методология, предлагаемая для решения проблемы семантических пределов права в условиях медиального поворота.

²¹⁴ С одной стороны, подражание, особенно в терминологии «Поэтики» Аристотеля, сопровождало человеческую культуру с самых ранних времен, но с другой стороны – только в условиях современного медиального поворота подражание становится не дискретным отражением какого-либо текста в индивидуальном сознании, а формирует **постоянную** (англ. “*persistent*”) виртуальную среду референтов.

²¹⁵ Аналогия может быть продолжена пытливым читателем, мы же воздержимся по этическим соображениям.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

актуальные проблемы практической юриспруденции). В связи с этим, например, в настоящем исследовании мы осознанно отказываемся от использования термина «виртуальное пространство» и, тем более, «киберпространство»²¹⁶ и аналогичных терминов, предполагающих опору на пространственные метафоры. Причина аналогична тем, по которым сейчас социологи и культурологи отказываются от классической концепции «магического круга» – нет отдельного пространства, изменяется оценка предметов правоотношений. Подробнее об этом – в Главе 2 настоящего исследования. Такой подход не исключает использование указанных терминов как инструментальных для формирования моделей регулирования ограниченного применения, однако исключает представление об информационном пространстве как о чем-либо, обладающем серьезной онтологичностью (собственно, это следует и из определения, данного Д.В. Грибановым, приведенном в сноске выше). Но подчеркнем, что у исследователей информационного пространства и у настоящей работы разный предмет. В рамках настоящей работы мы изучаем не особенности реализации государственного суверенитета в информационном обществе, а особенности толкования права в том случае, если общественные отношения каким-либо

²¹⁶ Данный термин популярен в исследованиях проблем информационного права. Так, А.А. Ефремов, например, ссылается на определение Д.В. Грибанова, который *«определяет кибернетическое пространство как совокупность общественных отношений, возникающих в процессе использования электронной компьютерной сети, складывающихся по поводу информации (информационных ресурсов), обрабатываемой с помощью ЭВМ и услуг информационного характера, оказываемых с их же помощью»* (выделение сохранено – *В.А.*), совокупностью отношений, участвовать в которых можно только посредством ЭВМ и средств связи компьютерной сети». См.: Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 204. В данном случае А.А. Ефремов приводит цитату по следующей статье цитируемого автора: Грибанов Д.В. К вопросу о правовой теории кибернетического пространства // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 60.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

образом связаны, широко говоря, с игрой или симуляцией, которые становятся неотъемлемой частью современной культуры.

ГЛАВА 2. Поиск методологии разрешения проблемы и реконструкции семантических пределов права

§ 1. Попытки реконструкции пределов права исходя из позиций философии морали

«Пограничные ситуации» толкования права, в которых сталкивается абсурд и здравый смысл, в истории юридической мысли часто рассматриваются именно *в контексте дискуссии о соотношении права и морали, а также о телеологическом способе толкования*. Как правило, результат толкования рассматривается абсурдным в случае, если он противоречит устоявшимся моральным (нравственным) нормам – содержательно или за счет нарушения пропорциональности. Для того, чтобы объяснить, почему необходимо избегать такого результата толкования, – а он может соответствовать буквальному толкованию по объему, – прибегают к концепции телеологического толкования. Данный способ рассуждения характерен как для известных направлений рассуждения о пределах права (англ. *“limits of law”*), так и для дискуссий, посвященных соотношению права и морали, таких как спор Л. Фуллера и Г. Харта. Однако содержание каждого из аспектов рассуждения может быть рассмотрено в контексте проблем семантики нормативных предписаний, а в итоге может быть поставлен вопрос о том, является ли противоречие морали в

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

широком смысле слова необходимым и достаточным критерием для определения абсурдности результатов юридического толкования правового текста.

Попытки *напрямую*²¹⁷ концептуализировать общие представления о пределах права как таковых в смысле, близком к постановке проблемы в настоящем исследовании, известны преимущественно зарубежной теории права. Остановимся поподробнее на нескольких известных подходах. Так, Дж. Стентон-Айф, автор статьи «Пределы права» (“*The Limits of Law*”), одной из немногих работ, непосредственно посвященных поиску, хотя бы частично созвучному настоящему исследованию, в Стэнфордской философской энциклопедии, отмечает, что

«у права, очевидно, есть пределы. Право имеет практические пределы в области средств и целей (англ. “*means-end’ limits*”); то, что пытаются сделать законодатели может дать осечку множеством различных способов. Однако, что более интересно, есть ли у права *принципиальные* пределы? Наиболее известный положительный ответ на данный вопрос был дан Джоном Стюартом Миллем... Поиск принципиальных пределов права, как мы отметим, – трудноуловимая задача».²¹⁸

Упомянутая в качестве эпиграфа цитата из Лорда Девлина используется автором в качестве эпиграфа к работе и подчеркивает «моральную» направленность рассмотрения проблематики:

²¹⁷ В качестве косвенных попыток концептуализировать пределы права можно рассматривать содержание юридической мысли в целом с древнейших времен до наших дней, поскольку попытка ответить на вопрос о том, что есть право, совершенно естественным образом также может рассматриваться как определение семантических пределов права. Однако если это можно считать общим с настоящим исследованием объектом, его *предмет* иной, и раскрывается в точке определения общих границ семантического поля правовых текстов.

²¹⁸ Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/> (accessed: 17.10.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Я, таким образом, полагаю, что теоретические пределы власти Государства законодательствовать против аморальности установить нельзя. Нельзя установить заранее исключения общему правилу или определить неизменные области морали, в которые право никогда будет не позволено войти».²¹⁹

Каким образом Дж. Стентон-Айф далее развивает свою мысль?

Право имеет очевидные пределы в аспекте своей целесообразности. Законодатель может принять жесткие меры против, например, уличной преступности или потребления алкоголя, но такие меры, в зависимости от того, как они будут реализованы, напротив, могут привести к повышению насилия в обществе или к появлению подпольной торговли алкоголем. Но это своего рода практические и инструментальные пределы права, которые могут быть установлены в каждом конкретном случае посредством тщательного анализа обстоятельств. «Есть пределы тому, что право может достичь, поскольку некоторые из его инструментов грубы».²²⁰ С отсылкой к Л. Фуллеру, автор отмечает, что право может принуждать, оно может создавать правила, может разрешать споры, но все, чего оно может достичь, ограничено данными инструментами. Однако, хотя можно спорить о конкретных случаях и оценках, сама дискуссия о таких пределах права не вызывает разногласий, и такое направление мысли можно считать общим местом. Другое дело – вопрос о

²¹⁹ См. напр.: Devlin P. *The Enforcement of Morals*. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p. Здесь и далее цитаты на источники, приведенные Дж. Стентоном-Айфом, приводятся согласно данным основной публикации, но после дополнительной проверки, и при необходимости уточняются по первоисточнику в свете подхода, развиваемого в настоящем исследовании.

²²⁰ Stanton-Ife J. *The Limits of Law*. Раздел “1. Means-Ends Limits”.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

принципиальных пределах права, которые автор рассматривает главным образом в моральном разрезе.²²¹

Отбирая концепции, которые могут стать основой для постановки принципиальных пределов права, автор сосредотачивает свое внимание на нескольких ключевых мыслителях из области философии морали и философии права и их концепциях.

Во-первых, это **Дж. Стюарт Милль**,²²² классик британской философии морали, и его «принцип вреда». Как писал британский автор,

«единственная цель, которая полностью обосновывает вмешательство человечества, индивидуальное или коллективное, в свободу действия любого из своего числа, это самозащита. Ведь единственная цель, в связи с которой власть может справедливо применяться к любому члену цивилизованного сообщества против его воли, – это предотвращение вреда другим. Его собственное благо, будь оно физическим или моральным,²²³ не дает достаточного основания».²²⁴

²²¹ Ibid.

²²² Джон Стюарт Милль (1806 – 1873) – британский философ, экономист и политический деятель, влиятельный утилитарист, развивавший идеи Джереми Бентама. См., напр.: Macleod C. John Stuart Mill [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (August 25, 2016). – [Site]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/mill/> (accessed: 23.01.2018).

²²³ Здесь отметим, что слово “moral” мы традиционно переводим как «моральный», но подразумеваем предельно широкий контекст и коннотации, характерные для английского языка. В английском – «неимущественный» это тоже “moral” (как «неимущественные права» в гражданском праве – “moral rights”).

²²⁴ Дж. Стентон-Айф цитирует Милля по следующему изданию (приводим оригинальную сноску): Mill, John Stuart (1993), *Utilitarianism, On Liberty and Considerations on Representative Government*, London: Dent. Нами же цитата воспроизведена по следующему изданию: Mill J.S. *Utilitarianism, Liberty and Representative Government*, London: Dent. 1920. PP. 72–73. Отметим, насколько близко при этом содержательно стоит развитие мысли у Дж. Ст. Милля к примерам абсурдных ситуаций, приводимых Л. Фуллером. Вот что на тех же страницах пишет Милль: «Он [представитель цивилизованного сообщества] не может быть правомерно принужден делать или не делать что-либо потому, что так будет лучше для него, потому что это сделает его более счастливым, потому, что, по мнению других, это будет мудрым или правильным. Это все – повод его уговаривать, приводить ему аргументы, убеждать его, просить, но не принуждать его и не причинять ему какого-либо зла в случае, если он поступает иначе. Чтобы оправдать это, поведение, которое он должен изменить, должно точно причинять зло кому-либо другому». Однако углубленное рассмотрение вопросов утилитаризма – это тема, которая соответствовала бы рассмотрению собственно моральных пределов права, а не семантических, которым и посвящена настоящая работа. Здесь остановимся на кратком упоминании в целях разграничения предмета исследования пределов права различной природы.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Дж. Стентон-Айф акцентирует внимание на том, что, согласно Миллю, речь идет именно о причинении вреда другим, и только об этом, а – это единственный главенствующий принцип. Причинение вреда себе, причинение вреда другому по согласию, посягательство на интересы другого (англ. “*offence*”) или не регулируемая моралью нейтральная деятельность (англ. “*bare immorality*”) не могут служить основанием для вмешательства цивилизованного сообщества в деятельность кого-либо из его членов.

«Государство может легитимно остановить А от избиения В, даже если это ограничивает свободу действия первого, поскольку это предотвращает вред В, защищает интерес последнего в безопасности. И оно может остановить А от хищения у В, поскольку оно защищает *среди прочего* свободу В распоряжаться своей собственностью как он того пожелает. Но Государство *выходит за собственные границы* (выделено мною – *В.А.*), определяемые таким подходом, если оно будет препятствовать А разрушать свою собственность; или будет защищать С от посягательства со стороны А, которое осознается С».²²⁵

В широком смысле и с учетом направленности данного исследования, можно заключить, что по Миллю у права есть пределы, и они определяются «принципом вреда [другому]», поскольку именно в свете такого принципа необходимо, например, устанавливать смысл статута в спорном случае.

Во-вторых, это **Дж. Фейнберг**,²²⁶ влиятельный представитель американской юриспруденции второй половины XX века, развивавший

²²⁵ Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “2. Candidates for Principled Limits to the Law”.

²²⁶ Джоэл Фейнберг (1926 – 2004), исследователь проблем философии права и этики, профессор Университета Аризоны (последняя академическая позиция). См., напр.: Feinberg, Joel [Electronic resource] // Encyclopedia.com. – [Site]. – URL: <https://www.encyclopedia.com/humanities/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/feinberg-joel-1926-2004> (accessed 23.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

утилитаристские идеи Милля о принципе вреда преимущественно в области уголовного права. Тогда как Милль говорил о том, что принцип вреда – это единственная цель, которая может оправдать государственное принуждение, Дж. Фейнберг интерпретирует этот принцип не как единственную цель, а как «достаточное основание» для государственного принуждения. Как отмечает Дж. Стентон-Айф,

«его заявление о том, что вред другим всего лишь “обставляет” (англ. “*furnishes*”) “достаточное основание”, позволяет ему обратиться к другому “достаточному основанию” для государственного принуждения – “принципу посягательства” (англ. “*the offence principle*”)).²²⁷

Характерная цитата из Дж. Фейнберга:

«Всегда есть достаточное основание поддерживать предлагаемый уголовно-правовой запрет, если таковой вероятно предотвратит серьезное посягательство по отношению к иным, нежели чем действующий субъект, лицам, и будет вероятно эффективным способом для достижения данной цели, если он будет установлен».²²⁸

При этом Дж. Фейнберг выступает против «жесткого юридического патернализма», предполагающего возможность ведения какого-либо запрета в

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Дж. Стентон-Айф цитирует следующий труд Дж. Фейнберга: Feinberg J. Harm to Others. – New York: Oxford University Press. – 1984. – P. 27. В контексте настоящего исследования также любопытно, что Дж. Фейнберг стал автором примечательных мыслительных экспериментов, объединенных темой «поездки на автобусе», уже затронутых ранее. Среди прочего, автор предлагает читателю представить, что он торопится на важную встречу, не может отвлечься, но при этом вынужденно становится наблюдателем действий, выражающих серьезное посягательство (англ. “*offence*”), хотя при этом не причиняющих вреда в миллевском смысле – скрежет ногтями по стеклу, поедание отвратительно несъедобных вещей, публичная сексуальная близость, оскорбление государственного флага и т.п. Как полагает Дж. Фейнберг, из подобного рода примеров очевидно, что вред другому в строгом смысле слова не обязательно необходим для криминализации определенного поведения.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

интересах субъекта, но вопреки его воле, хотя допускает «мягкий юридический патернализм», когда запрет вводится в интересах субъекта и при этом не противоречит личной автономии субъекта.²²⁹ Прежде чем перейти к следующим мыслителям из числа указанных, обратим внимание на то, что вопрос о моральных пределах права, как его поднимал Дж. Фейнберг применительно к уголовному праву, стоит очень близко к предмету настоящего исследования, где предпринимается попытка обосновать семантические пределы права, которые нельзя с необходимостью и достаточностью отнести к числу моральных. Это отличается от точки зрения, представленной в трудах Дж. Милля, поскольку последний все же был в большей степени обеспокоен вопросами философии морали.

В-третьих, автор рассматривает пример рассуждения **Лорда Девлина**.²³⁰ П. Девлин известен в теории права спором с Г. Хартом, поводом к которому послужил Отчет Комитета по гомосексуальным правонарушениям и проституции 1957 года, известный как Отчет Вулфендена (Wolfenden Report).²³¹ По мнению Девлина, право может и в ряде случаев должно вмешиваться в такие отношения, которые существенным образом противоречат общественной морали. В целом разделяя принцип вреда Дж. Милля, Девлин распространял право на «самозащиту» на общество и государство. Как отмечает Дж. Стентон-Айф, «с точки зрения Девлина, общество в части составляет его моралью, и как

²²⁹ Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “2. Candidates for Principled Limits to the Law”.

²³⁰ Патрик Артур Девлин, Барон Девлин (1905 – 1922), британский судья Высокого суда правосудия и философ права, активно участвовавший в полемике западных теоретиков права середины XX столетия. См., напр.: Morton J. Obituary: Lord Devlin [Electronic resource] // Independent. 11 August 1992. – [Site]. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/people/obituary-lord-devlin-1539619.html> (accessed: 23.01.2019).

²³¹ Report of Committee on Homosexual Offences and Prostitution (Cmnd 247). 1957 [Electronic resource] // The National Archives. – [Site]. – URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C1386377> (23.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

следствие имеет право защищать себя от любой атаки на свою мораль»,²³²
приводя следующую цитату из Девлина:

«Общество не есть нечто, что держится вместе физически; его объединяют невидимые скрепы общих суждений. Если скрепы будут сильно ослаблены, то члены общества разбредутся в разные стороны. Общая мораль – это часть таких скреп, которые составляют цену общества; и человечество, которому общество необходимо, должно платить эту цену».²³³

В Отчете Вулфендена содержалась идея о том, что есть область морали и аморальности, которая не подпадает под объем правового регулирования, но позиция Девлина, как указывает Дж. Стентон-Айф, в том, что такой взгляд не просто неточен или приблизителен, а полностью ошибочен.²³⁴ Однако, в то же время, Девлин не утверждает, что общественная мораль универсальна – он говорит о том, что в каждом конкретном обществе можно установить такие скрепы на данный момент времени. Позиция Девлина была настолько заметна, что его взгляды не обошли вниманием известные теоретики права. Помимо упомянутого Г. Харта отдельную статью взглядам судьи Высокого суда правосудия посвятил и Р. Дворкин. Вот как последний обобщает позицию Девлина: (1) в современном обществе есть моральные стандарты, без которых общество не будет существовать, тогда как *общество имеет право существовать*; (2) если у общества есть такое право, то оно может создавать институты уголовного права для его реализации; (3) в то же время, право должно обращать внимание не на все случаи аморальности, а на те, при столкновении с

²³² Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “3. Legal Moralism”

²³³ Ibid.

²³⁴ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

которыми «общественное мнение сильно, стойко и непреклонно» (англ. “*high, enduring and relentless*”) так, что в нем отражается «нетерпимость, возмущение и отвращение» (англ. “*intolerance, indignation and disgust*”).²³⁵ Дж. Стентон-Айф называет подход Девлина «юридическим морализмом».²³⁶

В-четвертых, предметом анализа становятся взгляды **Дж. Раза**,²³⁷ переосмыслившего принцип вреда Дж. Милля и фактически переместившего его из области субстанциальной морали в область процедурной (тем самым сближаясь с Л. Фуллером). С точки зрения Дж. Раза, хотя принципиальные лимиты для преследования моральных целей со стороны государства отсутствуют, тем не менее, есть пределы средств, которые могут быть легитимно использованы для повышения благополучия людей и реализации моральных идеалов.²³⁸ В центре моральной философии Дж. Раза находится личная автономия. По общему правилу, принуждение не является допустимым, поскольку,

«во-первых, оно нарушает состояние независимости и выражает отношение доминирования, а также неуважение к индивиду, к которому оно применяется.

²³⁵ См.: Dworkin R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals // The Yale Law Journal. – 1965-1966. – Vol. 75. P. 989. В данном случае, отметим, дискуссия о моральных пределах права становится несколько неструктурированной, характерным признаком чего является использование приемов художественной литературы вместо рациональной аргументации. Не отрицая возможность оценки каким-либо обществом явления, рассматриваемого Девлином подобным образом в определенный момент времени определенным обществом, отметим, что «юридический морализм» не позволяет сформулировать строгие, масштабируемые и формализуемые пределы права. В данном случае мы сталкиваемся с классической ситуацией «взвешивания» моральных ценностей. И это также демонстрирует, что собственно моральные пределы права вряд ли являются единственными возможными с точки зрения семантики нормативных предписаний.

²³⁶ Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “3. Legal Moralism”.

²³⁷ Джозеф (Иосеф) Раз (род. 1939) – ученик Г. Харга, профессор Колумбийского университета в США и Королевского Колледжа в Лондоне, один из последовательных защитников позитивистского правопонимания в современном мире. См.: Joseph Raz [Electronic resource] // Columbia University. – [Site]. – URL: <https://www.law.columbia.edu/faculty/joseph-raz> (accessed: 26.01.2019).

²³⁸ Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “4. A Perfectionist Harm Principle”.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Во-вторых, принуждение посредством уголовных наказаний представляет собой глобальное и неразборчивое вторжение в автономию». ²³⁹

Принуждение может применяться в некоторых случаях, в которых социально-желаемое поведение или ограничение не может быть достигнуто посредством использования других средств. Для дискуссии о пределах права с точки зрения философии морали вывод из трудов Дж. Раза и его последователей заключается в том, что к принуждению в целом и к ограничению свободы в частности необходимо относиться с большой осторожностью. ²⁴⁰ Несомненно, рассуждения Дж. Раза глубоки, интересны и составляют значительный вклад в развитие философии морали, однако заметно, что они также мало способны дать ответ или хотя бы указать направление для определения семантических пределов права в рамках настоящего исследования.

В конечном счете, Дж. Стентон-Айф предлагает обратиться еще к одной группе взглядов из области философии морали, в центре которых находится принцип **нейтральности обоснования** (англ. “*neutrality of justification*”). Как отметил еще Дж. Ролз, несогласие в обществе относительно моральных принципов вряд ли исчезнет в средне- и долгосрочной перспективе, поэтому обоснование тех или иных законов не должно включать отсылку к суждениям о достоинствах или недостатках тех или иных жизненных путей. ²⁴¹ В целом автор заключает, что в условиях реальной жизни крайне сложно приблизиться к более

²³⁹ Raz J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Oxford University Press. – 1986. – P. 418.

²⁴⁰ Stanton-Ife J. *The Limits of Law*. Раздел “4. A Perfectionist Harm Principle”.

²⁴¹ Stanton-Ife J. *The Limits of Law*. Раздел “5. Neutrality and Epistemic Restraint”.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

или менее универсально приемлемым представлениям о принципиальных пределах права, если только это не инструментальные пределы.²⁴²

В чем смысл рассмотрения дискуссии о моральных пределах права в контексте настоящей работы? Дело в том, что в юриспруденции до текущего момента именно они рассматривались как основные и для юридической семантики тоже. Например, на предыдущих этапах развития правовых систем вопрос о возможности или невозможности, например, публикации и распространения определенных художественных произведений (не отклоняясь далеко от магистральных примеров, можем остановиться на «Лолите» Набокова) вполне мог решаться исходя из концепций о соотношении моральной философии и права, какими бы они не были. Тем самым использовался бы подход, предполагающий собственно выявление *моральных пределов права*. Но сейчас проблема в том, что многие практики и случаи, похожие на предыдущие, и, казалось бы, также допускающие применение моральных концепций для прояснения возможности правоприменения, в действительности имеют совсем другую направленность и не позволяют опираться на морально-философский дискурс. Другой магистральный пример исследования – блокировка сайта с «рецептом изготовления динамита» в игре *Minecraft* – наглядно это демонстрирует.

На практике в большинстве случаев наблюдается тенденция, согласно которой вопрос о каких-либо пределах права и вопрос о критериях абсурда в толковании или применении права прямо или косвенно соотносится с вопросом о соотношении права и морали. Термин «мораль» при этом используется в

²⁴² Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “Conclusion”.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

широком смысле и включает в себя также и то, что обозначается словом «нравственность» при обращении к соответствующей традиции словоупотребления. Примеры, приведенные ниже, относятся к той части рассуждения, которая нацелена на реконструкцию критериев абсурда в контексте проблематики пределов права, поскольку именно интерпретационные и правоприменительные акты, противоречащие нравственности, чаще всего и приводятся в пример как абсурдные.

Пожалуй, одним из наиболее очевидных и релевантных примеров в общем контексте работы будут нормы действующего позитивного гражданского права Российской Федерации, которые вполне отражают и общий подход, свойственный романо-германской правовой системе. Так, в первой части ГК РФ (редакция от 01.09.2018 г.) слово «нравственность» используется в четырех случаях. Прежде всего, в абз. 2 п. 2 ст. 1, согласно которому гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты, в том числе, и нравственности (аналогично ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Согласно же п. 4 ст. 167 ГК РФ, суд вправе не применять последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности. Ст. 169 ГК РФ прямо закрепляет совершение сделки с целью, противной основам правопорядка или нравственности, как основание для признания такой сделки недействительной. Аналогично, в соответствии с п. 4 ст. 181.5 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, решение собрания будет ничтожно, в случае если оно противоречит основам правопорядка или нравственности.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Весьма характерны позиции ведущих цивилистов относительно интерпретации понятия «основы нравственности» в ст. 169 ГК РФ (и, собственно, в иных случаях, где это или аналогичное понятие используется в тексте кодекса). Так, в комментарии 2018 г. под ред. А.Г. Карапетова отмечается, что

«под основами ... нравственности следует понимать фундаментальные этические ценности, разделяемые большинством внутри населения страны... требуется превышение некоего **интуитивно определяемого критического уровня этической невыносимости** (выделено мною – *В.А.*) сделки. Например, тот факт, что сделка может показаться и вполне справедливой, сам по себе не позволяет признать ее ничтожной по ст. 169 ГК РФ; требуется **вопиющее, “шокирующее совесть” противоречие сделки самым базовым представлениям о нравственности** (выделено мною – *В.А.*)».²⁴³

Нельзя не отметить (в положительном ключе) эстетическое и содержательное сходство данного комментария с содержанием «Формулы Радбруха», которая, в общем, и относится к таким ситуациям. Авторы комментария подчеркивают сложность применения оценочных понятий, особенно в контексте возможных индивидуальных личных этических представлений судьи или многонациональности и мультикультурности Российской Федерации. Однако при этом в своем Определении от 8 июня 2004 г. № 226-О,²⁴⁴ на которое также и ссылаются авторы комментария, Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что

²⁴³ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018 [Электронное издание. Редакция 1.0]. 1264 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018). – С. 260.

²⁴⁴ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«понятия "основы правопорядка" и "нравственность", как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Статья 169 ГК Российской Федерации указывает, что квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит - заведомо и очевидно для участников гражданского оборота - основам правопорядка и нравственности. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий».²⁴⁵

Авторы комментария под ред. А.Г. Карапетова предлагают три возможных догматических интерпретации понятия сделки, противной основам правопорядка и нравственности. *Первая*: сделка может быть признана противной основам правопорядка и нравственности, если она противоречит императивным нормам права, которые сами по себе нацелены на защиту основ правопорядка и нравственности. В таком случае речь идет о «квалифицированном случае незаконной сделки». Авторы считают, что данный подход «максимально ограничительный, крайне сомнительный и не соответствует континентально-европейской традиции».²⁴⁶ *Вторая*: гипотезы ст. 168 и ст. 169 ГК РФ не смешиваются, а ст. 169 ГК РФ при это применяется лишь к тем сделкам, «которые законом прямо не запрещены, но посягают на фундаментальные принципы

и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации».

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 273.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

нравственности и основы правопорядка».²⁴⁷ Смысл такого подхода – «исключить ситуацию, когда закон не справляется с задачей запрещения всего того, что со всей очевидностью должно быть запрещено, и формально не запрещает сделки, которые посягают на основы правопорядка и основы нравственности, но терпеть которые право не может».²⁴⁸ Как указывают авторы, такой подход характерен для зарубежных правопорядков, говоря о «добрых нравах» или «публичном порядке». *Третья*: ст. 169 ГК РФ может применяться к обоим случаям.

Подчеркивается, что российская правоприменительная практика до текущего момента исходила из первого подхода, однако что при этом такой подход должен быть пересмотрен и принят должен быть третий подход из числа указанных выше, иначе не имеет смысла устранение правового последствия в виде взыскания полученного по сделке в доход государства (без прямого указания на это в специальной норме).²⁴⁹ Авторы, однако, приводят в пример позицию, отраженную уже впоследствии в п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, согласно которому

«в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же. С. 274.

²⁴⁹ Авторы упоминают Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации», которым и был закреплен первый, узкий подход. См.: О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 г. № 22. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019 г.).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми».²⁵⁰

Авторы комментария заключают, что, по-видимому, это означает отход от первой и переход к третьей интерпретации «антисоциальных сделок».²⁵¹

К сожалению, на момент написания настоящей работы не было выявлено каких-либо наглядных примеров судебных решений, связанных со ст. 169 ГК РФ, в которых бы подчеркивался, по выражению авторов рассматриваемого комментария, «интуитивно определяемый критический уровень этической невыносимости сделки» и в котором однозначно прослеживалось бы «вопиющее, “шокирующее совесть” противоречие сделки самым базовым представлениям о нравственности». Доступные в справочных правовых системах на данный момент судебные решения ориентированы на ситуации, в которых противоречие основам правопорядка и нравственности (одновременно) прослеживается, но совесть такие примеры все же не шокируют.²⁵² Ряд убедительных примеров, однако, приводят сами авторы комментария. Например:

²⁵⁰ См.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019 г.).

²⁵¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 276.

²⁵² Либо сердце автора настоящего исследования очерствело за годы юридической практики. Отдельные примеры: Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2016 г. № 16-КГ16-30; Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014; Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014 и др.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«...сделка, согласно которой кинокритик с репутацией, от которого общество ожидает объективной оценки, за вознаграждение от прокатной компании обязуется расхваливать тот или иной кинофильм этого прокатчика и критиковать фильмы, выпускаемые конкурентами, или сделка, по которой известный блогер обязуется вводить своих подписчиков в заблуждение в отношении того, что он является поклонником той или иной марки автомобиля, которой у него на самом деле нет, как представляется, очевидно противоречат основам нравственности. Как представляется, если суд столкнется в обоих описанных случаях с иском заказчика к исполнителю о неисполнении последним своим обязательств (например, в ситуации, когда у кинокритика или блогера вдруг взойдет совесть, и они решат воздержаться от прямой публичной лжи и лицемерия), ему следует констатировать аморальность и ничтожность таких сделок».²⁵³

В то же время, с долей иронии и сожаления можем отметить, что мораль может изменяться со временем, и не факт, что впоследствии (или, в общем, уже сейчас) такого рода сделки будут восприниматься как аморальные – возможно, мы, напротив, сможем констатировать наличие новых обычаев делового оборота.

В любом случае, отметим, что для целей настоящей работы нам не столь важны нюансы цивилистической трактовки. В контексте нашей дискуссии нам интересен именно тот потенциальный способ построения рассуждения, который предполагает явное или подразумеваемое отождествление «вопиющего» противоречия сделки основам нравственности, с одной стороны, и абсурда в применении или толковании права, с другой. Любопытно, что многие из примеров, приводимых авторами приведенного комментария, вполне соответствуют тому значению, которое термин «абсурд» получает в обиходе как у теоретиков, так и практиков юриспруденции. В каком смысле? Представить

²⁵³ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 276.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

себе юридическую защиту, например, сторон «гражданско-правовой сделки» между «женщиной [или, тем более, мужчиной] с пониженной социальной ответственностью» и сутенером в обществе, которое разделяет семейные ценности, причем именно традиционные семейные ценности, тогда как право *est ars boni et aequi*, действительно, абсурдно. Условный принцип абсурда в данном случае – взаимоисключающие ценности, с одной стороны, права как такового, а с другой – предмета общественных отношений, который мы подвергаем правовой квалификации.

Тем не менее, проблема, затрагиваемая в настоящем исследовании, и связанная с правовыми коллизиями, которые возникают при «столкновении» реальности с виртуальным (в широком смысле слова) миром очевидно, не может быть разрешена посредством обращения к ни к морально-философским аргументам как таковым, ни к нормам действующего права, содержащим прямые отсылки к морали и (или) нравственности. Речь должна идти о другом. Но о чем же? Возможно, больше ясности могут пролить те дискуссии, которые отталкиваются в целом от проблемы соотношения права и морали, но при этом имеют более инструментальную направленность. Образно говоря, мораль может дать ответ на вопрос, регулирует ли право, например, сделки такого толка, где объектом купли-продажи будут люди, но не может дать ответ на вопрос о том, распространяется ли право, например, на сделки с виртуальными образами людей в онлайн-играх.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 2. Спор Г. Харта и Л. Фуллера и последующее переосмысление дискурса данного спора

Поворотная для философии права XX века **дискуссия между Л. Фуллером и Г. Хартом** может послужить хорошей отправной точкой в продолжении рассуждения. Как правило, она рассматривается как спор о соотношении права и морали и об основаниях правовой системы. Вместе с тем, в этой дискуссии очень сильно направление, касающееся пределов толкования права, созвучное проблематике настоящего исследования. Именно в рамках этой дискуссии Г. Харт, развивая дискурс о соотношении права и морали, обозначает «проблемы полутени» на примере с правовой нормой о запрете использования средства передвижения (англ. “*vehicle*”) в парке. Что характерно, данная проблема ставится в развитие вопроса о соотношении права, какое оно есть, от права, какое оно должно быть (последний вопрос рассматривается авторами как интерпретация вопроса о соотношении права и морали).

«Ясно, что запрет касается автомобиля, но касается ли он велосипедов, роликовых коньков и игрушечных машин? Касается ли он самолетов? Являются ли эти устройства “средствами передвижения” с точки зрения данной нормы или нет?» – спрашивает Г. Харт.²⁵⁴

Данную проблемную область ученый и называет «полутенью» права. По его мнению, наличие указанной проблемной области свидетельствует о том, что юридическая аргументация не может быть во всех случаях реконструирована или

²⁵⁴ См.: Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Философия и язык права / Герберт Лайонел Адольф ХАРТ. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 185.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

организована посредством силлогизмов – требуется также *оценочное суждение с точки зрения должного по отношению к сущему* (таким образом, можно сказать, что в современном смысле именно Г. Харт был одним из первых, кто заговорил об ограничениях ценности деонтической логики для юридической аргументации в реальных условиях). При этом, как отмечал ученый:

«Из того, что противоположным по отношению к решению, принятому по слепому формализму или буквализму, является решение, разумно достигнутое при обращении к какому-либо представлению о должном, не следует, что мы сталкиваемся со связью между правом и моралью. Мы должны, я полагаю, остерегаться думать о слове “должное” в чересчур наивной манере. Но не потому что между правом, какое оно есть, и правом, каким оно должно быть, нет никакого различия. Далеко не поэтому. *А по той причине, что разграничение следует проводить между сущим и должным со множества различных позиций. Слово “должное” подразумевает лишь наличие некоего оценочного критерия; один из этих критериев — моральный, но не все они таковы* (выделено мною – **В.А.**). Мы говорим нашему ближнему: “Ты должен избегать лжи”, — и это, без сомнения, моральный критерий, но нам нужно иметь в виду, что и несостоявшийся отравитель может сказать: “Я должен был дать ей вторую дозу”. Суть вопроса в том, что разумные решения, которые мы противопоставляем механическим или формальным, с необходимостью не тождественны решениям, которые можно обосновать с точки зрения морали. О многих решениях мы можем сказать: “Да, это правильно; так и должно быть”, — и мы можем только иметь в виду, что в данном случае таким образом лишь способствовали принятой цели или политике; и можем не стремиться подтверждать моральную правильность политики или решения. Так, различие между механическим и разумным решением можно будет обнаружить и в системе, направленной на наиболее порочные цели. Оно присуще не только таким правовым системам, которые, подобно нашей, широко признают принципы правосудия и моральные требования индивидов».²⁵⁵

Таким образом, Г. Харт, с одной стороны, развивает представления о «полутени», принципиально близкие к предмету настоящего исследования (поскольку в нем мы тоже сосредотачиваемся именно на проблемах «полутени»

²⁵⁵ Там же. С. 193.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

в хартовском смысле) как продолжение дискуссии о соотношении права и морали. С другой стороны, он разводит субстанциальную мораль и представления о должном в праве, поскольку последние могут определяться не только собственно «добропорядочной» моралью. Л. Фуллер видит здесь противоречие, поскольку в рамках представлений Г. Харта остается соблазн и последний из стандартов должного также соотносить с термином «мораль». Кроме того, американский критик Г. Харта также подвергает сомнению возможность определить «центральное значение» отдельных слов вне контекста – то есть вне учета целей (представлений о должном) тех, кто создавал правовой текст, в котором используется данное слово, в целом, с учетом смысла всего абзаца, статьи или даже акта как такового. Вопрос о «центральном значении» и его критика Л. Фуллером имеют важное значение для настоящего исследования и будут подробнее рассмотрены в Главе 3. Здесь же, в завершение рассмотрения морального дискурса о пределах права, отметим несколько принципиальных выводов.

Исторически, представления о семантических пределах права могут быть интерпретированы как продолжение или, скорее, ответвление от дискуссии о соотношении права и морали и, в первую очередь, о возможных *моральных* пределах права. Именно поэтому развитие концепции семантических пределов права имеет смысл начинать с обзора и переосмысления дискурса о соотношении права и морали в современном социокультурном контексте. В то же время, следует подчеркнуть, что известные подходы о моральных пределах права не дают возможность разрешить противоречия, демонстрируемые в магистральных примерах настоящего исследования – они либо не применимы, либо

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

недостаточно детальны, либо их явно недостаточно как таковых.²⁵⁶ Тем не менее, в своей известной дискуссии именно Г. Харт и Л. Фуллер ближе всего подошли к собственно «семантической» постановке проблемы. Несмотря на разногласия по поводу природы «полутени» в толковании и применении права, оба автора признавали многозначность слов и возможность возникновения разного рода абсурдных противоречий при толковании права без учета проблемы значений слов. Однако и Г. Харт, и Л. Фуллер полагали, что основным способом избавиться от «полутени» в каждой конкретной ситуации будет учитывать цели правовой нормы. Противоречие между ними заключалось, скорее, в том, что Л. Фуллер, говоря словами Г. Харта, полагал, что «полутень» – это не редкий, нестандартный пограничный случай, а естественное свойство любого правового текста. Проблема в том, что для магистральных примеров настоящего исследования простой констатации того, что учет целей правовой нормы необходим для разрешения проблем «полутени» недостаточно. Мы можем согласиться с общей терминологией спора между правоведами и считать, что занимаемся именно механизмом определения цели – так можно сказать, но это

²⁵⁶ Вопросы о том, можно ли применять законодательство о противодействии терроризму к выдуманному рецепту изготовления «взрывчатого вещества» в компьютерной игре или нормы права собственности как института гражданского права к «виртуальной собственности» в данном конкретном ракурсе как бы слишком технические и мало соотносятся с ценностями субстанциальной морали. Так, например, из упомянутых иллюстраций, в истории с блокировкой сайта *Minecraft* «что-то пошло не так» с применением права задолго до того, как мы достигли точки, на которой имеет смысл обсуждать моральные ценности. Допустим, мы попробуем разрешить данную проблему исходя из морали и заявить, что общественная мораль не допускает возможность права вмешиваться в содержание игр. Это, очевидно, не так с социологической точки зрения, потому что условный характер практики – игровой или неигровой – не может служить таким *универсальным* барьером (да, мораль может запрещать все игры, но разрешать все игры она не может – дело не в социальной практике, потенциальное применение права к которой мы рассматриваем, а в конкретном предмете такой практики, ее вариации). В процессе попыток сформулировать почему право не может (или может) вмешиваться в такие отношения мы, напротив, приходим к весьма формальным критериям, которые будут не только определять возможность применения (и, соответственно, толкования таким образом) права, но и возможность применять к таким отношениям и саму мораль. В таком смысле, именно эта идея и раскрывается последовательно на дальнейших страницах настоящей работы.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

непринципиально для задач исследования, – важно то, что такой механизм сейчас не разработан. Более того, и это критически важно для определения значимости и направленности данной работы, до текущего момента в фундаментальной теории и философии права отсутствует полноценный учет тех последствий, которые влечет цифровая трансформация общества и медиальный поворот в целом, для определения подхода к указанной проблемной области.

Так, один из центральных примеров дискуссии Л. Фуллера и Г. Харта о правой норме, запрещающей размещать «транспортные средства» в парке относится к классическим примерам, используемым в философско- и теоретико-правовых дискуссиях. Однако авторы, пик творчества которых пришелся на середину XX столетия не знали и не могли знать о том, как в дальнейшем будут развиваться компьютерные и информационные технологии.²⁵⁷ Авторы обсуждали вопрос о помещении «реального» объекта в «реальный» парк. Но современные информационные технологии допускают и альтернативные сценарии развития событий. Речь идет о технологиях *виртуальной* и, особенно, *дополненной* реальности. Подчеркнем, что пример дополненной реальности особенно важен для предмета настоящего исследования.²⁵⁸ Представим себе тот

²⁵⁷ Самый первый экспериментальный этап развития информационно-телекоммуникационных технологий, как правило, относят к 1960-м гг. XX в., но и тогда он был уделом специалистов, привлекаемых к различным государственным, в том числе военным и засекреченным, исследованиям, а также энтузиастов в области технологий, а не философии права. См.: Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Social Science Research Network Website, URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578 (accessed: 24.01.2019). На том этапе в принципе было рано даже прогнозировать (за пределами научной фантастики и футурологии) развитие технологий виртуальной и дополненной реальности, о которых пойдет речь в ближайших абзацах настоящего параграфа исследования, с точки зрения социальных практик и связи с правовой проблематикой.

²⁵⁸ Как отмечают специалисты, «авторство термина “дополненная реальность” принадлежит Томасу Престону Коделлу, инженеру исследовательской лаборатории Боинга. В 1992 г. он применил принципы технологии в системе, созданной для помощи рабочим в монтаже электрических кабелей в самолетах. Дополненная реальность (Augmented reality, AR) – это технология наложения информации в форме текста, графики, аудио и других **виртуальных объектов** на **реальные объекты** в режиме реального времени. Именно

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

же гетерономный правовой текст, в котором содержится норма, запрещающая размещать транспортное средство в парке. Представим теперь, что некая компания, специализирующаяся в области инновационных информационных технологий, разработала программный продукт, который содержит точное отображение парка, обновляемое в режиме реального времени. Наконец, представим, что у данного программного продукта есть функционал, позволяющий пользователям размещать произвольные объекты в виртуальной репрезентации парка. Допустим, один из пользователей разместил некое «виртуальное» транспортное средство в «виртуальной» копии парка. Вроде бы, невинная ситуация, которая, на первый взгляд, находится за пределами права. Однако могут быть нюансы. Парк не принадлежит разработчикам приложения. Транспортное средство помещено в «живую» цифровую копию настоящего парка. Это уже может вводить в заблуждение посетителей парка. А если транспортное средство будет, в то же время, не простое, а отображающее ограниченную к распространению информацию? Также мы, например, можем

взаимодействие вычислительных устройств с картинкой реального мира отличает дополненную реальность от виртуальной (выделено мною – *В.А.*). См.: Яковлев Б.С., Пустов С.И. История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности // Известия ТулГУ. – Технические науки. – 2013. – № 3. – С. 479. См. также: Кравцов А.А. Использование технологии дополненной реальности для визуализации виртуального объекта в реальном интерьере [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 84. – [Сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-dopolnennoy-realnosti-dlya-vizualizatsii-virtualnogo-obekta-v-realnom-interiere> (дата обращения: 24.01.2019). Среди современных технологий дополненной реальности отмечаются (часть этих технологий, однако, является экспериментальной или уже либо устарела, либо не используется по разным, в том числе, юридическим соображениям) очки дополненной реальности Google Glass, очки Microsoft HoloLens, нейронный чип виртуальной реальности DARPA, водительские очки BMW и др. См.: Дрокина К.В., Дарбинян Т.А. Анализ возможностей применения технологии дополненной реальности в современных условиях // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2016. – № 2. – С. 114–116. При этом вдвойне интересен, в свете настоящей работы, опыт применения технологий дополненной реальности в игровой индустрии. Авторский верхнеуровневый практический анализ правовой проблематики одной из таких игр – Pokémon Go (см.: Pokémon Go [Electronic resource] // Pokémon Go. The Pokémon Company International, Inc. – [Site]. – URL: <https://www.pokemongo.com/en-us/>, accessed: 24.01.2019) – представлен в следующей видеолекции: Архипов В.В. Информационные отношения в рамках Pokémon Go [Электронный ресурс] // LF Академия. – [Сайт]. – URL: <https://lfacademy.ru/course/13479> (дата обращения: 24.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

допустить, что в результате подобного рода действий возникло и распространяется уже за пределами приложения некорректное изображение парка, которое приводит к существенному искажению юридически-значимой достоверной информации о парке. И так далее. Вопрос, который интересует нас в данном случае, заключается в том, можно ли распространять исходную норму о запрете «помещать транспортные средства в парк» на отношения, предметом которых является точная и «живая» виртуальная копия парка и такая же точная и живая симуляция «транспортного средства». В контексте настоящего параграфа исследования необходимо подчеркнуть, что данный вопрос несколько более *технологичен*, чем требовалось бы для того, чтобы обращаться к моральной философии. Возможный взгляд, согласно которому вдохновленная Л. Фуллером позиция о том, что и здесь мы просто сталкиваемся с вопросом о цели закона, представляется довольно упрощенной – **сперва нам необходимо ответить на вопрос о том, почему хотя бы теоретически можно допускать, что такая цель может охватывать и виртуальные транспортные средства, не будет абсурдным.**²⁵⁹ Телеологический подход не устраняет проблему.

Вернемся, однако, к вопросам философии морали. Прямой источник представленного ранее обобщения Дж. Стентона-Айфа о пределах права и косвенный теоретический повод дискуссии Л. Фуллера и Г. Харта – это основной принцип утилитаристской моральной философии. В основе взглядов Дж. Милля лежало представление о том, что «безвредное» (т.е. неспособное причинить вред

²⁵⁹ Вопрос, который ставится в настоящем суждении аналогичен вопросу о том, должны ли писатели делать так, чтобы их персонажи всегда «соблюдали» правила дорожного движения в художественных произведениях. Сама постановка вопроса при этом не абсурдна в свете отмеченных тенденций развития законодательства об ограничении распространения информации.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

другим) поведение не может составлять предмет правового регулирования. В дальнейшем данный подход был переосмыслен Г. Хартом.²⁶⁰ Отметим, что «вред» как критерий, определяющий возможность применения права, рассматривается в философии утилитаризма и последующих ее интерпретациях как своего рода основной признак специального предмета общественных отношений, выступающий в качестве критерия применимости права и определяющий стандарт юридического толкования. Однако в настоящей работе демонстрируется, что «вред» не является единственным возможным таким критерием. С точки зрения той модели теоретической социологии, которая является определяющей для методологии данного исследования, «вред» выделяется в утилитаризме именно потому, что он имеет «социально-валютную ценность» – понятие, которое более подробно будет раскрыто к завершению настоящей Главы 2. Полагаем, однако, что теория Дж. Милля, при всем уважении к классической утилитаристской мысли, не полностью отвечает на вызовы современного правоприменения, толкования и правотворчества.

Проведем мысленный эксперимент, обращаясь к одним из сквозных примеров настоящей работы – компьютерным играм и толкованию ст. 105 УК РФ таким образом, что она распространяется на «причинение смерти» другому «человеку» (персонажу) в многопользовательской онлайн-игре. Ключевой вопрос в свете применимости утилитаристской концепции (и последующих ее интерпретаций) – *можно ли смоделировать такую ситуацию, при которой «вред» в миллевском смысле будет, а возможность соответствующего толкования и применения права по-прежнему будет вызывать интуитивные*

²⁶⁰ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

сомнения? Представляется, что да. В некоторых многопользовательских онлайн-играх, допускающих «убийство» одних персонажей другими, возможны, например, следующие ситуации:²⁶¹

1) *В случае если игра допускает произвольное «убийство» одного персонажа другим в любое время.* Игрок А низкого уровня выполняет «мирные» задания открытого игрового пространства. Игрок Б высокого уровня внезапно нападает на Игрока А и «убивает» его без видимой причины. Когда Игрок А возвращается к исходной точке и продолжает свои «мирные» занятия, его уже подстерегает Игрок Б и вновь «убивает» его. Ситуация повторяется несколько раз. С одной стороны, очевидно, что Игрок Б вмешивается в игровой процесс Игрока А, возможно даже портит тому игру с субъективной точки зрения последнего. С другой стороны, такие ситуации, если их допускает игровая механика, именно что и являются частью игрового процесса, даже если он неприятный (здесь уместно вспомнить рассмотренные выше взгляды Дж. Фейнберга). Вред, вероятно, есть, однако представить судебный иск о защите прав, если таковые есть, Игрока А довольно сложно, хотя пока не будем исключать такую возможность принципиально.

2) *В случае если игра допускает свободный обмен «виртуальной собственностью» между игроками.* Игрок А, посредством выполнения внутриигровых заданий накопил значительную сумму «виртуальной валюты» и решил купить дорогой предмет у Игрока Б. При этом отсутствует возможность приобретения «виртуальной валюты» за «реальные» деньги. Хотя игровая

²⁶¹ Отметим, что приведенные далее примеры сконструированы в отношении виртуальных миров, котором присущи, полностью или в части, качества *виртуальной социальной реальности* (см. § 5.8 Главы 1 и § 1 Главы 2 настоящего исследования).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

механика предусматривает многоступенчатый интерфейс подтверждений, Игрок Б находит способ обмануть Игрока А: он делает вид, что его клиент игры дает программный сбой, отменяет обмен и возобновляет его снова, но подменяет желаемый Игроком А предмет на другой, похожий, но значительно более дешевый. С расчетом на то, что Игрок А не будет перепроверять вторую «сделку», которую он посчитает аналогичной. В данном случае Игрок А также, вероятно, будет испытывать обиду и разочарование, однако и в этом случае сложно представить судебный иск о защите прав Игрока А, даже при том, что им могло быть вложено немало времени и интеллектуальных усилий в то, чтобы заработать «виртуальную валюту».²⁶²

Примеры в данной области можно продолжать очень долго.²⁶³ Отметим главное: в каждом из рассматриваемых случаев можно констатировать наличие «вреда» в миллевском или близком к миллевскому смысле. В то же время, есть интуитивные сомнения в том, что такой «вред» соответствует предмету правового регулирования. Однако ситуация может поменяться, если в каждом из

²⁶² Такие случаи мошенничества автор настоящей работы наблюдал в некоторых играх, например, в игре *Аллоды Онлайн*.

²⁶³ Собственно, подобные практики встречаются почти во всех компьютерных играх рассматриваемой группы, игровая механика которых позволяет совершать такие действия. Но наиболее ярким примером, пожалуй, по-прежнему остается виртуальный мир игры *Ultima Online*. См.: Леонов А. История убийств в *Ultima Online*: как игроки-преступники противостояли разработчикам [Электронный ресурс] // DTF.RU. 5 июля 2018 г. – [Сайт]. – URL: <https://dtf.ru/games/22604-istoriya-ubiystv-v-ultima-online-kak-igroki-prestupniki-protivostoyali-razrabotchikam> (дата обращения: 23.01.2019 г.). Автор подчеркивает следующие примеры от ключевого разработчика игры: «Если Лихой Гарри подстерегает путешественников на большой дороге и говорит им “Прошу прощения, господа, но я заберу у вас либо кошелек, либо жизнь”, это гораздо менее проблематично, чем Баша, которая обучает медведей и натравливает их на ничего не подозревающих путников, или Лорд С’Мерт, который считает забавным испытывать свой новый свиток «Огненной стены» прямо посередине кузницы. С’мерти нет прощения. Тем не менее, все три варианта действий абсолютно легальны». Исходный источник текста: Костер Р. Разработка игр и теория развлечений. Москва: ДМК Пресс, 2018. – 288 с. Раф(-аэль) Костер (род. 1971) известен не только *Ultima Online*, но и другими виртуальными мирами, оставившими заметный след в истории компьютерных игр. См.: Raphael Koster [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: <https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,327570/> (accessed: 23.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

случаев, при наличии соответствующих устоявшихся социальных практик, параллельно с «виртуальными» будут и вполне «реальные», например, *денежные* отношения – скажем, если можно подсчитать стоимость в «реальной» валюте игрового персонажа в целом или принадлежащей ему «виртуальной» валюты с возможностью перевести (конвертировать) одно в другое.²⁶⁴ То, что философы и теоретики права прошлого не учитывали данные примеры неудивительно – в их время отсутствовали социальные практики, связанные с «постоянной» (англ. *“pervasive”* – поддерживаемыми в момент отсутствия участника) симуляцией игровой среды, поскольку тогда еще не было инструментов, позволяющих это сделать, – компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий.

Подводя итоги, отметим, что основной вывод, который можно сделать из данного предварительного рассмотрения вопросов соотношения права и морали в свете проблем телеологического толкования и семантики нормативных предписаний, заключается в том, что **философия морали все же не является безусловным источником определения принципиальных семантических пределов права**, исключающих возможность применения или толкования правовых текстов либо создания новых правовых норм. Вопрос о соотношении права и морали перетекает в вопрос о возможности, допустимости и целесообразности телеологического толкования. В свою очередь, последний вопрос выходит за пределы морального дискурса и заставляет нас обратиться к

²⁶⁴ По этому пути, собственно, и идет аргументация в некоторых судебных решениях, в которых отношения между пользователем и игровой компанией, предметом которых является «виртуальная собственность», приобретенная за реальные деньги, квалифицируются как отношения между потребителем и профессиональной стороной.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

логике и семантике правовых текстов. Данные обстоятельства при этом становятся особенно заметны в актуальном социокультурном контексте медиального поворота, обуславливающим проблему семантических пределов права.

§ 3. Оценка семантических пределов права с точки зрения подходов к толкованию права, претендующих на осмысление абсурда

Итак, философия морали, а также ее переосмысление в споре Л. Фуллера и Г. Харта, не дает нам достаточно методологического материала для реконструкции семантических пределов права, по крайней мере, в условиях медиального поворота. Поскольку эмпирический материал подталкивает нас соотнести вопрос о семантических пределах права не только с представлениями о виртуальной реальности в широком смысле слова, но и с представлениями об абсурде и здравом смысле, а сама проблема, по сути, может быть представлена как собственно проблема толкования права, попробуем обратить дальнейшее внимание в поисках решения проблемы о критериях семантических пределов права в область проблем юридического толкования. С интересом можно отметить, что у слова «абсурд», как в теории, так и в практике толкования права, необычная судьба – его используют практически все (более того – в самих нормативных и правоприменительных актах), но не определяет практически никто, и речь идет даже не о строгом формально-логическом определении, а буквально о любом – контекстуальном, ином, – которое позволило бы понять, о чем идет речь с достаточной степенью определенности, а не получить иллюзию

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

такого понимания. Возможно, автор настоящего исследования просто стал жертвой заговора своих коллег, которые за несколько, как минимум, столетий развития права в современной редакции уже давно договорились о терминах, но решили держать всех остальных в неведении. Не имея лучшего, тем не менее, попробуем работать с тем материалом, который есть.

Для начала, ориентируясь на научные источники и эмпирический материал, попробуем обобщить те скудные и разрозненные сведения об абсурде, которыми мы располагаем на данный момент, и заодно посмотрим, сможет ли нам помочь теория юридического толкования, которая прямо называется «доктрина абсурдности» (даже при том, что она развивается в рамках англо-американской юридической мысли, объект исследования в сущности одинаков для всех правовых систем или семей – это правовой текст, т.е. текст, который служит основой для реконструкции предоставительно-обязывающих норм). В итоге, что мы знаем об абсурде?²⁶⁵

§ 3.1. Отдельные примеры отсылок к абсурду в отечественной правоприменительной практике

Отсылки к абсурду и здравому смыслу встречаются как в нормативных источниках, так и в правоприменительной практике. Один из наиболее известных примеров первого – п. в ст. 32 Венской Конвенции о праве международных

²⁶⁵ При анализе эмпирического материала не будем забывать о том, что анализ аргументов, основывающихся на абсурдности чего-либо, для нас имеет главным образом инструментальный характер, а основным предметом нашего исследования является поиск возможных аргументов для формирования концепции о том, в каких случаях право принципиально может применяться к отношениям, связанным с виртуальной реальностью, а в каких – нет.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

договоров (заключена в Вене 23.05.1969 г.),²⁶⁶ согласно которой возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31,²⁶⁷ или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31 приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными. Один из немногих примеров прямого применения данной статьи в практике международных юрисдикционных органов отражен в Постановлении Европейского суда по правам человека от 24.01.2017 г. «Дело “Хамтоху и Аксенчик (Khamtohu and Aksenchik) против Российской Федерации”» (жалобы № 60367/08 и 961/11).²⁶⁸ П. 23 данного Постановления, в частности, отмечает, что

«установление нарушения статьи 14 Конвенции по основаниям различия в обращении с подобными группами в отсутствие объективного и разумного оправдания могло требовать одного метода возмещения: "повышения", а именно, распространения более благоприятного обращения на всех лиц в подобной ситуации. "Понижение", то есть прекращение преференциального обращения для тех лиц, которое имели на него право, недопустимо в соответствии с Конвенцией. Успехи, достигнутые в защите прав человека, просто не могут быть отброшены. Сама Преамбула к Конвенции устанавливает цель защиты и "развития" прав человека и основных свобод. В этом отношении ясно, что европейская защита требует продвижения таких прав и запрещает их разбавление на дискреционной основе по политическим соображениям. Кроме того, исполнение постановления Европейского Суда не должно отменять, ограничивать или сужать существующие права в национальном правовом порядке, как предусмотрено в статье 53 Конвенции. *Любой другой результат толкования был бы явно абсурдным* (выделено мною – **В.А.**) (статья 32 в Венской конвенции о праве договоров)».

²⁶⁶ См.: О праве международных договоров [Электронный ресурс]: Венская конвенция, заключена в Вене 23.05.1969 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

²⁶⁷ Статья 31 Конвенции устанавливает общие правила толкования договоров.

²⁶⁸ Постановление Европейского суда по правам человека от 24.01.2017 г. «Дело “Хамтоху и Аксенчик (Khamtohu and Aksenchik) против Российской Федерации”» (жалобы № 60367/08 и 961/11) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Что касается практики национальных судов в Российской Федерации и ЕСПЧ в целом, то по состоянию на 17 сентября 2018 года²⁶⁹ справочно-правовая система «КонсультантПлюс» при использовании в критерии поиска запроса «абсурд*» (слова, содержащие сочетание букв «абсурд», в том числе производные от данного термина) выдает 649 результатов. В отношении критерия поиска «здравый смысл» – 488. На момент ознакомления читателя с материалами настоящего исследования данные показатели могут измениться. Таким образом, указанные термины используются в текстах правоприменительных актов (на примере судебной практики Российской Федерации и ЕСПЧ, на которую был ориентирован указанный поиск). Разумеется, в некоторых случаях они используются как фигура речи, но среди доступного материала есть и логически-содержательные примеры. Особый интерес при этом составляют случаи, в которых указанные слова и сочетания используются не сторонами по делу, а судами. Остановимся на них поподробнее, приводя те цитаты, в которых использование слова «абсурд» и производных для целей исследования понятно из контекста и без изучения доказательств, составляющих материалы соответствующего дела. Сразу отметим, что во всех остальных случаях, не процитированных в настоящем параграфе, из всей представленной выборки аргументы об абсурдности использовались сторонами по делу. Для удобства последующих отсылок снабдим примеры сквозной нумерацией.

²⁶⁹ Дата проведения исследования, предполагавшего работу по сбору практики в указанном направлении.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

1) В Определении Приморского краевого суда от 23.06.2014 г. по делу № 33-5131 суд указывает, что

«...утверждение ответчика о невозможности установить личность лица, отбывающего наказание в исправительной колонии, **абсурдно** (здесь и далее слово с корнем «абсурд» выделено мною для удобства читателя – **В.А.**) и ставит под сомнение постановленный в отношении этого лица приговор по уголовному делу».²⁷⁰

В данном случае «абсурдность» увязывается с тем, что в соответствии с действующем порядком отбывания наказаний юридически – полностью, а фактически – во всех *разумных* случаях невозможно отбывать наказание анонимно.

2) В Постановлении Суда Еврейской автономной области от 13.03.2013 г. по делу № 4-А-8/2013 суд отмечает, что

«...вместе с тем, вопреки утверждению заявителя, из акта проверки от 20.09.2012 следует, что с копией распоряжения о проведении внеплановой проверки директор предприятия Л.С. ознакомлена 03.09.2012 в 12 часов, о чем ею собственноручно в названный акт внесена соответствующая запись (л.д. 9 - 10). Причем исправление в дате на третье число выполнено и заверено также ею, что, исходя из надзорной жалобы, не отрицается самой Л.С. В этой связи ссылка последней о невозможности установления даты ознакомления проверяемого лица с распоряжением о проведении проверки вследствие исправления в акте является **абсурдной**».²⁷¹

²⁷⁰ Определение Приморского краевого суда от 23.06.2014 г. по делу № 33-5131 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

²⁷¹ См.: Постановление Суда Еврейской автономной области от 13.03.2013 г. по делу № 4-А-8/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Здесь «абсурдность» может быть объяснена исходя из верхнего уровня логической интерпретации абсурда через суждения или высказывания о фактах, между которыми есть простое противоречие.

3) В Решении Ленинского районного суда г. Владивостока от 18.06.2008 г. по делу № 2-228/08 суд указывает:

«Кроме того, порядок доведения до подчиненного личного состава приговоров суда и последующих судебных актов на подведение итогов, совещаниях, читках приказов сам по себе вносит ясность и гласность в содеянном и не требует объяснений. Кроме того, доводы истца З. о том, что он вынужден был избегать встреч с сослуживцами – **абсурден**, так как последний проходил военную службу по призыву в воинском подразделении, проживал в расположении части, служил согласно распорядку дня - что само по себе исключает возможность уединения и избегания встреч с сослуживцами».²⁷²

Здесь «абсурдность» ситуации, как и в первом примере, увязывается с тем, что в силу как обычно складывающегося, так и нормативно урегулированного положения дел, усматривается явное противоречие высказываниям участника процесса.

4) Как указал суд в Апелляционном определении Пермского краевого суда от 04.02.2015 г. по делу № 33-887,

«...с учетом изложенного выше, не усматривает судебная коллегия правовых оснований и к снижению размера компенсации морального вреда, на чем настаивает в апелляционной жалобе ответчик. Грубой неосторожности в действиях Б. судом не установлено, ответчиком соответствующих доказательств и доводов в суде первой инстанции не заявлялось, наличие в действиях Б. небрежности при осуществлении перехода четырехполосной проезжей части не подтверждается ни материалами гражданского дела, ни материалами

²⁷² См.: Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 18.06.2008 г. по делу № 2-228/08 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

административного производства. Ссылка ответчика на надетый на голову истицы капюшон во время перехода проезжей части является **абсурдной** и не свидетельствующей о грубой неосторожности в силу правового смысла данного понятия».²⁷³

Исходя из высокой степени обобщений, можно сказать, что продолжается логика предыдущего примера, но здесь обычное толкование юридического понятия не соответствует обычному положению дел на практике (надетый капюшон сам по себе не исключает возможности проявить должную осмотрительность при переходе дороги).

5) В Решении Самарского областного суда от 26.06.2014 г. № 21-311/2014 суд указывает следующее:

«Ссылки в жалобе на необходимость применения в качестве процессуального права при рассмотрении настоящей жалобы арбитражного и гражданского процессуального законодательства с соответствующими процедурами и сроками представляется **абсурдной**, противоречащей как основным принципам права в целом, так и установленным КоАП РФ процессуальным нормам в частности».²⁷⁴

Здесь аргумент, предполагающий отсылку к абсурду, увязывается с нарушением юридической логики и распределения предметов между различными, специально созданными – каждая для своего предмета – отраслями права (в административном производстве применение ГПК РФ и АПК РФ, действительно, невозможно по определению, а потому – абсурдно, хотя в теории

²⁷³ См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 04.02.2015 г. по делу № 33-887 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

²⁷⁴ См.: Решение Самарского областного суда от 26.06.2014 г. № 21-311/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

можно сконструировать редкие пограничные ситуации, где разумный спор об этом может возникнуть).

б) В Апелляционном определении Пермского краевого суда от 02.04.2013 г. по делу № 33-2961-2014 суд отмечает, что

«...доводы апелляционной жалобы ответчика о том, что истец осуществляя трудовую деятельность на заводе сознательно допускал возникновение неблагоприятных последствий для здоровья, не влекут снижение ответственности работодателя перед работниками и по своей сути **абсурдны**».²⁷⁵

В данном случае «абсурдность», по-видимому, возникает из-за смешения двух совершенно различных групп общественных отношений, которые юридически между собой не связаны – деятельность работника, повлекшая причинение вреда ему же, с одной стороны, и исполнение публично-правовой обязанности работодателя, которое само по себе не зависит от того, что делают работники.

7) Любопытное заключение содержит Апелляционное определение Пермского краевого суда от 12.11.2012 г. по делу № 33-10042:

«Доводы апелляционной жалобы о том, что, по мнению Н., сам статус ответчика причиняет нравственные страдания, которые не подлежат доказыванию, являются **абсурдными** и не могут быть приняты во внимание с правовой точки зрения».²⁷⁶

²⁷⁵ См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 02.04.2013 г. по делу № 33-2961-2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

²⁷⁶ См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 12.11.2012 г. по делу № 33-10042 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Пример абсурдности в данном случае более интересен, поскольку более абстрактен и затрагивает неартикулированные «общеразделяемые положения» права, которые подразумевают, что наличие какого-либо правового статуса, тем более процессуального, является инструментальным и не может само по себе причинять нравственные страдания.

8) Как указывает суд в Апелляционном определении Самарского областного суда от 11.09.2012 г. по делу № 33-8461,

«...не может судебная коллегия признать убедительными доводы апелляционной жалобы о том, что ответчик не может нести ответственности за действия своих контрагентов в силу того, что он действовал добросовестно, проявляя должную осмотрительность и осторожность, поскольку об обратном свидетельствует сами обстоятельства заключения договоров с неустановленными лицами от имени ООО "Форсаж", а именно крупные сделки (на суммы, как правило, более одного миллиона рублей), со слов самого ответчика, заключались им в автомобилях на автомобильной стоянке, при этом ответчик не представил суду ни паспортные данные лиц заключавших сделки от имени ООО "Форсаж", ни данные доверенностей, на основании которых они действовали, между тем, ответчиком фактически не оспаривается, что номинальный руководитель ООО "Форсаж" – И.В. лично указанных сделок не совершала, при этом доводы стороны ответчика о том, что заключения крупных сделок в таких условиях является обычной деловой практикой **абсурдны** по сути, поскольку ввиду таких обстоятельств невозможно установить истинных контрагентов по сделкам, истинные условия совершенных сделок и факт исполнения ответчиком указанных условий».²⁷⁷

Описание, данное судом, наглядно поясняет «принцип абсурдности» в данном случае – прежде, чем квалифицировать нечто как крупную сделку, оно должно соответствовать признакам сделки как таковым.

²⁷⁷ См.: Апелляционное определение Самарского областного суда от 11.09.2012 г. по делу № 33-8461 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

9) В Апелляционном определении Пермского краевого суда от 08.08.2012 г. по делу № 33-6866 по делу о причинении ответчиком вреда на служебном автомобиле в состоянии алкогольного опьянения указано, что

«...в апелляционной жалобе Щ. приводит доводы о несогласии с выводом суда о том, что он управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения со ссылкой на то, что справки N <...> и <...> о результатах судебно-химического исследования не заверены печатью медицинского учреждения, а потому являются ненадлежащими доказательствами. Далее указывается на то, что спирт в кровь ответчика мог попасть при обрабатывании ран Щ. медицинскими работниками». В отношении последнего обстоятельства уже суд указывает, что «ссылки ответчика на обстоятельства, при которых спирт мог попасть в кровь Щ., являются **абсурдными** и не могут быть приняты во внимание».²⁷⁸

Здесь очевидно противоречие таких ссылок обычному положению дел и фактам медицинской науки – по крайней мере, в представлении суда.

10) Как указывает судебная коллегия в Апелляционном определении Самарского областного суда от 26.06.2012 г. по делу № 33-5960,

«...вместе с тем, не может судебная коллегия признать убедительными выводы суда первой инстанции о заключении рассматриваемого договора займа с целью исключения квартиры приобретенной ответчиком по указанному договору долевого участия в строительстве многоквартирного жилого дома из возможного раздела совместно нажитого имущества ответчика и его супруги, поскольку все денежные суммы ответчиком были уплачены застройщику до заключения договора займа, то есть до ДД.ММ.ГГГГ, а брак между ответчиком и его супругой был заключен только ДД.ММ.ГГГГ, а учитывая что ответчик имеет высшее юридическое образование, указанные доводы стороны ответчика высказанные в обоснование непризнания иска выглядят абсолютно **абсурдными**».²⁷⁹

²⁷⁸ См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 08.08.2012 г. по делу № 33-6866 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

²⁷⁹ См.: Апелляционное определение Самарского областного суда от 26.06.2012 г. по делу № 33-5960 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В данном случае абсурдность увязывается с предполагаемым разумным поведением лица, имеющего высшее юридическое образование. Этот случай «абсурдности» отличается от других, поскольку в нем как бы говорится, что сторона по делу не может заявлять определенный довод «всерьез», поскольку владеет специальными знаниями.

11) В постановлении Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 19.04.2012 г. № 44-г-7, суд указывает:

«Однако решение Чамзинского районного суда Республики Мордовия от 8 ноября 2011 г. не может быть признано в полном объеме законным и обоснованным, поскольку, отказав в удовлетворении всех заявленных ООО "Автозапчасть" к О. встречных исковых требований в связи с пропуском срока исковой давности, суд по существу оставил возникший между сторонами спор по поводу зенковочного станка неразрешенным, создав по сути **абсурдную** ситуацию, когда станок оказался не имеющим собственника».²⁸⁰

В данном случае «абсурдность» имеет иную, чем в предыдущих примерах, природу – здесь речь идет о логически невозможной, с точки зрения позитивного права, ситуации.

12) Занимательный вывод отражен в Апелляционном определении Калининградского областного суда от 14.08.2013 г. по делу № 33-3468/2013:

«С учетом того, что закон не ограничивает количество вещей, которые могут находиться в собственности гражданина, ссылку в апелляционной жалобе на

²⁸⁰ См.: Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 19.04.2012 г. № 44-г-7 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

абсурдность вывода суда о принадлежности должнику Л.В. с супругой двух холодильников и двух телевизоров нельзя признать обоснованной».²⁸¹

По-видимому, сторона по делу пыталась апеллировать к обычному положению дел, когда у граждан, живущих в месте, один холодильник и один телевизор. В аргументации суда, однако, сравнение, в отличие от предыдущих случаев, осуществляется не с обычной практикой (во многих случаях у семьи, действительно, один холодильник – как подсказывает здравый смысл – но он же подсказывает, что это необязательно), а с принципами гражданского права, не ограничивающими число холодильников и телевизоров, которыми могут владеть граждане.

13) В Апелляционном определении Верховного суда Республики Карелия от 14.05.2013 г. по делу № 33-1306/2013 суд взвешенно отмечает, что

«указание в апелляционной жалобе на циничность и **абсурдность** выводов суда первой инстанции носит экспрессивный характер и не может быть расценено судебной коллегией как мотивированный довод, подлежащий рассмотрению в качестве позиции юридического лица».²⁸²

Смысл данного примера не столько в том, чтобы показать в чем именно заключалась предполагаемая абсурдность, а в том, что здесь суд *de facto*, указывает на то, что сама по себе отсылка к абсурдности не может приниматься

²⁸¹ См.: Апелляционное определение Калининградского областного суда от 14.08.2013 г. по делу № 33-3468/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

²⁸² См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 14.05.2013 г. по делу № 33-1306/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

во внимание при осуществлении правосудия. Как видно, однако, это не универсальная позиция.

14) Санкт-Петербургский городской суд в Определении от 18.04.2012 г. № 22-2281/2012, опровергая один из доводов стороны, отмечает, что

«...вопреки доводам кассационной жалобы Г.Д. об **абсурдности** полученных судом сведений о невозможности установления местонахождения свидетеля <...>, являющегося сотрудником полиции, в материалах дела имеется документ об увольнении <...> из органов внутренних дел, и об отсутствии этого свидетеля по имеющимся данным о его месте жительства».²⁸³

Данный пример похож на первый, но с обратным исходом – если невозможно или практически невозможно отбывать наказание в местах лишения свободы анонимно, то «пропасть» из поля зрения государства, находясь на свободе, вполне возможно. По крайней мере, пока интернет вещей в области общественного порядка не стал по-настоящему глобальным.

Отдельного внимания заслуживает использование отсылок к абсурду (абсурдности) в отдельных особых мнениях судей Конституционного Суда Российской Федерации.

15) Так, например, в Особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.М. Казанцева к Постановлению по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера содержится, в частности, следующее рассуждение:

²⁸³ См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.04.2012 г. № 22-2281/2012 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Вместе с тем при вынесении определения или постановления о прекращении уголовного дела вопрос о судьбе вещественных доказательств и в том числе о конфискации может быть решен не только судом, но и руководителем следственного органа или следователем. При этом по буквальному смыслу пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, если уголовное дело и уголовное преследование прекращаются формально при наличии даже реабилитирующих оснований (отсутствие в деянии состава преступления, непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления и др.) и уж тем более любых нереабилитирующих оснований. Конечно, конфискация при условии прекращения уголовного дела или преследования по реабилитирующим основаниям вряд ли может применяться ввиду очевидной **абсурдности** такого толкования оспариваемой нормы, но и вопрос о возможности конфискации при условии прекращения уголовного дела или преследования по нереабилитирующим основаниям в правоприменительной практике тоже не может решаться в соответствии с буквальным толкованием».²⁸⁴

Здесь подмечается абсурдность постановки вопроса о конфискации при условии прекращения уголовного дела или преследования по реабилитирующим основаниям. Т.е. подразумевается противоречие природы и целей конфискации случаю с таковыми.

16) В Особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова к Определению от 2 апреля 2009 года № 484-О-П приведено следующее рассуждение:

«Поскольку какие-либо правила, критерии и конкретные требования к мотивам в законе отсутствуют – любой повод и предлог отвечает условию мотивированности. Уже материалы жалоб показывают, насколько заведомо

²⁸⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 N 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

избыточно, и порой **абсурдно** исполнительная власть и судебные органы выдвигают и оправдывают такого рода мотивы. Так, органы публичной власти легко запрещают проведение мероприятий под предлогом возможного проведения ремонта дорог и коммуникаций, высокой посещаемости мест проведения митингов и демонстраций, аварийного состояния культурных объектов и угрозы их сохранности и даже наличия обращения церковного иерарха о деструктивности проводимого мероприятия. Имеются также примеры, когда органы публичной власти заведомо создают подобные мотивы для запрета митингов и манифестаций, инициируя проведение в то же время и в том же месте иных публичных акций. Таким образом, требование мотивировать предложение органа публичной власти об изменении времени и места проведения мероприятия не представляет никаких гарантий реализации права мирных собраний и фактически используется как предлог для их запрещения».²⁸⁵

Случай «абсурда», с которым мы встречаемся здесь несколько сложнее – в данном случае, речь, скорее, идет об очевидной, по суждению автора особого мнения, несоразмерности между охраняемыми ценностями.

17) В Особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова к Постановлению от 28.06.2007 г. № 8-П содержится, в том числе, следующая позиция:

«Достоинство личности, как оно интерпретируется в европейской правовой традиции, означает, прежде всего, что человек не может быть бесправным объектом государственной деятельности. Это касается не только и не столько уже умершего, но прежде всего его родных и близких. О каком достоинстве может идти речь, если тело умершего становится даже не объектом, а предметом, вещью, присвоенной государством, позволяющим себе установить на него монополию и распоряжаться им по своему усмотрению? Родственникам погибших при этом предлагается ни много ни мало как вступать с государством в судебный спор по поводу тел их близких, а Конституционный Суд видит свою задачу в том, чтобы защитить это право на судебный иск, который не имеет уже никакого смысла.

²⁸⁵ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2009 года № 484-О-П по жалобе граждан С.М. Шимоволоса, А.В. Лашманкина, Д.П. Шадрина о нарушении их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Конечно, это **абсурдно**, унизительно и бесчеловечно, тем более учитывая конкретные трагические обстоятельства данного дела, когда тела погибших были тайно кремированы задолго до обращения в Конституционный Суд. Между прочим, ни Конституция Российской Федерации, ни международные нормы по правам человека категорически не допускают никаких оснований для умаления достоинства личности».²⁸⁶

В данном случае термин «абсурд» также связан, скорее, с резкой непропорциональностью между определенными ценностями. Кроме того, вспоминая подход Н.А. Дмитрика, в предмете спора прослеживается потенциальное столкновение права с пределами частной жизни.

18) Прямое отношение к предмету настоящего исследования имеет пример использования термина «абсурдный» в п. 6 Особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева к Определению от 02.11.2006 г. № 444-О (приведем развернутую цитату, чтобы можно было оценить логику аргументации, не обращаясь к полному тексту особого мнения):

«Как уже отмечалось, в случае выявившейся неясности нормы налогового законодательства все методы (способы) толкования должны применяться в совокупности. Один из них – телеологическое толкование, т.е. уяснение смысла нормы в контексте целевых установок законодателя, когда правоприменитель учитывает не только исторически обусловленное намерение законодателя, но и цель, которую он ставил перед собой. Судья по содержанию подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации, имущественный вычет предоставляется при продаже не любого имущества, а такого, сделки по поводу которого подлежат не просто регистрации, а государственной регистрации. Государство не в состоянии контролировать все сделки, заключаемые физическими лицами при распоряжении своим имуществом. Поэтому в данной норме речь идет о сделках по распоряжению объектами недвижимости. В статье

²⁸⁶ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

164 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что сделки с землей и другим недвижимым имуществом подлежат государственной регистрации в случаях и порядке, предусмотренных статьей 131 данного Кодекса и Законом о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (пункт 1). Вряд ли можно истолковать слова в подпункте 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации "а также при продаже иного имущества" как означающие, что при продаже любого движимого имущества (скажем, пары голубей) надо платить с полученного дохода налог на доходы физических лиц. Это – пример так называемого **абсурдного истолкования, которое не может осуществляться правоприменителями** (выделено мною – *В.А.*). Согласно пункту 2 той же статьи законом может быть установлена государственная регистрация сделок с движимым имуществом определенных видов. Такая государственная регистрация предусматривается в единичных случаях. Так, согласно статье 11 Закона Российской Федерации "О залоге" при залоге имущества, подлежащего государственной регистрации, договор залога должен быть зарегистрирован».²⁸⁷

Использование отсылки к абсурду в данном судебном решении (равно как и помещение такого аргумента в контекст телеологического толкования) весьма показательны, поскольку неявно связано и с определенными представлениями о пределах права.

19) Не менее интересно и содержание Особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации Б.С. Эбзеева к Определению от 11.03.2005 № 3-О, в котором, в частности, указано:

«Попытка же интерпретировать нормативное содержание ее [Конституции] статьи 119 ("Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации") и части 2 статьи 121 ("Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом") как дозволение

²⁸⁷ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.11.2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

федеральному законодателю действовать по собственному произвольному усмотрению или игнорировать иные положения Конституции Российской Федерации **абсурдна по сути, поскольку лишает ее рационализирующего и стабилизирующего значения и качества верховенства и высшей юридической силы** (выделено мною – *В.А.*) (статья 4, часть 2; статья 15, часть 1)».²⁸⁸

Отсылка к абсурду в данном случае имеет двоякий смысл. Во-первых, подразумевается абсурдность толкования, не учитывающего иные положения Конституции, во-вторых – подчеркивается, что абсурд противоречит рациональности права.

Полагаем, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать обзор типовых случаев использования аргументации, предполагающей отсылку к абсурду в праве на примере отечественной правоприменительной практики. В целях набора критической массы эмпирического и связанного с ним теоретического материала, обратимся теперь к зарубежному опыту и доктрине.

²⁸⁸ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.03.2005 № 3-О «По жалобе гражданина Смакова Рината Миргалимовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 14 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" (в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2001 года), пункта 3 статьи 6.1 и абзаца второго пункта 1 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 года)» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3.2. Развитие «доктрины абсурдности» в контексте зарубежной правоприменительной практики

Обобщенный, но вполне точный взгляд на подход к абсурду в праве в зарубежных (как англо-американских, так и романо-германских) юрисдикциях может представить анализ дискурса «**доктрины абсурдности**» в толковании права. У этой доктрины многообещающее название, однако, забегая вперед, отметим, что она тоже дает поразительно мало ясности о том, что же такое абсурд конкретно.²⁸⁹ Одно из системных критических обобщений «доктрины абсурдности» в праве США, которая, в действительности, известна, как минимум со второй половины XIX века, было сделано Дж. Мэннингом в статье «Доктрина абсурдности» (2003).²⁹⁰ Данная статья, однако, прольет мало света на проблему в интересующем нас ракурсе – как в плане конкретных критериев абсурдности в праве, так и в части общих вводных в теорию юридического абсурда. Из двух других системных статей, написанных в ответ на статью Дж. Мэннинга – статьи Г. Стажевского «Избегая абсурдности» (2006)²⁹¹ и статьи Л. Джеллум «Но это абсурд! Почему конкретная абсурдность подрывает текстуализм» (2011)²⁹² – мы остановимся на последней, поскольку она более последовательно раскрывает логику развития доктрины абсурдности и основные представления об абсурде в праве через призму своей правовой культуры и системы.

²⁸⁹ «Поразительно мало» – поскольку ожидания, которые провоцирует название доктрины, не соответствуют итогу осмысления.

²⁹⁰ Manning J.F. The Absurdity Doctrine // Harvard Law Review. – 2003. – Vol. 116. – PP. 2387–2486.

²⁹¹ Staszewski G. Avoiding Absurdity // Indiana Law Journal. – 2006. – Vol. 81. – PP. 1001–1065.

²⁹² Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism // Brooklyn Law Review. 2011. – Vol. 76. – PP. 917–939.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Доктрина абсурдности в США развивалась, как ни странно, в качестве необходимой составляющей текстуалистского подхода. Суть текстуализма заключается в том, что для уяснения смысла правового текста используются лишь такие способы толкования, которые связаны с самим текстом непосредственно. Проводя сравнительно-правовую аналогию, можно сказать, что текстуализм – это применение филологического, логического и, возможно, системного способа толкования для получения, по общему правилу, буквального результата. Особенно критически текстуалисты оценивают другое направление – интенционализм, т.е. попытку определить намерение законодателя, и использовать его как основополагающий принцип для определения содержания закона, даже если усматриваются отдельные расхождения с текстуальным выражением нормы.

Как указывает Л. Джеллум, три основных направления для критики интенционализма следующие. *Во-первых*, есть сомнения в том, что законодательное намерение только одно (подразумевается сложный процесс согласования противоречивых интересов при разработке законопроекта), и даже если он один, то судьи вряд ли могут его точно установить. *Во-вторых*, участие судей в определении намерения законодателя может рассматриваться как нарушение принципа разделения властей. *В-третьих*, в отличие от интенционализма, текстуализм сам по себе служит сдерживающим фактором для «самодеятельности» судей.²⁹³ Текстуализм, таким образом, очень похож на привычные и для российской действительности практики толкования права, хотя

²⁹³ Ibid. PP. 920–921.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

МОЖЕТ ОТЛИЧАТЬСЯ В НЕКОТОРЫХ И, ВОЗМОЖНО, НЕСУЩЕСТВЕННЫХ ДЕТАЛЯХ, ВЫЗВАННЫХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫМИ РАЗЛИЧИЯМИ.

Л. Джеллум рассматривает доктрину абсурдности как синоним доктрины «Золотого правила» и как исключение к канону толкования об общеупотребительном значении слова (англ. “*plain meaning canon*”). Суть доктрины «Золотого правила» сводится к тому, что во всех тех случаях, когда следование правилу приведет к абсурдным (*sic!*) или противоречащим, пока условно говоря, здравому смыслу, результатам, необходимо отходить от буквального общеупотребительного значения слова. Известно, как минимум, два случая более или менее прямого отражения такого подхода в прецедентах Великобритании, в обоих случаях формулировки принадлежат Лорду Уэнслидейлу. Так, в деле *Becke v Smith (1836)* он отметил:

«Крайне полезное правило в толковании статута – придерживаться обычного значения использованных слов и следовать грамматической структуре, если только получившийся результат не будет противоречить воле (намерению) [англ. “*intention*”]²⁹⁴ законодателя, или не приведет к откровенному абсурду или противоречию [англ. “*repugnance*”], а если это произойдет, то формулировка может быть изменена или модифицирована но в степени, не большей, чем необходимо, чтобы полностью избежать такого затруднения».²⁹⁵

Впоследствии Лорд Уэнслидейл в решении по делу *Grey v Pearson (1857)* уточнил формулировку следующим образом:

²⁹⁴ Мы намеренно используем перевод, который поместит подход в контекст российской правовой терминологии, чтобы подчеркнуть сходство в некоторых деталях.

²⁹⁵ *Becke v Smith (1836) 2 M&W 195*, цит. по: Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«В процессе толкования статутов, как и всех письменных текстов, необходимо следовать тому значению слов, которое соответствует их грамматическому и обыденному значению, если только это не приведет к некоторой **абсурдности** (выделено мною – **В.А.**) или несоответствию по отношению к остальному тексту; если же это произошло, то в таком случае грамматическое и обыденное значение слов может быть изменено для того, чтобы избежать такого абсурда или несоответствия, но не более того».²⁹⁶

Данное правило обычно рассматривается в двух возможных интерпретациях – узкой,²⁹⁷ когда речь идет о формальных противоречиях текста, и широкой,²⁹⁸ когда речь идет о противоречиях принципам морали или публичной политики.²⁹⁹ Золотое правило (толкования, а не морали) в истории правовой мысли и моральной философии интерпретировалось и само по себе достаточно узко и преимущественно было связано с анализом моральных оснований права либо иных способов реконструкции связи между правом и моралью в конкретных случаях.³⁰⁰ Как кратко заключает Л. Джеллум,

«...доктрина абсурдности позволяет судьям игнорировать обычное значение законодательного текста в случаях, когда обычное значение текста приведет к абсурдным результатам».³⁰¹

²⁹⁶ *Grey v. Pearson (1857) 6 HL Cas 61, 106; 10ER 1216, 1234*, цит. по: Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

²⁹⁷ См.: *R v Allen (1872)*.

²⁹⁸ См.: *In re Sigsworth (1935)*.

²⁹⁹ Здесь отметим, что эти два классических подхода соответствуют предлагаемой нами классификации абсурда на синтаксический и семантический, но не учитывают два уровня семантического абсурда.

³⁰⁰ См.: Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgment, and Law // *Notre Dame Law Review*. – 2009. – Vol. 84. – Issue 4. PP. 1529–1605.

³⁰¹ Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 921.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В США история внимания судей к абсурду началось в 1868 году с дела *United States v. Kirby*.³⁰² Обвиняемые, которые служили в местном офисе шерифа, арестовали почтальона, которого разыскивали за убийство. Однако в то же время действовала норма, согласно которой запрещалось осознанно и намеренно препятствовать или затруднять доставку почты или деятельность кучеров [англ. “*driver*”] или экипажей. Получилось, что обвиняемые буквально нарушили закон, однако суд, по сути впервые, применил доктрину абсурдности и отметил: «Все законы должны толковаться разумно. Общие положения должны быть ограничены в своем применении в случае, если они ведут к несправедливости, угнетению или абсурдным результатам. Отныне всегда следует исходить из того, что законодатель подразумевает исключения для своих формулировок, которые позволят избежать подобных результатов. В таких случаях в праве разумность должна преобладать над буквой закона».³⁰³ Примечательно, что судья также процитировал С. Пуфендорфа, ссылавшегося на пример болонского закона, согласно которому «каждый, кто пролил кровь на улице, должен быть наказан наиболее жестоким образом», и который, однако, на практике не был применен к случаю с хирургом, открывшем для цели оказания медицинской помощи вену человека, упавшего на улице.³⁰⁴ Автор, однако, подчеркивает, что «пролить кровь» может рассматриваться как словосочетание, имеющее два разных значения, и потому в этом примере не обязательно подразумевается именно

³⁰² *United States v. Kirby*, 74 U.S. 482 (1868) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/482/> (accessed: 24.02.2019).

³⁰³ Цит. по: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 924.

³⁰⁴ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

абсурд – пример этот может быть рассмотрен и строго в контексте обычных текстуалистских позиций.

Наиболее влиятельным делом о применении доктрины абсурдности, однако, автор полагает уже упоминавшееся решение 1892 года по делу *Holy Trinity Church v. United States*,³⁰⁵ в котором суд применил достаточно широкое толкование абсурда, увязав его с намерением законодателя, постановив, что норма о запрете найма иностранных работников не может распространяться на священнослужителей, хотя буквально деятельности пастора, ставшего основным «фигурантом» дела, могла рассматриваться в качестве таковой. Суд при этом вынес решение, из которого следовало, что такое толкование должно распространяться на все подобные дела, в которых основной вопрос касается «работников умственного труда».³⁰⁶

История доктрины абсурдности прервалась в 1940 гг. в связи с развитием интенционалистской доктрины, однако возобновилась в 1986 г. в связи со вступлением в должность судьи А. Скалиа, и на момент анализируемой публикации была распространена в нижестоящих судах, хотя не являлась доминирующей в актах Верховного Суда США, который обращался к ней лишь пять раз.³⁰⁷

Особое достоинство работы Л. Джеллум по сравнению с другими публикациями на тему «Золотого правила», текстуализма, абсурдности и аналогичных понятий из других правовых культур, заключается в том, что автор

³⁰⁵ *Church of the Holy Trinity v. United States*, 143 U.S. 457 (1892) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/143/457/> (accessed: 24.02.2019).

³⁰⁶ Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 926.

³⁰⁷ Ibid. P. 926–927.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

не пытается замаскировать проблему неясности термина «абсурд» за рассуждениями исключительно лишь о моральных основаниях права. Автор отмечает, что абсурдность не определяется в юриспруденции последовательно – напротив, судьи предпочитают определять абсурдность посредством простого перечисления конкретных случаев, которые кажутся им абсурдными (отметим некоторое сходство и с современной российской практикой).³⁰⁸ Как указывал Дж. Мэннинг,

«...стандартная доктрина толкования (возможно, тавтологично) определяет “абсурдный результат” как вывод настолько противный разделяемым социальным ценностям, что Конгресс не мог намереваться [заложить его в закон]».³⁰⁹

Л. Джеллум подчеркивает, что даже в случае, который интерпретируется как прецедентное основание такого исключения – имеется в виду дело *Holy Trinity Church v. United States*, 143 U.S. 457 (1892) – Верховный Суд США лишь отметил, что значение, которое вступает в конфликт с волей законодателя является абсурдным, но никак более не раскрыл представление об абсурде в праве. Как правило, Верховный Суд также отождествляет понятия «абсурдный» и «странный» (“odd”), но среди некоторых судей встречается и более резкое определение абсурдного как «ведущего к настолько грубым результатам [толкования], что они являются шокирующими с точки зрения общей морали или здравого смысла».³¹⁰ Автор заключает, что первый из подходов к абсурдности

³⁰⁸ См. напр.: *Pub. Citizen v. U.S. Dep’t of Justice*, 491 U.S. 440, 470-71 (1989) (*Kennedy, J., concurring*) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/440/> (accessed: 24.02.2019).

³⁰⁹ Manning J.F. The Absurdity Doctrine // *Harvard Law Review*. 2003. Vol. 116. P. 2390.

³¹⁰ Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 921.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

может показаться узким и спорным с точки зрения концепции воли законодателя («намерения Конгресса»), тогда как второй может, напротив, открыть дверь для внетекстуальных соображений в толковании права слишком широко. Соответственно, истина должна быть где-то посередине. Но факт остается фактом, подмечает Л. Джеллум, – юриспруденция не может **определить где конкретно лежит эта истина**,³¹¹ а судьи, при определении абсурда, просто ссылаются на другие дела, где кто-то уже сослался на абсурд, и применяют подход «Я узнаю это, когда увижу».³¹² В дальнейшем на страницах своего исследования автор обращает внимание на два возможных вида абсурда в праве – конкретном и общем.³¹³ Конкретный абсурд наличествует там, где абсурдным будет толкование по конкретному делу.³¹⁴ Общий – где абсурдным будет любой случай толкования соответствующего акта.³¹⁵ Данная классификация интересна сама по себе, но она также существенно не проливает свет на проблемы природы абсурда. Особенно, в том ключе, который необходим для разрешения проблем выявления абсурдного толкования или применения права в условиях медиального поворота.

³¹¹ Именно этим и объясняется наше обращение к теоретической социологии на страницах настоящего исследования.

³¹² Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 922.

³¹³ Ibid. PP. 927–932.

³¹⁴ См. напр.: *Ohio Division of Wildlife v. Clifton*. Суд признал абсурдным налагать наказание за неправомерное обращение с животным на человека, который такое животное спас от неминуемой гибели и приютил у себя. Цит. по: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. PP. 927–932.

³¹⁵ См. напр.: *Amalgamated Transit Union Local 1309 v. Laidlaw Transit Services, Inc.* Суд признал абсурдным правило, согласно которому буквально «апелляция может быть подана в срок не менее чем спустя 7 дней после вынесения решения», признав, что «менее» означает «более», поскольку иначе это получился бы срок ожидания и неопределенный срок на обжалование. Цит. по: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. PP. 927–932.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3.3. *Оценка представлений об абсурдности в праве через призму представлений о здравом смысле*

Есть достаточно много примеров и попыток поместить представления об абсурде в определенный контекст. Строгих определений, однако, мы пока не видим. Может быть, пойти от обратного? Абсурд обычно противопоставляют **здравому смыслу**. Возможно, ситуацию прояснит обращение к соответствующей философской школе? Действительно, в определенном смысле, основная задача настоящей работы и заключается в том, чтобы *осмыслить и теоретически структурировать применение здравого смысла в юридической аргументации*. При этом понятие здравого смысла нельзя осознать в отрыве от своего, согласно рабочему предположению, антонима – абсурда. Что же представляет собой здравый смысл и как он рассматривается в современной социально-гуманитарной литературе?

Представитель философских наук А.А. Ивин в своем учебнике «Основы теории аргументации» примерно характеризует здравый смысл как «общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с опытом»³¹⁶ и анализирует использование данного понятия в истории подходов к

³¹⁶ Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 185–186.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

аргументации, включая Аристотеля,³¹⁷ Фому Аквинского³¹⁸ и более поздних мыслителей. Из указанных наблюдений можно отметить характеристику взглядов А. Шефтсбери, который

«...истолковывал здравый смысл как понимание общего блага и одновременно как приверженность общине или обществу, как естественные чувства, гуманность, любезность. Здравый смысл – это скорее добродетель сердца, нежели ума, являющаяся не просто обиходной добродетелью, но предполагающая некоторую моральную и даже метафизическую основу».³¹⁹

В общем, заметно, что «здравый смысл» – также понятие весьма туманное, которое осмыслить, скорее всего, возможно только с помощью, по-видимому, самого здравого смысла. Тем не менее, отметим, в приведенном взгляде связь здравого смысла с «приверженностью общине или обществу» и отсылку к моральной основе. Сложно удержаться от возможного дополнения в первой части – «с [семантической] приверженностью общине или обществу». Заслуживает более пристального внимания упоминание автором философии шотландской школы и приводимая им по этому поводу цитата Х.-Г. Гадамера, согласно которой

³¹⁷ «Апелляция к здравому смыслу высоко ценилась в античности и шла в русле противопоставления мудрости («софии») и практического знания («фронесис»). Это противопоставление было теоретически разработано Аристотелем и развито его последователями до уровня жизненного идеала. Практическое знание, руководящее поступками человека, – это особый, самостоятельный тип знания. Практическое знание направлено на конкретную ситуацию и требует учета «обстоятельств» в их бесконечном разнообразии. Жизнь не строится, исходя из теоретических начал и общих принципов, она конкретна и руководствуется конкретным знанием, оцениваемым с точки зрения здравого смысла». См.: Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 186.

³¹⁸ «В схоластике, например, у Фомы Аквинского, здравый смысл – это общая основа внешних чувств, а также опирающейся на них способности судить о данном, присущей всем людям». См.: Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 186.

³¹⁹ Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 187.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«...понятие здравого смысла концентрируется на обществе: «Он служит для того, чтобы направлять нас в общественных делах или в общественной жизни, **когда наши способности к рассуждению покидают нас в темноте**» (выделено мною – *В.А.*).³²⁰

Философия здравого человеческого разума у представителей шотландской школы выступает не только как целительное средство против “лунатизма” метафизики, она еще и содержит основы моральной философии, воистину удовлетворяющей жизненные потребности общества».³²¹ С учетом выделенного в приведенной выше цитате фрагмента сложно удержаться от проведения аналогии, согласно которой здравый смысл парадоксальным образом оказывается «бессознательным» (в юнгианском смысле) права. Заслуживает упоминания и значение моральных мотивов в понятии здравого смысла в рамках представлений А. Бергсона, согласно которому

«...хотя здравый смысл и связан с чувствами, но реализуется он на социальном уровне. Чувства ставят нас в какое-то отношение к вещам, здравый смысл руководит нашими отношениями с людьми. Он не столько дар, сколько постоянная корректировка вечно новых ситуаций, работа по приспособлению к действительности общих принципов».³²²

Для нас важно и заключение А.А. Ивина относительно современного значения здравого смысла:

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же.

³²² Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Существенное значение придает здравому смыслу современная философская герменевтика, выступающая против его интеллектуализации и сведения его до уровня простой поправки: **то, что в чувствах, суждениях и выводах противоречит здравому смыслу, не может быть правильным** (выделено мною – *В.А.*)».³²³

Но именно такая презумпция и лежит в основе большинства изученных источников, относящихся к эмпирическим примерам юридической аргументации, относящейся к теме исследования.

Завершая обсуждение представления концепции здравого смысла А.А. Ивиным в приведенном источнике следует отметить, что оно оказывается по существу недостаточно раскрытым для целей настоящего исследования, хотя рассмотреть приведенные суждения было довольно полезным. Автор отмечает, что

«...приложим здравый смысл прежде всего в общественных, практических делах. С его помощью судят, опираясь не на общие предписания разума, а скорее на убедительные примеры. Поэтому решающее значение для него имеет история и опыт жизни. Здравому смыслу нельзя выучить, в нем можно только упражняться. Он имеет двойственный, описательно-оценочный характер: с одной стороны, он опирается на прошлые события, а с другой является наброском, проектом будущего».³²⁴

Надо отметить, что и иные представления, характеризующие понятие здравого смысла, довольно туманны. Они явно не дают возможности строить рациональную юридическую аргументацию (а юридическая аргументация не может не быть рациональна), однако в ряде случаев сколь естественно и

³²³ Там же. – С. 187–188.

³²⁴ Там же. – С. 188.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

закономерно делается вывод об отсутствии здравого смысла или об абсурдности того или иного толкования или действия, ведь оно *не имеет смысла*. В настоящей же работе предлагается последовательно развивать представления о **соотносимости здравого смысла с семантикой, а абсурда – с нарушением семантических правил в процессе интерпретации права.**

Интересно обратиться и к отдельным отечественным исследованиям, тем более, что по поводу здравого смысла как такового написано мало. Так, видный дореволюционный отечественный последователь шотландской школы философии здравого смысла Исидор Саввич Продан писал:

«Люди практики не задают себе вопросов относительно знания: что такое истина и, как она достигается. Действуя по врожденному познавательному инстинкту, они ошибаются в своей деятельности реже, чем иные философы в своих сочинениях. Мало того, людьми науки и практики, чуждыми философии познания, делаются важные научные открытия; применением этих открытий порой изменяется весь социальный строй жизни: следовательно, эти открытия – не заблуждения. Ими несомненно подтверждается правильность познания и мышления у людей, сделавших эти открытия. Особенно блестящие успехи сделаны человеческим умом в истекшем столетии в области естественных наук и техники».³²⁵

Далее автор приводит примеры того, как человек подчинил себе природные силы и поставил их на службу прогрессу. Довольно прямолинейно (и, вероятно, здравомысляще – по крайней мере, на первый взгляд) выглядит и дальнейшее рассуждение автора:

«В противоположность этим быстрым успехам естественных наук и техники, философы истекшего века нередко шли наперекор здравому смыслу и спорили о

³²⁵ Продан И.С. Познание и его объект. Оправдание здравого смысла. – Харьков, 1913. – С. 11.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

том, что вызывает улыбку у людей, чуждых философской премудрости. Кто прав, философы или люди здравого смысла? Не отвечая на этот вопрос, мы повторим и докажем мысль Рида, что философия значительно позже появилась на свет, чем здравый смысл человечества: люди в общем рассуждали правильно и до появления философии. Так напр., человечество тысячелетия мыслило в общем логично, прежде чем гениальному Аристотелю удалось написать первую логику. И теперь еще сотни миллионов людей рассуждают логично, не зная даже слова «логика» и ничего не подозревая о существовании этой науки. Следовательно, в уме этих людей без их ведома действует врожденная им логика. Так же точно тысяча племен правильно говорит на своих языках, не зная правил грамматики; однако эти правила, без ведома говорящего, соблюдаются им. И теперь еще существуют сотни языков, грамматики которых еще не написаны. Тысячелетия уже существуют разные искусства, хотя до сих пор еще никому из философов не удалось создать удовлетворительную теорию искусств, хотя философы до сих пор спорят даже о самом понятии «искусство». То же самое можно сказать и о гносеологии, или теории познания. Хотя философы еще не пришли к согласию даже относительно основных вопросов этой теории, но самое познание, несомненно, существует и развивается в общем правильно. Удивительным может показаться такое несоответствие между практикой и теорией познания! Ужели можно действовать человеку по правилам, не зная этих правил? Ужели можно открывать новые истины, не зная, в чем состоит истина, в чем состоит знание? Очевидно, это возможно, если оно бывает в действительности. Так же точно можно пользоваться паровозом, пароходом, автомобилем, телеграфом, телефоном, электрическим фонарем, не зная ни точного устройства этих машин, ни даже самой движущей причины. Так же пользуются люди своей познавательной деятельностью, не зная ее механизма и устройства».³²⁶

И все бы хорошо, но только такого рода «здравый смысл», действительно, представляет собой в большей степени реакцию на скептицизм, которая выражает социально-сконструированные парадигмальные конструкты, а не научное мышление. Тем временем, до осознания зависимости результатов познания от языка оставались считанные годы... Отдельно можно отметить, что «здравомыслие» (англ. “*sanity*”) того же А. Кожибски – это понятие совершенно противоположное «здравому смыслу» шотландской школы. Здравомыслие в

³²⁶ Там же. – С. 12–13.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

рамках общей семантики как раз означает критическое отношение к языку. В общем, в этом контексте можно отметить, что разработка нового термина «семантические пределы права», который может включать в себя понятие здравого смысла, но не обязательно, является методологически-оправданной задачей. Предлагаемый нами на последующих страницах исследования подход также перекликается с собственной интерпретацией абсурда в трудах Т. Рида, который писал, в частности, что

«...если есть определенные принципы, а я думаю, что они есть, верить в которые нас заставляет конституция нашей природы, и которые с необходимостью принимаем за данность в повседневных жизненных заботах, без возможности дать им обоснование – именно их мы и называем принципами здравого смысла; а то, что явно им противоречит, мы называем абсурдом».³²⁷

Кстати, надо отметить, что и восемь принципов внутренней моральности права Л. Фуллера могут рассматриваться как критерии не-абсурдности, а их нарушение – как доказательство абсурдности.³²⁸

³²⁷ Цит. по: Thomas Reid Quotes [Electronic resource] // Goodreads. – [Site]. – URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/17381.Thomas_Reid (accessed: 24.02.2019).

³²⁸ Было бы неправильно говорить, что абсурд – не юридическая категория. Социологический и социолингвистический факт в том, что абсурд – это более чем юридическая категория!

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 3.4. Предварительные заключения о признаках и видах абсурда в толковании и применении права

В итоге, слов много, ясности – не факт. Но попробуем сделать обобщение. Что мы знаем об абсурде теперь?³²⁹

— *Во-первых*, «абсурд» в праве может относиться к результату юридического толкования. Процесс толкования правового текста завершается реконструкцией правовой нормы. Такая реконструкция представляет собой результат толкования, и в некоторых случаях, он получается «абсурдным».

— *Во-вторых*, «абсурд» – нечто плохое, абсурд необходимо в праве избегать. Абсурдный результат может быть несправедливым. Например, один из главных вопросов теории толкования права согласно А.Г. Карапетову: «Может ли суд дать вполне ясной норме закона толкование, явно расходящееся с ее буквальным смыслом, в случаях, когда он приводит к абсурдным и несправедливым результатам?»³³⁰

— *В-третьих*, однако, вышеизложенная точка зрения не является универсальной или, по крайней мере, не означает того, что право применяться не может или не должно. Как отмечает А.Г. Карапетов применительно к истории французского правоведения, «в науке стало общепринятым считать, что, “даже

³²⁹ В процессе будем обращаться к некоторым взглядам, представленным в свое время А.Г. Карапетовым, как автором одной из ключевых отечественных монографий по вопросам толкования права, хотя название этой книги толкование напрямую и не упоминает. См.: Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³⁰ Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». С. 1.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

если закон хоть тысячу раз абсурден, он все равно должен применяться буквально»³³¹.

— *В-четвертых*, как можем подметить из приведенной ранее цитаты, мы часто сталкиваемся с абсурдом тогда, когда намереваемся применять правовой текст в его буквальном значении. Правда, это не означает, что расширительное и ограничительное толкование также не может быть абсурдным.

— *В-пятых*, абсурд вступает в противоречие здравому смыслу и разуму (рациональности). Так, например, «пробел возникает тогда, когда буквальный смысл закона приводит к явно абсурдным выводам и здравый смысл требует учета не реальной буква закона, а того регулирования, которое бы установил разумный законодатель».³³²

— *В-шестых*, часто бывает так, что абсурдное толкование получается при использовании только филологического способа толкования права, вскрывается при применении логического, а устраняется – посредством обращения к системному, историческому, телеологическому и др.

— *В-седьмых*, что любопытно, бывает и наоборот: используя большую часть способов толкования, в том числе логический, мы приходим к результатам, которые вроде бы формально и не абсурдны, а «в действительности» абсурдны, и в таком ключе не применяются.

— *В-восьмых*, формально не абсурдные результаты толкования, которые являются абсурдными «в действительности», могут быть связаны с понятиями

³³¹ Там же. С. 10. Автор цитирует Лорена (Laurent) по: Caenegem R.C. van. An Historical Introduction to Private Law. – 1992. – Р. 151.

³³² Там же. С. 89. Здесь А.Г. Карапетов цитирует следующее издание: Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. – М., 1949. – Т. 1. – Полутом 1: Введение и общая часть. – С. 191–192.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

справедливости и (или) общественной морали (нравственности) и предполагать шокирующее или вопиющее противоречие либо несоразмерность (непропорциональность) определенным моральным идеалам или принципам, но и это не обязательно.

В общем и целом, мы можем заключить, что **абсурд** (по крайней мере, в контексте предмета настоящей работы) – это **качество результата юридического толкования и (или) применения права**. При этом абсурд бывает двух видов: **(1) синтаксический (грамматический) и (2) семантический**. При синтаксическом (грамматическом) абсурде отсутствует смысл высказывания по причине нарушения правил отношений между элементами высказывания с точки зрения грамматики или формальной логики. Примерами синтаксического абсурда могут послужить классические случаи нелепых или бессмысленных нормативных высказываний – от «казнить нельзя помиловать», до простого набора слов, в котором противоестественным (по отношению к естественному языку) образом слова соединяются – как, например, если вместо одной части речи используется другая, неподходящая часть речи. В случае с семантическим абсурдом противоречие возникает на уровне значений грамматически и логически верных прескриптивных высказываний. Семантический абсурд первого уровня может быть объяснен исходя из приема *reductio ad absurdum*. Семантический абсурд второго уровня не может быть объяснен логикой или только лишь логикой, поскольку он проистекает из социокультурно-обусловленных представлений о социально-значимых объектах. В случае с таким видом абсурда необходимо изучать соответствие выводов общественной морали (нравственности), справедливости или чему-то еще. В

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

настоящем исследовании мы и пытаемся найти это «что-то еще», поскольку морального дискурса недостаточно для рационального обоснования абсурдности отдельных случаев толкования и применения права в условиях медиального поворота. Можно сказать, что семантический абсурд второго (условно, «глубинного») уровня имеет еще две разновидности или две области: **первая из них связана с вопросами морали, намерения законодателя и т.п., а вот вторая как раз со столкновением реальности и виртуальности** – она отражает уникальную проблематику абсурда в праве в условиях медиального поворота. С одной стороны, семантический абсурд глубинного уровня как таковой был естественным образом известен праву, пожалуй, со времен возникновения последнего. С другой стороны, вторая его разновидность – связанная с виртуальностью – не могла быть осмыслена до медиального поворота, да и не должна была – отсутствовали объективные основания тому.

§ 4. Реконструкция семантических пределов права средствами деонтической логики: опыт переосмысления

Попытка увязать представления о семантических пределах права (буквально) с определенной нормативностью известны философии права, однако, как мы увидим далее на примере подхода М. Клатта, опирающегося на фундаментальные труды Р. Брэндома, они касаются преимущественно синтаксического абсурда либо, возможно точнее, *синтаксических аспектов первого (поверхностного) уровня семантического абсурда* и, к сожалению, также не позволят достичь достаточной ясности в прояснении *семантического абсурда*

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

второго («глубинного») уровня. Главный недостаток такого подхода заключается в том, что он все еще не раскрывает природы семантической нормативности права, однако у него есть и существенное достоинство – он позволяет обосновать имплицитную нормативность представлений о семантических пределах права. Подчеркнем, что к идеям, которые нашли отражение в работе, выступающей предметом последующего анализа, автор настоящего исследования пришел до ознакомления с ними и исходя из несколько иных методологических позиций (не от «раннего», а от «позднего» Витгенштейна), однако тем более значим общий методологический подход.

§ 4.1. Критический анализ теории семантической нормативности права *М. Клатта*

Ученым, предложившим развитие идеи семантической нормативности, проделаны достойные усилия в деле прояснения семантических пределов права даже в интерпретации, которая сама по себе не позволяет реконструировать необходимую семантическую связь, – М. Клатт, автор книги «Эксплицируя право. Нормативность юридической аргументации» (2004, 2008),³³³ предпринял попытку осмыслить проблему, продолжая немецкий подход к праву как к рациональному дискурсу и обращаясь при этом к философии языка. Основные положения его монографии в сжатой и наглядной форме были представлены в статье «Семантическая нормативность и объективность юридической

³³³ Klatt M. Making the Law Explicit. The Normativity of Legal Communication. – Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. – 303 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

аргументации», удостоенной приза молодого ученого Международной ассоциации философии права и социальной философии в 2003 году,³³⁴ ее мы и возьмем в качестве основного текста для анализа.

Автор задается двумя основными вопросами. *Во-первых*, каким образом идея трансцендентальной по отношению к контексту объективности [права] может быть приведена в гармонию с существующим плюрализмом языковых игр и концепций мира? *Во-вторых*, как общее представление о том, что значение возникает из конвенциональных практик языкового сообщества, возможно без обращения к «*трюизмам здравого смысла*» Куайна?³³⁵ Предваряет эти два вопроса он постановкой тезиса о том, что **за представлением о правовом тексте как обстоятельстве, определяющем содержание правовой нормы, с необходимостью должно лежать представление об «объективности значения» такой правовой нормы.**³³⁶ Разделяя, скорее, релятивистские представления о значении слов, тем не менее, отметим, что с автором сложно не согласиться в его критике на этом основании школ правового реализма и критических правовых исследований, которые подводят к тому, что значение нормативного акта превращается в «множество языковых игр и релятивистских интерпретаций, которые противостоят друг другу с равными шансами».³³⁷ М. Клатт полагает, что подходы, релятивистские в таком смысле, ошибочны, и развивает свою аргументацию.

Немецкий ученый подчеркивает, что

³³⁴ См.: Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation // ARSP: Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. – 2004. – Vol. 90. – No. 1. – PP. 51–65.

³³⁵ Ibid. P. 52.

³³⁶ Ibid. P. 51.

³³⁷ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«...одним из центральных тезисов... является тезис о том, что практика наделения [слов и высказываний] значениями подразумевает, что значения понятий предопределяют их использование. Концепция семантических пределов представляет собой нормативную концепцию. А значит концепция значения должна быть нормативной, и ее анализ должен выделить условия для корректного использования норм и предложений».³³⁸

М. Клатт отмечает, что концепция нормативности основана на презумпции, согласно которой **невозможно сказать нечто осмысленное, если только мы не будем допускать возможность использовать слова неправильно**. Основываясь на этой посылке, автор предлагает «основной тезис семантической нормативности», который звучит следующим образом: «Есть интерсубъективно приемлемый [англ. “*valid*”] способ провести разграничение между правильным и неправильным использованием понятий [англ. “*concepts*”]».³³⁹ Отсюда, по мнению ученого, следует, *во-первых*, наличие нормативной связи между значением понятия и его использованием, а *во-вторых* – необходимость прояснить условия семантической нормативности, поскольку одного лишь утверждения о таких условиях недостаточно.³⁴⁰ М. Клатт предлагает рассмотреть и интегрировать четыре основных подхода к определению условий семантической нормативности:

— интерпретация семантической нормативности через представления об **истине**, в первую очередь, с опорой на корреспондентную теорию истины;

³³⁸ Ibid. P. 52. В подтверждение М. Клатт ссылается на Ю. Коулмана, см.: Coleman J. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. – Oxford, 2001. – P. 175.

³³⁹ Ibid. P. 52-53.

³⁴⁰ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

— интерпретация семантической нормативности через представление о **нормативности связей между понятиями** («грамматические предложения» Л. Витгенштейна);

— увязывание семантической нормативности с **общей рациональностью** в интерпретации Дж. Раза, полагавшего, что рациональность представляет собой способность усматривать нормативное значение фактов и действовать соответственно;

— теория речевых актов Дж. Сёрля, согласно которой **говорить, используя язык, это форма поведения, предполагающая следование правилам.**³⁴¹

Методологию интеграции данных подходов для обоснования семантической нормативности М. Клатт выстраивает с опорой на работу Р. Брэндома «Сделаем это явным. Рассуждение, репрезентация и дискурсивные обязательства» (*“Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment”*).³⁴² Основная позиция Р. Брэндома в интерпретации М. Клатта заключается в том, что в наших эксплицитных дискурсивных социальных практиках есть имплицитные правила, которые позволяют нам оценивать речевые акты как правильные и неправильные, а его методологический подход предполагает соединение нормативной прагматики и семантики выводов через общий концепт «проявления» (англ. *“being made explicit”*), что приводит к постановке модели деонтического «подсчета очков» (англ. *“deontic scorekeeping”*),

³⁴¹ Ibid. P. 53.

³⁴² Brandom. R.B. Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard University Press, 1994. – 741 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

притом что данная методология реконструируется следующим образом.³⁴³ В контексте **нормативной прагматики** подчеркивается, что люди оценивают и действуют на основе рациональных мотивов (англ. “*reasons*”) и, в итоге, в социальной практике институционализируются имплицитные нормы. Контекст **семантики выводов** акцентирует внимание на том, что корректность употребления пропозиций зависит от сущностных выводов, не сводимых только к формально-логическим связям (вывод о том, что «Мюнхен находится на юге от Гамбурга», сделанный из высказывания о том, что «Гамбург находится на севере от Мюнхена», семантически корректен в силу значений «юг» и «север»³⁴⁴). При использовании высказываний при этом говорящий естественным образом учитывает условия произнесения высказывания и последствия высказывания, системность того и другого определяет семантическую нормативность. Далее, в части модели **деонтического подсчета «очков»**, лингвистическая практика для определения нормативности базируется на двух основных деонтических статусах для оценки правильности высказывания – «обязательстве» (англ. “*commitment*”) и «управомочивании» (англ. “*entitlement*”). Делая утверждение, мы можем принять на себя имплицитное обязательство – сказав одно, другое мы должны будем говорить с учетом этого, – или аналогичным образом наделить «правомочием» другого.³⁴⁵

³⁴³ Klatt M. *Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation*. P. 54.

³⁴⁴ Уже сейчас отметим, что из концепции М. Клатта вовсе не следует, что конкретные способы определения понятия «юг» и «север» сами по себе должны подчиняться или подчиняются каким-либо особым правилам. Если быть точным, данный вопрос не затрагивается. Что если мы скажем, что «Север находится в Мюнхене от Гамбурга»? Или, если приводить, возможно, более реалистичный пример, скажем, что «юг» и «север» означает финансовое благополучие и финансовый упадок соответственно (безотносительно реальных показателей, просто как пример)?

³⁴⁵ Klatt M. *Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation*. P. 54–57.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Далее автор рассматривает возможную критику концепции семантической нормативности со стороны С. Крипке и У. Куайна, помещает ее в контекст представлений Г. Харта о «простых» и «сложных» делах и переходит к примеру применения аргументации, исходя из развиваемой концепции. Остановимся на нем поподробнее, предварительно отметив еще одну ключевую посылку. Как полагает М. Клатт, семантический скептицизм сторонников теории языковых игр и аналогичных «лингвоанархистов» не обоснован по двум причинам. *Во-первых*, нельзя делать выводы о дискурсивной практике в целом, концентрируясь на индивидуальных акторах и особенностях их индивидуальной практики, оторванной от интересубъективной коммуникации. *Во-вторых*, «эпистемический доступ к значению заключается в том, чтобы сделать имплицитные правила эксплицитными», что Р. Алекси называл лингвистически-аналитическим дискурсом. Такой дискурс является разновидностью нормативного дискурса, но аргументация в нем ограничена специальными семантическими аргументами.³⁴⁶

«Темой такого специального дискурса являются семантические структуры значения, которые могут быть проанализированы с использованием терминологии Брэндома. Частью функции такого дискурса является изменение и улучшение таких семантических структур и, тем самым, значений понятий. Однако, эта, ориентированная в будущее, задача, которая может закончиться установлением нового значения, должна быть тщательно отделена от задачи, ориентированной в прошлое, которая заключается в установлении существующих выводимых (англ. “*inferential*”) и нормативных структур посредством эксплицирования их. Установление и фиксация значения остаются двумя различными формами семантико-аналитического дискурса».³⁴⁷

³⁴⁶ Ibid. P. 59.

³⁴⁷ Ibid. P. 59–60.

© Архипов Владислав Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Далее автор предлагает использовать способ формализации правил использования слов (англ. “*word usage rules*”), который предлагал использовать Р. Алекси в качестве семантических аргументов для внутреннего обоснования юридических решений, а именно учитывать свойства (Р) объекта (х), которые должны удовлетворяться для того, чтобы соответствовать юридическому понятию (С). Получается следующая формула: $(x) (Px \rightarrow Cx)$.³⁴⁸

М. Клатт подчеркивает значимость эксплицирования правил использования слов. В качестве основной категории нарушения (англ. “*transgression*”) семантических пределов автор видит ложное предположение (англ. “*assumption*”) об отношениях вывода (англ. “*inferential relations*”), связанных с понятием. Такое ложное предположение возможно в контексте четырех возможных утверждений по классификации Р. Брэндома (здесь подразумевается, что в семантической дискурсивной практике утверждения могут быть связаны либо с настоящим, либо с будущим и иметь форму логических обязательств или управомочиваний): условное (англ. “*conditional*”) обязательство, последственное (англ. “*consequential*”) обязательство, условное управомочивание и последственное управомочивание. Отметим, что в контексте нашей работы, ложные посылки, связанные с указанными семантическими и деонтическими статусами, вполне могут соотноситься с представлениями об абсурде в широком смысле слова. Непосредственный пример, приводимый М. Клаттом, связан с применением понятия «банды» (данный перевод используется для простоты, в исходном контексте речь может идти об аналоге понятия «группы лиц» из уголовного права – англ. “*gang*”) в § 244 I № 2

³⁴⁸ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Германского Уголовного Кодекса. Данная норма возлагает более строгую ответственность на тех, кто совершил преступления в составе банды. Предшествующим решением Федерального Верховного Суда Германии было установлено, что для наличия «банды» необходима договоренность, как минимум, двух субъектов о совершении преступления в будущем.³⁴⁹ Критики, однако, возразили, что необходимо, минимум, три человека. Их аргументация основывалась на том, что, согласно социально-языковой практике, необходимо именно три человека. Автор полагает, что мы можем теперь без проблем идентифицировать суть спора – она заключается в правиле использования слова «банда». Если представить, как отмечает М. Клатт, что данное понятие связано с качеством P_2 (двоих достаточно для банды), что является условным по отношению к понятию банды – G , то противоположная точка зрения исходит из качества P_1 (нет, для банды нужны, минимум, трое). После этого автор заключает:

«Здесь **предполагается** (выделено мною – *В.А.*), что лучшие аргументы – в отношении того мнения, что имплицитные нормы практики высказывания утверждений оценивают концепт банды как правильный, только если преступление совершено, минимум, тремя субъектами. Соответственно, предыдущее решение Высокого Федерального Суда Германии нарушает семантический предел условного логического обязательства, исходя из некорректной квалификации P_2 при оценке правил использования слов. В отношении конкретного случая “а” (уголовное сообщество из двух субъектов) эта семантическая ошибка ведет к некорректному утверждению о качестве, а значит к семантически ошибочному применению концепта банды к случаю “а”».³⁵⁰

С нашей стороны рискнем отметить, что подход автора хотя и точен по форме, но не дает ровным счетом никаких указаний по содержанию на то, почему

³⁴⁹ Ibid. P. 63–64.

³⁵⁰ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

мы должны предпочесть один подход другому, и почему мы не можем произвольно такой подход изменить (что не раз наблюдалось в истории права в России и за рубежом – не на примере «банды» или не только на таком примере, а во многих других случаях).

С учетом нашей оценки, хотя сложно удержаться от того, чтобы вспомнить подходящий анекдот о юристах,³⁵¹ – в чем теория, предложенная М. Клаттом, может быть верна и применима? Дело в том, что она позволяет сконструировать формальный способ рассуждения о семантике нормативных предписаний, а также демонстрирует, что толкование юридических текстов зависит от имплицитных правил.³⁵² Но, если серьезно, в чем заключаются ее существенные

³⁵¹ «Джон и Боб летят на воздушном шаре. Через некоторое время Джон предложил немного спуститься вниз, чтобы определиться с местонахождением. Они опустились очень низко, но Джон так и не смог узнать местность. Тогда Боб крикнул находившемуся на земле мужчине:

- Эй, приятель, ты не скажешь, где мы сейчас находимся?

Тот прокричал в ответ:

- Вы на воздушном шаре на высоте 100 футов над землей!

Боб повернулся к Джону:

- Похоже, это был юрист.

- Почему ты так решил? - спросил Джон.

- Его ответ был совершенно точным и при этом абсолютно бесполезным». См., напр.: Юридические анекдоты [Электронный ресурс] // *Orator.ru*. – [Сайт]. – URL: http://www.orator.ru/pr_yuridiceskie_anekdoty.html (дата обращения: 05.02.2019).

³⁵² Такого же подхода придерживается и автор настоящего исследования в курсе «Толкование права», краткое обобщение основных принципов которого было отражено в одной из публикаций по проблемам толкования законодательства о персональных данных. «Данный подход к толкованию права основан на концепции «прагматической (реалистической) теории юридического толкования», используемого автором при преподавании курса «Толкование права» на юридическом факультете СПбГУ. Данная концепция основана на обобщении юридической методологии, разрабатывавшейся учеными преимущественно XX в. и основана на следующих посылах: (1) факт социальной жизни заключается в том, что субъекты юридического толкования имеют разные интересы; (2) методология правового реализма (О.У. Холмс-мл., К.Н. Ллевеллин, Дж. Фрэнк и др.); (3) идея «моральности права» Л. Фуллера в части функционального анализа профессиональной деятельности юристов; (4) концепция «внутренней точки зрения» Г. Харта – для понимания того, как реально функционирует право, необходимо учитывать отношение субъектов права; (5) концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана – посредством коммуникации и, собственно, интерпретации; (6) объективность социальных конфликтов – «недоброжелательная общительность людей» И. Канта. Таким образом, различные субъекты толкования права, преследуя свои интересы и подчас состоя в конфликтных отношениях, посредством толкования права осуществляют социальное конструирование реальности. Данная концепция претендует на реалистичность в том смысле, что предполагает скептическое отношение к несколько

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

ограничения, и почему она недостаточна для разрешения проблемы семантических пределов права в условиях медиального поворота?

Во-первых, концепция семантической нормативности не проясняет, в чем заключаются сами имплицитные нормативные дискурсивные практики или как их следует определять. Представление Р. Брэндома о «заявлениях» и «управомочиваниях», которые «связывают» участников дискурса (т.е. «говорящих»), представляется методологически обоснованным, но проблема данных подходов заключается в том, что способ совершать такие речевые акты сам по себе может быть имплицитно обусловлен социальной реальностью.

Во-вторых, и это связано с предыдущим критическим замечанием, вся концепция семантической нормативности базируется на презумпции рациональности и – имплицитно – добросовестности участников юридического дискурса. Концепция может быть хороша для описания «здоровой» ситуации в праве, но недостаточна для описания и, тем более, разрешения «патологии» (в фуллеровском смысле) права. Иными словами, недостаток концепции семантической нормативности – в отсутствии прямого внимания по отношению к абсурду в праве.

В то же время, концепции семантической нормативности не откажешь в том, что она достаточно наглядно показывает, что такое – последовательное, а что такое – непоследовательное рассуждение в праве, когда речь заходит о семантике пропозиций или отдельных слов.

идеалистической идее о «всесторонности» и «объективности» как определяющих принципах юридического толкования, отдавая предпочтение обоснованности выводов (аргументации) и определенности заключений». См.: Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 56.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Однако, возвращаясь к одному из исходных примеров, представим, что некто утверждает, что ст. 105 УК РФ можно применить к игроку, совершившему убийство игрового персонажа. Попробуем применить к такому речевому акту концепцию семантической нормативности. Да, это «утверждение». Но что дальше? Хорошо, можем сказать, что это далеко не первое утверждение – тогда оно должно оцениваться в рамках всей системы предыдущих утверждений. Мы тогда приходим к выводу о том, что такое утверждение противоречит предыдущим речевым актам в системе «утверждений» и «управомочиваний». Прекрасно. Но значит ли это, что новое утверждение, ломающее последовательность старой цепочки утверждений невозможно? С точки зрения концепции семантической нормативности, да. Но с точки зрения реальной жизни – нет. Иначе, например, мы до сих пор видели бы примеры легального и легитимного рабства в тех странах, где оно ранее было распространено. А дело в том, что рациональный нормативный дискурс вполне может быть переломлен политической волей и изменен. Но у такого волевого акта, вполне возможно, также могут быть свои «семантические границы» – границы между абсурдом и здравым смыслом. Только искать их, по всей видимости, следует все же не в деонтической логике, а в областях знаний, которые непосредственно занимаются вопросами социального конструирования реальности, включая социальное конструирование имплицитной семантической нормативности рационального дискурса.³⁵³

³⁵³ Справедливости ради отметим, что схожей критики автор удостоился и у своих англо-американских рецензентов. См. напр.: McIntyre J. Making the Law Explicit: The Normativity of Legal Argumentation. By Matthias Klatt // *The Cambridge Law Journal*. – 2011. – Vol. 70. – No. 3. – PP. 674–676.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 4.2. Общие замечания о семантических пределах права, эксклюзивном позитивизме и деонтической логике

Как видно, концепция семантических пределов права равноудалена и от исследований нормативистского толка, акцентирующих внимание на деонтической логике, и от юснатурализма, сосредоточенного на соотношении права и ценностей. Семантические пределы права относятся не к логике как таковой и не к ценностям как таковым, а к тому, что как бы находится «посередине» – к **семантике в широком смысле**. Отметим, что в исторической и современной литературе по деонтической логике прямо не прослеживается методологии определения конкретных семантических отношений между знаком и означаемым, сосредотачиваясь в большей степени на изучении внутренних взаимосвязей системы знаков. Иными словами, деонтическая логика в текущей редакции преимущественно не позволяет объяснить, почему, толкуя термин «убийство» из ст. 105 УК РФ, мы подразумеваем определенный круг явлений «реальной» жизни, но не включаем в этот круг «убийства», происходящие в компьютерных играх. Современный нормативизм как «чистое учение о праве» выносит этот вопрос за пределы юридической науки, хотя именно семантические проблемы составляют значительную часть острых противоречий юридической практики.

Например, подход, который предлагает Е.В. Булыгин, несомненно, глубокий, интересный и последовательный, но ученый остается верен научному позитивизму в том смысле, что вопросы семантики выносятся за скобки собственно юридической науки (в результате побочного эффекта чего мы,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

вероятно, сталкиваемся с почти полным отсутствием внятной литературы по методологии юридического толкования). Наглядный пример – рассуждение Е.В. Булыгина в отношении примера Р. Дворкина с Томом и Тимом, подписавшими, возможно, «святотатственный» договор в воскресенье. Как развивает пример сам Е.В. Булыгин:

«Допустим, что законодательный орган принял закон, согласно которому “святотатственные договоры с этого времени признаются недействительными”. Общественное мнение разделилось в связи с вопросом о том, считать ли договор святотатственным исключительно на основании того, что он был подписан в воскресенье. Известно, что большинство законодателей не задумывались над этим вопросом при голосовании, а также то, что их мнения разделились в отношении того, следует ли подобным образом толковать новый закон. Том и Тим подписали контракт в воскресенье, и теперь Том подает иск против Тима о признании законной силы данного договора, что, в свою очередь, оспаривает Тим... Судье предстоит решить, имеет ли данный договор юридическую силу, а для этого он должен определить, является ли предложение “Договор, подписанный Томом и Тимом, является святотатственным” истинным... Для того, чтобы установить истинность предложения “Договор, подписанный Томом и Тимом, является святотатственным”, ему предстоит выяснить только одно: обладают ли договоры, подписанные в воскресенье, свойством быть святотатственными, т.е. включает ли экстенционал предиката “святотатственный” экстенционал понятия “договоры, подписанные в воскресенье”. Надо сказать, в нашем примере предикат “святотатственный” является неопределенным, что помещает все случаи договоров, заключенных в воскресенье, в **область полутени** (выделено мною – *В.А.*). Согласно этой гипотезе, судья не в состоянии выяснить, являются ли подобные договоры святотатственными или нет, так как нет никакого устоявшегося в языке словоупотребления касательно отношения между этими двумя выражениями. В подобных случаях судьи должны принять решение включить договоры, подписанные в воскресенье, в экстенционал предиката “святотатственный” или исключить их из него. Допустим, наш судья решил, что такие договоры являются святотатственными. Поступая подобным образом, он не утверждает никакого истинного или ложного предложения, но скорее дает (частичное) определение предиката “святотатственный”».³⁵⁴

³⁵⁴ Булыгин Е.В. Границы логики и аргументация в праве / Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. Пер. с английского, немецкого, испанского / под научн. ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Как заключает автор свое дальнейшее рассуждение,

«...трудности при решении проблем субсумции (как индивидуальной, так и родовой) проистекают из двух различных источников: нехватки знаний о фактах (пробелы в знании) и **семантической неопределенности или расплывчатости используемых предикатов (пробел в распознавании или случаи полутени)** (выделено мною – *В.А.*). То, что расплывчатость какого-либо предиката может потребовать от судьи принятия решения, без сомнения, верно. Однако, как правильно отмечает Маккормик, это нельзя считать за аргумент против дедуктивной природы аргументации в праве. Даже если принятие решений иногда и составляет часть задачи по установлению посылок подобной аргументации, это не исключает возможность реконструировать эту аргументацию от посылок к заключению в виде дедуктивного вывода. **Весь этот вопрос не имеет никакого отношения к праву** (выделено мною – *В.А.*) и, в частности, к аргументации в праве, но является характерной чертой любой прикладной логики».³⁵⁵

Приведенное рассуждение, несомненно, выглядит стройно и логично. Одна проблема: в реальной ситуации неявных посылок было бы значительно больше. Например, Том и Тим могли бы быть иудеями или мусульманами в христианском обществе, в котором, тем не менее, на уровне конституции провозглашены принципы равенства независимо от религиозной принадлежности. Для них договор, заключенный в воскресенье, не мог бы быть святотатственным в силу факта заключения в этот день недели (условно говоря, не в пятницу и не в субботу). Но это не главное возражение. Главных возражения, в

С.И. Максимова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2016. – С. 157–158. Данная статья представляет собой развитие дискуссии Е.В. Булыгина с Н. Маккормиком и его взглядами, изложенными в следующей публикации: MacCormick N. Legal Deduction, Legal Predicates and Expert Systems // *Revue Internationale de semiotique juridique*. – 1992. – Vol. 5. – P. 181–202.

³⁵⁵ Булыгин Е.В. Границы логики и аргументация в праве. С. 161.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

действительности, три. *Первое* из них основано на подходе Л. Фуллера, который так и не дождался прямого ответа на свое утверждение о том, что,

«...как ни парадоксально, именно позитивист, настаивающий на том, что все истинное право создано эксплицитно, выступает в роли бенефициара этого молчаливого ограничения; без такого ограничения его “право” станет излишне хаотичной вещью для того, чтобы предложить какое-либо пристанище его вере».³⁵⁶

Второе основано на представлении, восходящем корнями к правовому реализму, согласно которому **реальное «право в жизни», в действительности, критическим образом определяется семантикой**, тогда как ясные конструкции юридической аргументации, следующие из деонтической логики, хотя они формально действительно ясные, дают мало средств (или не дают никаких) для разрешения правовых конфликтов и коллизий в области полутени, в то время как юриспруденция в XXI веке представляет собой, условно говоря, одну большую область полутени. *Третье* частично связано со вторым и заключается в том, что «очищение» юридической науки от всего стороннего и привнесенного **само по себе представляет собой результат конвенции**, а не некую объективную научную истину. Чистое учение о праве – одна из возможных моделей теоретико-правовой реконструкции права, но эта модель более идеалистична по своей сути, чем интегративные или реалистические концепции права, которые, впрочем, тоже представляют собой модели.

³⁵⁶ Фуллер Л.Л. *Анатомия права* / пер. с англ. В.В. Архипова // *Российский ежегодник теории права*. – 2009. - № 2. – С. 313–314.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В этом контексте особенно важно вспомнить то, что говорил Г. Харт в ключевой для развития философии права дискуссии с Л. Фуллером, хотя этот аспект их дискуссии во многом остался не до конца разработанным. По замечанию британского ученого, применение норм права «в конкретных случаях... не может быть делом логической дедукции»,³⁵⁷ поскольку «логика не содержит предписания относительно толкования терминов; она не дает ни глупого, ни умного определения высказываний. Логика лишь гипотетически говорит, что если вы дадите определенному термину определенное толкование, последует определенный вывод. По поводу того, как следует классифицировать частности, логика молчит, а ведь **в этом и заключается сущность судебного решения** (выделено мною – *В.А.*)». ³⁵⁸ Со своей стороны добавим, что в этом заключается сущность не только судебного решения, но и права вообще, а сейчас, в условиях смены общей цивилизационной парадигмы, всеобщей цифровизации общества и, с широкой руки, приближения технической сингулярности, мы в принципе живем в одной глобальной «области полутени», тогда как «ясных случаев» в праве с каждым днем все меньше.

Заметим, что предложенный Г. Хартом подход к открытой текстуре правовых норм, основанный на редуцировании проблемы до уровня судейского усмотрения и телеологического толкования (и, как следствие – к проблеме взвешивания ценностей) был весьма неплох для своего времени, но сейчас может рассматриваться как своего рода изящный уход от ответа по существу. Хорошо,

³⁵⁷ Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова / Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6. С. 124–159 [Электронный ресурс] // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – [Сайт]. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1220794> (дата обращения: 24.02.2019).

³⁵⁸ Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

это область взвешивания ценностей и судейского усмотрения, но как объяснить тогда эти процессы? Основная гипотеза настоящей работы, собственно, и заключается в том, чтобы выделить, как минимум, один основной общетеоретический принцип права в данном контексте и обосновать его. Такой результат мы полагаем достижимым при междисциплинарном анализе и развитии аналогии права и игры с учетом современного, принципиально отличного этапа развития игр, а в качестве такового принципа, немного забегаая вперед, мы предлагаем рассматривать **притязание права на серьезность** (которое может дополнить принципы внутренней моральности права Л. Фуллера и представления Р. Алекси о притязании права на правильность).

§ 5. Междисциплинарная концепция «магического круга» в игровых исследованиях

Итак, к текущему моменту мы успели: оценить попытки реконструкции пределов права с точки зрения философии морали; определить почему подходы Л. Фуллера и Г. Харта неполны в условиях медиального поворота; выяснить, что широко используемое понятие «абсурда», явно связанное с семантическими пределами права, еще не было определено с достаточной ясностью даже в «доктрине абсурдности»; установить, что теория права как рационального дискурса и деонтическая логика могут помочь нам с квалификацией синтаксического абсурда, но в случае с семантическим абсурдом они могут быть полезны лишь для констатации и формального описания проблемы. Каждый из представленных подходов, стоит признать, не очень подходит для формирования

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

краткой и масштабируемой концепции семантических пределов права в условиях медиального поворота. Например, мы по-прежнему не можем обосновать невозможность толкования ст. 105 УК РФ применительно к «убийствам» в компьютерных играх, и напротив – обосновать возможность применения норм реального права к обороту виртуальной собственности за реальные деньги. Продолжая дополнять эстетику научного текста языковой игрой *game studies*, зададимся следующим вопросом: возможно, если не помогают исследования с серьёзным объектом, нам помогут исследования с несерьёзным объектом – самими играми?

Термин «магический круг», уже упоминавшийся на страницах настоящего исследования, широко используется в культурологии, социологии и междисциплинарном направлении игровых исследований. Он означает предполагаемую условную границу между «пространством» игры и «реальной жизни». В контексте настоящей работы концепцию магического круга можно рассматривать, **во-первых, в качестве исторически первой попытки концептуализировать семантические пределы права именно в условиях медиального поворота, а во-вторых, как опыт междисциплинарный опыт такой концептуализации, опирающийся, в том числе, на теоретическую социологию.** Безусловно, теория магического круга (либо исследования, в которых данный термин используется исключительно как некий условный ярлык, как это прослеживается, например, в трудах Дж. Фэйрфилда) достаточно проработана сама по себе. В то же время, она заостряет внимание только на одной области социальных практик – играх. Вероятно, именно поэтому она особенно уязвима к критике. Концепция семантических пределов права, в этом смысле,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

может рассматриваться как расширяющая содержание понятия «магический круг» и распространяющая его на более широкое пространство социальных практик. История использования данного термина в науке по принципу метафоры восходит к труду Й. Хейзинги “*Homo Ludens*”.

В недавних исследованиях правовых аспектов многопользовательских компьютерных игр и виртуальных миров (конкретно в данном случае мы не рассматриваем социологические и культурологические концепции магического круга и определения его пределов – предмет юриспруденции отличается от предмета иных социально-гуманитарных наук, пусть даже и имеющих прямое отношение к междисциплинарной методологии исследования), наметилось несколько подходов к определению границ магического круга. Подчеркнем, что они созвучны междисциплинарному дискурсу в данной области. Последнее на момент написания настоящего текста исследование, обобщающее проблемы интерпретации «магического круга» применительно к играм, принадлежит финскому исследователю Я. Стенросу. В статье «В защиту магического круга: социальные и ментальные границы игры»,³⁵⁹ после оценки аргументов критиков данной концепции (которые частично нами были использованы для реконструкции представлений о виртуальной реальности как части медиального поворота в § 5 Главы 1 настоящего исследования), приводит три основных современных подхода к определению границ игры и игрового процесса:

³⁵⁹ Stenros J. In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play [Electronic resource] / Proceedings of DiGRA Nordic 2012 Conference: Local and Global – Games in Culture and Society // Digital Games Research Association. – [Site]. – URL: <http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/12168.43543.pdf> (accessed: 06.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Во-первых, это «психологический пузырь» – «защитная рамка», окружающая игрока, который находится в психологическом состоянии, соответствующем процессу игры. Речь идет о

«...личном, феноменологическом опыте безопасности в игровом (партелическом/автотелическом) состоянии ума. Если кто-то играет один, ему не требуется вступать в договорные отношения или метакоммуникацию с другими (хотя обычно игра с сигналами происходит бессознательно). Его опыт окружен «границей», «кадром», который направляет его интерпретации ситуации. Игрок должен себя чувствовать безопасно для того, чтобы действовать играючи, хотя это не обязательно необходимо для того, чтобы он действительно был в безопасности».³⁶⁰

Во-вторых, это собственно «магический круг» как метафора социального контракта, который конституирует игровую деятельность.

«*Магический круг* – это социальный контракт, который создается посредством имплицитных или эксплицитных социальных переговоров или метакоммуникации в игровом акте (игре). Данный социальный контракт может стать социетальным, и также и другие социальные схемы (право, экономика) могут его признать. Он создается тогда, когда в игровой активности участвует более одного человека, хотя после того, как он создан, никто уже не должен постоянно находиться в психологическом состоянии, соответствующем игровому процессу. Есть связь между игровым состоянием ума и игровым процессом, но в результате социальных переговоров и разделяемого структурирования события, можно находиться в телическом состоянии ума и оставаться в рамках социально согласованных границ. Это применимо и к однопользовательским играм: хотя в них можно играть одному, они социально признаются областями специального значения, будучи играми. Однако если достаточно участников перейдут в телическое состояние ума, тогда может возникнуть вопрос о том, остается ли нечто внутри границ игровым процессом [англ. “play”], даже если оно все еще будет игрой [англ. “game”]».³⁶¹

³⁶⁰ Ibid. P. 14.

³⁶¹ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Наконец, *в-третьих*, это представление о магическом круге как об арене для игрового процесса, представляющей собой темпоральное или пространственное «место», которое

«...культурно признается как структура для игровой деятельности, или как **инертный лудический продукт** (выделено мною – *В.А.*). По мере того как социальные переговоры о магическом круге признаются культурой и физические границы обозначаются, арены возникают как «осадок» [англ. “*residue*”] игрового процесса (теннисный корт, День дурака, **игровая продукция** – выделено мною – *В.А.*) Данные места признаются структурами, которые способствуют [англ. “*foster*”] игровому процессу, даже если они пустые (и они могут быть сконструированы таким образом, что они могут способствовать «игривости»), но они требуют использования для того, чтобы начать действовать, поскольку граница магического круга остается социальной. Будучи социально признанными, они не требуют включения в процесс с игривым настроением ума».³⁶²

Переходя от области игровых исследований к юриспруденции подчеркнем, что у данных дисциплин различный **предмет**. Причем сам Я. Стенрос не претендовал на поиск решения для юриспруденции, хотя и подмечал очевидные параллели. Но, несмотря на это, достаточно очевидно прослеживается соответствие между известными и намечающимися *юридическими* концепциями магического круга и тремя культуролого-социологическими интерпретациями данного феномена. Они, соответственно, следующие.

Первый подход в праве – «субъективный». Он был прямо предложен Б.Т. Дюранске в книге «Виртуальное право. По юридическому ландшафту виртуальных миров» (“*Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual*

³⁶² Ibid. PP. 14-15.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Worlds”).³⁶³ В данной работе автор, в большей степени юрист-практик, нежели чем представитель теоретического направления в юриспруденции, представил попытку предугадать дальнейшее развитие «виртуального права» как области, связанной с применением общих норм в контексте виртуального пространства в узком смысле слова. Предлагаемый автором «тест магического круга» представляет собой, скорее, процессуальную теорию в смысле американской юриспруденции, нежели чем наблюдение, относящееся к онтологии права. Буквально данный «тест» звучит следующим образом:

«Деятельность, которая совершается в виртуальном мире, подлежит праву реального мира, если пользователь, осуществляющий такую деятельность, во время осуществления такой деятельности разумно осознавал или должен был осознавать, что его действие повлечет последствия для реального мира».³⁶⁴

Отметим, что при первом приближении такой тест может показаться вполне состоятельным. Более того, следует приветствовать поистине новаторский подход автора к популяризации проблематики. В то же время, даже при том, что предмет юридической науки и, тем более, практики существенно отличается от предмета социологии и культурологии, на фоне всех обсуждений недостатков концепции магического круга в рамках междисциплинарного дискурса подход выглядит уже не очень убедительно. Отдавая дань первопроходческому энтузиазму Б.Т. Дюранске, отметим, конечно, неопределенность понятия «совершения действия в виртуальном мире». Сам

³⁶³ См.: Duranske B.T. *Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. – 2008. – 461 p.

³⁶⁴ Ibid. P. 75.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

автор определяет понятие «виртуальный мир» достаточно узко, соотнося данный термин с представлением об имитируемой компьютерными средствами среде, в которой пользователи взаимодействуют между собой посредством виртуальных репрезентаций – аватаров (или «аватар», с учетом отсутствия устоявшихся прочных традиций словоупотребления в русском языке для данного случая), и в которой часто предполагается постоянство пользовательского контента, а также действующая экономическая система.³⁶⁵ Тем не менее, даже при таком узком использовании термина не ясно, что представляют собой «действия пользователя в виртуальном мире», если пользователь даже при самом грубом приближении действует, в общем-то, в реальном мире, и компьютерная симуляция, собственно, это тоже часть реального мира. При этом, однако, у подхода Б.Т. Дюранске есть, как минимум, одно неоспоримое достоинство с точки зрения юридической догматики – автор увязывает границы магического круга (а значит, и семантических пределов права) с двумя составляющими: *последствиями для “реального” мира и субъективной стороной деяния* – правомерного или неправомерного.

Второй подход в праве – «консенсуальный». Переходя к данной концепции магического круга как юридического «теста», следует отметить, что представление о более широком значении концепции «магического круга» уже встречалось в юридической литературе. Так, один из видных зарубежных исследователей правовых аспектов виртуальных миров Дж. Фэйрфилд в своей статье «Магический круг» (“*The Magic Circle*”)³⁶⁶ отмечает, что «прежде, чем

³⁶⁵ Ibid. P. 2.

³⁶⁶ См.: Fairfield J. The Magic Circle // *Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law*. – 2009. – No. 1 (May). – PP. 823–840.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

оценить магический круг как **юридическую метафору** (выделено мною – **В.А.**), необходимо понять, почему эта метафора настолько укоренилась в области виртуальных миров». ³⁶⁷ По мнению автора, есть три основных функции метафоры магического круга.

Первая из таких функций заключается в том, чтобы защитить «виртуальный процесс игры» (англ. “*virtual play*”) в случае как с компьютерными, так и с обычными (Дж. Фэйрфилд приводит в пример детей, играющих в ковбоев и индейцев; однако мы можем к этому добавить и «взрослые игры», такие как историческая реконструкция, а также явления, близкие к спорту или спортом являющиеся – скажем, пейнтбол или страйкбол) играми. Пока идет игра, право вмешиваться не должно. Но если кто-либо нарушает правила игры и причиняет другому, например, травму, то право может вмешаться в процесс. Дж. Фэйрфилд проясняет этот тезис на примере американской судебной практики, упоминая дело *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc.*, 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979). ³⁶⁸ Однако отметим, что аналогичная практика существует и во многих других странах мира, причем, разумеется, Российская Федерация не является исключением, и данный ракурс, действительно, составляет важную часть смыслового поля дискуссии, относящейся к предмету настоящего исследования.

Вторая функция метафоры магического круга в праве заключается в том, чтобы защитить художественное творчество (англ. “*stories*”) и свободу слова. Отметим, что данный ракурс крайне важен для контекста работы, поскольку сущностно перекликается с целым рядом дихотомий, положенных в основу ее

³⁶⁷ Ibid. P. 826.

³⁶⁸ См.: *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc.*, 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979) [Electronic resource] // OpenJurist. – [Site]. – URL: <https://openjurist.org/601/f2d/516/hackbart-v-cincinnati-bengals-inc> (accessed: 24.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

методологии. Художественное, воображаемое, несерьезное, абсурдное – все это определяет основное содержание гипотезы о семантических пределах права. Как отмечает исследователь,

«...в художественных произведениях персонажи часто совершают незаконные действия. Аналогично, в кинофильмах или театральных постановках иногда встречается описание секса или насилия, не соответствующее социально- и юридически-допустимым границам. И в то же время, авторы данных постановок, книг или фильмов сами не несут ответственности за действия своих персонажей (выделено мною – *В.А.*)».³⁶⁹

Здесь необходимо полемическое отступление, которое может внести дополнительную ясность в предмет настоящей работы. Да, мы можем согласиться с Дж. Фэйрфилдом относительно того, что автор не должен нести ответственность конкретно за действия, совершаемые персонажем. Однако подчеркнем, что **данный тезис может восприниматься как очевидный в определенных, но не во всех правовых культурах, не в каждой исторической ситуации и не во всех смыслах.**³⁷⁰ Скорее, он уместен в условиях сильной конституционно-правовой традиции свободы слова в наиболее широкой интерпретации, существующей конкретно в США к началу XXI столетия, но очевидность данного высказывания не универсальна. В условиях информационного общества и при этом в ситуации более консервативной правовой политики как раз несколько стирается строгость представления о том,

³⁶⁹ Fairfield J. The Magic Circle. P. 826.

³⁷⁰ Разумеется, мы не рассматриваем случаи «объективного вменения» автору юридической ответственности именно за действия персонажа в вымышленном мире, но хотим подчеркнуть, что в некоторых случаях автор может нести ответственность за распространяемую информацию. То, как отличить случай «распространения информации» от случая реализации свободы художественного творчества, входит в предмет настоящего исследования.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

что художественное, какие бы жестокие, аморальные или иные сцены не изображало, не может предполагать иммунитет от вмешательства права. Да, автор не будет нести ответственность за действия именно персонажей именно как если бы их совершил автор. Но при этом сама постановка вопроса о том, насколько правомерно и неправомерно (в юридическом смысле слова) затрагивать определенные темы или, например, включать в содержание сцены, которые решительно противоречат общественной морали, имеет право на жизнь. Как раз здесь и возникает вопрос о семантических пределах права в том смысле, в котором этот феномен предлагается к концептуализации в рамках настоящего исследования.

Третья функция метафоры магического круга, о которой говорит Дж. Фэйрфилд, заключается в защите возможности наслаждаться игровым процессом как «чистым листом», не требующим вложения материальных ресурсов и предполагающим равные возможности игроков в виртуальном мире независимо от социального, имущественного и иного положения в «реальном» мире.³⁷¹ Данная функция является достаточно специфичной и, на наш взгляд, имеет определенные методологические перспективы для развития представлений о праве на игру как о новом самостоятельном конституционном праве или как о части какого-либо из известных прав (например, права на доступ к культурному наследию). В определенном смысле, и этот ракурс соответствует проблематике семантических пределов права, поскольку из такого «права человека» может проистекать и еще один семантический предел права, подразумевающий невмешательство в игровые процессы по указанным причинам. В то же время,

³⁷¹ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

данный подход явно нуждается в дальнейшей проработке, поскольку в нем вновь явно прослеживается неочевидность различий между «виртуальным» и «реальным». Подчеркнем, что такой подход непосредственно отстаивал один из первопроходцев игровых исследований Э. Кастронова.³⁷²

Будучи внимательным исследователем проблем «магического круга», профессор Дж. Фэйрфилд, прямо рассматривает вопросы виртуальной собственности как иллюстрацию указанных проблем. Отметим, что концепция «магического круга» в рамках сформулированной нами гипотезы представляет собой один из исторических вариантов концептуализации семантических пределов права. Как отмечает автор,

«...взаимодействие между деньгами и магическим кругом заслуживает особого упоминания, поскольку именно вмешательство долларов реального мира в виртуальные миры предопределило текущий поток споров, связанных с виртуальными мирами. Игровые боги³⁷³ используют метафору магического круга для обоснования преград, устанавливаемых, чтобы реальные доллары не вошли в виртуальные миры, чтобы защитить игровой процесс и равные игровые возможности».³⁷⁴

Однако, полагая, что сама по себе проблематика виртуальной собственности непосредственно связана с рассматриваемой дискуссией, автор отказывается от идеи объяснения *de facto* семантических пределов права посредством отсылки к магическому кругу игрового процесса.

³⁷² См.: Castronova E. The Right to Play // New York Law School Law Review. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 185–210.

³⁷³ По контексту – разработчики или организаторы игры, поскольку в ранних онлайн-играх (на примере относящихся к жанру “MUD”) администраторы игрового процесса, которые часто одновременно выступали и выступают в качестве разработчиков, условно назывались “Gods” или “Immortals” для целей различения от «простых смертных» игроков.

³⁷⁴ Fairfield J. The Magic Circle PP. 837–838.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Вопрос заключается не в том, могут ли и должны ли экономические системы реального мира влиять на миры виртуальные – они и могут, и должны это делать. Вопрос заключается в том, какое именно влияние должны ожидать игроки?»³⁷⁵

Дж. Фэйрфилд приводит аналогии с классическим спортом – например, в случае с теннисной ракеткой более высокого качества, которая и стоит дороже, или с бейсбольным клубом высокого уровня, который может позволить себе выплачивать большую зарплату игрокам. Автор подвергает сомнению принцип, лежащий в основе правил игры, устанавливаемых игровыми компаниями, сомневаясь в том, что вопрос о возможности или невозможности одного игрока «обменять» виртуальную собственность на реальные деньги и наоборот, что традиционно рассматривается как недопустимая практика, принципиально отличается от приобретения дорогостоящего игрового компьютера и высокоскоростного доступа в Интернет, что в принципе не рассматривается как область, куда может вмешаться игровая компания.³⁷⁶

Данный вопрос, безусловно, довольно интересен, но для ограниченных целей основного предмета настоящего исследования – семантических пределов права – отметим здесь, что суждение Дж. Фэйрфилда лишь подчеркивает теоретическую остроту проблемы. По сути, согласно мнению ученого, редуccionистская концепция магического круга не позволяет однозначно разрешить конфликт между пользователями и игровыми компаниями в части пределов оборота виртуальной собственности за реальные деньги – является ли это прерогативой разработчиков, или игроки сами могут заключать сделки с

³⁷⁵ Ibid. P. 838.

³⁷⁶ Ibid. P. 839.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

данным предметом между собой. Напротив, для объяснения данных отношений необходимо нечто большее. Полагаем, что речь как раз и может идти о частном случае применения общей и продуманной концепции семантических пределов права.

Собственно, сам юридический подход Дж. Фэйрфилда к магическому кругу как таковому выражается в следующем:

«...главный вопрос заключается не в том, являются ли действия “реальными” или “виртуальными”, а в том, находятся ли данные действия за пределами согласия сторон (выделено мною – В.А.)».³⁷⁷

Когда пользователь соглашается с пользовательским соглашением, он дает свое согласие не только на сугубо формально-юридическую составляющую, но и согласие на то, что часть его действий исключается из области «реального права», поскольку пространство игры как бы реконструируется предметом соглашения с игровой компанией и, посредством этого, с другими пользователями, согласившимся на то же самое. Пользователи часто не читают пользовательские соглашения, отмечает Дж. Фэйрфилд, но это не так важно, поскольку, в любом случае, их согласие с неп прочитанными правилами означает *de facto* согласие (по крайней мере, с точки зрения социологии и психологии) с какими бы то ни было включенными в соглашение правилами, по крайней мере, до точки пересечения границы здравого смысла.³⁷⁸

³⁷⁷ Ibid. P. 831.

³⁷⁸ Ibid. P. 832.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Вместо того, чтобы спрашивать, что является “реальным”, а что – “виртуальным”, юристы, изучающие действия, относящиеся к виртуальным мирам, должны задавать вопрос о том, кто, на что и с кем согласился. В юридическом конфликте между игроком и администратором игры (англ. “*game god*”)³⁷⁹ приоритет могут получить положения лицензионного соглашения с конечным пользователем. Например, предположим, что игрок использовал нецензурную брань в публичном канале в “Пустошах”, территории виртуального мира *World of Warcraft*, которая хорошо известна за счет часто используемой обсценной лексики. В споре между игроком и администратором суд вполне может согласиться с тем, что администратор вправе ограничить доступ игрока к игре, пользуясь своими правами по договору».³⁸⁰

Однако если один игрок подаст иск против другого игрока с тем же предметом, то суд может, напротив, посчитать, что, продолжая читать чат с нецензурной бранью, первый игрок выразил свое согласие на определенную меру этого. Действия между игроками, которые являются предметом согласия между ними, могут выходить далеко за пределы виртуального мира в узком техническом смысле слова – например, в части неправомерного доступа к учетным записям, оборота виртуальной собственности и т.п.

«Согласно старой концепции магического круга, такой результат [дифференцированное отношение к виртуальной собственности в зависимости от субъектного состава участников правоотношения] не будет иметь смысла: либо виртуальная собственность “виртуальна”, и интерес в ней никак не защищается реальным правом, либо она “реальна”, и полностью защищена от всех посягающих. Согласно новой концепции, о которой говорится в настоящей статье, **игроки в виртуальном мире реальны, их действия реальны, и даже цифровые объекты, в отношении которых такие действия совершаются, реальны** (выделено мною – *В.А.*). Ключевой вопрос не в том, является ли собственность реальной или нет, или хищение виртуальной собственности – реальным или нет, а в том, относится ли действие по отношению к определенному объекту виртуальной собственности к предмету соглашения сторон. Для отношений между администратором и игроком лицензионное соглашение с

³⁷⁹ Адаптированный перевод, соответствующий смыслу исходного термина.

³⁸⁰ Ibid. PP. 832–833.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

конечным пользователем может ясно указывать на то, что администратор может изменять или удалять какой-либо цифровой объект по своему усмотрению. Но в отношениях между игроками хищение виртуальной собственности вполне может выходить за рамки согласия и дать повод для юридической защиты исходя из норм о мошенничестве или присвоении».³⁸¹

Концепция Дж. Фэйрфилда, действительно, выглядит достаточно стройной и проработанной. Очевидно, что она может применяться в юридической аргументации во многих случаях. Тем не менее, выдвинем два взаимосвязанных критических аргумента.

Первый критический аргумент проистекает из осмысления дальнейшего текста автора. Так, Дж. Фэйрфилд разграничивает случаи сугубо «внутриигровых» действий от действий, которые связаны с какими-либо внешними практиками. Например, игрок А может угрожать игроку В в реальном мире, а может угрожать аватару игрока В таким образом, что это действие как бы осуществляется в виртуальном мире. В реальном мире мы можем дать правовую оценку такому действию, в виртуальном – это зависит от того, на что игрок согласился. Но автор развивает пример. В реальном мире игрок А может выхватить реальный нож и атаковать игрока В физически. Такое действие, очевидно, уголовно наказуемо по общему правилу. В виртуальном мире в режиме PvP³⁸² тот же игрок может сделать аналогичные виртуальные действия с аватаром игрока В. Здесь вполне можно говорить о согласии с правилами игры. **Но мы говорим о том, что ситуация разрешается посредством применения принципа согласия как раз потому, что имплицитно подразумеваем**

³⁸¹ Ibid. PP. 834–835.

³⁸² Англ. “Player versus Player” – режим игры, предполагающий сражение между игроками (аватарами игроков), а не сражение игроков с объектами виртуальной среды, управляемыми программными алгоритмами.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

возможность применения такого принципа, а также подразумевая, что в первом случае согласие не «исправит» ситуацию. Аналогично, Дж. Фэйрфилд далее приводит пример со взломом аккаунта игрока В, отмечая, что хакерство находится «вне игры». Но для того, чтобы сделать такое утверждение, нам все же необходимо понять, где находится грань между игровой и неигровой деятельностью.

Второй критический аргумент приводит к аналогичным выводам, но отталкивается от реального права. Известно, что согласие сторон в США может использоваться как легитимирующий фактор чаще, чем в других странах. Но как быть, собственно, с другими юрисдикциями, где согласие жертвы не всегда может выступать легитимирующим (и легализующим) определением действия обстоятельством? Очевидно, например, вопрос об уголовной ответственности лица, совершающего в сети экстремистские высказывания в отношении конкретного пользователя, не будет разрешаться в России так, что факт согласия слушателя будет приниматься во внимание.³⁸³ Напрашивается контраргумент: даже если «теория согласия» в узком смысле слова не применима во многих юрисдикциях, отличных от США, почему бы не реконструировать всю юридическую концепцию магического круга, опираясь на обобщения и фикции высокого уровня? Например, исходя из того, что многонациональный народ, выступая в качестве суверена, заранее определил свое согласие или несогласие посредством законодательства? Проблема в том, что такой подход все равно

³⁸³ Если только не считать, – поскольку в такого рода делах затрагивается публичный интерес, – что «слушателем» является государство, а факт согласия (или несогласия) выражается в законодательстве. Впрочем, ничто не исключает и построение такой модели, однако она находится уже за рамками непосредственного предмета настоящего исследования. См. далее по тексту.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

будет принципиально ограничен – он не избавит нас от случаев потенциального или мнимого абсурдного толкования права, поскольку даже при таком подходе мы останемся наедине с по-прежнему многозначными правовыми текстами, по-прежнему содержащими многозначные понятия. Нам не поможет аргумент о согласии в случае, если право (как полагаем, по ошибке) будет применяться к игроку, «экстремистские» высказывания которого, допустим, об игровой расе орков послужат основанием для уголовной ответственности в соответствии со ст. 282 УК РФ.

Однако при этом у концепции Дж. Фэйрфилда, разумеется, есть и существенное достоинство – *«социальный контракт» (в терминологии Я. Стенроса), который частично пересекается с юридическим договором по поводу игры, может использоваться в качестве эксплицитного способа создания или исключения социально-валютной ценности внешнего референта ценности* (подробнее об этих концепциях – в § 6 Главы 2 и Главе 3 настоящего исследования).

Третий подход – «топологический» или «предметный» (есть нюансы и различия в этих двух вариациях). Существенное отличие такого подхода от двух предыдущих – он отвлечен от индивидуальных случаев коммуникации между субъектами, и объясняется intersubjectивной коммуникацией. Как мы отметили ранее, Я. Стенрос расширяет физику магического круга от конкретного места («топоса») до временного промежутка (пример с «Днем дурака») или даже конкретного объекта (пример с игровой продукцией). Полагаем обоснованным отделить первый случай от двух последних и, собственно, сформулировать две вариации подхода – *«топологический»*, предполагающий акцент на *месте* как

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

понятии из области, скорее физической или, условно говоря, психофизической (т.е. как реальное место переживается и осмысливается субъектами социальной коммуникации) реальности, и *«предметный»*, предполагающий акцент на предмете общественных отношений. Распространять метафору места на определенный день, говоря, что это своего рода «место во времени» нам кажется несколько избыточным, тем более, что такой случай принципиально не отличается от случая с игровой продукцией. И одно, и другое вполне вписываются в представления о предмете общественных отношений. При этом топологический подход представляется наименее убедительным по тем же причинам, по которым он критиковался ранее М. Консалво в рамках игровых исследований. Обратимся сначала к этой критике.

Притом, что методологический потенциал концепции магического круга как таковой представляется весьма перспективным, попытки ее развития и применения в узкой области многопользовательских компьютерных игр дали несколько оснований для ее критики, и это касается, в основном, топологической интерпретации. Отметим, что, на наш взгляд, известные на данный момент возражения против рассматриваемой концепции не лишают ее принципиальной ценности, пусть даже критика выглядит убедительно и в целом с ней можно согласиться. Дело в том, что концепция магического круга действительно не может рассматриваться как частная концепция в рамках игровых исследований, однако ее критики разрабатывают контраргументы к ней именно в таком ракурсе рассмотрения. Кроме того, критика концепции магического круга в основном осуществляется в рамках культурологических и игровых исследований, принципиально важно то, что у них другой предмет изучения, отличающийся от

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

предмета юридической науки. Рассмотрим работу одного из наиболее популярных на западе исследователей и критиков магического круга Миа Консалво «Нет никакого магического круга» (*“There is No Magic Circle”*), опубликованную в 2009 году.³⁸⁴

Автор начинает рассмотрение проблемы магического круга с примера ситуации в игровом мире многопользовательской ролевой онлайн-игр *Final Fantasy XI Online*, в которой игроки гневно осуждают поведение одного из своих «коллег». Причиной для негодования остальных игроков послужило то, что субъект критики был замечен в торговле виртуальным золотом за реальные деньги, что не соответствовало принципам игры, но при этом нарушитель не получил достаточного наказания.³⁸⁵ По мнению автора, жульничество или, на интернет-сленге, собственно «читинг» (от англ. “cheating”)³⁸⁶ представляет собой удачный ракурс рассмотрения проблемы магического круга, позволяющий понять ограниченность концепции.

В качестве отправной точки для критики М. Консалво берет представление Й. Хейзинги из 1930-х гг., исходя из представления о

«...магическом круге для игры, который формирует пространство и отделяет его от обычной жизни. Внутри магического круга применяются другие правила, и это – пространство, в котором мы можем испытывать вещи, которые обычно не санкционированы или недопустимы в обычном пространстве жизни».³⁸⁷

³⁸⁴ См.: Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408–417. – URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575> (accessed: 02.07.2018).

³⁸⁵ Ibid. PP. 408–409.

³⁸⁶ Прослеживается явная методологическая параллель с подходом Л. Фуллера о необходимости изучения патологии в праве и М. Клатта о том, что, если употребление слов в нормативном контексте может быть системным, то это подразумевает возможность использовать их семантически неправильно.

³⁸⁷ Ibid. P. 409.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Методологическая ценность анализа именно недобросовестных действий игроков по отношению к поддержанию целостности игрового процесса, по мнению М. Консалво, проистекает из того, что нечестные игроки, в действительности, отличаются от настоящих «шпильбрехеров»³⁸⁸ в терминологии Й. Хейзинги.

«...Шпильбрехер... отрицает правила полностью (например, сметая на землю шахматные фигуры) и таким образом разрушает магический круг. Нечестный игрок, в свою очередь, стремиться заставить вас думать, что вы оба играете в одну и ту же игру, но на самом деле это не так. Шпильбрехер просто стремится разрушить опыт игры».³⁸⁹

Со своей стороны, отметим, что разница между этими двумя подходами логически может быть совсем не очевидна, поскольку нечестный игрок не может не нарушать игровой процесс хотя бы своими собственными действиями, однако посмотрим, какой подход автор предлагает далее.

Совершенно справедливо М. Консалво отмечает, что

«...[такая] концептуализация магического круга была развита в 1930-х гг., задолго до появления цифровых игр (выделено мною – *В.А.*), теоретиком, имеющим определенные взгляды на то, что составляет, а что не составляет процесс игры»,³⁹⁰

³⁸⁸ В оригинальном тексте М. Консалво используется термин “spoilsport” (букв. англ. «тот, кто портит удовольствие другим»). Считаю правильным в данном контексте, предполагающем адаптированный перевод, использовать термин, который употреблял Й. Хейзинга, который, как нам кажется, более соответствует традициям транслитерации на русский язык, – «шпильбрехер», букв. «ломающий игру» (нем.).

³⁸⁹ Ibid.

³⁹⁰ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

и предлагает внимательно и глубже изучить феномен нечестной игры в современных играх. При этом автор также заостряет внимание на то, что в игровых исследованиях концепция нечестной игры должна быть изучена в контексте концепции обособленного игрового пространства. Однако и здесь времена поменялись.

«Когда Хейзинга (1950) писал о магическом круге, наше ощущение пространства и места радикально отличалось от сегодняшнего. Если предлагать рассматривать место, “обособленное” от повседневной жизни, такое место может быть легко представлено как географическое место – игровая площадка, боксерский ринг, разметка для игры в классики».³⁹¹

М. Консалво подчеркивает, что «конечно, Хейзинга (1950) также мог иметь в виду ментальные пространства в дополнение к географическим. Концепция лиминальных³⁹² пространств Тернера (1969), подразумевающая нестрогие [англ. “*interstitial*”] границы между священным и профанным, также предполагает пространства, «отделенные» от повседневности – они представляют собой изменения в сознании или отношении, которые происходят, когда мы находимся в определенных географических местах. Аналогично, в случае с такими событиями как карнавал, мы находимся в том же самом пространстве (городе), но отношения и поведенческие паттерны, а также орнаментация, изменяются на определенный период времени».³⁹³

Автор подчеркивает, что современные игры окружает большое количество **паратекстов**. Например, прежде чем начать играть в сложную игру, мы изучаем

³⁹¹ Ibid.

³⁹² Англ. “liminal” – пороговый.

³⁹³ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

необходимую для игры информацию (скажем, о профессиях игровых персонажей или оптимальных стратегиях), и это сложно отделить от самого игрового процесса, который ранее предполагался изолированным. Более того, само условное игровое пространство, которое так оберегает тот же Э. Кастронова, как средство примирения с действительностью, в которой есть боль и смерть, не статично, оно не может полностью контролироваться даже игровой компанией – игроки внутри многопользовательской игры могут изменять общие параметры объекта.

«Является ли тогда полезной концепция магического круга? – задается вопросом автор – Предположительно, она соответствует структуралистским определениям или концептуализациям игр. Она делает акцент на форме за счет функции, не уделяя внимание контексту актуального игрового процесса. Тогда как в современных играх, и многопользовательских, и ММО в частности, контекст играет огромную роль».³⁹⁴

Ключевой пример самой М. Консалво – нечестная игра – рассматривается как наглядный пример практики, которая не учитывается в структуралистском понимании игры, но при этом составляет серьезную часть общего контекста, заставляющую задуматься о том, что собственно строгой игровой механикой, задуманной создателем игры, условный «игровой мир» не ограничивается. Вместо ригидного структуралистского определения, в котором любые дополнительные практики игнорируются или классифицируются как вторичные, М. Консалво предлагает рассматривать игры как контекстуальную динамичную

³⁹⁴ Ibid. P. 411.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

активность, в которой значение реконструируется в процессе практики.³⁹⁵ Один из ключевых примеров автора – известное судебное дело против разработчика программы, модифицирующей игровой клиент *World of Warcraft* с целью получения игровых преимуществ, не соответствующих правилам, заложенным разработчиками.³⁹⁶ По мнению автора, это не чистый пример шпильберхерства, а еще один феномен, соответствующий динамике игрового мира в широком смысле слова. Здесь сложно отделить игру от неигровых практик – это все часть одного интегрального процесса. Автор отходит от структуралистской топологии игры и предлагает деконструкцию концепции обособленного игрового пространства. В качестве альтернативы М. Консалво предлагает обратиться к концепции «кадров» [англ. “frames”] и «ключей», основанной на работах Э. Гоффмана³⁹⁷ и Г.А. Файна.³⁹⁸ Используя «ключи» (способ интерпретации и разграничения аспектов социальной реальности), мы можем динамически переключаться между различными «кадрами» социальной реальности, часть из которых является «обязательными» (то, что мы называем «серьезным» в контексте нашего исследования), часть – «добровольными» (собственно, игры или – sic! – виртуальная реальность). Например, человек может играть на мобильном телефоне, но, увидев звонок от руководства, немедленно отложить

³⁹⁵ Мы, кстати, не видим прямого противоречия взглядам Й. Хейзинги и его представлениям о «магическом круге», которые в оригинальном тексте, на самом деле, изложены в довольно общем и кратком виде, допускающем версию о том, что речь идет лишь о ситуативной метафоре.

³⁹⁶ *MDY INDUSTRIES, LLC v. Blizzard Entertainment*, 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010) [Electronic resource] // CourtListener. – [Site]. – URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/181055/mdy-industries-llc-v-blizzard-entertainment/> (accessed: 24.02.2019).

³⁹⁷ См.: Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. – Boston: Northeastern University Press, 1974. – 586 p.

³⁹⁸ См.: Fine G.A. *Shared Fantasy: Role-Playing Games as Social Worlds*. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 298 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

игру и ответить, а потом вернуться к игре. Но возможен и обратный пример: играя, можно намеренно переключаться с другими участниками игры, используя различные «ключи», между реальным и виртуальным миром, примером чего может являться, скажем, шутка о реальных событиях в игровом мире.

Подводя итоги подходу, который предлагает М. Консалво, мы можем сделать следующие выводы для основной задачи настоящего исследования – поиска семантических пределов права в условиях медиального поворота. *Во-первых*, топологическая концепция игры, сформированная до медиального и, конкретно, цифрового поворота, сейчас уже не актуальна. И современные игры сами по себе, как технологические артефакты, и виртуальная реальность в целом (и в широком смысле слова, включая всю область несерьезного и художественного), не могут быть объяснены топологически. *Во-вторых*, методологически перспективным представляется разработка подходов к определению того, в какой момент времени в несерьезную практику включаются серьезные элементы, позволяющие говорить о возможности, в свете задач нашей работы, применения реального права. Отметим, однако, что концепция «кадров» и «ключей» хорошо *описывает* происходящее и, возможно, разрешает научные задачи междисциплинарных игровых исследований, однако явно недостаточно конкретна для формирования столь искомого нами принципа юридического толкования.

Юридическая критика топологической интерпретации магического круга косвенно подтверждается и тем очевидным фактом, что сейчас в принципе к отношениям в Интернете, которые ранее «киберсепаратисты» (в терминологии Дж. Фэйрфилда) полагали относящимися к отдельной принципиально новой

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

юрисдикции, фактически применяется весь комплекс норм «права реального мира».

Что же касается «предметной» интерпретации третьего юридического подхода к магическому кругу, то здесь ситуация складывается весьма интересно для целей, направленности и перспектив настоящего исследования. Скажем прямо: хотя намек на такую интерпретацию и содержался в работе Я. Стенроса, переосмысливавшего предыдущий опыт, он еще не получил развития в рамках ни игровых, ни юридических исследований. Возможно, здесь мы говорим о том, что сам Я. Стенрос и не имел в виду – в рамках настоящего исследования сперва сформировалась гипотеза о «предметном подходе», потом нечто похожее на нее было обнаружено в трудах указанного исследователя. Так или иначе, именно он представляется нам наиболее перспективным. Причина в том, что первые два подхода не универсальны для юридической науки и практики. Критерии, основанные только лишь на автономной правовой коммуникации субъектов, не могут претендовать на общезначимость. Необходим поиск подхода, который будет отвечать современным представлениям о социальной реальности как объективно-субъективном (интерсубъективном) феномене, и в этом смысле наибольший методологический потенциал мы видим в междисциплинарном анализе возможных юридически-значимых качеств *предмета* общественных отношений, которые возникают и развиваются в условиях медиального поворота. Междисциплинарная концепция магического круга, ее критика и последующее переосмысление в праве не решили нашей проблемы, но указали ориентир. Двигаться необходимо в том направлении, в котором развиваются современные социологические исследования.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 6. Концепция обобщенных символических посредников в теоретической социологии

Ex abrupto, для развития методологии настоящего исследования принципиальное значение имеет разрабатываемая в социологии концепция **обобщенных символических посредников** (англ. “*generalized symbolic media*”). Во многом, ее современная интерпретация в том ключе, который важен именно для настоящей работы, началась с Т. Парсонса, одного из создателей современной теоретической социологии, взгляды которого оказали влияние на развитие многих областей социально-гуманитарного знания. Концепция обобщенных символических посредников, которая дополняет его подход к социальным подсистемам, позволяет обосновать критерий «серьезности» (или «несерьезности») предмета отношений, о чем более подробно будет сказано в Главе 3 настоящего исследования. И это лишь подтверждается последующими дискуссиями о данном феномене, выделяемом в социологии, о чем мы также скажем далее.

Социальный конструкционизм как таковой, в методологическом ключе П. Бергера и Т. Лукмана, позволяет сформулировать гипотезу, согласно которой при толковании права мы доходим то «точки абсурда» в том случае, если смысл правового текста не связан с тем или иным социальным институтом. Сразу можно представить такие потенциальные возражения. *Во-первых*, в отношении многих примеров, рассматривавшихся в настоящей работе, допустимо будет утверждать, что некий социальный институт (или социальные институты) есть, однако

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

соответствующее толкование права по-прежнему будет абсурдным. Например, вокруг художественных произведений талантливых авторов естественным образом формируется круг критиков, почитателей, а в случае, если это классический автор, существенно повлиявший на национальную или мировую культуру – даже научно-исследовательские направления (скажем, пушкиноведение). Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет о социальных институтах в целом, которые какое-то отношение имеют к предмету обсуждения. *Во-вторых*, если обращаться к концепции «магического круга» и конкретно к проблеме соотношения между виртуальным и реальным, то сложно поспорить с тем же социологическим подходом о том, что обособленность виртуального от «реальной» жизни – это заблуждение. Виртуальное так же реконструируется в процессе коммуникации и как таковое вряд ли может быть жестко отделено от такого же «реального».

В то же время, представляется, что «институциональное объяснение» семантических пределов права вполне возможно, если обратить внимание на два ключевых аспекта.

Во-первых, это различие *социального института, составляющего предмет правового текста*,³⁹⁹ и социальных институтов, которые складываются

³⁹⁹ Сразу отметим, что простое отсутствие социального института, составляющего предмет правового текста (на рассматривавшемся примере с блокировкой форума игроков Eve Online Роскомнадзором по решению ФСКН – отсутствие наркотической субкультуры среди игроков) не означает, что такое толкование будет абсурдным. Так, может наблюдаться отсутствие социального института, но при этом быть косвенное смысловое пересечение предмета правового текста с другим, [негативно] социально-значимым институтом социальной жизни (таким как потребление наркотиков в реальной жизни). Поскольку одной из задач ограничений распространения информации по данному критерию является борьба с пропагандой мнимой привлекательности соответствующих практик, постольку второго необходимого критерия абсурдности здесь нет, а значит интерпретация может быть «на грани», но не однозначно абсурдна, и потому она может стать предметом осмысленной дискуссии о «взвешивании» конституционных ценностей – свободы творчества и свободы распространения информации, с одной стороны, и здоровья – с другой.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

между субъектами, воспринимающими данный правовой текст. В этом смысле, следует отличать вымышленные или реальные социальные институты, составляющие предмет самих произведений поэта, которые между собой можно, соответственно, разделить на две группы, – абстрактные произведения А.С. Пушкина, не имеющие определенный реальный референт (например, стихотворение «Пророк» – данное произведение как бы не подходит к границам «магического круга», и ограничения на распространение информации к нему не были применимы тогда, и не применимы сейчас, в силу имеющейся системы социальных практик), а также его произведения, имеющие определенный реальный референт (например, поэма «Царь Никита и его сорок дочерей» – данное произведение находится как бы на грани «магического круга», поскольку затрагивает социальный институт сексуальной жизни, и оценка степени перехода границы зависит от конкретных установок общества на данный момент), – от тех социальных институтов, *предмет которых составляют сами произведения как таковые*, но ни в коем случае не предмет(-ы) таких произведений. Данная логика, выражающая своего рода **качественный критерий – абсурдности**, применима не только к области художественного (воображаемого), но также и к областям игрового и утратившего свою актуальность (исторического). Отметим, что в настоящей работе мы преследуем цель реконструкции именно семантических пределов права, а потому выводы социологической науки, имеющей другие объект и предмет исследования, могут отличаться.

Во-вторых, не каждый случай связи художественного (воображаемого), игрового или утратившего свою актуальность с каким-либо реальным существующим институтом будет означать отсутствие абсурда в толковании и

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

применении права. Второй из необходимых критериев для постулирования абсурдности толкования и применения права и, следовательно, обозначения семантических пределов права, который можно охарактеризовать как **количественный критерий – «серьёзности»** связан с социальной значимостью предмета правового текста. Определение социальной значимости – достаточно сложная и притом, на первый взгляд, недостаточно определенная задача.

Попробуем обосновать возможность применения концепции социальной системы Т. Парсонса для определения качественного критерия абсурдности, наметив следующий тезис.

Социальная система, согласно работам американского социолога, складывается из четырех подсистем: политической, экономической, правовой и культурной. Каждая из этих социальных систем имеет свой «символический посредник» (англ. “*medium*”), который может рассматриваться как некая конвертируемая валюта. Так, например, власть, понимаемая как право (и в дальнейшем – монополия) на физическое насилие, представляет собой «символический посредник» для политической системы. Власть может приобретаться посредством денег, а деньги – это «символический посредник» экономической системы. Это, по Т. Парсонсу, пример конвертации «валют», но для данного исследования важно другое: в обществе имеет ценность то, что имеет такую «меновую стоимость» в рамках социальной системы. Наиболее очевидный (и, должно быть, привычный) для юриспруденции пример, таким образом, будет связан с властью, понимаемой как «символический посредник» на физическое насилие. Социальная группа, имеющая возможность прямого или косвенного доступа к власти будет представлять собой *группу давления* в смысле

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

политической науки. Соответственно, если социальный институт воспроизводится группой давления, не происходит разрыва «магического круга» в соответствующем произведении, которому приписывается художественный характер. Собственно, художественный характер в таком случае представляет собой фикцию, иногда юридическую. Отметим, что в трех других подсистемах социальной системы есть функциональные аналоги групп давления политической системы.⁴⁰⁰ И основная мысль здесь заключается в том, что количественный критерий «серьезности» не удовлетворяется только при том условии, что соответствующий социальный институт воспроизводится социальной группой (или социальными группами), которые не имеют ни одной из видов «валют», соответствующих подсистемам социальной системы.

Социолог Брайан Стэнли Тернер (род. 1945) поясняет основное содержание изучаемого подхода в предисловии к новому изданию книги Т. Парсонса «Социальная система»⁴⁰¹ следующим образом:

«Вторая форма, в которой экономика повлияла на идеи Парсонса, была моделью социального обмена в общем. Задачей обычной экономики спроса и предложения было достичь понимания природы максимизирующего поведения в обмене товарами между индивидами на рынке. Такие отношения обмена, как правило, реализуются не посредством материального обмена товарами, но символически, посредством денег как средства (или «посредника» – “*medium*” – **В.А.**) обмена.

⁴⁰⁰ Для контекста, как отмечал Т. Парсонс: «Надо обратить также внимание ещё на один аспект эволюционного развития. При обсуждении обобщённых средств взаимобмена между составными частями социальной системы, то есть денег, влияния, политической власти и ценностных приверженностей, речь шла преимущественно об их наиболее очевидной функции обеспечения рутинного взаимобмена между дифференцированными частями социальной системы. Но они могут способствовать также повышению творческого уровня и расширению диапазона деятельности, совершающейся в социальных системах». См.: Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М., 1998 [Электронный ресурс] // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 09.09.2012. – [Сайт]. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395> (дата обращения: 03.02.2019).

⁴⁰¹ Parsons T., *The Social System*. – London: Routledge, 1991. – 404 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Капиталист покупает рабочую силу не предоставляя работнику непосредственно средства к существованию (одежду и еду), а посредством оплаты в виде денег. Однако деньги сами по себе являются лишь символом ценности, поскольку в принципе работнику можно было бы заплатить посредством ценны раковин, почтовых марок, чека или иных символов (в оригинале – токенов, “*tokens*” – сравните с контекстом обсуждения криптовалют и распределенных реестров; этот термин используется практически в том же значении – *В.А.*)... Парсонс рассматривал деньги как обобщенный символ обмена и, по аналогии, утверждал, что в обществе есть и некоторые другие подобные символы. В частности, он принимал взгляд, согласно которому власть, влияние и обязательство (в оригинале – “*commitment*” – *В.А.*) также представляют собой находящиеся в обороте средства обмена, позволяющим социальным акторам достигать желаемых целей. Данные средства обмена соотносятся с моделью четырех подсистем Парсонса. Деньги – средство обмена между адаптивной и приграничными ей подсистемами; власть – это обобщенный посредник политической подсистемы; влияние – интегративной, а обязательство – латентной». ⁴⁰²

Для продолжения рассуждения удачным представляется и подход, представленный авторским коллективом учебника политологии МГИМО под руководством А.Ю. Мельвиля. Авторы применяют концепцию Т. Парсонса для разрешения противоречий между подходами к определению природы политической власти, которые исходят либо из принуждения⁴⁰³ (крайней формой которого является насилие), либо, напротив, только лишь из понимания природы политической власти как как коммуникативного феномена (Т. Болл).⁴⁰⁴ Политическая власть, однако, должна рассматриваться «как связывающий действия и обязательства людей **посредник**, который может представлять ее в разном виде». ⁴⁰⁵ Как и экономическая система, политическая система требует

⁴⁰² Turner B.S., Preface to the New Edition // Parsons T., The Social System. – London: Routledge, 1991. – p. 19.

⁴⁰³ Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Г. Гегель и др.

⁴⁰⁴ Политология: учеб. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 75–76.

⁴⁰⁵ Там же. С. 76–77.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

стабильности и устойчивости, которые достижимы при использовании обобщенного символического посредника. Если для экономики – это символ, выраженный в золоте, то в праве, говоря языком М. Вебера, это символ «монополии легитимного физического насилия».

Авторы отмечают:

«Власть, по Парсонсу, понимается как аналогичный деньгам символический посредник, циркулирующий внутри политической системы, но способный перемещаться оттуда во все три соседние функциональные subsystemы общества – экономическую («конвертируясь» (выделено мною – *В.А.*) в те самые деньги), интегративную (совокупность социальных общностей с посредником в виде влияния) и строподдерживающую (культурную с посредником в виде ценностей). Тем самым власть осмысливается как способность обеспечивать выполнение связывающих обязательств элементами политической системы, когда эти обязательства признаны соответствующими коллективным целям, а на случай неповиновения кого бы то ни было предусмотрено принуждение. В соответствии с определением Парсонса сделать возможным исполнение некоего желания даже угрозой превосходящей силы не означает использовать власть. Способность добиться послушания, чтобы ее назвать властью, должна быть обобщенной, а не одной лишь функцией какого-либо единичного воздействия».⁴⁰⁶

Путь экономической системы – от бартера до абстрактных финансовых инструментов, а политической – от физического насилия до политической власти.

Идеи Т. Парсонса оказались весьма востребованы в теоретической социологии XX века. Во многом с ними перекликается также **комплекс идей П. Бурдьё о социальном (символическом) капитале**.⁴⁰⁷ Однако подход

⁴⁰⁶ Там же. С. 77.

⁴⁰⁷ См. напр.: Демидова М.В. «Символический капитал» П. Бурдьё и «Капитал» К. Маркса // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. - № 11. – С. 27–32. Исходные труды П. Бурдьё: Бурдьё П. Практический смысл (1980) / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Л. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2011 г. – 562 с.; Бурдьё П. Социология социального

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

последнего не содержит прямого выражения идеи взаимоконвертируемых обобщенных символических посредников, в которой, согласно разделяемой нами методологической гипотезе, содержится особая ценность для юриспруденции. Тем не менее, такая идея содержится в трудах С. Абрутина, американского социолога, развивающего именно данный комплекс представлений, основанный на переосмыслении работ Т. Парсонса, а также иных авторов, чьи тексты прямо или косвенно могут быть соотнесены с концепцией обобщенных символических посредников. Кроме того, работы С. Абрутина – последние на текущий момент в которых предметно и последовательно развивается именно данная концепция.

В своей статье «Деньги, любовь и священность: обобщенные символические посредники и производство инструментальной, аффектуальной и моральной реальности»⁴⁰⁸ автор рассматривает обобщенные символические посредники как феномен, обеспечивающий интеграцию различных социальных единиц, – в таком контексте данная проблема характерна, прежде всего, для теоретико-социологического дискурса. Как отмечает сам автор, он использует интерпретацию обобщенных символических посредников и в ключе взглядов Г. Зиммеля,⁴⁰⁹ и в рамках функционалистского подхода. С. Абрутин стремится точно определить понятие данных посредников, изучить их общие формы (специализированный институциональный язык и внешний референт ценности), осветить три модальности ориентации, которые могут создаваться различными

пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007 – 288 с.

⁴⁰⁸ Abrutyn S. Money, Love and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // *Czech Sociological Review*. 2015. Vol. 51. No. 3. PP. 445–471.

⁴⁰⁹ Отметим, что в юриспруденции и Л. Фуллер обращался к трудам данного социолога в контексте своей правовой концепции.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

посредниками. Автор развивает представление о функции посредников за пределами социального обмена, чтобы включить иные институциональные процессы, такие как коммуникативное действие, перформанс и ритуализованное взаимодействие.⁴¹⁰ Должны признать, что предмет исследования С. Абрутина – прежде всего, относится к теоретической социологии. Проблематика теоретической социологии как таковая нам представляется не связанной с проблемой семантических пределов права, по крайней мере, напрямую. Однако та часть взглядов, развиваемых американским социологом, которая касается именно переосмысления конвертируемых обобщенных символических посредников, которые при этом могут соотноситься с внешним референтом ценности (англ. “*external referent of value*”), определенно, имеет фундаментальное значение для разработки одного из критериев семантических пределов права – критерия «серьезности».

Также необходимо прямо обозначить лингвистическую (но, возможно, в то же время и онтологическую – в условиях языкового поворота) проблему, связанную с ключевым для теории обобщенных символических посредников проблему. В теоретико-социологической части настоящего исследования мы используем перевод «посредник», тогда как в оригинале, и у Т. Парсонса тоже, применяется термин “*media*” (во множественном числе) и “*medium*” (в единственном числе). К сожалению, сохранить единство и многообразие коннотаций представляется затруднительным: перевод «посредник» удачен для того, чтобы акцентировать внимание на конвертируемости и «социально-

⁴¹⁰ Ibid. P. 445.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

валютной ценности»,⁴¹¹ тогда как перевод «медиа» точно передает то обстоятельство, что представление об обобщенных символических посредниках полностью укладывается в концепцию **медиального поворота**. Концепция медиального поворота отражает не только смещение фокуса внимания социально-гуманитарных дисциплин к различным «медиа» в узком смысле слова, понимаемых как средства массовой коммуникации, но и к рассмотрению ткани социальной реальности через призму обобщенных символических посредников, которые равно могут быть названы «медиа». Языковая игра сохраняется в английском языке, теряется во многообразии перевода на русский язык, но всегда должна приниматься во внимание.

С. Абрютин подчеркивает, что концепция обобщенных символических посредников не только не утратила актуальность – она обладает значительным методологическим потенциалом. Хотя данная концепция была популяризирована Т. Парсонсом и Н. Луманом, и впоследствии – Ю. Хабермасом, ее истоки можно усмотреть в «Капитале» К. Маркса и в экономической социологии М. Вебера и, кроме того, в феноменологии Г. Зиммеля.⁴¹² Автор подчеркивает сходство концепции с теорией экономического капитала П. Бурдьё, но отмечает, что все виды социального обмена при применении подхода французского ученого могут быть сводимы к экономическому обмену, хотя история показывает, что это не так. Т. Парсонс, по

⁴¹¹ В этом аспекте следует всегда иметь в виду еще одну коннотацию и возможный перевод: *generalized symbolic media* – это еще и **токены** в том же смысле, в котором термин «токен» используется в контексте криптовалют и ICO (англ. “initial coin offering” – аналог термина “ИПО” из области финансовых рынков, предполагающий публичное предложение о покупке крипто-токенов в целях финансирования того или иного проекта, ценность которого токены, таким образом, выражают).

⁴¹² Ibid. P. 446.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

его мнению, также преувеличивал значение экономики для концепции обобщенных символических посредников, однако следует учитывать, что в различных временах и местах отдельные посредники имели большую ценность и лучше служили интеграции, нежели чем деньги. Сведение посредников к деньгам может исказить картину, поскольку такой взгляд характерен только для капиталистического общества.⁴¹³

Ход рассуждения С. Абрутина следующий. Т. Парсонс и Н. Смелсер позаимствовали концепцию обобщенных символических посредников из немецкой экономической и философской школы. Первоначально термин использовался для описания обмена между экономической и политической системами (т.е. процесса конвертации власти и денег). Исследуя власть, Т. Парсонс пришел к выводу о том, что необходимы еще два посредника для того, чтобы согласовать подход с его представлением о четырех подсистемах социальной системы. В качестве таких новых посредников выступили влияние и ценностные обязательства (англ. “*value commitments*”). Качества всех посредников, кроме денег, моделировались исходя из качеств денег, поскольку последние представляют собой идеальный пример обобщенного символического посредника. Как полагал Т. Парсонс, чтобы нечто считалось обобщенным символическим посредником, оно должно иметь: (1) ценность, т.е. быть символическим воплощением означаемых объектов, (2) интерес, т.е. тесную и ясную связь с таким объектом, (3) средства для определения того, какие объекты имеют ценность и (4) нормативную схему правил. Т. Парсонс, однако, может показаться непоследовательным, поскольку в одном месте он говорил об

⁴¹³ Ibid. P. 446–447.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

обобщенных символических посредниках как о валюте, а в другом – как о языке. В свою очередь, критикуя Т. Парсонса, Н. Луман отвергал идею о том, что влияние и ценностные обязательства являются самостоятельными посредниками, поскольку они и так подразумеваются в случае со всеми остальными посредниками. Также он рассматривал посредники не как объекты обмена, а как модальности коммуникации, добавив к власти и деньгам *истину* для науки и *любовь* для родственных отношений. Взгляды Н. Лумана, однако, также могут быть подвергнуты критике. В частном аспекте – поскольку количество посредников не обязательно должно сводиться к четырем или двум исходным (С. Абрутин отмечает, что соотносить известные посредники с религиозной системой будет неестественно – у нее своя собственная разновидность посредников). В общем – поскольку, хотя подход Т. Парсонса и был односторонне-экономическим, сводить вместо этого обобщенные символические посредники только к коммуникации как таковой, также неверно. С. Абрутин отмечает также, что представления об обобщенных символических посредниках впоследствии развивались Ю. Хабермасом, Дж. Коулманом, Д. Болдуином, Т. Тернером, Л. Вандерберге и самим С. Абрутиным.⁴¹⁴

Важно, что С. Абрутин принимает концепцию Т. Парсонса, но при этом делает оговорку, которая сближает его интерпретацию концепции обобщенных символических посредников с дискурсом семантических пределов права. Т. Парсонс исходил из того, что обмен происходит между системами, тогда как С. Абрутин подчеркивает, что обмен, опосредуемый обобщенными символическими посредниками, осуществляется между людьми и группами –

⁴¹⁴ Ibid. P. 448–449.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«обобщенные символические посредники следует рассматривать как существующие в реальных отношениях и группах».⁴¹⁵ Как следствие, такие посредники не менее актуальны для микро-уровня исследования, чем для макро-уровня.⁴¹⁶ Иными словами, изучать обмен между реальными людьми также будет полезно с точки зрения обмена обобщенными символическими посредниками. Наконец, С. Абрютин предлагает допускать, что обобщенный символический посредник сам по себе может стать целью и, тем самым, рассматриваться не только как средство, помогающее коммуникации, а как ресурс – символический и материальный. Отметим, что в нашем исследовании такой взгляд, пусть и неявно, но подразумевался в предыдущих параграфах, однако С. Абрютин подчеркивает, что данный аспект обобщенных символических посредников не разрабатывался ни Н. Луманом, ни Ю. Хабермасом, ни самим Т. Парсонсом. Данная идея имеет интересное ответвление, на которое указывает автор: каждый из обобщенных символических посредников имеет культурный контекст и коннотации, которые рисуют картину «идеального преследователя [цели]» (англ. “*ideal pursuer*”). Например, в случае со священностью – это аскет, а в случае с любовью – это романтик. В свете всего вышеизложенного очевидно, что обобщенные символические посредники могут накапливаться и выступать средством обмена.⁴¹⁷

С. Абрютин определяет обобщенные символические посредники как

«...внутриинституциональные кластеры символических и материальных ресурсов, которые выступают в качестве механизмов, посредством которых

⁴¹⁵ Ibid. P. 450.

⁴¹⁶ Ibid.

⁴¹⁷ Ibid. P. 451.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

институциональная культура может приобретаться, использоваться, развиваться и передаваться».⁴¹⁸

С. Абрютин, однако, сам продолжает экономическую метафору, возможно, и неосознанно – он отмечает, что в каждой институциональной группе есть элита...

«...институциональных предпринимателей», которые обрели [символическую]⁴¹⁹ независимость наравне с другими элитами. Обобщенные символические посредники «организуют разговор и понимание, они служат средством обмена, как и полагал Т. Парсонс, они не просто переменные для обозначения ценности [англ. “*placeholders of value*”], но имеющие ценность вещи сами по себе, а потому и ресурсы, к обладанию которых можно стремиться; и в этом качестве они служат формированию мировоззрений и идеологий, которые отличают экономику от политики и от религии не только ментально, но еще и в физическом, временном и социальном пространстве».⁴²⁰

Для нас важно и то, как С. Абрютин обосновывает то, что деньги не являются единственным или главным обобщенным символическим посредником. Автор подчеркивает, что на проблему посредников необходимо смотреть с точки зрения создания и поддержания социального порядка в сложных обществах. Он отмечает взгляд М. Вебера, согласно которому деньги стали инструментом, легитимирующим непрямой обмен (в отличие от бартера), и Г. Зиммеля, который полагал, что деньги буквально сокращали дистанцию между людьми, поскольку выступали переменной для «стандартизированной, формализованной и поддающейся разделению ценности», тем самым став силой

⁴¹⁸ Ibid.

⁴¹⁹ Она же – финансовая, если брать деньги или конвертировать в деньги.

⁴²⁰ Ibid. P. 451–452.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

культурной интеграции.⁴²¹ В то же время, как указывает С. Абрутин, исторические и культурологические исследования показывают, что «рынок» в древних государствах Месопотамии, Египта и, например, Китая состоял не из денег, а из власти. Кроме того, в некоторых случаях, в которых использовались деньги, это была только видимость – в действительности, речь шла о *верности*, которую С. Абрутин рассматривает как самостоятельный обобщенный символический посредник. Что не менее важно, с исторической точки зрения, *верность*, таким образом, не менее важна, чем деньги.⁴²² Далее автор весьма убедительно демонстрирует то, как проходило становление *власти* как обобщенного символического посредника, а также *священности* (“*sacredness*”) в том же качестве, используя исторический материал.⁴²³ Эти составляющие аргументации С. Абрутина важны нам для демонстрации того, что деньги – не главный, а один из многих обобщенных символических посредников. В свете этого становится более понятным, какие из отношений потенциально могут выступать в качестве предмета правового регулирования за счет своей «социально-валютной ценности», а какие – нет.

В системе С. Абрутина выделяется не четыре, а *десять* обобщенных символических посредников, которые соответствуют десяти *институциональным областям* (англ. “*institutional domain*”), а не четырем подсистемам социальной системы, причем из взглядов автора следует, что данный перечень не обязательно является исчерпывающим:

⁴²¹ Ibid. P. 452.

⁴²² Ibid.

⁴²³ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

1) Институциональной области *родства* (англ. “*kinship*”) соответствуют такие посредники как **любовь** и **верность** (англ. “*loyalty*”). Они составляют язык и внешние объекты, связанные с созданием и обозначением обязательств перед другими.

2) Институциональной области *экономики*, очевидно, соответствует такой посредник как **деньги**, который по С. Абрутину составляет язык и внешние объекты, связанные с производством и распределением товаров и услуг.

3) Институциональной области *политики*, с той же степенью ясности, соответствует такой посредник как **власть**, который составляет язык и внешние объекты, связанные с контролированием действий и отношений (англ. “*attitudes*”) других и подчинением вышестоящим.

4) Институциональной области *права* соответствуют такие посредники как **справедливость** и **разрешение споров**, которые составляют язык и внешние объекты, связанные с разрешением споров, вытекающих из общественных правоотношений и обращающихся к нормам честности (англ. “*fairness*”) и морали (нравственности).⁴²⁴

5) Институциональной области *религии* соответствуют такие посредники как **священность** (англ. “*sacredness*”) и **благоочестие** (англ. “*piety*”), составляющие язык и внешние объекты, относящиеся к действиям, обменам и

⁴²⁴ Данная интерпретация, на первый взгляд, потенциально может вступать в конфликт с той идеей концепции семантических пределов права, согласно которой отсылка к моральным ценностям отсылает не к области чистого абсурда, а к промежуточной области «взвешивания» [моральных] ценностей. Но такой конфликт лишь видимый – применение концепции обобщенных символических посредников для квалификации «социально-валютной ценности» предмета правоотношений осуществляется в ином смысле. Моральная ценность или моральная значимость в данном случае относится не к аргументации, а к непосредственному предмету правоотношения.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

коммуникации с ненаблюдаемой надъестественной (англ. “*supranatural*”) сферой.⁴²⁵

6) Институциональной области *образования* соответствует такой посредник как **обучение** (англ. “*learning*”), составляющий язык и внешние объекты, связанные с приобретением и передачей материала и культурного знания.

7) Институциональной области *науки* соответствуют такие посредники как **применимое знание** (англ. “*applied knowledge*”) и **истина**, составляющие язык и внешние объекты, связанные с действиями, обменами и коммуникацией, основанной на стандартах приобретения и использования проверенного знания обо всех измерениях социальном, биологическом и психо-химическом универсумах.

8) Институциональной области *медицины* соответствует такой посредник как **здоровье**, составляющий язык и внешние объекты, относящиеся к действиям, обменам и коммуникации, связанной с заботой о нормальном функционировании тела.

9) Институциональной области *спорта* соответствует такой посредник как **современность** (англ. “*competitiveness*”), составляющий язык и внешние объекты, относящиеся к действиям, обменам и коммуникации, основанных на регламентированных конфликтах, которые порождают победителей и проигравших на основе усилий команд и игроков.

⁴²⁵ Несмотря на некоторую туманность указанной формулировки, с точки зрения и теоретической, и эмпирической социологии, здесь нам важно не то, что есть (или чего нет) на самом деле, а то, как это реконструируется как часть института субъективно-объективной социальной реальности.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

10) Наконец, институциональной области *искусства* соответствует такой посредник как **красота**,⁴²⁶ составляющая язык и внешние объекты, связанные со стандартами получения и применения знания о красоте, эмоциональной реакции и удовольствия.⁴²⁷

В процессе анализа применимости концепции С. Абрutiна в дискурсе проблемы семантических пределов права, рассматриваемых с точки зрения «серьёзности» или «несерьёзности» предмета правоотношений, мы не выявили какой-либо необходимости ее принципиально критиковать или переосмысливать – представляется, что она может быть применена и в таком виде (хотя впоследствии, возможно, и доработана), поскольку же сейчас она может применяться для определения «социально-валютной ценности» конкретных предметов правоотношений. Вероятно, в последующих исследованиях в области теоретической социологии могут найти отражение и иные обобщенные символические посредники – вероятно, среди них может оказаться и **время** в смысле времени, которое необходимо затратить тому же пользователю на получение каких-либо ценностей в виртуальной среде.⁴²⁸

⁴²⁶ С таким определением может поспорить эстетика как дисциплина философии, но это принципиально не меняет возможности усмотреть обобщенный символический посредник в институциональной области искусства, будь это красота или нечто иное.

⁴²⁷ Ibid. P. 454.

⁴²⁸ Из практики включенного наблюдения: существенным образом отличаются многопользовательские игры, вовлекающие пользователя в процесс конвертации реального времени в виртуальные ценности от тех игр, где это не предполагается. В некоторых играх игроки, не конвертирующие достаточно реального времени в виртуальные достижения, существенным образом теряют преимущество, но это представляет собой серьёзное вторжение в реальную личную жизнь и может закономерно сказаться на успехах пользователя в реальной жизни. Вероятно, здесь мы сталкиваемся как раз с тем аспектом онлайн-игр, который может стать не-абсурдной для вмешательства права областью – как, например, в случае с вопросом об ограничении игрового времени в онлайн-играх в Китае. См. напр.: China to Crack Down on Children's Video Gaming Time Amid Fears Over Addiction [Electronic resource] // The Telegraph. 31 August 2018. – [Site]. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/31/china-crack-childrens-video-gaming-time-amid-fears-addiction/> (accessed: 24.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

На примере указанных институциональных областей и символических посредников становится очевидным различие в предмете юриспруденции и теоретической социологии, поскольку модели, формируемые данными областями знаний, асимметричны. С точки зрения юриспруденции и, особенно, философии права, к последнему может быть отнесено несколько институциональных областей и обобщенных символических посредников, выделяемых в теоретической социологии – например, институциональная область политики и такой посредник как власть вполне могут быть отнесены теоретиком юриспруденции к праву. Однако это не имеет принципиального значения для вопроса о применимости данной концепции к дискурсу о семантических пределах права, поскольку нас обобщенные символические посредники интересуют не с точки зрения их сущностных свойств, релевантных процессу реконструкции социальных практик, а с точки зрения их *соотнесенности с конкретным предметом правоотношения* через представление о возможной «социально-валютной ценности» последнего.

Теперь о главном: как и у Т. Парсонса, в теоретико-социологической концепции С. Абрutiна данные обобщенные символические посредники, соответствующие одной из институциональных областей, *во-первых, конвертируемы*, а *во-вторых*, могут иметь и имеют **внешние референты ценности** (в этом, кстати, подход С. Абрutiна отличается от исходного подхода Т. Парсонса). Несложно прочертить междисциплинарную параллель и выявить объединяющий фактор: именно последняя категория в рамках концепции семантических пределов права может соотноситься с конкретным предметом общественного отношения. Если это происходит, такой предмет становится

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«серьезным» и, как следствие, представляет собой реальный или виртуальный предмет правоотношения.

Для целей настоящего исследования необходимо подчеркнуть, что обобщенный символический посредник – это институциональное явление. То, что составляет ценность для отдельного члена общества вне коммуникативного контекста (иными словами, то, что не может служить средством обмена, как минимум, внутри определенной институциональной группы), не может рассматриваться как нечто, обладающее «социально-валютной ценностью», или как внешний референт ценности в связи с каким-либо обобщенным символическим посредником.

ГЛАВА 3. Реконструкция концепции семантических пределов права: содержание, значение, методологический потенциал.

§ 1 Переосмысление проблемы «магического круга»: от квалификации общественных отношений к квалификации их предмета

В настоящем исследовании методология реконструкции семантических пределов права предполагает обращение к инструментам, с одной стороны, философии права, а с другой – [теоретической] социологии [права]. Такой подход близок проблеме, обозначенной Ю. Хабермасом. Как отмечает Р. Коттеррелл:

«Для Хабермаса любая философия права, которая игнорирует комплексную природу социального в том смысле, в котором она изучается социальными дисциплинами, все меньше будет актуальна для решения проблем современного

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

права. Но социологические подходы к праву, которые ‘высеивают все нормативные аспекты’ (1996: 6), рассматривают право ‘внешне’ как объект, будут актуальны не в большей степени, поскольку они не задаются вопросами о моральном значении права для тех, кто в нем живет и нуждается в его авторитете. Что необходимо, так это ‘анализ в равной степени отвечающий нормативной реконструкции и эмпирическому разуверению правовой системы’ (1996: 66); можно сказать, право как идеальное и реальное.⁴²⁹

Концепция семантических пределов права ориентирована именно на такую методологию, дополненную при этом аналогией из изоморфной теории корреспондентной истины.

Подведем промежуточные итоги процессу поиска методологических ориентиров. Итак, проблема семантических пределов права в условиях медиального поворота наиболее наглядным образом представлена в трех магистральных примерах, основанных на методологии мысленного эксперимента в первом случае и анализа эмпирического материала во втором и третьем случаях:

1) *Гипотетическая интерпретация положений ст. 105 УК РФ («Убийство»)* таким образом, что под словами «умышленное причинение смерти другому человеку» мы можем понимать, в том числе, «убийство» одним персонажем компьютерной игры другого, который в игре соотносится с понятием «человек».⁴³⁰ Иными словами, в рамках виртуальной социальной реальности такое действие будет составлять умышленное причинение смерти

⁴²⁹ Cotterrell R. *Law, Culture and Society. Legal Ideas in the Mirror of Social Theory*. Hampshire: Ashgate, 2006. – P. 32.

⁴³⁰ Подчеркнем, что этот магистральный пример, по сути, может быть интерпретирован как применение приема *reductio ad absurdum* к проблемам виртуальной собственности. Чтобы выявить, в каком случае право НЕ может применяться к виртуальной собственности, мы усиливаем пример, заменяя предмет отношений, опосредуемых в виртуальном мире, с собственности на жизнь.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

другому человеку. Подчеркнем при этом, что отсылка именно к компьютерной игре в контексте данной работы обусловлена, в первую очередь, медиальным поворотом, в рамках которого такое явление приобретает новый качественный масштаб. В конечном счете, аналогичным образом можно было бы рассмотреть и пример с детской игрой «казаки-разбойники», где виртуальные (в широком смысле слова) «убийства» происходят сплошь и рядом, однако играющих в такие игры детей не придет в голову обвинять в убийстве в том же смысле, в котором об этом идет речь в ст. 105 УК РФ. Хотя и такие игры в педагогике ненасилия могут осуждаться.

2) *Сложившаяся практика в области дизайна многопользовательских игр, а также экономического и юридического анализа отношений в них по поводу виртуальных ценностей, допускающая или обосновывающая самостоятельную ценность виртуальных предметов (виртуальная собственность)*. Любопытно, но такая практика уже не воспринимается как абсурдная, хотя она [еще] и не универсальна. Более того, полагаем, что ответ на вопросы о возможности применения права к данной области отношений должен строиться по той же методологии, что и в предыдущем случае – поскольку и там, и там главное – это виртуальная реальность как феномен медиального поворота. Однако понятно, что в условиях развитой виртуальной экономики оценка степени абсурдности применения норм права собственности к виртуальной собственности будет иной, чем в случае с убийством (здесь, например, уместно будет вспомнить, что А.И. Савельев и иные авторы в принципе не исключают возможности применения норм об имуществе либо конкретно норм о праве собственности по

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

анalogии к отношениям по поводу виртуальной собственности).⁴³¹ Иными словами, если предыдущий случай с убийством кажется нам абсурдным, то чем дальше мы идем по УК РФ, тем менее абсурдным нам кажется применение реального права к виртуальным отношениям – в случае с хищением у нас уже будут сомнения в абсурдности такого применения, а далее, в случае с преступлениями, связанными с распространением информации, сомнения у нас если и возникнут, то в случае с особыми ситуациями – например, вымышленной, шуточной или художественной информацией.

3) *Пример с применением положений антитеррористического законодательства в отношении распространения рецепта динамита из игры Minecraft, в результате которого соответствующий интернет-сайт был сначала заблокирован, а потом – разблокирован.* Этот пример как раз и развивает логику комментария к предыдущей ситуации. Правовая норма нацелена на ограничение распространения информации, и в данном случае мы сталкиваемся с информацией, которая, на первый взгляд, соответствует заложенным в нормативных правовых актах критериям. Но интуитивное ощущение абсурдности происходящего, как мы видим, не покинуло ни Роскомнадзор, ни суд, поскольку правоприменительное решение было пересмотрено. Каким образом, однако объяснить итоговую правовую квалификацию? Именно этот вопрос в наибольшей возможной степени близок идее, которая предлагается к рассмотрению в настоящем параграфе как итог переосмысления концепции «магического круга» в праве.

⁴³¹ См.: Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Построим аргументацию от противного и попробуем применить известные принципы, которые могут лежать в основе концепции «магического круга» к каждому из примеров:

1. *Принцип квалификации отношений (игровые или неигровые)*. Данный принцип не даёт особой ясности в том, можно или нельзя применять право в указанных ситуациях. Выражаясь метафорически, и в рассмотренных выше, и в гипотетических иных случаях игра выходит далеко за пределы узкого «игрового поля» и притом может прерваться в любой произвольный момент, когда стороны перестают играть. Сам последний факт указывает на то, что общая культурная характеристика деятельности не является принципиальной – принципиальным является определение момента и условий, при которых игра перестаёт быть игрой.

2. *Принцип субъективной стороны (отношение к событиям в виртуальном мире)*. Предложенный Б. Дюранске принцип кажется довольно приемлемым на первый взгляд, но, к сожалению, разбивается о скалы последующего развития мысленного эксперимента. В самых простых случаях этот критерий работает. Например, допустим ситуацию, в которой субъект, играя в полевою ролевою игроу и исходя из того, что его действия носят сугубо игровой характер, тем не менее, наносит реальное ранение реальным, или даже декоративным, но допускающим такую функциональность, мечом другому игроку. Никакие аргументы об отсутствии *умысла* не спасут его от юридической ответственности, однако его могут спасти аргументы об отсутствии *вины*. Осознание того, что удар соответствующим предметом по другому человеку приведет к возможному ранению, составляет часть самоочевидного здравого смысла. Реальный

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

объективный вред общественным отношениям можно совершить, не осознавая того, и в виртуальном пространстве – например, доведя другого игрока до самоубийства. Правда, в данном случае, опять же, применение права может объясняться классическими представлениями о составе правонарушения. Реальные проблемы с применением данного принципа возникают там, где осуществляется применение права, затрагивающее интересы каких-либо субъектов, но не предполагающее учет субъективной стороны в принципе – как в случае с блокировками сайтов.

3. Принцип согласия (согласие на виртуальный характер отношений).

Аргумент Дж. Фэйрфилда, впрочем, как и аргумент Б. Дюранске, кажется вполне работоспособным, но тоже в строго определенных ситуациях – области диспозитивного гражданско-правового регулирования. Игроки или участники иной виртуальной коммуникации могут договориться о том, что присвоение виртуальной собственности, согласно правилам игры, не влечет реальных последствий. Однако это возможно только в отношении тех случаев, опять же, когда виртуальная собственность несерьезная и нереальная. В уголовном праве субъект не может дать согласие на хищение таким образом, чтобы это исключало преступность деяния злоумышленника, хотя впоследствии он и может, например, не заявлять гражданский иск в уголовном деле. Что же говорить о более строгих примерах, которые могут быть, например, связаны с лишением жизни?

Полагаем, что приведенные выше рассуждения со всей определенностью указывают, что **принципиальным для определения абсурдности толкования и применения (а также моделирования в правотворчестве) правовых норм являются именно качества предмета отношений, а не какие-либо иные**

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

обстоятельства, связанные с коммуникацией между людьми, поскольку коммуникация реальна всегда, а вот ее серьезность, в том числе, тоже зависит от предмета отношений.

Как при этом определить предмет? Его следует искать **в фокусе интерсубъективного и коммуникативного измерения** реконструируемой посредством изучаемых общественных отношений виртуальной реальности. Например, компьютерные виртуальные миры можно изучать как произведения искусства с технической точки зрения, но предмет, который потенциально может стать предметом общественных отношений, необходимо искать там, где динамически развивается социальная коммуникация.

§ 2. Критерий серьезности или несерьезности предмета отношений: «социально-валютная ценность»

Итак, оценка «серьезности» или «несерьезности» предмета общественных отношений для целей определения семантических пределов права должна осуществляться применительно не к общественным отношениям как таковым или их модели, а к предмету таких отношений. Предваряя последующие рассуждения, сразу выразим главную мысль: в случае если предмет таких отношений выражает «социально-валютную ценность» обобщенного символического посредника, то такой предмет следует квалифицировать как «серьезный», а если нет – то как «несерьезный». В контексте позиций современной социологии, а равно и самих Т. Парсонса и С. Абрutiна как ключевых авторов в рамках такого подхода, отличить один вид предметов от

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

другого, как минимум в теории, несложно – предмет должен не просто представлять собой какую-либо частную ценность (в том числе, материальную), а представлять собой выражение некой обобщенной ценности, которая при этом потенциально может быть конвертирована в другую ценность. Т.е. он должен быть *внешним референтом ценности* в терминологии С. Абрutiна.

Косвенно пояснить приведенный тезис может следующее рассуждение Х. Тревиньо. Как он отмечает,

«...возвращаясь к кажущемуся универсальным утилитаризму, воспринимающему, таким образом, слишком буквально аналогию денег в процессе символизации, Хоманс неявно отрицает значимость, если даже не существование, социетальной общности, укорененной в моральных ценностях. Хоманс принял деньги и их аналоги в социальном взаимодействии с наделением ценностей в целом, таким образом смешивая эквиваленты платежа или их аналоги с социальным одобрением, которое представляет собой полностью отличный посредник социального обмена, как проясняет Парсонс. Обосновывая свою собственную концепцию о том, что четыре посредника взаимодействия функционируют как *символические*, а не как просто материальные награды, Парсонс ссылается на исследование Джеймса Олдса. Олдс доказал посредством психологических экспериментов, задействующих животных, мотивы которых, предположительно, имитировали человеческие, что способность ценить символические награды, а не просто еду в качестве таковой, может быть обнаружена даже в лабораторных крысах».⁴³²

Далее в этом контексте Х. Тревиньо приводит следующую цитату Т. Парсонса:

«В моей терминологии, деньги и социальное одобрение представляют собой обобщенные символические посредники взаимодействия, а техническая помощь и еда – нет. Различие становится важным даже на уровне психологии поведения

⁴³² Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology / Ed. by A. Javier Treviño, Foreword by Neil J. Smelser. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. – P. 196.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

в том ключе, в котором Олдс и другие показали, что процессы обучения среди крыс могут быть вознаграждены посредством электрического стимулирования того, что Олдс называет механизмом удовольствия мозга вместо внутренне присущих “удовлетворителей потребности”, таких как отраженные в классической теории обучения Халла». ⁴³³

Обобщенное заключение о критерии серьезности было выражено автором настоящего исследования в статье «Компьютерные игры, “магический круг” и смысловые пределы права», которая в настоящий момент готовится к публикации по итогам научно-практической конференции «Компьютерные игры: культурные интерфейсы и социальные интеракции» (Социологический институт РАН и Лаборатория исследований компьютерных игр, 19-21 октября 2018 г.) следующим образом – приведем объемную цитату, принадлежащую самому автору, и оправданную контекстом:

«В контексте настоящей работы, таким образом, очевидно, что деньги («реальные» или «фиатные») не случайно выступили главным «запускающим элементом» для дискуссий о возможной степени вмешательства права в общественные отношения, складывающиеся в виртуальных мирах и многопользовательских онлайн-играх. Деньги – это и есть классический пример обобщенного символического посредника. Поэтому неудивительно интуитивное ощущение того, что в тех случаях, когда в «виртуальные» отношения вторгаются отношения, предметом которых являются «реальные» деньги, применение права возможно, ведь деньги сами по себе представляют собой обобщенный символический посредник, а значит ситуация в социологическом и, теперь, в юридическом смысле вполне серьезна. Однако есть и другие обобщенные символические посредники, соответствующие своим социальным подсистемам, а именно, если следовать только Т. Парсонсу – власть, влияние и обязательство, и гораздо больше разновидностей, если мы обратимся к работам С. Абрutiна. Также, полагаем, достаточно ясно, что в реальной социальной коммуникации, подобно тому как деньги выражаются в определенной форме (физические объекты – монеты, банкноты и т.п. или информация – сведения о состоянии банковского счета, электронного кошелька

⁴³³ Цит. по: Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology. – P. 196.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

и т.п.), хотя их значение при этом символично, и другие обобщенные символические посредники, для того, чтобы быть *сообщенными* или *выраженными*, нуждаются в какой-либо форме. В условиях современной информационной культуры и в свете задач настоящего исследования – это, прежде всего, информация в цифровом виде. И подобно тому, как деньги в смысле обобщенного символического посредника могут принимать самый разнообразный вид – не обязательно легитимированных монет и банкнот, но и выраженных в свободных формулировках договора обязательств – точно так же и власть, и, например, влияние могут быть выражены в совершенно конкретном предмете отношений – скажем, в сатирической карикатуре. Из всего этого следует, что не каждый такой предмет, объект или форма имеют «социально-валютную ценность».

Таким образом, **предметы отношений, а не сами отношения**, могут иметь или не иметь «социально-валютную ценность», то есть представлять собой способ выражения обобщенного символического посредника и выступать в качестве внешнего референта ценности. Если предмет имеет «социально-валютную ценность», то он должен рассматриваться как «серьезный», а если нет – то как «несерьезный». Это предопределяет один из двух критериев смысловых пределов права, которые, на примере толкования права, можно пояснить следующим образом. В случае если предмет «несерьезный» – т.е. он не выражает ни деньги, ни власть, ни влияние, ни обязательства, ни какого-либо иного обобщенного символического посредника – интерпретируя соответствующие правовые нормы мы с необходимостью входим в «область полутени», а если при этом, как будет показано далее настоящего исследования, структура предмета является «фантазийной», то мы движемся дальше и, пересекая «область полутени» сталкиваемся с абсурдом, где применение права невозможно, поскольку это противоречит здравому смыслу, разрушает правовую реальность и нарушает правила языковой игры под названием «право».

Сам же **«тест» на социальную валютную ценность**, в свете всего, что мы уже сказали, как представляется, должен состоять из двух обязательных элементов, применяемых последовательно. *Во-первых*, это наличие у предмета коммуникативного значения, определяемого контекстом социального взаимодействия. *Во-вторых*, это конвертируемость данного коммуникативного значения в произвольный обобщенный символический посредник. В теоретической социологии и политической науке с достаточной ясностью разработаны лишь два таких символических посредника – это деньги и политическая власть. Остальные несколько туманны, но это не имеет принципиального значения для работоспособности данного теста. Собственно, необязательно даже квалифицировать исходный предмет общественного отношения с точки зрения определенного вида обобщенных символических посредников, достаточно доказать его конвертируемость. Если, например, высказывание, содержащееся в игровом чате, по своим объективным качествам

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

соответствует признакам гражданско-правовой оферты (или *прото-оферты*, с учетом дискуссионности вопроса о возможности заключения сделок, связанных с виртуальным имуществом),⁴³⁴ то содержание такого высказывания или само такое высказывание может рассматриваться как предмет общественных отношений, который имеет коммуникативное значение, соотносимое с обобщенным символическим посредником.

Не менее ясно при таком подходе видится ситуация с иными символическими посредниками, не такими «прямолинейными», как деньги, например, с политической властью. Высказывание, которое содержит призыв участвовать в несанкционированном митинге, даже если оно содержится в игровом чате, разрывает «магический круг» по первому из критериев – серьезности предмета (о втором – дальше по тексту) – именно потому, что оно имеет социальную валютную ценность. Более тонкий пример в рассматриваемом контексте, однако, предполагает такое высказывание, которое само по себе не отсылает к очевидному – деньгам или митингу, – а представляет собой пример чего-либо менее явного. Вероятно, хорошим примером здесь может послужить *влияние*. Так, в игровом чате может произойти коммуникация, предполагающая создание института виртуальной социальной реальности, например, клана или гильдии. С точки зрения теоретической социологии, этот случай представляет собой именно пример использования влияния как части социального капитала организатора(-ов). Потенциально, влияние лидера хорошо функционирующего игрового «клана» может быть конвертировано и в деньги (например, на поддержание функционирования клана в качестве компенсации времени или расходов организатора), и в политическую власть (например, если лидер клана будет использовать свое влияние для того, чтобы члены клана приняли участие в какой-либо политической деятельности). Применение права в таких случаях уже не будет исключительно абсурдным, как это произошло бы в случае совершения рядовой «сделки купли-продажи» виртуального имущества по правилам и (или) с использованием механики игры

⁴³⁴ «Прото» (а не «квази», например) – поскольку такое сообщение может или не может являться офертой с точки зрения частных отраслевых подходов гражданского-права. Так, пользовательские соглашения, как правило, запрещают пользователям участвовать в обороте виртуального имущества за реальные деньги. Однако эта позиция не однозначна, поскольку такие случаи взаимодействия пользователей могут рассматриваться как примеры договоров возмездного оказания услуг (по совершению действий в отношении информационной системы – игры), которые, вероятно, в свою очередь, могут рассматриваться как находящиеся за пределами возможной юрисдикции пользовательских соглашений. Соответствующие положения таких соглашений могут в подобных ситуациях рассматриваться как ограничивающие гражданскую правоспособность пользователей и потому ничтожные. Тем не менее, для настоящего исследования важно не это, а то, что сам факт подобного рассуждения означает применение к указанным отношениям права, поскольку исходное высказывание имеет деньги (обобщенный символический посредник) в качестве референта. Поэтому разрешение ситуации частными инструментами гражданского права – это предмет собственно юридической аргументации, и обращаться к ним в игровом контексте уже не абсурдно именно в силу «валютной ценности» предмета рассматриваемых отношений, которая в данном случае прямо относится к деньгам как к обобщенному символическому посреднику.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

для удовлетворения внутриигровых потребностей персонажа игры. В подобных ситуациях необходимо учитывать и второй критерий – структурно-функциональной фантазийности предмета, о котором говорится далее в настоящем исследовании. Если функциональная структура виртуального предмета отношений фантазийна, то необходим процесс взвешивания ценностей либо аналогичные действия для оценки возможности применения реального права к такого рода отношениям. Если же предмет, будучи серьёзным, ещё и структурно-функционально адекватен, а не фантазиен, право может применяться без осуществления интеллектуальных процессов «взвешивания» ценностей – тогда это будет классический, обычный случай применения права, полностью соответствующий представлениям о здравом смысле».⁴³⁵

Представленный подход пересекается как с подходом самого Й. Хейзинги (творившего в целом как до появления цифровых игр, так и до пика развития концепции обобщённых символических посредников в теоретической социологии, однако ненамного опередившего Т. Парсонса своим трудом “*Homo Ludens*”) и его последующих интерпретаций в работах ключевых авторов из области игровых исследований. Например, Э. Кастронова пишет: «Игры определить сложно, но игровые исследователи, такие как Йохан Хейзинга и Рожер Кайуа идентифицировали их через понятие **иррелевантности** (выделено мною – *В.А.*). Для Хейзинги **ничто не может быть игрой, если оно подразумевает моральные последствия** (выделено мною – *В.А.*). Что бы ни происходило, если оно действительно значимо в этическом или моральном

⁴³⁵ См.: Архипов В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права // Сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции «Компьютерные игры: культурные интерфейсы и социальные интеракции» (Социологический институт РАН и Лаборатория исследований компьютерных игр, 19-21 октября 2018 г.) (статья принята к публикации, сборник в процессе подготовки). С интересом также отметим, что концепция «социально-валютной ценности» в представленной интерпретации органично соответствует актуальному рынку токенов, используемых в инструментарии **криптовалют и ИСО**. Более того, сам заимствованный термин «токен», используемый уже в современном смысле этого слова, является естественной метафорой предмета отношений, имеющего «валютную ценность» в смысле обобщённого символического посредника, ведь в этом и выражается предназначение токена. Этот пример представляется исключительно важным для обоснования актуальности подхода, предлагаемого в настоящем исследовании, в контексте медиального поворота.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

смысле, оно не может быть игрой. Напротив, он полагал, что игры – это места, где мы действуем только *как если бы*⁴³⁶ что-либо имело значение. Разумеется, отыгрывать [англ. “*play-acting*”] серьёзность может быть одной из наиболее составляющих функций конкретной игры. Согласно Хейзинге, если какое-либо последствие, в конечном счёте, действительно имеет значение, игра окончена. В действительности, единственный акт, подразумевающий моральные последствия, который может случиться в игре, это акт завершения игры, устраняющий ее атрибут «как если бы», разрушающий фантазию и тем самым полагающий конец коллективной иллюзии того, что игра имеет значение».⁴³⁷ Соответственно, теперь о главном: **«моральные последствия», на которые обращает внимание Э. Кастронова, анализируя игровой и неигровой характер отношений, есть не что иное как отсылка к одному из возможных обобщенных символических посредников и внешних референтов ценности.** В качестве сопутствующего комментария отметим, что то, что Э. Кастронова говорит об играх, подразумевая, в первую очередь, узкий пример многопользовательских ролевых онлайн-игр, в той же степени может быть применимо к случаям, где предметом общественных отношений выступает и иной (в смысле § 5 Главы 1 настоящего исследования) предмет.

К слову, «серьёзность» также вполне соотносится с понятием **общественной опасности** – еще одним «обманчивым общим местом» юридической догматики, которое выдается за самоочевидное, хотя исследования

⁴³⁶ Очевидна связь с философией “als ob” Х. Файхингера, на труды которого во многом опирался уже не раз упомянутый на страницах настоящей работы Л. Фуллер, по крайней мере, в своих трудах, посвященных юридическим фикциям.

⁴³⁷ Castronova E. The Right to Play // *New York Law School Law Review*. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 188–189.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

значения этого термина показывают обратное. Данный термин, ориентированный на социально-негативные явления, также не применим по определению к позитивным примерам реализации права в отношении виртуального пространства.

§ 3. Моделирование коммодификации как методология определения конвертируемой социально-валютной ценности

Поскольку один из основных обобщенных символических посредников – это **деньги**, неудивительно, что в процессе развития представлений о конкретной имплементации концепции семантических пределов права мы имеем все основания обратиться ни к чему иному как к экономическому анализу права. А поскольку *обезличенные символические посредники и (или) внешние референты ценности конвертируемы друг в друга, постольку каждый из них может быть конвертирован в деньги*. В связи с этим, все инструменты, позволяющие подсчитать денежный эквивалент чего-либо с необходимостью составляют часть методологии определения конвертируемой социально-валютной ценности. Данный подход логически верен, и он работает, однако мы должны **предостеречь, вслед за С. Абриутиным, от одностороннего понимания природы обобщенных символических посредников**. Дело в том, что во многих случаях конвертируемость обобщенных символических посредников в деньги останется навсегда *умозрительной*, а в другой значительной части случаев такая конвертация будет при этом также и *аморальной* – в теории религиозное благочестие может быть конвертировано в деньги, и такое даже, бывает,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

происходит на практике, но это чаще всего социальная патология. Деньги можно считать «главным» обобщённым символическим посредником только в рамках узкой капиталистической парадигмы. В действительности, историко-социологический анализ показывает, что разным обществам и культурам на разных этапах существования характерны различные обобщённые символические посредники. Это, однако, не исключает теоретической возможности применения экономического анализа ко всему, что потенциально имеет социально-валютную ценность, согласно первоначальной интуитивной гипотезе.

Нас при этом интересует вопрос о том, **какой именно предмет общественных отношений** должен анализироваться с точки зрения концепции семантических пределов права, чтобы сделать вывод о его серьёзности или несерьёзности, изоморфности или фантазийности, а затем о возможности толкования и применения права таким образом, чтобы предмет подпадал под область правового регулирования, если речь идет о «пограничных ситуациях» в толковании права (для разработки новых правовых норм нас главным образом интересует лишь вопрос о серьёзности или несерьёзности предмета). Ответ на этот вопрос мы также можем найти в экономической теории. Наглядный, немного [намеренно] наивный, но точный учебник «Азы экономики» подсказывает в ответ на возражение «нет вещей, стоимость которых нельзя измерить, причем денежные единицы являются универсальным измерителем, а не конечной целью» следующее:

«Наверняка вам не раз приходилось слышать утверждение, что жизнь бесценна. Однако частенько мы с вами рискуем этим сокровищем. Покупая более дешевые,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

но менее качественные продукты, выбирая не самые надежные, но доступные транспортные средства, проживая в загазованном центре города рядом с работой или просто переходя дорогу на красный свет, потому что не хотим ждать зеленого сигнала светофора, мы подвергаем себя дополнительному риску. Лишняя минута ожидания оказывается для нас дороже стоимости жизни, помноженной на риск ее потерять под колесами автомобиля. В чем же дело? В необходимости выбора. Вы помните, что ресурсы, которыми располагает отдельный человек и общество в целом, ограничены, и поэтому для того чтобы получить что-то одно, необходимо пожертвовать чем-то другим. В этом смысле все имеет свою цену. То, чем приходится жертвовать, и есть цена того, что мы хотим получить».⁴³⁸

Предмет в данном случае – это, вероятно, и не бесценная человеческая жизнь как таковая, а то, в отношении чего мы определяем цену. Подчеркнем, однако, что нам интересны в целом не абстрактные экономические модели стоимости произвольного объекта (такие модели, действительно, можно строить в отношении чего угодно – но тогда, кстати, тоже возникнет вопрос об абсурде, но уже не в экономике, а в праве), а денежной стоимости, или же стоимости в условной системе оценки, характерной для иных определенных **обобщенных символических посредниках**.

На примере компьютерных игр, таким образом, получается, что игра в компьютерные игры – это иногда (но не всегда и не во всем) предмет рационального выбора между удовольствием и здоровьем, удовольствием и *временем*, которое можно уделить карьере или любви и т.п. Поэтому в данном случае непосредственный предмет общественных отношений (который может быть оценен экономически, конвертирован в деньги, а затем – в иные внешние референты ценностей обобщенных символических посредников) – это не

⁴³⁸ Бойко М. Азы экономики. – М.: Издатель «Книга по Требованию», 2015. – 470 с. [Электронное издание] // Азы экономики. – [Сайт]. – URL: http://azy-economiki.ru/docs/the_basics_of_Economics.pdf/ (дата обращения: 06.02.2019). С. 12-13.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«компьютерные игры в целом», не «игра в компьютерные игры как таковая». Специальный предмет отношений, который может регулироваться правом без нарушения семантических пределов, это время, которое человек, у которого при этом есть какие-либо установленные правом обязанности, проводит в компьютерной игре. Например, запрет на игру в рабочее время абсурдным не будет. Запрет на игру в нерабочее время – это предмет «взвешивания» конституционных ценностей. В условиях, когда гарантируется право на отдых, свобода информации и право на доступ к культурному наследию аналогичный запрет в нерабочее время не будет правомерен – но это «вторая» область семантических пределов права, в которой осуществляется такое «взвешивание». А вот запрет на осуществление определенных действий внутри самой игры, если эти действия не подразумевают потенциальной конвертации внешних референтов ценности (например, выбор внутриигрового пути развития игрового персонажа как часть игрового процесса) будет уже в чистом виде абсурдным, как и запрет или иное регулирование процесса получения эстетического удовольствия от игры как такового. Примеры можно соответствующим образом развить и продолжить.

При этом если деньги – это обобщенный символический посредник, то внешний референт ценности – это товар. Если специальный предмет общественных отношений может быть **теоретически коммодифицирован, то он может регулироваться правом**, поскольку это подтверждает его положение как внешнего референта ценности. Поэтому, если отталкиваться от денег как основного иллюстративного (но не принципиального и не единственного

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

возможного) примера, нам также необходимо обратиться к **концепции коммодификации**.

Словарное определение термина указывает, что это

«...процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке. Теоретическим основанием данной идеи являются работы Карла Маркса, утверждавшего, что капитализм представляет собой саморасширяющуюся экономическую систему, которая требует все большей коммодификации. Капитализм, таким образом, ведет к вытеснению духовных или человеческих ценностей денежными».⁴³⁹

Подчеркнем, однако, что в рамках настоящего исследования, социологической теории обобщенных символических посредников и сопутствующего модельного агностицизма, коммодификация как инструмент определения семантических пределов права вовсе не направлена на вытеснение духовных или человеческих ценностей – использование «метода коммодификации» сугубо инструментально. Можно, напротив, не трансформировать иные внешние референты ценностей в товары, а наоборот – классифицировать товары с точки зрения альтернативных систем обобщенных символических посредников (например, политической власти или любви). В социальной реальности и, тем более, в теоретическом моделировании эти системы вполне могут сосуществовать как «кадры» (англ. “*frames*”) в игровых исследованиях, между которыми можно переключаться по мере необходимости.

⁴³⁹ Определение дано в следующем издании: Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – М.: Экономика, 2004. Цит. по: Коммодификация. Что написано в словаре [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка». – [Сайт]. – URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification> (дата обращения: 06.02.2019 г.).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Возвращаясь к коммодификации как таковой, несколько удачных примеров приводит Е. Короткова:

«Коммодификация пространства, если отвечать коротко, — это превращение пространства в товар, определение его стоимости, продажа, покупка и так далее. Вы продаёте уже не просто дом, а дом в конкретном месте. И по сути дела это пространство становится таким же товаром, как и недвижимость. В этом смысле коммодификация пространства и джентрификация — смежные понятия. Вы превращаете само пространство в товар, дорогой товар, и из-за его высокой цены жители не самых современных и новых домов уже не могут себе позволить жить в этом месте. То есть на саму квартиру им хватает, а на «пространство» уже нет... Одним из более современных примеров коммодификации пространства являются платные парковки на улицах Москвы. По сути дела, товаром стало то, что раньше вообще не считалось чем-то определённым, — свободное парковочное пространство. Теперь же вы его арендуете у города за определённую плату. Аналогичная история со сдачей в аренду участков тротуаров под летние веранды кафе: стало торговаться и обмениваться на деньги то, что раньше считалось изначально и всем данным (бесплатным)».⁴⁴⁰

При таких исходных посылах несложно заметить, что в «*нормальной ситуации*» (в ситуации, когда отсутствуют основания для постановки интуитивной гипотезы о нарушении семантических пределов права) само право и, прежде всего, гражданское право выступает прямым **инструментом**

⁴⁴⁰ Коммодификация. Что говорят эксперты / Е. Короткова [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка». – [Сайт]. – URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification> (дата обращения: 06.02.2019 г.). О возможности «посчитать» экономическую ценность отдельных юридических артефактов писал и Р. Познер (что неудивительно в контексте методологии экономического анализа права): «С экономической точки зрения совокупность прецедентов в праве является основным капиталом, а именно запасом знаний, который приносит пользу в течение многих лет потенциальным участникам споров в форме информации о правовых обязательствах. Капитальные блага обесцениваются; ценность оказываемых ими услуг снижается с течением времени. Это может происходить либо от физического износа блага, либо от его морального износа – изменения среды, которое снижает ценность предоставляемых благом услуг. Первый тип амортизации не важен в случае информации, последний же имеет значение. Правовое регулирование несчастных случаев, которое было разработано для ситуаций столкновений экипажей на конной тяге, имеет меньшую ценность в применении к ситуациям столкновений автомобилей». См.: Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. – Т. 2. – С. 719.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

императивной коммодификации. Например, институт интеллектуальной собственности непосредственно коммодифицирует творчество. Но этот взгляд привычен и не вызывает удивления. Более интересным может показаться вывод о том, что институт **возмещения морального вреда** представляет собой опыт коммодификации иных обобщенных символических посредников – следуя реальной практике, речь здесь может идти о широком круге примеров, от здоровья и знания до любви и верности.

В завершение данного параграфа еще раз подчеркнем, что моделирование коммодификации – это теоретический инструмент, а не ответ на вопрос о природе отношений. В ходе обсуждения данной работы одним из конструктивных критиков был предложен следующий и отчасти провокационный вопрос. Если наличие конвертируемой социально-валютной ценности является признаком, объясняющим почему применять или создавать право не абсурдно, то каким образом данный подход работает в отношении уголовно-правового запрета в отношении деяний, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности? Выражает ли в таком случае какую-либо социально-валютную ценность насилие, составляющее объективную сторону соответствующих деяний? Ответ – нет, не насилие. В смысле методологии, развиваемой в настоящем исследовании, в качестве предмета отношений следует рассматривать половую свободу и неприкосновенность сами по себе – в данном примере именно они будут наделены социально-валютной ценностью. Такая ценность, действительно, может быть теоретически конвертирована в деньги (понятным способом), и, хотя подобная конвертация будет аморальной, она работает как теоретический инструмент.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В завершение параграфа отметим, что писал на тему конвертации сам С. Абрютин.

«Говоря в общем, в идеальном мире, ОСП (обобщенные символические посредники – *В.А.*) будут циркулировать рядом друг с другом без существенного напряжения: священнослужителям платят зарплату и, таким образом, *деньги* в форме жалования будут циркулировать рядом со *священностью/благочестием*, но находиться на безопасной дистанции друг от друга. Логика религии, иными словами, всегда будет отличаться от логики экономики».⁴⁴¹

Однако автор подчеркивает, что в реальной жизни так бывает не всегда. *Во-первых*, «если два ОСП с *той же* модальностью ориентации циркулируют один за другим, и чужеродный ОСП доминирует над исконным, мы можем говорить о *коррупции*».⁴⁴² Очевидным примером коррупции является случай, когда в политике или праве такой ОСП как *деньги* используется вместо *политической власти* или *справедливости* соответственно. *Во-вторых*, когда смешиваются уже различные модальности ориентации, и инструментальная начинает доминировать над моральной, можно ставить вопрос о «загрязнении» (англ. “*pollution*”):

«*Деньги* или связанные с ними внешние референты ценности, например, детские игрушки, могут рекламироваться работающим матерям как решение для проблем со временем, препятствующим им давать *любовь* и *верность* своим детям в нормативно предписанном ключе. *Любовь* в такой ситуации становится слугой *денег*, поскольку культурные и материальные компоненты последних конкурируют с любовью или заменяют ее в реальных социальных отношениях».⁴⁴³

⁴⁴¹ Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. – 2015. – Vol. 51. – No. 3. – P. 460.

⁴⁴² Ibid. P. 461.

⁴⁴³ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 4. Критерий структурно-функциональной адекватности или «фантазийности» предмета общественных отношений

Как следует из всех приведенных ранее рассуждений, критерий «серьезности» предмета общественных отношений убедительно подходит для случаев, в которых необходимо определиться с тем, допустимо или нет распространять правовое регулирование на какие-либо «новые» предметы общественных отношений (примером которых, как мы увидим позже, могут выступать, в частности, умные роботы, оборотоспособные большие данные и другие феномены цифровой экономики). Однако в случае с «пограничными ситуациями» толкования права, иными словами – «областью полутени», для которой характерно наличие определенных правовых норм, которые потенциально применимы или же не применимы к новым общественным отношениям, возникает проблема следующего характера. Если мы принимаем в качестве единственного критерий серьезности, у нас нет четкого способа определить, какой из существующих правовых норм такой «серьезный» предмет соответствует. Если же мы попробуем использовать альтернативный критерий соответствия между интересующим нас предметом и его описанием в гипотезе или диспозиции правовой нормы также как единственный, то не достигнем ясности в вопросе о том, стоит или нет все же распространять данную норму на такой новый предмет.

Указанная выше проблема была сформулирована при анализе уже не раз упоминавшегося на страницах настоящей работы примера с блокировкой сайта с

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

выдуманном (игровым) рецептом «динамита» в игре *Minecraft* на основании общих, не содержащих конкретных критериев оценки, норм. Ход рассуждения был следующим. Допустим, за основной критерий для разрешения коллизии мы принимаем тот факт, что указанный «рецепт» никак не связан с каким-либо социальным институтом в социально-конструкционистском смысле (такой подход был отражен в первоначальной гипотезе). Даже если мы разовьем такое первоначальное представление до уровня конкретизации, предполагающего оценку конвертируемой «социально-валютной ценности», у нас могут возникнуть противоречия: да, сам по себе «рецепт» такого динамита не может использоваться для создания реального взрывчатого вещества, но при этом игра, в которую играют миллионы людей по всему миру, хотя бы в каком-то ракурсе не может не иметь конвертируемой социально-валютной ценности, да и множество игроков создает и поддерживает социальные институты, связанные исключительно с изготовлением предметов в виртуальном мире (т.е. социальные институты есть). Тупик. Теперь попробуем подойти к проблеме с иной стороны. Допустим, дело только в том, что рецепт динамита не настоящий (забегая вперед – «фантазийный» или лишенный структурно-функциональной адекватности). Попробуем построить аргументацию от противного. Если бы рецепт динамита был настоящим, может ли это безусловно говорить о том, что сайт должен быть заблокирован? Подчеркнем, что речь идет об отсутствии прямых законодательных критериев для блокировки такого рода информации, в отличие, например, от отдельных ситуаций с наркотическими средствами. Но и здесь что-то не так – если рассматривать данный случай в качестве иллюстрации широкого круга случаев потенциально незаконной и (или) общественно опасной

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

информации, то необходимость блокировки неочевидна – например, можно представить, что распространение такой информации по каким-то причинам будет рассматриваться как допустимое. При таком повороте рассуждения вопрос трансформируется в целом в вопрос о том, можно ли ограничивать распространение художественной (несерьезной, игровой – имитирующей) информации, которая содержит отсылки к реальным предметам, или же это будет противоречить принципу свободы творчества? При такой постановке вопроса становится ясно, что в «пограничных ситуациях» толкования права критериев, в действительности, должно быть два, и они должны применяться одновременно. Именно с этим и связано развитие на страницах настоящего исследования второго критерия – структурно-функциональной адекватности.

Отметим, что при этом «синтаксический абсурд» (абсурд с точки зрения формальной логики) является **одним из частных случаев** отсутствия структурно-функциональной адекватности, т.е. «фантазийности» предмета общественных отношений в рамках концепции семантических пределов права. Это как бы наиболее очевидный случай. Если есть противоречие между выражением, описывающим предмет центрального значения правовой нормы и выражением, описывающим предмет спорных общественных отношений, при том, что оба они взяты в одном ракурсе рассмотрения, то абсурд налицо. Проблема возникает там и тогда, когда такое противоречие неочевидно (правила синтаксиса не дадут нам ответа на вопрос о том, почему конкретно в данном случае есть противоречие – ведь нам интересен вопрос семантики, а формальная логика не содержит инструментарии определения семантических соответствий – она содержит *правила формализации* таковых) либо в принципе, на уровне

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

формализации, отсутствует. Именно с этим мы сталкиваемся в случае с семантическим абсурдом второго уровня, особенно если рассматриваем эмпирические примеры правовых коллизий, связанных с виртуальным пространством. Тем не менее, поскольку даже на этом этапе мы не оставляем в стороне логический анализ полностью, появляется гипотеза о том, что структурная или структурно-функциональная, как нам покажет дальнейший анализ, адекватность предмета также должна учитываться при определении семантических пределов права. В свою очередь, противоположным понятию структурно-функциональной адекватности нам видится понятие «фантазийности», используемое пока в праве преимущественно в узкоспециальном смысле качества инновационности содержания товарных знаков.

Что такое «фантазийность»? Для начала попробуем пойти от обратного. Так, например, автор статьи «Категория фантазийности в науке» Н.Н. Меньшикова отмечает, что фантазийность является «одной из мыслительных категорий участвующих в познании как реального, так и вымышленного миров».⁴⁴⁴ Как отмечает Н.Н. Меньшикова, категория фантазийности может трактоваться в широком и в узком смысле. В широком смысле фантазийность «отражает способность языка и мышления к выявлению существенных характеристик реального мира посредством обращения к внутреннему субъективному индивидуальному миру человека».⁴⁴⁵ В узком смысле фантазийность «связана с художественным вымыслом, с литературными

⁴⁴⁴ Меньшикова Н.Н. Категория фантазийности в науке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 36. – С. 95.

⁴⁴⁵ Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

жанрами, а также со стилями в живописи и архитектуре (понятие «фантастической» архитектуры у П. Флоренского)».⁴⁴⁶ В качестве основного подхода для рассмотрения автор избирает широкую трактовку фантазийности. Однако такой подход не позволяет прояснить смысл термина «фантазийность» в контексте настоящего исследования, поскольку он фактически подразумевает отождествление терминов «фантазийный» и «воображаемый», а мы бы предпочли обозначать этими терминами разные вещи: воображаемое,⁴⁴⁷ опять же, в широком смысле относится к свойствам сознания, предполагающим, в том числе, реконструкцию объекта в сознании, а такая реконструкция не обязательно будет фантазийна. Весьма характерна, в этом смысле, цитата П. Рикера, которую приводит Н.Н. Меньшикова:

«Воображать – это не значит обладать ментальным изображением чего-либо, но значит проявлять связи путем изображения».⁴⁴⁸

Опять же, отметим, что здесь мы говорим в большей степени о прояснении конвенциональных терминов в контексте именно настоящего исследования, а не о попытке выявить некое «объективное» значение терминов, которое не факт что существует.

Представляется, что большими перспективами обладает описание критерия структурно-функциональной адекватности или фантазийности функциональной структуры предмета общественных отношений через

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ В контексте настоящего исследования «воображаемое» – это виртуальная модель реального предмета.

⁴⁴⁸ Там же. С. 99.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

разновидность корреспондентной концепции истины в логике, отсылающей к изоморфизму.⁴⁴⁹ Как отмечает Е.В. Бакеева,

«...все меняется в тот момент, когда сам этот инвариант (вместе со своими онтологическими предпосылками) оказывается под вопросом. Эта проблематичность лишает убедительности сразу все концепции истины, сформулированные в рамках гносеологической установки. Первая и основная из них – корреспондентная – обнаруживает свою сомнительность ровно постольку, поскольку теряет устойчивость понятие реальности. Начавшийся уже в эпоху научной революции рубежа XIX-XX вв. процесс виртуализации реальности достигает спустя столетие той точки, в которой неопределенность оказывается основной характеристикой сущего. Текучая, «мерцающая», непредсказуемая реальность больше не в состоянии играть роль того образца, с которым сверяется знание. Любая попытка определить *соответствие* знания и реальности неминуемого наталкивается здесь на необходимость некоего дополнительного действия: установления или конструирования того самого образца (или образа реальности), с которым будет сопоставляться знание».⁴⁵⁰

Нам, однако, очень повезло, что мы имеем дело с правом, которое при этом объясняется социальным конструкционизмом, поскольку «установление или конструирование того самого образца, с которым будет сопоставляться знание» уже состоялось, и определяется принципом «социально-валютной ценности» предмета виртуальной правовой нормы.

С точки зрения логики, *интерпретационные* суждения в юриспруденции («является» ли факт А предметом правовой нормы В) могут обладать качеством истинности или ложности. В такого рода суждениях субъект и предикат – это

⁴⁴⁹ При применении данной концепции к структурно-функциональным особенностям предмета правоотношений применяется комплекс идей и интерпретаций, существенно не выходящий за пределы общих мест науки логики, как, например, они описаны в следующем исчерпывающем обобщении: Marian D. The Correspondence Theory of Truth [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – [Site]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence/#6> (accessed: 03.10.2018).

⁴⁵⁰ Бакеева Е.В. Онтологическая концепция истины в контексте постнеклассической научной рациональности // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 12.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

исследуемый предмет отношений и «виртуальный» предмет правовой нормы, соответствующий семантическому пространству значений, определяемых «валютной ценностью». Местоположение указанных предметов в системе суждения (что является субъектом, а что – предикатом) не влияет на принципиальное значение логической операции. И именно в смысле такой операции нас интересует изоморфная интерпретация теории корреспондентной истины. Можно теоретически смоделировать, например, следующие суждения, проясняющие такую логику: «Номер мобильного телефона [предмет отношений] является персональными данными [«виртуальный» предмет правовой нормы]...»; «договор [предмет отношений] является сделкой [«виртуальный» предмет правовой нормы]...» и т.д. И в рассматриваемой нами области, например, конкретно: «Убийство персонажа компьютерной игры [предмет отношений] не является убийством, предусмотренным ст. 105 УК РФ [«виртуальный» предмет правовой нормы]...». Вторая часть последнего логического суждения: «...потому что убийство персонажа компьютерной игры [по общему правилу] не имеет «социально-валютной ценности» и фантазийно». Или же, напротив, реконструкция альтернативного примера: «Неавторизованное удаление персонажа компьютерной игры [предмет отношений], приобретенного за реальные деньги, составляет причинение имущественного ущерба [«виртуальный» предмет правовой нормы], потому что такой персонаж имеет «социально-валютную ценность», конвертируемую в деньги как обобщенный символический посредник и структурно-функционально адекватно причинению ущерба посредством неправомерного удаления информации, поэтому право может применяться к данным отношениям». Перефразируя Гарского, язык права

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

– это метаязык обыденного языка, основанный на изоморфной корреспондентной концепции истины.

На примере «насилия» в компьютерных играх (в том числе, в киберспорте) достаточно наглядно видна проблематика выявления структурного соответствия между высказыванием о насилии как части субъективно-объективной социальной реальности и высказыванием о насилии, который составляет событие компьютерной игры – об этом мы уже говорили в § 3.2 Главы 1 настоящего исследования, но приведем еще одну иллюстрацию. Как, например, отметил Президент Федерации компьютерного спорта России Д.В. Смит:

«Самая популярная игра в российском киберспорте – это Dota2. В ней соревнуются в командах по пять человек. Игра длится около часа и включает предыгровую подготовку, где ребята подбирают себе персонажей, которые смогут успешно противостоять соперникам. Её часто обвиняют в жестокости и насилии. Да, Dota — игра с фантазийными персонажами, которые насылают друг на друга заклинания и бьют мечами по голове. Но, во-первых, всё это идёт не от первого лица, а трёхмерно, — выглядит как обычный мультфильм. Во-вторых, для профессионального киберспортсмена эти визуальные детали не имеют значения. *Он воспринимает свой персонаж как набор цифр и функций — сколько у него жизней, оружия, навыков, эффектов* (выделено мною – **В.А.**). В каждой графической игре можно выставить минимальные визуальные настройки, большинство профессиональных игроков делает именно так: им важна информация, а не красота».⁴⁵¹

В контексте настоящего исследования и в рассматриваемом ракурсе данное мнение можно считать иллюстрацией отсутствия структурно-функциональной адекватности между двумя указанными ранее высказываниями.

⁴⁵¹ Смит Д.В. «Для ребенка, который проводит много времени за компьютером, киберспорт – это выход» // Мел. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://mel.fm/mneniye_eksperta/7604295-esport (дата обращения: 21.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В некотором смысле, изоморфность функциональной структуры предмета общественных отношений – не столько критерий применимости права, сколько инструмент отбора предметов правового регулирования. В рамках системного теоретического анализа мы изучаем сложный фактический состав общественных отношений и определяем предметы, изоморфные «виртуальным» предметам правоотношений, моделируемым нормами действующего права. Практический смысл использования критерия изоморфности, в том числе, выражается в том, чтобы определить, есть ли предметы, которые соответствуют известному значению правовой нормы, последовательно изучив весь фактический состав общественного отношения. Если такие предметы есть, то и социально-валютная ценность тоже есть (исходим из презумпции социально-валютной ценности в отношении тех предметов, которые подпадают в область «центрального значения» правовой нормы в хартовском смысле). А вот если таких предметов в фактическом составе при первом приближении нет, тогда нужно использовать специальный тест на социально-валютную ценность.

При этом что нас интересует – это фантазийность именно **функциональности** объекта в связи со структурой его виртуальной репрезентации (поэтому-то и используется термин «структурная функциональность»). Понятно, что в примере с Minecraft динамит вымышленный, даже если рецепт настоящий. Но, все же, если его рецепт настоящий, т.е. на его основе можно сделать реальный динамит, – эта информация может иметь последствия для реального мира, и тем самым предмет «реален» с точки зрения, собственно, функциональности его структуры. Л. Манович выделял четыре ключевых составляющих объектов новых медиа –

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

фрактальность, автоматизация, вариативность, транскодирование (см. § 4 Главы 1). В таких условиях сложно оценивать адекватность *структуры* как таковой – все переменчиво (все есть не бытие, а становление), но можно вполне оценить адекватность функциональных аспектов такой структуры. Перефразируя расхожее выражение, «если нечто ведет себя как собственность – это собственность». Подчеркнем, что виртуальная собственность, которая выступает предметом оборота за реальные деньги, таким образом, в рамках предлагаемой модели является не фантазийной, а является вполне реальной.⁴⁵² С учетом методологии, нельзя сказать, что объекты виртуальной собственности фантазийны – они вполне реальны, если под фантазийностью не понимать гражданско-правовую «вещность», а оборотоспособность. Иначе мы с легкостью могли бы сказать, что такими же фантазийными являются безличные деньги, бездокументарные ценные бумаги и огромное количество других, уже ставших привычными объектов гражданских прав, которые можно, с некоторой долей условности, метафорически⁴⁵³ обозначить как *res incorporales*. То есть, в каком-то смысле, они, конечно, и фантазийны, но не в социолого-правовом – это вполне реальные объекты intersубъективной социальной реальности, так же, как и виртуальная собственность во многих онлайн-средах.

⁴⁵² Пример с виртуальной собственностью, которая выступает предметом оборота за реальные деньги, пожалуй, наиболее удачен – в случае с ней очевидна и конвертируемая социально-валютная ценность, и структурно-функциональная адекватность.

⁴⁵³ Автор наивно полагает, что такое количество оговорок уберезет его от критики цивилистов, в область экспертизы которой он неловко заступает.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

§ 5. Теоретическое моделирование применения критериев серьезности и структурно-функциональной адекватности

Практическая программа, вытекающая из содержания и выводов настоящего исследования, заключается в том, чтобы предоставить принцип построения аргументации и сами аргументы для правоприменительных и интерпретационных решений в «области полутени», а также законотворческой деятельности в инновационных областях, относящихся, прежде всего, к последствиям медиального поворота и его составляющих.

С прагматической точки зрения, словесную итоговую точку юридической аргументации изменять, возможно, и не потребуется (имеется в виду формулировка по принципу «это абсурдно»). Если оценивать ситуацию с точки зрения социологии, отсылки к абсурду воспринимаются как самодостаточные, если они соответствуют здравому смыслу (т.е. отсутствует хотя бы один эксплицитный контраргумент выводу об абсурдности). Здравый смысл при этом – это соответствие социальной реальности повседневности, которая состоит из внешних референтов ценности.

Попробуем теперь оценить применение концепции к отдельным репрезентативным примерам. В связи с тем, что настоящее исследование сосредоточено, в первую очередь, на проблемах «области полутени» права в условиях медиального поворота, первые из примеров будут относиться к инновационным феноменам виртуальных миров.

Подчеркнем, что указанное теоретическое моделирование является условным и предварительным, а не окончательным, поскольку для однозначного

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

вывода по каждому конкретному случаю целесообразно проводить эмпирическое исследование в области социологии и (или) экономики. Примеры такого рода теоретического моделирования, в действительности, распределены по тексту работы, поэтому остановимся лишь на некоторых из них.

Три варианта *первого примера* связаны с темой, ставшей уже классической в юридических работах, связанных с игровыми исследованиями, – речь пойдет о виртуальной собственности. Оценка осуществляется в «пограничной области» толкования права.

Пример № 1 (Вариант А). *Виртуальная собственность в онлайн-играх (свободное обращение).* Рассмотрим обобщенный пример правовых коллизий, связанный с оборотом объектов в симулируемых компьютерными средствами виртуальных средах, которые одновременно выступают предметом оборота за реальные деньги.⁴⁵⁴ Для целей данного примера (Вариант А) рассмотрим ситуацию, в которой виртуальные объекты после приобретения могут **отчуждаться и свободно обращаться** между игроками за реальные деньги далее.

Специальным предметом отношений в данном случае выступает некий объект, «существование» которого имитируется в виртуальной среде. Он может быть приобретен пользователем за реальные деньги у игровой компании и (или) у другого пользователя. Для целей данного мысленного эксперимента мы не рассматриваем отраслевые вопросы правовой квалификации, а стремимся дать

⁴⁵⁴ Подробное описание таких механик приведено автором ранее, в том числе, в следующей статье: Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – № 9. – С. 69–90.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

принципиальную оценку тому, будет ли абсурдным или нет применять право к такому объекту.

В свете предложенной методологии виртуальный объект рассматривается как внешний референт ценности (далее – «ВРЦ»), который выражает ценность, соответствующую такому обобщенному символическому посреднику (далее – «ОСП») как *деньги*. Поскольку деньги – «безусловный» ОСП, уже на этом основании мы можем сделать вывод о том, что предмет «серьезен». Так как удовлетворен один из критериев семантических пределов права, как минимум, возможно применение процедур «взвешивания» правовых ценностей для того, чтобы определить возможность применения права – иными словами, вмешательства права в определенные общественные отношения. Само по себе применение права абсурдным уже не будет.

Но насколько предмет «реален»? Для оценки «реальности» предмета проведем оценку структурно-функциональной адекватности предмета одному из предметов, входящих в «центральное значение» интересующей нас правовой нормы. Это могут быть, например, нормы гражданского или уголовного права об имуществе. Допустим, нами установлено, что виртуальный предмет используется в рамках сложившихся социальных практик функционально так же, как и имущество – это возможно именно за счет того дополнительного условия, что данный объект может свободно обращаться между игроками и впоследствии. Именно данное обстоятельство свидетельствует о структурно-функциональной адекватности специального предмета «виртуальных» отношений тому предмету, на который ориентированы соответствующие правовые нормы.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В данных условиях у нас нет препятствий для того, чтобы данный предмет регулировался правом (что, например, может предполагать создание специальных норм или применение норм по аналогии) – это теперь будет не только не абсурдно, но и не будет затрагивать вопросы соотношения каких-либо ценностей, например, с точки зрения моральной философии.

У такого примера есть, как минимум, два практических значения. *Во-первых*, он представляет собой философско-правовое обоснование легитимности постановки вопроса о правовой квалификации виртуальной собственности как таковой – в том ключе, как это, например, проделал А.И. Савельев.⁴⁵⁵ *Во-вторых*, указанный подход, хотя и не содержит конкретных ориентиров относительно того, какую именно действующую юридическую конструкцию применять к виртуальному объекту (или какую конструкцию необходимо разработать), он принципиально отвечает на вопрос о том, что такого рода отношения не могут быть исключены из объема правового регулирования, например, на основании п. 1 ст. 1062 ГК РФ, согласно которой требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением узкого круга специально определенных и не относящихся к предмету дискуссии требований. Предмет «серьезен» и «реален», а потому не относится к изолированному игровому миру как таковому.

Пример № 1 (Вариант Б). *Виртуальная собственность в онлайн-играх (только приобретение у провайдера игры).* Если мы изменим условие о свободном обращении, представленное ранее в случае с Вариантом А первого

⁴⁵⁵ См.: Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

примера, и будем изучать случаи, в которых предмет за реальные деньги может быть **только приобретен у провайдера игры**, но не может выступать в качестве «оборотоспособного» объекта на «вторичном рынке», что изменится? Предмет общественного отношения утратит качество «реальности», если мы будем сопоставлять его с таким регулируемым правом предметом как собственность или имущество.

В таких условиях, однако, предмет по-прежнему будет представлять собой ВРЦ в отношении денег как ОСП, применять право к отношениям с ним абсурдно не будет, однако вопрос о том, применять ли к нему право или нет, должен будет решаться, исходя из взвешивания правовых ценностей. На данный момент на практике в таких случаях, именно в разрезе имущественного аспекта (а не налогового) такой подход выражается в делах, в том числе, упомянутых в настоящем исследовании, в которых суды занимали позицию о квалификации отношений между игроком и игровой компанией исходя из лицензионного договора.

Пример № 1 (Вариант В). *Виртуальная собственность в онлайн-играх (связь с реальными деньгами отсутствует)*. Вариации примера с виртуальной собственностью были бы неполными, если бы мы в теоретических целях не рассмотрели бы еще один пример – случаи с виртуальным имуществом, которые относятся **исключительно к «плоскости имитации»**, характерной для виртуальной реальности. Виртуальные предметы такого вида не могут обращаться за реальные деньги в отношениях с другими пользователями и при этом не приобретаются у игровой компании. Они относятся сугубо к игровому, вымышленному миру.

© Архипов Владислав Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В данном случае одновременно отсутствует и «серьезность», и «реальность». Сам по себе виртуальный предмет не связан с ОСП – он не является ВРЦ, по крайней мере, в рассматриваемом ракурсе, связанном с собственностью. При этом функциональная структура предмета фантазийна по отношению к собственности, имуществу и аналогичным концепциям. Применение права к данному специальному предмету общественных отношений, который мы оцениваем именно в специфическом «проприетарном» ракурсе будет по определению абсурдно.

Пример, наглядно поясняющий отличие этого случая от предыдущих, был представлен автором ранее на примере *World of Warcraft*:

«Допустим, игроки... договорились об определенном варианте распределения добычи, полученной в результате победы над драконом *Deathwing*. Лидер рейда отказался распределять добычу данным образом и забрал все себе. Игроки обратились в суд общей юрисдикции с требованием о понуждении лидера рейда к распределению добычи в соответствии с изначальной договоренностью, с утверждением, что она (договоренность) представляет собой непоименованный гражданско-правовой договор».⁴⁵⁶

Оценка примера с точки зрения концепции семантических пределов права, однако, может измениться при соответствующем изменении условий, возвращающих рассматриваемую ситуацию в контекст предыдущих примеров – это зависит как от возникновения определенных ВРЦ в системе отношений, так и от того, какой именно специальный предмет отношений мы выделяем с точки зрения его соответствия уже урегулированным правом отношениям.

⁴⁵⁶ Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – № 9. – С. 77.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Второй пример относится к области, которая уже стала предметом дискуссии на высоком государственном уровне в ЕС. Пример также относится к «пограничной области» толкования права.

Пример № 2. *Распространение законодательства об азартных играх на «лутбоксы».* В игровой индустрии термин «лутбокс» (англ. – “*loot box*”, т.е. букв. «коробка с добычей») означает игровую механику, предполагающую связь с реальными деньгами и опорой на азарт в широком смысле слова. Пользователь приобретает «сундук» или иной функционально схожий объект за реальные деньги, открыв который он получает случайный внутриигровой объект, как правило случайной ценности. Пользователь может получить как очень ценный объект, так и очень дешевый.

Лутбокс как артефакт социальной коммуникации подобно виртуальной собственности выступает в рассматриваемом случае как предмет оборота за реальные деньги. Соответственно, он также представляет собой ВРЦ денег как ОСП. Таким образом, предмет «серьезен», и применение права к нему само по себе уже не абсурдно.

Насколько предмет, однако, «реален»? В данном случае оценка структурно-функциональной адекватности предмета предполагает его сопоставление не с собственностью или имуществом, а с достаточно специфичным (если отталкиваться от положений российского законодательства) предметом, относящимся к «центральному значению» норм законодательства об азартных играх, – со *ставкой*. Ставка подразумевает возможность случайного получения одного имущества, обусловленного риском утраты другого

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

имущества. В таких условиях мы можем предположить, что специальный предмет отношений в данном случае все же фантазиен.

Таким образом, возможность применения законодательства об азартных играх к отношениям, предметом которых выступают лутбоксы, зависит от выводов, основанных на взвешивании ценностей в конкретном обществе и в конкретной ситуации. Примечательно, что в Бельгии и Нидерландах были введены отдельные ограничения в отношении механики лутбоксов и подачи информации игрокам относительно такой механики⁴⁵⁷ – с небольшой поправкой на точечные различия в определении азартных игр в данных странах и в Российской Федерации, тем не менее, полагаем, это подтверждает развиваемый подход.

Варианты *третьего примера* предполагают правовую оценку запретов на распространение информации в Интернете (и аналогичные области применения права, также в условиях «пограничных ситуаций» толкования) в случае с *Minecraft*, уже неоднократно упомянутом на страницах настоящей работы. Остановимся лишь на кратких характеристиках, поскольку подробная логика применения концепции семантических пределов права в данном случае приведена в Приложении № 2 к настоящему исследованию в качестве одного из наиболее наглядных примеров.

Пример № 3 (Вариант А). *Блокировка игрового ресурса, содержащего рецепт динамита (вымышленный рецепт, развлекательная игра).* В данном

⁴⁵⁷ Достаточно исчерпывающе (и со ссылками на официальные позиции и документы) ситуация описана в следующем источнике: Belgium Joins the Netherlands in Ruling that Declares Some Loot Boxes Illegal [Electronic resource] // IGN. 25 Apr. 2018. – [Site]. – URL: <https://www.ign.com/articles/2018/04/25/belgium-joins-the-netherlands-in-ruling-that-declares-some-loot-boxes-illegal> (accessed: 25.02.2019). Великобритания, например, напротив, не сочла, что лутбоксы соответствуют концепциям законодательства об азартных играх.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

случае и рецепт фантазиен – лишен структурно-функциональной адекватности, поскольку динамит из него не сделать, – и не усматривается ВРЦ / ОСП в том смысле, в котором он подразумевается в законодательстве о противодействии террористической деятельности. Мы имеем дело с чистым вымыслом и развлекательным продуктом, поэтому применять право в данной ситуации будет абсурдным.

Пример № 3 (Вариант Б). *Блокировка игрового ресурса, содержащего рецепт динамита (настоящий рецепт, развлекательная игра).* Поскольку игра развлекательная, мы не усматриваем однозначного ВРЦ / ОСП. В то же время, в данном варианте рецепт не фантазиен – его функциональная структура адекватна реальному рецепту. Применять право в такой ситуации уже не будет абсурдным, но зависит от балансировки конституционно-правовых ценностей – классическая политико-правовая коллизия между свободой [слова] и безопасностью.

Пример № 3 (Вариант В). *Блокировка игрового ресурса, содержащего рецепт динамита (настоящий рецепт, игра как инструмент вербовки террористов).* В данном варианте рецепт также не фантазиен – его функциональная структура адекватна реальному рецепту. При этом для целей теоретического моделирования мы изменяем одно из фактических обстоятельств – представим себе, что ранее «невинная» игра *Minecraft* теперь используется как идеологический инструмент террористов (возможно, такая участь может постигнуть не игру в целом, а отдельное дополнение к ней). В данном случае применять право не только не абсурдно, но и какой-либо особой балансировки ценностей, если следовать логике развиваемой концепции о семантических

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

пределах права, не требуется – ситуация находится строго в рамках таких семантических пределов.

В качестве *четвертого примера* рассмотрим ситуацию, которая с достаточной степенью очевидности кажется абсурдной без дополнительных пояснений, но также может послужить целям наглядной демонстрации функциональности концепции семантических пределов права.

Пример № 4. «Убийство» персонажа компьютерной игры. Событие в «виртуальном мире» (компьютерной симуляции, опосредованной программным кодом), произошедшее с аватаром игрока, чей персонаж «умер». Подчеркнем, что в данном случае рассматривается обобщенный пример, связанный с «умеренными» по степени «насилия» играми (как, например, в случае с киберспортивными дисциплинами *Dota 2* или *League of Legends*). В рамках принятого в настоящем исследовании подхода между насилием в действительно жестоких компьютерных играх (например, серия *Manhunt*), некоторая структурная адекватность есть.⁴⁵⁸ Допустимо ли юридическое толкование словосочетания «умышленное причинение смерти другому человеку» таким образом, чтобы диспозиция правовой нормы включала в себя «убийство» в компьютерной игре? Исследуется «социально валютная ценность» события в виртуальном мире в специальном ракурсе запрета на убийство (а не на пропаганду насилия как таковую), при этом ОСП – это, скорее, здоровье (и жизнь) в терминологии С. Абрутина. ВРЦ – по-видимому, персонаж

⁴⁵⁸ Строго говоря, мы сравниваем не реальное насилие и высказывание о [виртуальном] насилии, а *высказывание* о реальном насилии и *высказывание* о [виртуальном] насилии. С точки зрения теоретико-социологического подхода, это оправдано тем фактом, что социальная реальность (для которой и рассматривается применение разрабатываемой концепции) субъективно-объективна – она формируется и поддерживается посредством коммуникативных практик.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

компьютерной игры. На этом этапе становится очевидно, что ОСП здесь не совпадает. Отсутствует структурная адекватность события в «виртуальном мире» (высказывания) насилию в реальном мире, интерпретируемом как феномен *социальной* реальности (насилие реального мира – не только факт, но и часть субъективно-объективной социальной реальности). При этом, именно в рассматриваемом ракурсе отсутствует и «социально-валютная ценность» специального предмета отношений (см. по аналогии пример с блокировкой ресурса с рецептом изготовления «динамита» в игре *Minecraft* – Приложение № 2).

В качестве *пятого примера* с несколькими вариантами приведем некоторые ситуации, непосредственно связанные с проблемами развития законодательства в условиях цифровой экономики. Применение концепции семантических пределов права на высоком уровне, соответствующем ситуации правотворчества, а не «пограничной ситуации» в толковании права, несколько проще – нам требуется лишь установить наличие ВРЦ, соответствующего какому-либо ОСП. Вывод может содержать лишь принципиальное заключение о наличии либо отсутствии принципиального абсурда в создании новых правовых норм, но правотворческая ситуация с необходимостью предполагает балансировку ценностей, поскольку еще не к чему осуществлять оценку структурно-функциональной адекватности.

Пример № 5 (Вариант А). *Разработка специальных правовых норм, нацеленных на регулирование отношений по поводу юридической ответственности за действия, совершенные роботами.* В современных условиях объекты робототехники уже становятся источником причинения вреда,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

чему есть эмпирические примеры, и такие случаи становятся предметом изучения юридической науки.⁴⁵⁹ Вред причиняется, в том числе, собственности, соответственно наличествует ВРЦ, соответствующий ОСП – деньгам. Разработка таких специальных правовых норм абсурдной не будет. Конкретное содержание новых норм должно определяться с использованием механизмов балансировки или аналогичных им.

Пример № 5 (Вариант Б). *Разработка специальных правовых норм, нацеленных на регулирование отношений по поводу оборота больших данных.* На текущем этапе развития отношений в рамках цифровой экономики оборот больших данных – это уже факт. В данном случае также очевиден имущественно-денежный характер такого оборота и соответствующие правовые и экономические предпосылки,⁴⁶⁰ и мы опять сталкиваемся со вполне очевидным ВРЦ и известным ОСП. Разработка таких специальных правовых норм не будет абсурдной, но, как и в прошлом случае, потребует обращения к инструментам балансировки.

Пример № 5 (Вариант В). *Разработка специальных правовых норм, нацеленных на регулирование отношений по поводу правосубъектности «умных*

⁴⁵⁹ См. напр.: Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 137–166; Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – Вып. 6(55). – С. 46–62; Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 19–27.

⁴⁶⁰ См. напр.: Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 52–68; Архипов В.В., Наумов В.Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2016. – № 2. – С. 186–196; Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

роботов». В отличие от предыдущих случаев, «умные роботы» еще не достигли такой стадии развития, чтобы ставить вопрос об их правосубъектности.⁴⁶¹ Обсуждения этого возможны как некоторое теоретическое упражнение,⁴⁶² но в целом, как минимум, в отношении общей правосубъектности, аналогичной правосубъектности физических лиц, разработка таких норм будет, если говорить на быденном языке, преждевременной, а если говорить на языке концепции семантических пределов права, – абсурдной.

Приведенный выше способ рассуждения применим и к другим областям, которые относятся к современному контексту цифровой экономики,⁴⁶³ а также к другим направлениям развития общества.

Наконец, говоря о *шестой группе* примеров, обратимся теперь к двум вариантам, которые приводил Л. Фуллер, поскольку они, в некотором смысле, косвенно выступили в качестве повода для всего исследования. Данные примеры несколько сложнее для анализа, поскольку они относятся к абстрактной юридической интерпретации, представляемой одной из сторон воображаемого спора, но этот аспект также учитывается в концепции семантических пределов права.

⁴⁶¹ См., напр.: Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 79–93.

⁴⁶² См., напр.: Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.

⁴⁶³ Пример такого анализа в отношении интернета вещей приведен в следующей публикации: Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 6. – С. 94–123. Данная работа развивает общий анализ правовых проблем интернета вещей, см.: Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. – Москва, 2016. – № 2. – С. 18–25.

© Архипов Владислав Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Пример № 6 (Вариант А). «Оправдание» убийства загробной жизнью жертвы.

«Человек убивает своего отца; отвечая на предъявленное ему обвинение в убийстве, он утверждает, что его отец был добродетельным человеком, который был убежден в существовании рая; таким образом, лишая его жизни, он отправил его в край бесконечного счастья, которое его отец никогда не познал бы на земле; а значит, тот, кто дарует такое благо, должен быть вознагражден, а не наказан».⁴⁶⁴

Основание (аргументация) сохранить жизнь и свободу (не привлекать к юридической ответственности) обвиняемого, исходя из системы ценностей (ОСП) данного общества. Для определения предмета мы формально-юридическим методом определяем наиболее близкую правовую норму. В данном примере убийца делает заявление об отсутствии в его деянии состава преступления и, напротив, утверждает, что его деяние является [условно] правомерным (и морально одобряемым). Ключевой юридический вопрос – может ли такой аргумент использоваться в юридической аргументации. Интуитивно понятно, что нет, и что аргумент абсурден, но необходимо рационально обосновать, почему это так. «Социально-валютная ценность» аргументации убийцы определяется исходя из следующих ОСП и ВРЦ. ОСП – религиозная добродетель (англ. “*piety*” или “*sacredness*” в терминологии С. Абрутина). ВРЦ – религиозный текст (в широком смысле слова; исходя из контекста фуллеровского консерватизма, речь идет об «усредненных» христианских верованиях консервативной части США). Пример, как может показаться, подразумевает

⁴⁶⁴ Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. - № 2. – С. 313–314.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«обратный» и негативный вопрос: может ли право *не* применяться при установлении «общественной значимости» («социально-валютной ценности») предмета отношений с точки зрения определенного ВРЦ и ОСП?⁴⁶⁵ В действительности, речь идет о позитивном вопросе (с точки зрения формальной логики, рационально аргументировано может быть лишь положительное утверждение): может ли убийца использовать ВРЦ, относящийся к указанному ОСП (религиозная добродетель) так, чтобы суд мог **хотя бы в принципе поставить вопрос** (именно принципиальная возможность применения правовых норм, а не их конкретное применение, является предметом нашего исследования на уровне философско-правового обобщения!) о наличии элементов состава преступления и обстоятельствах, исключающих преступность деяния (здесь это мог быть, скажем, обоснованный риск).⁴⁶⁶ Суд такой вопрос поставить НЕ может, поскольку *предполагаемый* ВРЦ (религиозный текст) убийцы (1) не «серьезен» (он не связан с ОСП и не может быть конвертирован) и (2) фантазиен (структурно-функционально неадекватен) центральному значению правовой нормы, так как убийство в подразумеваемой Л. Фуллером религии безусловно исключено, и не может рассматриваться как «общественно полезная цель» (отсутствует адекватность центральному значению гипотетической нормы об обоснованном риске – центральное значение общественно полезной цели» сама

⁴⁶⁵ В обычном случае вопрос ставится наоборот (может ли право *применяться*), а положительный ответ на данный вопрос в концепции смысловых (семантических) пределов права определяется как раз наличием ОСП в структуре отношений.

⁴⁶⁶ Например, согласно ч. 1 ст. 41 УК РФ, не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. При «абсурдной» интерпретации, именно на такие или аналогичные положения мог бы сослаться убийца из фуллеровского примера.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

по себе не включает вред охраняемым уголовным законом интересам, например, такой как причинение смерти).

Пример № 6 (Вариант Б). *«Оправдание» присвоения государственных средств главным тезисом утилитаристской моральной философии.*

«Чиновник присваивает огромную сумму государственных денег; в ответ на выдвинутое против него обвинение он цитирует преамбулу к конституции, декларирующую, что государство существует для того, чтобы способствовать наибольшему счастью наибольшего количества граждан; деньги, которые подсудимый присвоил, сделали его очень счастливым; при этом следующее из этого факта уменьшение богатства каждого из остальных граждан бесконечно мало и не было способно произвести ощутимое уменьшение их счастья».⁴⁶⁷

Основание (аргументация) сохранить жизнь и свободу (не привлекать к юридической ответственности) обвиняемого, исходя из системы ценностей (ОСП) данного общества. Для определения предмета мы формально-юридическим методом определяем наиболее близкую правовую норму. В данном примере обвиняемый делает заявление об отсутствии в его деянии состава преступления и, напротив, утверждает, что его деяние является [условно] правомерным (и морально одобряемым). Ключевой юридический вопрос – может ли такой аргумент использоваться в юридической аргументации. Интуитивно понятно, что нет, и что аргумент абсурден, но необходимо рационально обосновать, почему это так. «Социально-валютная ценность» аргументации обвиняемого определяется исходя из следующих ОСП и ВРЦ. ОСП – ценностное обязательство (англ. “*value commitment*”). ВРЦ – авторитетные (в моральном смысле) тексты философов-утилитаристов. Аналогично вышеизложенному, но с

⁴⁶⁷ Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

поправкой на альтернативные ОСП и ВРЦ, которые, тем не менее, функционально относятся к той же группе. В данном случае также отсутствует структурная адекватность (при этом, как и в предыдущем случае, заметен и «синтаксический абсурд») и с этим, в том числе, диалектически связано и отсутствие «социально-валютной ценности» специального предмета отношений – аргументации (оснований) обвиняемого.

Полагаем, что приведенные выше примеры достаточно наглядно демонстрируют работоспособность, масштабируемость и вариативность концепции семантических пределов права. Структурная схема логики концепции приведена в Приложении № 1 к настоящему исследованию, функциональная схема аналитического процесса применения концепции – в Приложении № 2, а таблица соответствия выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права – в Приложении № 3.

§ 6. Сопутствующие результаты: аналогия права и игры, серьезность как принцип моральности права, притязание права на серьезность

§ 6.1. Аналогия права и игры в истории правовой мысли и в контексте настоящего исследования

Одним из основных сопутствующих (“*spin-off*”) результатов настоящего исследования является обращение к **анalogии права и игры**, которая возникает в качестве закономерного ответвления рассуждения, хотя сама по себе и не содержит принципиальных решений для проблемы семантических пределов

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

права. Основные рассуждения автора по поводу такой аналогии, основанной на сравнительном анализе игровых механик и норм права с использованием методологии социального конструкционизма проведены автором ранее,⁴⁶⁸ здесь заострим внимание на отдельных новых наблюдениях.

Для основных целей исследования при этом интересное контекстуальное значение имеет то общее наблюдение, что игровое не всегда является несерьёзным, а серьёзное иногда может являться игровым. Право – типичный пример игрового, которое является не просто серьёзным, а смертельно серьёзным.⁴⁶⁹ С точки зрения онтологии права, именно предоставительно-обязывающий (императивно-атрибутивный) характер права определяет игровую природу объективного права, поскольку, в силу того, что в один момент времени объективно будет деонтически-истинным утверждение о наличии субъективного права только у одной стороны, а это, в свою очередь, означает наличие корреспондирующей обязанности у другой стороны, – **объективное право как языковая игра представляет собой игру с нулевой суммой**. Оставив в стороне определения, еще раз подчеркнем, таким образом, получившийся тезис, построенный по принципу своего рода каламбура, вполне соответствующего эстетической тональности настоящего исследования: **право – это языковая игра**

⁴⁶⁸ См.: § 8. Правила игры и нормы права в контексте социального конструкционизма // *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр* / Под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – С. 135–149; *Виртуальные миры и многопользовательские ролевые онлайн-игры в юридической теории и практике* // *Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования* / Под ред. В.В. Савчука. Издательство: Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2014. – С. 105–117; Архипов В.В. Правила игры как нормативная система, или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // *Философско-литературный журнал Логос*. – Москва, 2015. – Т. 25. – № 1 (103). – С. 214–225.

⁴⁶⁹ Хотя бы потому, что некоторые нарушения правил «игры в право» исторически вели и, в некоторых юрисдикциях, и сейчас ведут к смерти (смертной казни). Такой контракт сам по себе позволяет эстетических характеризовать рассматриваемую аналогию как абсурдную, но абсурд здесь иного толка – он, скорее, экзистенциальный, а не семантический или логический.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

с нулевой суммой. Нельзя не отметить в этом контексте одного из основных положений, выносимых на защиту, в недавней кандидатской диссертации М.А. Милкина-Скопца, согласно которому

«...право может быть интерпретировано в терминах игры. Это позволяет применять методы, выработанные в математической теории игр, к анализу правовых взаимодействий. Адекватной моделью при этом является модель пары взаимосвязанных игр двух лиц со строгим соперничеством».⁴⁷⁰

Данная мысль, очевидно, перекликается с одной из логических составляющих вышеуказанной модели. Это наблюдение сближается и с тезисом концепции семантических пределов права о возможности применения метода теоретической коммодификации для определения конвертируемой социально-валютной ценности предмета отношения (по духу близкий экономическому анализу права).

В итоге настоящего исследования получается, что «абсурд» – термин, который обозначает суть явления семантических пределов права, – наиболее ярко проявляется в проблеме «магического круга» классической интерпретации, предполагающей столкновение реального права с виртуальной игровой реальностью. В то же время, наиболее органичной **метафорической** моделью для объяснения того, что же является абсурдным в праве, представляется, в свою очередь, объяснение самого права как игры. Сравнение права и игры может пойти

⁴⁷⁰ Четвертое положение, выносимое на защиту, в следующей диссертации: *Милкин-Скопец М.А.* Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2010. Отдельно подчеркнем, что в основной части настоящего исследования термин «игра», в основном, используется в иной коннотации, близкой не к математике, а к художественному творчеству и имитации в целом.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

достаточно далеко (и это будет оправдано!), вплоть до уподобления права правилам игры в узком смысле слова или же до «сравнительно-игрового» анализа концептуальной схемы юридических правил и правил тех же настольных ролевых игр – наиболее адекватный пример, поскольку реальность именно таких ролевых игр выражается в устной вербальной коммуникации.

Возможно, путь – не факт, что прямой – подобных аналогий, в конечном счете, приводит нас к своего рода «игровой концепции права». Существенных препятствий для научной обоснованности такой метафоры в социально-гуманитарном дискурсе, в действительности, нет. В своей основе, данный подход уже был воплощен, например, в психологии – речь идет о транзакционной психологии Э. Берна (например, его книги «Игры, в которые играют люди»).⁴⁷¹ Как будет показано далее, как в исторической, так и в современной картине мира «несерьезное» не является необходимым признаком игры. Определение игр из математической теории игр, в действительности, является универсальным научным определением. Игра становится серьезной или несерьезной не в силу своей природы, а в зависимости от того, с чем участники связывают результат такой игры по своей договоренности (автономная коммуникация) или в силу указания инстанции (гетерономная коммуникация). Даже в действующем на момент написания настоящей работы позитивном праве Российской Федерации есть один яркий пример – это определение азартных игр, согласно которому азартная игра – это не обязательно конкретная игра. Это условный термин, который обозначает соглашение определенного вида между участниками

⁴⁷¹ См., напр.: Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. – М.: Издательство «Эксмо», 2016. – 352 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

соответствующей игры, которое предполагает одновременно наличие ставки или выигрыша. Но даже при том, что некоторые игры могут быть серьезными (а право, в этом смысле, представляет собой буквально *смертельно серьезную игру*, и нередко с высокими ставками), как раз и следует, что игра вообще заключает в себе потенциальную серьезности и, в результате, может представлять собой, как минимум, модель серьезной коммуникации.

Аналогия права и игры не представляет собой экзотики – она встречается и в культурологических (как минимум, Й. Хёйзинга), и в юридических (как минимум, Г. Харт, Л. Фуллер, А. Росс) исследованиях. Один из наиболее последовательных классических примеров анализа игровой аналогии в философии права представлен в работе Бернарда С. Джексона «К семиотической модели игровой аналогии в юриспруденции» (*“Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence”*).⁴⁷²

Представленное исследование Б. Джексона во многом опирается на ранее опубликованную работу представительницы британской философии Мэри Мидгли (род. 1919) «Игра “Игра”» (*“The Game Game”*).⁴⁷³ Как отмечает М. Мидгли,

«...некоторое время назад Молчаливый Наблюдатель, просмотрев экземпляр [журнала] *Mind*, спросил меня: “Почему философы так много говорят об Играх? Они много в них играют или что?.. Так почему же? В широком смысле, потому, что они часто обсуждают ситуации, в которых присутствуют правила, но при этом мы не уверены в том, почему эти правила соблюдаются. Если рассматривать их как Правила Игры, то мы на некоторое время можем избежать этой проблемы. И

⁴⁷² Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // *Droit et société*. – 1991. – No. 17-18. – PP. 99 – 123. – doi: <https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105>.

⁴⁷³ Midgley M. The Game Game // *Philosophy*. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: <https://www.jstor.org/stable/3750115> (accessed: 26 July 2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

если выяснится, что причины игры в игры, в действительности, совершенно просты, это может полностью проблему решить. Эта надежда прослеживается в таких рассуждениях, как работа Хэйра *The Promising Game*⁴⁷⁴, в котором предлагается идея, согласно которой наша обязанность исполнять обещания представляет собой просто часть Игры или Института Обещаний, и если бы мы решили *не* играть в эту игру, то такая обязанность исчезнет. Это предположение является отправной точкой настоящей работы. Оно заставляет меня спрашивать, таким образом, каким видом необходимости *является* необходимость следовать правилам игры? Зачем мы начинаем? Почему мы не жульничаем? В чем заключается санкция? И, опять же, как пойдет дело, если бы завтра мы решили *не* играть в Игру Обещаний, Игру Брака или Игру Собственности? Что мы получаем, называя все это играми? Что, в действительности, *есть* Игра?⁴⁷⁵

Несмотря на то, что М. Мидгли – философ морали, а не права, несложно заметить существенное сходство поставленных ею вопросов с концептуализируемой нами проблемой семантических пределов права. Внимание к данному подходу может оказаться методологически полезным, в том числе, в свете дискуссии о соотношении права и морали, поскольку предлагаемый взгляд находится на другой стороне – морали, а не права, в то время как юристы термин «мораль» в таких дискуссиях используют подчас весьма неопределенно.

К слову, ироничный эпиграф, который М. Мидгли положила в начало рассматриваемой публикации, весьма характерен в контексте настоящего исследования – речь идет о следующих словах Б. Шэнкли, менеджера ливерпульского футбольного клуба:

⁴⁷⁴ См.: Hare R.M. *The Promising Game* // *Revue Internationale de Philosophie*. – 1964. – Vol. 18. – No. 70(4). – PP. 398–412. – URL: <https://www.jstor.org/stable/23940466> (accessed: 26 July 2018).

⁴⁷⁵ Midgley M. *The Game Game*. – P. 231.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Некоторые говорят о футболе так, как если бы речь шла о самих жизни и смерти, но это гораздо серьезнее (выделено мною – *В.А.*)».⁴⁷⁶

Возвращаясь непосредственно к взглядам М. Мидгли, отметим, что рассуждение философа строится во многом, отталкиваясь от моральных оснований *обещаний*. В свете представлений Л. Фуллера о праве *такой* аспект морали, определенно, лежит и в основании права как целеположенной коллективной деятельности.

В основе рассуждения М. Мидгли лежит переосмысление представлений Л. Витгенштейна о [языковых] играх. Далее она приводит весьма любопытную цитату австралийского философа морали венгерского происхождения Юлиуса Ковеси:

«Я не вижу основания утверждать, что мы называем и футбол, и шахматы «играми», потому что в футбол играют с мячом, также как и в теннис, при этом в теннис играют двое, также как и в шахматы. Этого не только недостаточно для того, чтобы объяснить ту связь между футболом и шахматами, которая делает и одно, и другое играми, – следуя такому подходу, мы можем соединить что угодно с чем угодно другим. Мы можем усматривать смысловое соединение в случае с каждым сходством, но то, что мы получим в конце, будет представлять собой не веревку (rope), а сеть (mesh).⁴⁷⁷ Шары, пушечные ядра, использовались для обстрела городов, а дуэль – дело двух людей. Что нам необходимо для того, чтобы осмыслить понятие игры или понятие убийства, это то, что я называю “формальным элементом”. Именно это позволяет нам следовать правилам».⁴⁷⁸

⁴⁷⁶ Ibid.

⁴⁷⁷ Здесь, вероятно, подразумевается аналогия Л. Витгенштейна о «семейном сходстве», в основу которой положена нить (веревка).

⁴⁷⁸ См.: J. Kovesi. *Moral Notions*. – New York: Humanities P. – 1967. – P. 22. Цит. по: Midgley M. *The Game Game*. – P. 233.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

В то же время, игры, которые стали основанием для такой аналогии – будь то детские игры, шахматы или спортивные командные игры – представляют собой уже далеко не единственный пример игр в человеческом обществе. Одна из задач настоящего исследования, без разрешения которой невозможно достижение ее цели, заключается в том, чтобы развить традицию проведения аналогии между правом и играми, но при этом учесть принципиально новый этап развития игр как таковых, и принять во внимание те игры, которые предшествующие исследователи попросту не могли учесть, поскольку таковых не было. Как мы увидим, вокруг таких игр, даже в некотором отрыве от юриспруденции самой по себе, сформировалось нечто вроде своей собственной юридической теории, сосредоточенной вокруг понятия «магический круг». При этом, **ключевое отличие современных компьютерных игр от их ранних нецифровых прототипов, особенно в свете настоящего исследования, заключается в том, что часть правил игры закреплена на уровне программного кода, что имеет существенное значение для контекста дискуссии о коде как праве.**⁴⁷⁹

Рассматривая контекст игр и права нельзя не уделить внимание математической теории игр, поскольку **метод аналитической юриспруденции** предполагает анализ значений слов, которые находятся между собой в родственной семантической связи. Без сомнения, языковые игры, компьютерные игры и теория игр подразумевают подобную родственную семантическую связь. Обращаясь к математической теории игр, М. Мидгли отмечает:

⁴⁷⁹ Которую развивал и продолжает развивать Лоренс Лессиг.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

«Я бы не хотела исследовать здесь вопрос об основаниях обещаний, а равно исследовать понятие Игр как Закрытой Системы. Это, как я предлагаю считать, означает, что связь между ними [Играми] и жизнью вокруг них разорвана. Кажется, именно так данный термин используется в математике; Теория Игр рассматривает определенный набор закрытых систем. При таком ракурсе не возникает вопроса о причинах или мотивах игрового процесса; отсутствует ожидание наслаждения игрой или удовольствия в обычном смысле слова. Но когда все это переносится в область моральной философии и применяется к *настоящей* деятельности, причины и мотивы становятся важными. Любая настоящая деятельность подразумевает мотивы и не будет закрытой системой, условной и удаляемой, если только не какие-либо особые мотивы. Они не должны быть особенно сильными, или же станет важным то, играем мы или нет; они не должны быть особенно конкретными, или же станет важным то, в *какую* игру мы играем».⁴⁸⁰

Нельзя не отметить, что модель математической теории игр, подразумевающая наличие сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов, которой созвучно представление о праве как о языковой игре с нулевой суммой, концептуально пересекается с логикой представлений Р. фон Иеринга о борьбе за право.

Датский философ права Альф Росс (1899 – 1979) – несомненно, один из первых известных юристов постклассического этапа развития юридической науки, в трудах которого метафора игры, применяемая к праву, нашла действительно последовательное отражение. В книге «О праве и справедливости» (“*On Law and Justice*”),⁴⁸¹ впервые опубликованной в 1959 году – за два года до публикации “*The Concept of Law*” Г. Харта, – автор приводит аллегория двух игроков в шахматы и наблюдателя.

⁴⁸⁰ Midgley M. *The Game Game*. – P. 236.

⁴⁸¹ Ross A. *On Law and Justice* (1959). – Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd., 2004. – 383 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Наблюдатель, если он не знает об игре в шахматы, не будет понимать происходящее. Из общего представления об играх он может понять, что речь идет об игре, хотя смысл расположения фигур может от него ускользнуть. Если же наблюдатель знает правила игры в теории, то он может в целом понимать ситуацию и даже немного ее прогнозировать, однако многое все равно может показаться ему непонятным. Здесь А. Росс имеет в виду уже не «базовые» правила игры, а стратегию и тактику игроков. Получается, что знания «базовых» правил игры уже недостаточно, и необходимо понимать более широкую теорию. Кроме того, индивидуальные цели игроков – это может быть не только победа, но и, например, желание поэкспериментировать – также определяют понимание.⁴⁸²

Расширяя аналогию, А. Росс отмечает, что мы имеем дело с последовательностью человеческих действий, которые теоретически могут интерпретироваться как естественный процесс (особенно, учитывая, что люди двигаются физически, и их действия сопровождают физиологические процессы), подчиняющийся естественным законам. Но последние не позволяют объяснить и предсказать движения фигур. Не менее любопытно и то, что интерпретация событий с точки зрения шахматной теории будет иной: ряд вещей вообще будет нерелевантен для анализа. Для теоретического анализа игры как таковой физические действия по перемещению фигур вторичны, также как и многие другие «внешние обстоятельства», включая, в общем-то, и личности самих игроков. А. Росс подчеркивает, что «понимание» в данном случае подразумевает не причинно-следственную связь, а **взаимную определенность событий**

⁴⁸² Ibid. P. 12.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

посредством правил игры. При этом критически важным обстоятельством является сопричастность (англ. *“fellowship”*) игроков, поскольку их цели, интересы и определенные таковыми действия обусловлены тем, что больше каждого игрока по отдельности. Такая сопричастность интерсубъективна и подразумевает, что в **рамках одной игры интерпретация правил и событий должна быть одинакова, иначе не будет игры как таковой.**⁴⁸³

А. Росс проводит закономерную аналогию с социальными феноменами, которые подчиняются примерно тому же принципу, и переходит к анализу правил игры в рамках такого контекста. Автор выделяет «первичные правила» игры в шахматы – речь идет о том, как ходят фигуры, что значит взять фигуру и т.п. Данные правила носят прямой и императивный абстрактный характер, тем самым отличаясь от шахматной теории, которая, в отличие от них, определяется интересом выиграть в игру. Нарушение «первичных правил» вызовет протест, однако нарушение правил теории может повлечь, пожалуй, только недоумение.⁴⁸⁴ «Глупый ход может вызвать изумление, но не протест».⁴⁸⁵ И далее автор делает вывод, который более чем созвучен основным идеям, представленным в данной работе:

«С другой стороны, **правила шахмат не связаны с моралью** (выделено мною – *В.А.*); они являются следствием того факта, что обычно никто действительно не хочет их нарушить... Желание сжульничать в игре может быть обусловлено тем, что цели игрока другие, нежели чем просто выиграть согласно правилам игры; например, игрок хочет добиться восхищения или выиграть сумму денег, поставленную на кон. Последняя цель часто присутствует в игре в карты, и

⁴⁸³ Ibid. P. 12 – 13.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 14.

⁴⁸⁵ Ibid.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

хорошо известно, что требование честной игры в таком случае подразумевает и моральные ценности».⁴⁸⁶

Затем рассуждение автора переходит к разрешению вопроса о том, как возникают правила игры в шахматы, и это представляет для нас уже меньший интерес в свете целей и задач исследования. Отметим только, что центральным аспектом анализа в приведенной аллегории для А. Росса стал аспект действительности права, и автор не развивал аналогию с того момента, который был выделен в цитате несколькими строками ранее, которая в большей степени связана с представлением о «риске абсурдности» в праве. Это может быть объяснено, в частности, особенностями исторической эпохи и меньшей актуальностью данной проблемы в прошлом. Если проводить аналогию последовательно и принципиально, то можно сказать, что основной целью настоящей работы было сформулировать не столько «базовые правила» права, сколько определить методологию поиска таких правил в условиях, когда право динамично и изменчиво.

§ 6.2. «Притязание на серьезность» и девятый принцип внутренней моральности права

Особое значение концепция семантических пределов права имеет для переосмысления двух весомых теоретико-правовых концепций. Так, **принципы моральности права Л. Фуллера**⁴⁸⁷ могут быть дополнены еще одним –

⁴⁸⁶ Ibid. P. 15.

⁴⁸⁷ См.: Fuller L.L. *The Morality of Law*. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p. и последующий анализ в кандидатской диссертации автора: Архипов В.В. *Концепция права Лона Л. Фуллера*.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

серьезностью, а «**притязание на правильность**» Р. Алекси⁴⁸⁸ может быть также дополнено *притязанием на правильность*. Отметим, что оба подхода находятся в диалектической взаимосвязи.

Мы уже не раз останавливались на наглядных примерах, приводимых Л. Фуллером в «Анатомии права». Они имеют непосредственное отношение к проблеме семантических пределов права, и в этом параграфе мы изучим их поподробнее, но уже с учетом всех обозначенных ранее составляющих методологического подхода концепции семантических пределов права. Другой центральный компонент концепции права Л. Фуллера – представление о принципах «моральности права» – как нам кажется, также может быть переосмыслен в контексте развиваемого дискурса, поскольку последний позволит нам выдвинуть сопутствующую (“*spin-off*”) гипотезу о новом возможном принципе моральности права.

Итак, в книге «Анатомия права» Л. Фуллер отмечал, что практически каждое общество может столкнуться с подходами, которые будут настолько противоречить исходным основам (англ. “*premises*”), разделяемым его членами, что любой разумный судья должен без сомнения такие подходы отвергнуть. Автор представил два примера. В первом из них человек убивает своего отца, а на суде говорит, что его отец был хорошим человеком, который верил в то, что его душа после смерти отправится на небеса. Следовательно, «даруя» смерть своему отцу, он отправил его в благословенный край, до которого он никогда не

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009.

⁴⁸⁸ См.: Alexy R. The Dual Nature of Law // *Ratio Juris*. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 167–182. Качественный анализ концепции Р. Алекси проводил в свое время Б. Бикс, см.: Bix B. Robert Alexy, Radbruch’s Formula, and the Nature of Legal Theory // *Rechtstheorie*. – Vol. 37. – 2006. – PP. 139–149.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

смог бы добраться на Земле, а такое деяние не только не должно влечь за собой наказание, а напротив должно быть поощрено. Указанные примеры, и стоящая за ними концепция, имеют ключевое методологическое значение для реконструкции семантических пределов права, поэтому выделим ключевой принцип концепции права Л. Фуллера и представим основные ее положения, имеющие значение для целей и задач настоящего исследования.

С одной стороны, основное содержание концепции права Л. Фуллера, в центре которого лежит представление о «моральности права», как представляется, органично, хотя и не совсем очевидно, развивает представление о семантических пределах права. С другой стороны, одним из методологических ограничений настоящей работы является принцип изучения только тех явлений, которые непосредственно не связаны с основными моральными ограничениями на применение права, которые могут существовать в обществе, а значительная часть смыслового содержания концепции американского юриста основывается на постоянных отсылках к морали. В то же время, Л. Фуллер не случайно остался не до конца понят как современниками, так и последующими учеными, а «мораль» его, условно говоря, не такая, как у представителей, однозначно относимых к юснатурализму. И дело, как будет видно, не столько в том, что это какая-то *sui generis* «процедурная мораль», а в том, что это мораль не чего иного как честной игры. Но, обо всем по порядку.

Как полагал Л. Фуллер, существование различных форм права частично зависит от ценностных суждений – суждений о том, что должно быть (англ.

© Архипов Владислав Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

“*ought*” в противовес “*is*”).⁴⁸⁹ Каждое правовое предписание подразумевает определенную цель, которая, в свою очередь, определяет средства для достижения такой цели, но не оправдывает их. Именно это и оформляется Л. Фуллером в концепцию «внутренней моральности права». Сам автор пояснял данные представления посредством «достаточно объемной аллегории, поднимающей тему неудачного царствования монарха, носившего подходящее, однако не очень оригинальное и соответствующее его личным качествам имя Рекс». Взойдя на престол, король решил внести много изменений в правовую систему – по его мнению, она уже не отвечала реальным потребностям общества. И первым делом он отменил все действовавшее законодательство, а каждое новое возникающее дело он начал разрешать *ad hoc*, пытаясь обойтись без общих норм, что и стало его первой ошибкой. Осознав ее, Рекс издал новые законы, которые содержали общие нормы, но он решил держать их в тайне от подданных. Неопубликование законов стало его второй ошибкой. После некоторых раздумий, король опубликовал изданные законы, но, как оказалось, все содержащиеся в них правовые нормы были ретроспективными. Как следствие, их нельзя было учитывать в отношении будущего поведения, и это, разумеется, стало его третьей ошибкой. Пытаясь ее исправить, Рекс пришел к таким текстам законов, что даже наиболее подкованные в вопросах права юристы его королевства оказались не в состоянии понять, о чем же в них идет речь, что свидетельствовало о четвертой ошибке. Рекс предпринял усилия, чтобы сделать

⁴⁸⁹ Здесь, а равно ранее и далее по тексту настоящего исследования анализ основных взглядов Л. Фуллера основывается на кандидатской диссертации автора. См.: Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

законы более доступными для понимания, но они оказались наводнены внутренними противоречиями – так была совершена пятая ошибка. Как отмечает Л. Фуллер, к этому моменту недовольство подданных деятельностью своего короля достигло предела, и они оставили попытки следовать правилам поведения, которым следовать было достаточно сложно. Как можно предположить, такой поворот разозлил Рекса. Король решил сделать свои законы более строгими и при этом убрал из них всякие противоречия. Однако вышло так, что требования, содержащиеся в законах, теперь стали невозможными для исполнения, а наказания были весьма суровы. Очевидно, даже под угрозой самого сурового наказания нельзя исполнить то, что исполнить нельзя, и это стало шестой ошибкой короля. Он был вынужден умерить свой пыл и стал приводить изданные им законы в порядок. Но пока он совершал все предыдущие ошибки, развитие общественных отношений в королевстве продолжалось, и приведенные в «приличный вид» законы уже устарели. Соответственно их пришлось срочно менять, изменения вносились едва ли не каждый день и по нескольку раз, а потому и такие законы соблюдать оказалось весьма непросто. Седьмая ошибка Рекса, таким образом, была связана с излишней частотой изменений. Наконец, королю удалось привести законодательство в соответствие с требованиями действительности и начать применять его на практике. Но подданные были обескуражены, когда были опубликованы первые судебные решения – не прослеживалась связь между ними и ранее принятыми законами. В королевстве возникло устойчивое мнение, что вся деятельность Рекса была напрасна, что стало полностью очевидно после этой ошибки, восьмой по счету. Как пишет Л. Фуллер, король Рекс, пребывая в мрачайшем расположении духа,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

неожиданно для всех скончался, а его наследник, Рекс II, установил, что власть передается из рук юристов психиатрам и специалистам по связям с общественностью, чтобы сделать людей счастливыми безо всяких законов.⁴⁹⁰

Таким образом, право по Л. Фуллеру буквально держится на двух вещах: на *честном слове* и на *здоровом смысле* – оно невозможно без соблюдения минимума общей профессионально-коммуникативной этики, а также без общеразделяемых представлений о реальности, пусть таковые и могут быть весьма пластичны.

Как следует из концепции Л. Фуллера, для того, чтобы в какой-либо деятельности можно было бы усмотреть этический аспект (и перейти в плоскость рассуждения о морали долга и морали вдохновения, а также – главное – «внутренней моральности» такой деятельности) необходимо, чтобы такая деятельность имела коммуникативное измерение. Можно, однако, сказать, что любая деятельность потенциально имеет коммуникативное измерение. Приведем грубый, но наглядный пример: человек сверлит стену дрелью. Если это происходит в отделенном от других построек загородном доме, то коммуникативного измерения в практической плоскости такая ситуация не имеет (хотя, например, если данный процесс заснять на видео и потом использовать для обучения других, в этом смысле коммуникативное измерение есть, но это не так важно для подразумеваемой в примере абстракции). Если же человек сверлит стену ночью и в многоквартирном доме, в котором в данное время находятся и другие жильцы, то такой процесс – не только техническое действие с физическим

⁴⁹⁰ Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. С. 86–89.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

объектом, но и коммуникация, явно выражающая отношение к соседям. Подчеркнем, что наличие коммуникативного измерения является необходимым и достаточным условием для действия морали, но еще не для действия права. Для действия права коммуникативное измерение – необходимое, но не достаточное условие. Как будет обосновано далее, предмет [правовой] коммуникации должен обладать «социально-валютной ценностью», выступая в качестве обобщенного символического посредника – иными словами, выступать в качестве «внешнего референта ценности» (англ. “*external referent of value*”, “*ERV*” в терминологии С. Абрутина) и быть потенциально конвертируемым в другие подобные внешние референты ценности, также при этом его структура должна соответствовать структуре центрального значения правовой нормы.

В свою очередь, одно из наиболее примечательных положений концепции права Р. Алекси заключается в том, что праву присуще некое «притязание на правильность». Для контекста настоящего исследования данный подход важен по той причине, что притязание на правильность – один из способов отделить право от «неправа», а значит, по этой линии может проходить и концептуализация семантических пределов права.

В рамках концепции Р. Алекси был обоснован тезис о том, что ключевой характеристикой права и тем, что позволяет отличить право от не права, является «притязание на правильность» (англ. “*claim to correctness*”).⁴⁹¹ Но из содержания настоящего исследования вытекает, что такое притязание не единственное. Ранее мы уже приводили цитату Й. Хейзинги, которая начиналась со следующих слов: «На первый взгляд сфера права, закона и правосудия чрезвычайно отдалена от

⁴⁹¹ Alexy R. The Dual Nature of Law // *Ratio Juris*. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 168–172.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

сферы игры. Ибо священная серьезность и живейшие интересы отдельного человека и общества в целом царят во всем, что касается права и правосудия». Само словосочетание «священная серьезность», как нам кажется, прекрасно описывает и общее отношение к правовым явлениям, и индивидуальные психологические переживания тех, кто непосредственно созерцает правоприменение и, тем более, участвует в нем. В определенном смысле, необходимым качеством всего правового является также **«притязание на серьезность»**. Нормативный феномен, притязающий на правильность, но не притязающий при этом на серьезность, правом не является. Сопоставляя данное наблюдение с концепцией права Л. Фуллера, можно также уверенно сказать, что **«серьезность» является девятым принципом внутренней моральности права**. Оба наблюдения представляют собой естественное следствие концепции семантических пределов права.

Следуя фуллеровской логике, однако, мы также должны отметить, что правило, установленное гипотетическим тираном (злым двойником короля Рекса), даже если оно противоречит отдельным моральным правилам, по-прежнему останется правовым, если оно соответствует процедурной «внутренней моральности права». Как отмечал Л. Фуллер, даже тиран должен соблюдать принципы внутренней моральности права, если он хочет, чтобы его приказам подчинялись. Развивая представления о наборе этих принципов, отметим, что тиран должен озаботиться не только тем, чтобы его приказы не противоречили друг другу, были понятными и т.п., но при этом были и не абсурдными. Один из важных вопросов при этом, который также должен быть учтен, – насколько принцип «серьезности» как часть внутренней моральности

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

права соответствует принципу, согласно которому нельзя требовать невозможного. С синтаксическим абсурдом все довольно просто: это не тот же самый принцип, согласно которому нельзя требовать невозможного, это принцип, который стоит на один или два шага раньше, образно говоря, – даже невозможное нельзя потребовать посредством синтаксически-абсурдного высказывания. Семантический абсурд первого уровня (выявляемый посредством логического анализа на предмет противоречивости посредством *reductio ad absurdum*), также находится на этом уровне, предваряющем саму возможность рассуждения относительно всех остальных принципов внутренней моральности права. А вот семантический абсурд второго уровня, который и является предметом исследования в настоящей работе, противоречит не правилам формальной логики, а здравому смыслу. «Здравый смысл» определяется имплицитными общеразделяемыми положениями – примерно о них, как мы предполагаем, Л. Фуллер и писал в «Анатомии права».

Дискурс моральной философии и сопутствующие интерпретации абсурда в праве предлагают исходить из того, что здравый смысл объясняется и исчерпывается моралью, но это не так. Совершенно однозначно опровергает такой подход именно эмпирический материал, относящийся к медиальному повороту. Причем мораль в ситуации с динамитом в *Minecraft*? Использовать редукционистскую моральную модель и ограничиваться ей было бы неправильно. Гораздо более точной представляется теоретико-социологическая интерпретация, согласно которой ткань социальной реальности соткана из нитей обобщенных символических посредников, выраженных во внешних референтах ценности. Важно подчеркнуть, что соотношение между такой моделью и

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

дискурсом моральной философии таково, что это совершенно разные модели описания действительности. Сказать, что мораль – один из обобщенных символических посредников, будет неверно. Мораль частично пересекается с некоторыми обобщенными символическими посредниками. Это очень похоже на то как можно соотносить систему принципов социального порядка в «евномике» Л. Фуллера с видами источников права.⁴⁹² Ответ – никак. Это принципиально разные модели. Так же и здесь. **Таким образом, право не может быть абсурдным – оно не может противоречить здравому смыслу, – иначе никакого права не получится.**

Отдельно следует отметить, что поскольку концепция семантических пределов права позволяет структурировать модели применения, в том числе, потенциальных правовых норм и классифицировать такие модели на случаи, где это будет абсурдным, где это будет требовать морального «взвешивания», и где применением права будет полностью соответствовать здравому смыслу, постольку концепция в полной мере применима в качестве аналитического инструмента в инновационных областях правотворчества, включая правовое регулирование деятельности в области **робототехники, больших данных, искусственного интеллекта и интернета вещей**. Здесь следует особо подчеркнуть, что представления о семантических пределах права представляются крайне важными, поскольку демонстрируют возможные ограничения и слабые места в области **алгоритмизации и автоматизации права** – хорошо, если юридический искусственный интеллект может точно

⁴⁹² Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. - С. 69–72.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

воспроизводить синтаксис деонтической логики. Но для семантики второго уровня такая технология должна также учитывать и концепции теоретической социологии об обобщенных символических посредниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги исследованию, обобщив его основные положения. Поводом к постановке гипотезы о семантических пределах права послужила, на первый взгляд, достаточно узкая область проблем, связанных с определением возможности вмешательства права в отношения, складывающиеся между игроками многопользовательских онлайн-игр (как между собой, так и с игровыми компаниями). Традиционно, такие вопросы рассматриваются как частные вопросы гражданского и (или) информационного права. Вместе с тем, мы убедились, что проблема может быть осмыслена в более широком контексте теории и философии права, поскольку суть ее заключается в прояснении возможностей толкования и применения правовых норм к общественным отношениям, связанным с *виртуальной реальностью в широком смысле слова*. Этот термин подразумевает не только моделируемые компьютерными средствами пространства, но и близкие по своему социокультурному содержанию коммуникативные практики, включая игры и творчество в целом. Особенности текущего уровня развития информационного общества, которые могут быть выражены в понятии «медиаальный поворот» (нам при этом наиболее интересны его цифровая и игровая импликации), позволяют концептуализировать проблему как проблему поиска и определения *семантических пределов права* в актуальных социокультурных условиях.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Данная проблема соотносится с проблемой как толкования права, так и онтологии права. С точки зрения толкования права, главный вопрос заключается в том, в каких случаях результат толкования будет абсурдным, противоречащим здравому смыслу, – но не по причине нарушения правил формальной логики, а по причине нарушения иного, семантического порядка. С точки зрения правовой онтологии, речь идет о пределах права как такового – в смысле, в котором об этом говорил Л. Фуллер в «Анатомии права», приводя абсурдные примеры для демонстрации тезиса о том, что позитивизм зависит от отрицания связи между правом и моралью, поскольку позитивизм сам по себе формируется в определенным образом сконструированной социальной реальности. В ходе исследования нами последовательно были изучены возможные подходы к объяснению той категории абсурда, которая интуитивно осознается в связи с проблемой семантических пределов права.

Так, попытки реконструкции семантических пределов права исходя из философии морали не увенчались успехом – морально-правовой дискурс, в конечном счете, ограничен процессом анализа субстанциальных ценностей, однако в том же утверждении, согласно которому ст. 105 УК РФ («Убийство», один из магистральных примеров исследования) нельзя распространять на убийства в компьютерных играх, кажется, что дело в другом. Данное утверждение не кажется противоречащим морали или *просто* противоречащим морали, оно кажется бессмысленным – собственно, абсурдным или противоречащим здравому смыслу. Проблема в том, что при всей очевидности ответа современному читателю (кстати, не факт, что такое утверждение будет очевидным кому-либо в будущем), отсутствует рациональное объяснение,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

почему именно такая постановка вопроса абсурдна в принципе. Осложняет дело тот факт, что, если перейти от убийства к хищению, в условиях именно что медиального поворота и цифровой экономики отсылка к абсурду будет уже не убедительной.

В заключение приведем еще одно рассуждение, которое представляется нам важным. С точки зрения теоретической социологии, обобщенные символические посредники, соответствующие им внешние референты ценности, а также «процессуальные аспекты» – например, каким образом может устанавливаться связь между ними, – продукт социальной реальности. При этом методология социального конструкционизма указывает и на то, что *позитивное право* (независимо от типа правопонимания в отношении *права в целом*) представляет собой один из инструментов социального конструирования реальности. Из социально-конструкционистской методологии, в частности, вытекает, что судебное решение, по крайней мере, такое, которое вынесено судом наивысшей инстанции и не подлежит дальнейшему пересмотру, следует рассматривать как акт конструирования социальной реальности. В то же время, другие инструменты структурирования общественных отношений, не обязательно относящиеся или классифицируемые в рамках устоявшейся парадигмы философии и теории права, а также отраслевых дисциплин, также могут быть задействованы в социальном конструировании реальности и, как следствие, в создании внешних референтов ценности. В свете этого теоретического наблюдения полагаем, что «реанимация» концепции Л. Фуллера, которую он обозначал как «евномика» (наука о «хороших законах»– греч. “*eu*” и “*nomos*”) организации общества если и не будет иметь существенного

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

фундаментального значения, то будет весьма познавательна в пропедевтическом ключе пояснения принципов приложения теоретико-социологической концепции обобщенных символических посредников к праву.⁴⁹³

Так, Л. Фуллер, в историческом итоге своих рассуждений, предлагал отказаться от деления способов регулирования общественных отношений на «правовые» и «иные». Альтернативная классификация предполагала их разделение исходя из принципа принятия решения, которое, в нашей интерпретации, представляет собой акт социального конструирования реальности. К числу таких принципов относились: законодательная деятельность, договор, обычай, суд (условно, правовые), но также и медиация, управленческое решение, голосование или случайное решение (условно, неправовые).⁴⁹⁴ Если такое решение в обществе становится общезначимым и общеобязательным, хотя и не обязательно устанавливающим предоставительно-обязывающие нормы, обладающие данными качествами, то можно исходить из презумпции, что предмет имплементации соответствующего «принципа социального порядка» является внешним референтом ценности. Такой способ рассуждения подразумевает, что с помощью позитивного права можно «сообщить» социально-валютную ценность практически любому предмету. Однако, выражаясь поэтически, это противоречит духу нашей методологии в целом и переносит нас в плоскость извечного спора между позитивизмом и юснатурализмом. Почему?

⁴⁹³ Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. - С. 69–72.

⁴⁹⁴ Там же.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Имплицитная посылка всего настоящего исследования заключается в следующем принципе. **Если правоприменительное решение нацелено на общественное отношение, предмет которого несерьезен (не имеет социально-валютной ценности) и при этом фантазиен (он виртуален, и его структура при этом не изоморфна виртуальной модели реального предмета), такое решение будет абсурдным, и потому оно не может применяться и (или) должно быть отменено.** У данной имплицитной посылки, очевидно, есть имплицитные посылки второго уровня. Вот они:

— недопустимо принимать правоприменительные решения в отношении тех общественных отношений, предмет которых, в том числе (помимо фантазийности), не имеет социально-валютной ценности на момент вынесения такого решения. *В данном случае, вне всякого сомнения, речь идет о методологии социологической юриспруденции.*

— в некоторых случаях правоприменительные решения не могут применяться и (или) они должны быть отменены даже в случае, если формально-юридически они соответствуют всем процессуально- и материально-правовым нормам. *Аналогично, без сомнений, мы можем рассматривать эту посылку как соответствующую методологии юснатурализма.*

С долей иронии можно отметить: очень похоже, что мы подходим на дистанцию опасной близости к субстанциальному юснатурализму. Опасность такой близости обусловлена тем фактом, что субстанциальные теории естественного права, в конечном счете, являются предметом веры, а вера в области юридической науки вполне может оказаться субъективной. Однако

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

позволим себе альтернативную интерпретацию, которая, как мы предполагаем, позволит смягчить этот возможный удар.

В действительности, речь идет не о субстанциальном юснатурализме, а о процедурном и, как следствие, еще об одной грани «минимального содержания естественного права», которая помещает нашу концепцию семантических пределов права в условиях медиального поворота в контекст методологии **инклюзивного позитивизма**. Позитивизма при этом социологического толка.⁴⁹⁵ Что же следует сказать о «минимальном содержании естественного права»? Г. Харт говорил о биологическом выживании человека как о большей посылке силлогизма, в результате применения которой мы можем установить такое содержание. Но человек – не только биологическое существо, но еще и социальное. Физическое насилие над телом способно уничтожить человека как биологическое существо. **Интеллектуальное насилие над здравым смыслом же способно уничтожить человека как существо социальное.** Ведь абсурд и, особенно, абсурд в праве – это разрушение социальной реальности. Таким образом, семантические пределы права в условиях медиального поворота, как они рассмотрены в настоящей работе, свидетельствуют о притязании права на серьезность, перефразируя Р. Алекси, а перефразируя Л. Фуллера, – об аналогичном девятом принципе «моральности права».

⁴⁹⁵ Выскажем предположение о том, что представленная концепция вполне укладывается в отечественную традицию и может быть соотнесена с подходами, заложенными Л.И. Петражицким, в частности, о том, что право конструируется сознанием человека и вне сознания не существует. См.: *Polyakov A., The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – P. 7.*

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Источники на русском языке

Нормативные источники

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2019). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 30.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [Электронный ресурс]: от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.09.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

9. Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов: Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ (ред. от 04.11.2014). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

10. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.01.2019)

11. О внесении изменений в статью 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях противодействия обороту порнографической продукции с использованием несовершеннолетних и (или) среди несовершеннолетних и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 199-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

12. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

13. О залоге [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 29.05.1992 г. № 2872-1 (ред. от 01.01.2013). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2019).

14. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 18.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

15. О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 27.09.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2019)

16. О персональных данных [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

17. О праве международных договоров [Электронный ресурс]: Венская конвенция, заключена в Вене 23.05.1969 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

18. Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено [Электронный ресурс]: Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 251, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18 мая 2017 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

19. Пояснительная записка с Законопроекту № 804132-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» в части установления обязанностей операторов поисковой системы при распространении информации

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

о гражданах [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). – [Сайт]. – URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/804132-6> (дата обращения: 21.02.2019).

20. Приказ Минспорта России от 29.04.2016 г. № 470 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

21. Приказ Минспорта России от 16.03.2017 г. № 183 в ред. Приказа Минспорта России от 22.01.2018 г. № 49 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

22. Приказ Минспорта России от 05.07.2017 г. № 618 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

23. Распоряжение Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга от 07.05.2018 № 47 [Электронный ресурс] // Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. – [Сайт]. – URL: <http://knvsh.gov.spb.ru/closedcontests/view/188/> (дата обращения: 08.11.2018 г.).

24. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. – 15 мая 2017 г. – № 20. – Ст. 2901.

25. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

26. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.01.2019). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

Правоприменительная практика

27. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 14.05.2013 г. по делу № 33-1306/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

28. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2018 г. по Делу №33-10610 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

29. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 14.08.2013 г. по делу № 33-3468/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

30. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 04.02.2015 г. по делу № 33-887 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

31. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 02.04.2013 г. по делу № 33-2961-2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

32. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 12.11.2012 г. по делу № 33-10042 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

33. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 08.08.2012 г. по делу № 33-6866 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

34. Апелляционное определение Самарского областного суда от 11.09.2012 г. по делу № 33-8461 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

35. Апелляционное определение Самарского областного суда от 26.06.2012 г. по делу № 33-5960 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

36. Информация о Решении ЕСПЧ от 20.10.2015 г. по делу “M’Bala M’Bala (M’Bala M’Bala) против Франции” (жалоба № 25239/13) [Электронный ресурс] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2016. - №. 3. – – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

37. Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костехи Гонсалеса [Электронный ресурс] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2014. – № 9. – С. 22–23. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

38. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 г. № 22. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

39. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

40. О судебной практике по делам о грабеже и разбое [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.1966 г. № 31. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

41. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

42. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2007 г. № 45. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

43. Определение Басманного районного суда города Москвы от 01.06.2011 по делу № 11-43/11 и делу № 11-115/09 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

44. Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2016 г. № 16-КГ16-30 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

45. Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

46. Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

47. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

48. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.06.2011 г. № 684-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Евгения Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 1062 и 1063 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

49. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2009 года № 484-О-П по жалобе граждан С.М. Шимоволоса, А.В. Лашманкина, Д.П. Шадрина о нарушении их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

50. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.11.2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

51. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.03.2005 № 3-О «По жалобе гражданина Смакова Рината Миргалимовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 14 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" (в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2001 года), пункта 3 статьи 6.1 и абзаца второго пункта 1 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 года)» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

52. Определение Московского городского суда от 10.03.2011 по делу № 4г/1-1668 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

53. Определение Приморского краевого суда от 23.06.2014 г. по делу № 33-5131 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

54. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.04.2012 г. № 22-2281/2012 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

55. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 18.06.2015 г. № Ф05-7093/2015 по делу № А40-91072/14 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

56. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 12.10.2015 г. № Ф05-13554/2015 по делу № А40-56211/14 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

57. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.01.2017 г. «Дело “Хамтоху и Аксенчик (Khamtohu and Aksenchik) против Российской Федерации”» (жалобы № 60367/08 и 961/11) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 N 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

59. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

60. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

61. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

62. Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 19.04.2012 г. № 44-г-7 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

63. Постановление Суда Еврейской автономной области от 13.03.2013 г. по делу № 4-А-8/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

64. Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016. – [Сайт]. – URL: https://zavodoukovsky-tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2018).

65. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 18.06.2008 г. по делу № 2-228/08 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

66. Решение Самарского областного суда от 26.06.2014 г. № 21-311/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

Научные статьи

67. Абубакиров Ф.М. Квалификация причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Российский следователь. 2016. № 13. С. 17 – 20.

68. Антонов М.В., Архипов В.В., Поляков А.В. Научная полемика на берегах Майна: XXV Всемирный конгресс по философии права и социальной философии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 7 – 20.

69. Архипов В.В., Поляков А.В., Тимошина Е.В. Адаптация опыта систем прецедентного права к российской правовой системе: к постановке проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3 (302). С. 113 – 134.

70. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69-90.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

71. Архипов В.В. Виртуальное право. Основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. С. 93–114.

72. Архипов В.В. Игра всерьез: многопользовательские ролевые онлайн-игры в фокусе российской правоприменительной практики // Петербургский юрист. СПб., 2013. № 1. С. 56–61.

73. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. Москва, 2015. № 11. С. 61–69.

74. Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. 2017. № 1. С. 19–27.

75. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 6(55). С. 46 – 62.

76. Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80 – 92.

77. Архипов В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права // Сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции «Компьютерные игры: культурные интерфейсы и социальные интеракции» (Социологический институт РАН и Лаборатория исследований компьютерных игр, 19–21 октября 2018 г.) (статья принята к публикации, сборник в процессе подготовки).

78. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. 2011. № 2-2009. – С. 186 – 203.

79. Архипов В.В. Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6 (257). С. 145 – 152.

80. Архипов В.В. «Мораль права» Лона Фуллера: к выходу в свет русского перевода книги // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 5 (280). С. 113 – 121.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

81. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157 – 170.

82. Архипов В.В., Азизов Р.Ф. Отношения в сети Интернет формата Web 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием // Закон. Москва, 2014. № 1. С. 90 – 104.

83. Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. Москва, 2016. № 2. С. 18-25.

84. Архипов В.В., Наумов В.Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2016. № 2. С. 186-196.

85. Архипов В.В. Postmortem: «Анатомия права» Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. 2011. № 2-2009. С. 186 – 203.

86. Архипов В.В. Правила игры как нормативная система, или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // Философско-литературный журнал Логос. Москва, 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 214-225.

87. Архипов В.В. Предпосылки концепции смысловых пределов права в контексте современной информационной культуры // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. М.: ИГП РАН, 2018. – С. 272–286.

88. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52 – 68.

89. Архипов В.В., Килинкарлова Е.В., Мелашенко Н.В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. Москва, 2014. № 6. С. 120-143.

90. Ахундова Л.А., Азарова Е.А. Гемблинг как форма нехимической аддикции в современном обществе // Инновационная наука. – 2016. - № 4–5 (16). – С. 91–93.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

91. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – Т.10. – №3. – С. 9–25.

92. Бакеева Е.В. Онтологическая концепция истины в контексте постнеклассической научной рациональности // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. – С. 11 – 18.

93. Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 2. С. 9–35.

94. Белов А.В. Информационное общество и информационная культура в России: к постановке проблемы // Вестн. Волгогр. гос. Ун-та. Сер. 7, Филос. – 2009. - № 1 (9). – С. 198–200.

95. Белов С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. – 2016. - № 1. – С. 63–75.

96. Белоусов А.Д. К вопросу о влиянии компьютерных игр на преступное поведение несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2007. № 6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

97. Булыгин Е.В. Границы логики и аргументация в праве / Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. Пер. с английского, немецкого, испанского / под научн. ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2016. – С. 154–182.

98. Волков О.Ю., Волков Ю.К. Компьютерная игра как технологический и эстетический феномен культуры информационного общества // Приволжский научный вестник. 2015. №6-3 (46). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-igra-kak-tehnologicheskii-i-esteticheskii-fenomen-kultury-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 01.10.2017).

99. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24-48.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

100. Гасанов Р.С. Проблемы квалификации и доказывания разбойных нападений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 35 – 39. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

101. Грибанов Д.В. К вопросу о правовой теории кибернетического пространства // Государство и право. 2010. № 4. С. 57–62.

102. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.

103. Демидова М.В. «Символический капитал» П. Бурдьё и «Капитал» К. Маркса // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. - № 11. – С. 27–32.

104. Дмитрик Н.А. Пределы правового регулирования в цифровую эпоху // Информационное общество. 2018. № 3. С. 47–57.

105. Дрокина К.В., Дарбинян Т.А. Анализ возможностей применения технологии дополненной реальности в современных условиях // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 2. С. 114–116.

106. Ефремов А.А. Тенденции развития правового регулирования информационного пространства // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 2. С. 80–83.

107. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

108. Иванова О.А. Азартные игры: понятие и признаки в концепции российского законодательства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). – С. 111–117.

109. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. - № 1. – С. 31–40.

110. Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. Учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. – 856 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

111. Корнеев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 29 – 43.

112. Кравцов А.А. Использование технологии дополненной реальности для визуализации виртуального объекта в реальном интерьере [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 84. – [Сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-dopolnennoy-realnosti-dlya-vizualizatsii-virtualnogo-obekta-v-realnom-interiere> (дата обращения: 24.01.2019).

113. Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Том 7. № 3. – С. 217 – 222.

114. Малинова И.П. Интерпретация социальной реальности в правотворчестве и реформаторской деятельности // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 8-14 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.01.2019).

115. Меньшикова Н.Н. Категория фантазийности в науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. – С. 95 – 102.

116. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). – С. 237 – 243.

117. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Философские взгляды «раннего» Г. Харта и проблемы языка права // Харт Г.Л.А. Философия и язык права. – М., 2017. – С. 7 – 26.

118. Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей // Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

119. Петров О.В. Акционизм и его проявление в вокально-инструментальных сочинениях Джона Кейджа // Проблемы науки. 2018. № 5 (125). С. 103-106.

120. Понукалина О.В. Игры общества потребления: конструирование повседневности // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. - №1. – С. 1–7.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

121. Потапова О.С. Компьютерная в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (1). – С. 349 – 353.

122. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург: Издательство РХГА. 2014. – 162 с.

123. Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127 – 150.

124. Семенюта Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 8. С. 38-45.

125. Тимошина Е.В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 6–24.

126. Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 14. – Вып. 3. – 2015. – С. 4–34.

127. Тимошина Е.В. Проблема юстициальности прав человека в ситуациях их конкуренции и принцип пропорциональности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. - № 4. – С. 464–485.

128. Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6. С. 124 – 159.

129. Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова / Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6. С. 124 – 159 [Электронный ресурс] // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – [Сайт]. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1220794> (дата обращения: 24.02.2019).

130. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Философия и язык права / Герберт Лайонел Адольф ХАРТ. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017 – 384 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

131. Швырев В.С. Мой путь в философии // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2009. – URL: <https://iphras.ru/page50109829.htm> (дата обращения: 13.01.2019).

132. Яковлев Б.С., Пустов С.И. История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. № 3. С. 479–484.

Монографии и иные книги

133. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 249 с.

134. Архипов В.В., Краевский А.А., Тимошина Е.В. Теория права и государства. Практикум. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2015. – 201 с.

135. Баженова Е.А. Философия права Г.Л.А. Харта: учеб. пособие / Е.А. Баженова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: изд-во ВлГУ, 2016. – 92 с.

136. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995 – 323 с. [Электронное издание] // «Библиотека скептика». – [Сайт]. – URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf (дата обращения: 21.02.2019).

137. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. – М.: Издательство «Эксмо», 2016. – 352 с.

138. Бойко М. Азы экономики. – М.: Издатель «Книга по Требованию», 2015. – 470 с. [Электронное издание] // Азы экономики. – [Сайт]. – URL: http://azy-economiki.ru/docs/the_basics_of_Economics.pdf/ (дата обращения: 06.02.2019).

139. Будылин С.Л. Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста. – М.: «Инфотропик Медиа», 2017. – 308 с. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

140. Бурдые П. Практический смысл (1980) / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Л. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2011. – 562 с.

141. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. – 288 с.

142. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. – 508 с.

143. Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.

144. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ: Астрель. 2010. – 347 с.

145. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. – М.: Академический Проект, 2012. – 237 с.

146. Ефремов А.А. Защита государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. М. НОРМА, 2017. – 128 с.

147. Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 459 с.

148. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

149. Козлова М.С. Идея “языковых игр” // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. С. 5 – 24.

150. Костер Р. Разработка игр и теория развлечений. Москва: ДМК Пресс, 2018. – 288 с.

151. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – 498 с.

152. Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования / Под ред. В.В. Савчука. Издательство: Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2014. – 328 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

153. Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М., 1998 [Электронный ресурс] // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 09.09.2012. – [Сайт]. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395> (дата обращения: 03.02.2019).

154. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. – Т. 2. – X + 454 с.

155. Политология: учеб. / А.Ю. Мельвилль [и др.]. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 618 с.

156. Продан И.С. Познание и его объект. Оправдание здравого смысла. – Харьков, 1913. – 472 с.

157. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 232 с.

158. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. – 640 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

159. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018 [Электронное издание. Редакция 1.0]. 1264 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

160. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – М.: Экономика, 2004.

161. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. – 743 с.

162. Степин В.С. Человеческое познание и культура. СПб., 2013. – 140 с.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

163. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 472 с.

164. Философские идеи Людвиг Витгенштейна. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. – 169 с.

165. Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. - № 2. – С. 204 – 319.

166. Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 308 с.

167. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

168. Хёйзинга Й. Номо Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997 – 416 с.

169. Эннекперус Л. Курс германского гражданского права. М., 1949. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. С. 191–192.

Диссертационные исследования

170. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2009.

171. Багно Ю.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из игр и пари: Автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. Краснодар, 2004.

172. Лопатинская Т.Д. Феномен игры в условиях виртуализации современной культуры / Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», 2013. – 20 с.

173. Милкин-Скопец М.А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2010.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

174. Павленко П.В. Гражданско-правовое регулирование игр, пари и смежных с ними институтов гражданского права (сравнительный аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

175. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в русской философии права (начало XX в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2013. – 477 с.

Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов

176. Dota 2 [Electronic resource] // Dota 2. – [Site]. – URL: <http://ru.dota2.com/> (accessed: 21.02.2019).

177. Архипов В.В. Информационные отношения в рамках Pokémon Go [Электронный ресурс] // LF Академия. – [Сайт]. – URL: <https://lfacademy.ru/course/13479> (дата обращения: 24.01.2019).

178. Во все тяжкие (сериал, 2008 – 2013) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/404900/> (дата обращения: 21.02.2019 г.).

179. В России отказались допускать к печати часть комикса о Дэдпуле // Lenta.Ru. 15 января 2019 г. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/01/15/deadpool/> (дата обращения: 15.01.2019).

180. Игла (1988) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/igla-1988-42576/> (дата обращения: 21.02.2019 г.).

181. Издательство «Комильфо» [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <http://www.komilfobook.ru/> (дата обращения: 15.01.2019).

182. Леонов А. История убийств в Ultima Online: как игроки-преступники противостояли разработчикам [Электронный ресурс] // DTF.RU. 5 июля 2018 г. – [Сайт]. – URL: <https://dtf.ru/games/22604-istoriya-ubiystv-v-ultima-online-kak-igroki-prestupniki-protivostoyali-razrabotchikam> (дата обращения: 23.01.2019 г.).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

183. Полезные игры: мировые исследования интерактивных развлечений. Экспертный Совет Игровой Индустрии и СПбГУ о недоказанности вреда видеоигр // DTF. – [Сайт]. – URL: <https://dtf.ru/gamedev/5940-poleznye-igry-mirovye-issledovaniya-interaktivnyh-razvlecheniy> (дата обращения: 21.02.2019).

184. Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Coursera. – [Сайт]. – URL: <https://ru.coursera.org/learn/regulirovaniye-interneta> (дата обращения: 08.11.2018 г.).

185. Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Открытое образование. – [Сайт]. – URL: <https://openedu.ru/course/spbu/PRAVREG/> (дата обращения: 08.11.2018 г.).

186. Топ-10 самых нелепых судебных споров в России [Электронный ресурс] // Право.ру. – [Сайт]. – URL: <https://pravo.ru/story/204500/> (дата обращения: 28.01.2019).

187. Роскомнадзор попросил не запрещать Minecraft из-за рецепта динамита, 03 фев. 2017 [Электронный ресурс] // Информационное агентство РБК. – [Сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d (дата обращения: 04.07.2018).

188. Семенов А. Мировой рынок игр заработает \$137,9 млрд за 2018 год [Электронный ресурс] // App2Top.ru. – [Сайт]. – URL: <https://app2top.ru/industry/mirovoj-ry-nok-igr-zarabotaet-137-9-mlrd-za-2018-god-120106.html> (дата обращения: 26.01.2019).

189. Смит Д.В. «Для ребенка, который проводит много времени за компьютером, киберспорт – это выход» // Мел. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://mel.fm/mneniye_eksperta/7604295-esport (дата обращения: 21.01.2019).

190. Черных А., Карпенко М., Миронова К. Роспотребнадзор победил супергероя. Часть комикса о Дэдпуле не допущена к печати в России // Коммерсант. 15.01.2019, стр. 5. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3854153> (дата обращения: 15.01.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

191. Эксперт: объем цифровой экономики может достичь 9 трлн рублей к 2012 году [Электронный ресурс] // ТАСС. 6 апреля 2018 г. – [Сайт]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/5100974/> (дата обращения: 26.01.2019).

192. Юридические анекдоты [Электронный ресурс] // Orator.ru. – [Сайт]. – URL: http://www.orator.ru/pr_yuridiceskie_anekdoty.html (дата обращения: 05.02.2019).

193. Я работаю в Роскомнадзоре [Электронный ресурс] // The Village. – [Сайт]. – URL: <https://www.the-village.ru/village/people/howtobe/316129-zapreschalschik> (дата обращения: 28.01.2019).

Источники на иностранных языках

Нормативные источники

194. The General Data Protection Regulation (EU) 2016/679 [Electronic resource] // EUR-Lex. – [Site]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (accessed: 26.01.2019).

195. Protection of Young Persons Act (Jugendschutzgesetz, JuSchG) of 23 July 2002 [Federal Law Gazette BGBl. I p. 2730, 2003 I, p. 476] [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/fileadmin/documents/Publisher_Bereich/2017_JuSchG_englisch.pdf (accessed: 21.02.2019).

Правоприменительная практика

196. *Bragg v. Linden Research, Inc.*, 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007) [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-paed-2_06-cv-04925/summary (accessed: 11.02.2019).

197. *Church of the Holy Trinity v. United States*, 143 U.S. 457 (1892) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/143/457/> (accessed: 24.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

198. *MDY INDUSTRIES, LLC v. Blizzard Entertainment*, 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010) [Electronic resource] // CourtListener. – [Site]. – URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/181055/mdy-industries-llc-v-blizzard-entertainment/> (accessed: 24.02.2019).

199. *Leonard v. Pepsico, Inc.*, 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) *aff'd* 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/88/116/2579076/> (accessed: 28.01.2019).

200. *Chung Fook v. White*, 264 U.S. 443 (1924) [Electronic resource] // FindLaw. – [Site]. – URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/264/443.html> (accessed: 18.10.2018).

201. *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc.*, 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979) [Electronic resource] // OpenJurist. – [Site]. – URL: <https://openjurist.org/601/f2d/516/hackbart-v-cincinnati-bengals-inc> (accessed: 24.02.2019).

202. *Pub. Citizen v. U.S. Dep't of Justice*, 491 U.S. 440, 470-71 (1989) (Kennedy, J., concurring) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/440/> (accessed: 24.02.2019).

203. *R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC* [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. – [Site]. – URL: <https://la.utexas.edu/users/jmciver/357L/QueenVDS.PDF> (accessed: 28.01.2019).

204. *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98* [Electronic resource] // E-Lawresources.co.uk. – [Site]. – URL: <http://www.e-lawresources.co.uk/Re-Sigsworth.php> (accessed: 18.10.2018).

205. *United States v. Kirby*, 74 U.S. 482 (1868) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/482/> (accessed: 24.02.2019).

Научные статьи

206. Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. 2015. Vol. 51. No. 3. – PP. 445 – 471.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

207. Alexy R. The Dual Nature of Law // *Ratio Juris*. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 167–182.
208. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2018. Т. 13. № 6. С. 94–123.
209. Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // *Social Sciences Research Network*. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019).
210. Bix B. Robert Alexy, Radbruch's Formula, and the Nature of Legal Theory // *Rechtstheorie*. – Vol. 37. – 2006. – PP. 139–149.
211. Bix B. Radbruch's Formula and Conceptual Analysis // *The American Journal of Jurisprudence*. 2011. Vol. 56. PP. 45 – 57.
212. Blackwell C., Carroll J. Minecraft Economics: A Study of Wealth Inequality in a Virtual World [Electronic resource] // *Social Science Research Network*. – 4 June 2018. – [Site]. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3185048> (accessed: 04.07.2018).
213. Briquel D. The Punishment of the Hellespont by Xerxes: Perception of Religious Behaviour of the Enemy in Conflict Situations [Electronic resource] // *Graeco-Latina Brunensia*. 2016. No. 2. P. 51. – URL: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/136219> (accessed: 28.01.2019).
214. Castronova E. The Right to Play // *New York Law School Law Review*. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 185-210.
215. Chernilo D. The Theorization of Social Co-Ordinations in Differentiated Societies: The Theory of Generalized Symbolic Media in Parsons, Luhmann and Habermas // *British Journal of Sociology*. 2002. Vol. 53. Issue 3. – PP. 431 – 449.
216. Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // *Games and Culture*. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408 – 417. – URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575> (accessed: 02.07.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

217. Dalton H.L. “Disgust” and Punishment // *The Yale Law Journal*. 1986-1987. Vol. 96. PP. 881–913.

218. Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgment, and Law // *Notre Dame Law Review*. 2009. Vol. 84. Issue 4. PP. 1529–1605.

219. Dworkin R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals // *The Yale Law Journal*. 1965-1966. Vol. 75. P. 986–1005.

220. Fairfield J., *The Language-Game of Privacy* // *Michigan Law Review*. – 2018. – Vol. 116. Issue 6. – P. 1171.

221. Fairfield J. *The Magic Circle* // *Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law*. – 2009. – No. 1 (May). – PP. 823 – 840.

222. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // *Harvard Law Review*. 1958. Vol. 71. P. 630-672.

223. Hamari J., Sjöblom M. What is eSports and why do people watch it? // *Internet Research*. – Vol. 27. – Issue 2. – PP. 211–232.

224. Hare R.M. *The Promising Game* // *Revue Internationale de Philosophie*. – 1964. – Vol. 18. – No. 70(4). – PP. 398–412. – URL: <https://www.jstor.org/stable/23940466> (accessed: 26 July 2018).

225. Hart H.L.A. *The Positivism and the Separation of Law and Morals* // *Harvard Law Review*. 1958. Vol. 71. P. 593-629.

226. Jellum L.D. *But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism* // *Brooklyn Law Review*. 2011. Vol. 76. PP. 917–939.

227. Jiang M. *Authoritarian Informationalism: China’s Approach to Internet Sovereignty* // *SAIS Review of International Affairs*. 2010. No. 30(2). PP. 71-89. – Available at Social Science Research Network [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1702128 (accessed: 02.10.2018).

228. Jackson B.S. *Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence* // *Droit et société*. – 1991. – No. 17-18. – PP. 99 – 123. – doi: <https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105>.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

229. Johnson H.M. The Generalized Symbolic Media in Parsons' Theory // *Sociology & Social Research*. 1973. – PP. 208 – 221.

230. Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation // *ARSP: Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*. 2004. Vol. 90. No. 1. PP. 51–65.

231. Lastowka G. The Player-Authors Project [Electronic resource] // *Social Science Research Network*. – 30 November 2013. – [Site]. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2361758> (accessed: 04.07.2018).

232. Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // *Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website*. – [Site]. – URL: <http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf> (accessed: 26.01.2019).

233. MacCormick N. Legal Deduction, Legal Predicates and Expert Systems // *Revue Internationale de semiotique juridique*. – 1992. – Vol. 5. – P. 181–202.

234. Malaby T.M. Beyond Play: A New Approach to Games. [Electronic resource] // *Social Science Research Network* [Site]. – URL: <https://ssrn.com/abstract=922456> (accessed: 02.07.2018).

235. Manning J.F. The Absurdity Doctrine // *Harvard Law Review*. 2003. Vol. 116. PP. 2387–2486.

236. McIntyre J. Making the Law Explicit: The Normativity of Legal Argumentation. By Matthias Klatt // *The Cambridge Law Journal*. 2011. Vol. 70. No. 3. – PP. 674–676.

237. Midgley M. The Game Game // *Philosophy*. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: <https://www.jstor.org/stable/3750115> (accessed: 26 July 2018).

238. Nyberg A.K. Seal of Approval: The Origins and History of the Comics Code. Vol 1. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. – 1228 p. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://books.google.ru/books?id=WGDschFUKRQC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 15.01.2019).

239. Polyakov A., *The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism* / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – PP. 1–36.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

240. Radbruch G. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law (1946) // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. No. 1. PP. 1 – 11.

241. Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Social Science Research Network Website, URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578 (accessed: 24.01.2019).

242. Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/> (accessed: 17.10.2018).

243. Staszewski G. Avoiding Absurdity // Indiana Law Journal. 2006. Vol. 81. PP. 1001–1065.

244. Stenros J. In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play [Electronic resource] / Proceedings of DiGRA Nordic 2012 Conference: Local and Global – Games in Culture and Society // Digital Games Research Association. – [Site]. – URL: <http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/12168.43543.pdf> (accessed: 06.02.2019).

245. Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology / Ed. by A. Javier Treviño, Foreword by Neil J. Smelser. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. – 261 p.

246. Turner T.S. Parsons' Concept of "Generalized Media of Social Interaction" and its Relevance for Social Anthropology // Sociological Inquiry. 1968. Vol. 38. Issue 2. – PP. 121 – 134.

247. Turner B.S., Preface to the New Edition // Parsons T., The Social System. London: Routledge, 1991. – pp. 14 – 31.

248. Van Doren J.W. Theories of Professors H.L.A. Hart and Ronald Dworkin – A Critique // Cleveland State Law Review. 1980. Vol. 279. PP. 279 – 309.

Монографии и иные книги

249. Brandom. R.B. Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard University Press, 1994. – 741 p.

250. Caenegem R.C. van. An Historical Introduction to Private Law. 1992. – 215 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

251. Coleman J. *The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory*. Oxford, 2001. – 248 p.
252. Costello M.J. *Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America*. New York: Continuum. 2009. – 293 p.
253. Cotterrell R. *Law, Culture and Society. Legal Ideas in the Mirror of Social Theory*. Hampshire: Ashgate, 2006. – 205 p.
254. Devlin P. *The Enforcement of Morals*. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p.
255. Duranske B.T. *Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. – 2008. – 461 p.
256. Feinberg J. *Harm to Others*. New York: Oxford University Press. 1984. – 288 p.
257. Fine G.A. *Shared Fantasy: Role-Playing Games as Social Worlds*. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 298 p.
258. Fuller L.L. *The Morality of Law*. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p.
259. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. – Boston: Northeastern University Press, 1974. – 586 p.
260. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. – 2nd Edition. – New York: Oxford University Press, 1994. – 315 p.
261. Klatt M. *Making the Law Explicit. The Normativity of Legal Communication*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. – 303 p.
262. Lastowka G. *Virtual Justice. The New Laws of Online Worlds*. New Haven and London: Yale University Press. 2010.
263. Manovich L. *The Language of New Media*. London: MIT Press: Cambridge, Massachusetts, 2001. – 202 p.
264. Mill J.S. *Utilitarianism, Liberty and Representative Government*, London: Dent. 1920. – 393 p.
265. Parsons T., *The Social System*. London: Routledge, 1991. – 404 p.
266. Raz J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Oxford University Press. 1986. – 434 p.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

267. Ross A. On Law and Justice (1959). – Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd., 2004. – 383 p.

Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов

268. 10 Weird and Wonderful Cases Every Law Student Should Know About [Electronic resource] // Oxford Royale Academy. – [Site]. – URL: <https://www.oxford-royale.co.uk/articles/weird-wonderful-law-cases.html> (accessed: 28.01.2019).

269. Abandonment / Comics Code Authority // Wikipedia. – [Electronic Resource]. – [Site]. URL: – https://en.wikipedia.org/wiki/Comics_Code_Authority#cite_note-3 (accessed: 15.01.2019).

270. Allen N. To Kill a Mockingbird and Huckleberry Finn banned from schools in Virginia for racism // The Telegraph. 5 Dec. 2016. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/05/kill-mockingbird-huckleberry-finn-banned-schools-virginia-racism/> (accessed: 02.10.2018).

271. Amini T., 25 Video Game Violence Studies, Summarized // Kotaku. 1/17/13 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://kotaku.com/5976781/25-video-game-violence-studies-summarized> (accessed: 11.01.2019).

272. Belgium Joins the Netherlands in Ruling that Declares Some Loot Boxes Illegal [Electronic resource] // IGN. 25 Apr. 2018. – [Site]. – URL: <https://www.ign.com/articles/2018/04/25/belgium-joins-the-netherlands-in-ruling-that-declares-some-loot-boxes-illegal> (accessed: 25.02.2019).

273. CBLDF Case Files – Texas v. Castillo [Electronic resource] // Comic Book Legal Defense Fund. – [Site]. – URL: <http://cblfd.org/about-us/case-files/cblfd-case-files/castillo/> (accessed: 21.02.2019).

274. China to Crack Down on Children’s Video Gaming Time Amid Fears Over Addiction [Electronic resource] // The Telegraph. 31 August 2018. – [Site]. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/31/china-crack-childrens-video-gaming-time-amid-fears-addiction/> (accessed: 24.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

275. ESRB Ratings Guide [Electronic resource] // ESRB. – [Site]. – URL: http://www.esrb.org/ratings/ratings_guide.aspx (accessed: 21.02.2019).

276. Facebook. Our History [Electronic resource] // Facebook Newsroom. – [Site]. – URL: <https://newsroom.fb.com/company-info/> (accessed: 26.01.2019).

277. Feinberg, Joel [Electronic resource] // Encyclopedia.com. – [Site]. – URL: <https://www.encyclopedia.com/humanities/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/feinberg-joel-1926-2004> (accessed 23.01.2019).

278. Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

279. Joseph Raz [Electronic resource] // Columbia University. – [Site]. – URL: <https://www.law.columbia.edu/faculty/joseph-raz> (accessed: 26.01.2019).

280. Lifetime Achievement [Electronic resource] // PC Magazine. December 22, 2004. – [Site]. – URL: <https://www.pcmag.com/article2/0,2817,1744159,00.asp> (accessed: 23.01.2019).

281. Pokémon Go (см.: Pokémon Go [Electronic resource] // Pokémon Go. The Pokémon Company International, Inc. – [Site]. – URL: <https://www.pokemongo.com/en-us/> (accessed: 24.01.2019).

282. The Comics Code of 1954 // Comic Book Legal Defense Fund. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <http://cbldef.org/the-comics-code-of-1954/> (accessed: 15.01.2019).

283. Deadpool // Marvel. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://www.marvel.com/characters/deadpool-wade-wilson> (accessed: 15.01.2019).

284. Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice> (accessed: 04.02.2019).

285. Lolita / The Hunger Games Reaches Another Milestone: Top 10 Censored Books // Time. Sept. 28, 2008 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <http://entertainment.time.com/2011/01/06/removing-the-n-word-from-huck-finn-top-10-censored-books/slide/lolita/> (accessed: 02.10.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

286. Macleod C. John Stuart Mill [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (August 25, 2016). – [Site]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/mill/> (accessed: 23.01.2018).

287. См.: Manhunt [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: <https://www.rockstargames.com/manhunt/> (accessed: 21.02.2019).

288. Morton J. Obituary: Lord Devlin [Electronic resource] // Independent. 11 August 1992. – [Site]. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/people/obituary-lord-devlin-1539619.html> (accessed: 23.01.2019).

289. PEGI Age Ratings [Electronic resource] // PEGI. – [Site]. – URL: <https://pegi.info/page/pegi-age-ratings> (accessed: 21.02.2019).

290. Raphael Koster [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: <https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,327570/> (accessed: 23.01.2019).

291. Report of Committee on Homosexual Offences and Prostitution (Cmnd 247). 1957 [Electronic resource] // The National Archives. – [Site]. – URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C1386377> (accessed: 23.01.2019).

292. Roberts W. The Dumbest Lawsuits in Recent History [Electronic resource] // Ranker. – [Site]. – URL: <https://www.ranker.com/list/the-13-dumbest-lawsuits-in-recent-history/williammtx> (accessed: 28.01.2019).

293. Space Invaders. Electronic Game [Electronic resource] // Encyclopaedia Britannica. – [Site]. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Space-Invaders> (accessed: 21.02.2019).

294. Thomas Reid Quotes [Electronic resource] // Goodreads. – [Site]. – URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/17381.Thomas_Reid (accessed: 24.02.2019).

295. Unger R. 25 Insane Court Cases That Never Should Have Made It To Court [Electronic resource] // MoneyVersed. – [Site]. – URL: <http://moneyversed.com/absurd-court-cases/> (accessed: 28.01.2019).

296. USK - Unterhaltungssoftware Selbstkontrolle [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: <http://www.usk.de/en/> (accessed: 21.02.2019).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

297. Video Gaming Industry Overview // WePC. May 2018. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <https://www.wepc.com/news/video-game-statistics/> (accessed: 11.01.2019).

298. Will Wright [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: <https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,4217/> (accessed: 23.01.2019).

299. Wilson M.D. Comics Bogeyman: A Look Back at ‘Seduction of the Innocent’ // Comic Alliance. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: <http://comicsalliance.com/history-fredric-wertham-seduction-of-the-innocent/> (accessed: 15.01.2019).

300. YouTube Policies and Safety [Electronic resource] // YouTube. – [Site]. – URL: <https://www.youtube.com/intl/en-GB/yt/about/policies/#community-guidelines> (accessed: 21.02.2019).

301. Zimmerman E. Jerked Around by the Magic Circle – Clearing the Air Ten Years Later [Electronic resource] // Gamasutra. – [Site]. – URL: https://www.gamasutra.com/view/feature/135063/jerked_around_by_the_magic_circle_.php (accessed: 18.10.2018).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Приложение 1. Структурная схема логики концепции семантических пределов права

Таблица 1. Структурная схема логики концепции семантических пределов права

<i>Семантические пределы права</i>		<i>Соответствие критериям</i>			
<i>Критерии</i>	« СЕРЬЕЗНОСТЬ » – «Валютная ценность» предмета отношений (Т. Парсонс и др.)	Нет	Есть	Нет ⁴⁹⁶	Есть
	« РЕАЛЬНОСТЬ » – Адекватность функциональной структуры предмета отношений ⁴⁹⁷ (изоморфность)	Нет	Нет	Есть	Есть
<i>Квалификация результата толкования по отношению к здравому смыслу</i>		Абсурдность	Взвешивание ценностей / мораль		Здравый смысл
<i>Пример практической ситуации</i>		Блокировка сайта с фантазийным рецептом динамита из <i>Minecraft</i> . Предмет структурно фантазиен, а применение динамита в <i>Minecraft</i> не имеет «валютной ценности» в смысле соответствующей нормы.	Социальная сатира в отношении реальных субъектов. Предмет очевидно серьезен (конвертация), но чаще всего нереален. Правоприменение зависит от взвешивания свободы слова и иных ценностей.	Полевая ролевая игра с использованием реального огнестрельного оружия. Предмет несерьезен, но структурно адекватен. Идет взвешивание общественной опасности и права на отдых / культуру.	Классическая “ <i>gunman situation</i> ”, в которой разбойник опирается на насилие (посягая на «социально-валютную ценность»), и при этом использует реальное оружие для получения реальных денег (главный предмет, пожалуй, именно деньги, а не оружие).

⁴⁹⁶ В данном случае можно предположить, что «социально-валютная ценность» отсутствует в результате изменения конвенции – принцип согласия Дж. Фэйрфилда.

⁴⁹⁷ «Серьезность» и «реальность» предмета отношений – взаимосвязанные и взаимоопределяемые критерии. Адекватность структуры должна определяться в том аспекте предмета, в котором он имеет валютную ценность, и наоборот. **Анализ фактического состава как часть процесса правоприменения должен включать в себя интеллектуальный процесс выделения элементов, имеющих «социально-валютную ценность» и проверку их структурной адекватности.** «Валютная ценность» должна оцениваться с точки зрения предмета регулирования нормы, вопрос о применении которой к отношениям рассматривается.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Приложение 2. Функциональная схема аналитического процесса применения концепции семантических пределов права («пограничная ситуация» толкования)

Таблица 2. Функциональная схема аналитического процесса применения концепции семантических пределов права («пограничная ситуация» толкования)

№	Последовательный этап процесса	Описание / пояснение этапа процесса	Практический пример (блокировка сайта <i>Minecraft</i>) ⁴⁹⁸
1.	Рациональная или интуитивная постановка гипотезы об абсурдности результата толкования права	С точки зрения философии здравого смысла, интуитивная постановка такой гипотезы в порядке вещей – бывает очевидно, что «что-то не так» с толкованием. С более развернутой точки зрения можно отметить, что возможность и правомерность интуитивной постановки вопроса объясняется тем, что прошедший социализацию (в том числе, профессиональную) специалист в области права, личность которого является продуктом своей социальной реальности, как минимум, примерно осознает или «чувствует» характерные для данного общества и времени обобщенные символические посредники и может догадываться о том, что с этим «что-то» может быть «не так». Сомнения в изоморфности предмета отношения центральному значению правовой нормы при этом могут быть вполне рациональны – достаточно отсутствия прямого логического соответствия.	В случае, если ограничивается информация о блокировке интернет-сайта, содержащего описание рецепта «взрывчатого вещества» из компьютерной игры, усматриваются интуитивные основания об абсурдности результата толкования соответствующих правовых текстов.
2.	Установление именно того предмета общественного отношения , анализ качеств которого необходим для разрешения данного дела.	Один из наиболее сложных этапов в рамках концепции. Любое реальное общественное отношение представляет собой сложный состав, включающий несколько возможных предметов, каждый из которых может быть потенциально связан с разными обобщенными символическими посредниками. Таким образом, на данном этапе осуществляется выбор ракурса рассмотрения ситуации. Поскольку ключевые практические задачи концепции семантических пределов права заключаются в том, чтобы	Предмет отношений, связанных с размещением такого рецепта, может быть разным – например, распространение подобного контента может оцениваться с точки зрения права интеллектуальной собственности или свободы творчества. Возможность блокировки сталкивается с этими ценностями. При этом возможность блокировки связана с гипотетическим представлением о том, что это

⁴⁹⁸ Сквозной репрезентативный пример настоящего исследования. Как минимум, один раз было вынесено судебное решение об ограничении доступа к сайту популярной (и довольно невинной) компьютерной игры *Minecraft*, где содержался «рецепт изготовления динамита», который был вымышленным. Сам Роскомнадзор счел такое решение абсурдным, и не стал блокировать сайт. Более подробно см. § 5 Главы 1 настоящего исследования.

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

		предложить модели и структурировать формы для применения, толкования и создания права в «области полутени», отправной точкой для установления предмета может выступать, например, и центральное значение правовой нормы, и приоритет государственной политики, и иное наличествующее позитивное (в смысле позитивного права или позитивной морали) основание, которое прямо или косвенно приводит к столкновению с какой-либо разделяемой ценностью.	«террористическая деятельность» (тогда как абсурдность – с тем, чтобы называть так процесс развлекательной компьютерной игры – можно усмотреть здесь элементы гротеска). Предмет отношений, таким образом, это информация о предмете, предположительно, террористической деятельности.
3.	«Подготовка» центрального значения правовой нормы для последующего использования в качестве референта для проверки структурной адекватности предмета правового отношения.	Данный этап основан на представлении о том, что в любом правиле, независимо от степени формальной неопределенности, допустимо выделить, как минимум, одно значение, которое может быть отнесено к области «центрального значения» в терминологии Г. Харта. Используя метод гипотезы и логические приемы <i>аналитически выделяется такое модельное центральное значение либо круг значений</i> , о которых можно сказать, что они – центральные, после чего, при необходимости, осуществляется <i>абстрагирование от деталей для формирования структуры</i> модельного центрального значения.	В центральное значение соответствующей правовой нормы входит распространение такого рецепта динамита, в результате которого может быть создано реальное взрывчатое вещество.
4.	Проверка структурной адекватности предмета отношения центральному значению правовой нормы , которая предположительно подлежит применению в данном деле.	Данный этап находится в зависимости от результатов предыдущих этапов. Выделенная абстрактная структура, лежащая в основе центрального значения соответствующей правовой нормы, <i>сопоставляется со структурой предмета отношений, который был выделен на втором этапе</i> процесса установления семантических пределов права в данной конкретной ситуации.	Структура рецепта динамита в игре сопоставляется со структурой рецепта динамита в «реальной» жизни. Делается вывод о фантазийности структуры динамита в игре. По сути, сравниваются два информационных объекта. Подчеркнем, что ответ был бы иным, если бы структура рецепта динамита в игре была бы адекватна структуре рецепта динамита в реальной жизни.
5.	Оценка «социально-валютной ценности» предмета отношения с точки зрения теоретической и эмпирической социологии.	Параллельно с процессом определения структурной адекватности (изоморфности, не-фантазийности) предмета отношений, находящегося в центре спорной, потенциально абсурдной ситуации, происходит оценка этого предмета с точки зрения эмпирической социологии. Ключевой метод –	С точки зрения эмпирической социологии, <i>именно в том ракурсе, в котором мы рассматриваем предмет отношения</i> (см. результат этапа 2), не имеет конвертируемой «социально-валютной ценности». Например,

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершённой работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

		<p><i>мысленный эксперимент, в идеале основанный на эмпирических данных,⁴⁹⁹ о конвертируемости ценностной составляющей данного предмета отношений, в том числе с опорой на представление о внешних референтах ценности, в обобщенные символические посредники или же, если речь уже идет о потенциальном посреднике, в другие обобщенные символические посредники.</i></p>	<p>отсутствуют подтверждения тому, что игра <i>Minecraft</i> используется террористами в качестве идеологического инструмента.</p> <p>Подчеркнем, что ответ был бы иным, если бы в современной культуре и социальной жизни игра <i>Minecraft</i> была бы «культовым» феноменом среди террористов. Или, например, среди идеологов массовых убийств в школах. Эмпирические подтверждения, даже косвенные, этому на данный момент отсутствуют (в отличие, например, от некоторых других компьютерных игр – предмет отдельного обсуждения).</p>
6.	<p>Структурирование юридической аргументации посредством «перевода» ключевых аргументов проведенного анализа на язык юридической догматики.</p>	<p>По итогам реализации мыслительного (и, по мере возможности и необходимости, эмпирического) процесса на предыдущих этапах, сформирована социолого-правовая и теоретико-социологическая система аргументов, обосновывающая применение или отсутствие возможности применения правовой нормы. Однако она должна быть переведена на язык юридической догматики для того, чтобы включиться в систему рациональной юридической аргументации, которая сама по себе выступает в качестве внешнего референта ценности, обеспечивающего функционирование правовой системы как подсистемы общей социальной системы, основанной на таких обобщенных</p>	<p>Указанные выше аргументы «переводятся» на язык формально-догматической юриспруденции для того, чтобы подготовить связную юридическую аргументацию. На данном этапе, на основе семантического анализа, уже эксплицитно используется синтаксис.</p> <p>Основной вывод в примере: применять нормы, допускающие ограничение информации о средствах осуществления террористической деятельности, абсурдно, потому что структура предмета отношений фантазийна, и предмет</p>

⁴⁹⁹ Эмпирическим подтверждением конвертируемой валютной ценности могут служить, например, подтвержденные репрезентативные и релевантные примеры (а) коммерциализации предмета отношений (обобщенный символический посредник – деньги), использования предмета отношений в мобилизации социальных групп в политической деятельности (обобщенный символический посредник – политическая власть) и иные примеры конвертации в иные обобщенные символические посредники высокого уровня абстрагирования, а равно (б) причинно-следственной связи между предметом отношений и существующих на уровне общества практик низкого уровня абстрагирования, лежащих при этом в основе тех или иных обобщенных символических посредников (например, конвертация искусства в насилие «монополистического» или «квази-монополистического» характера как объект низкого уровня абстрагирования, лежащий в основе политической власти (Т. Парсонс).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

		<p>символических посредниках, как приверженность ценностям (<i>value commitments</i>) и, особенно, влияние.</p>	<p>отношений не имеет конвертируемой «социально-валютной ценности».</p> <p>В «перевод» на язык формально-догматической юриспруденции: <i>«Данное толкование правовой нормы является абсурдным, поскольку диспозицией указанной нормы не охватываются обстоятельства дела. Предмет общественных отношений не может рассматриваться как специальный объект правоотношения об ограничении информации о способах осуществления террористической деятельности. Соответствующий закон регулирует наиболее важные общественные отношения, но таковые в рассматриваемом случае отсутствуют».</i></p> <p>Отметим, при этом, в каких случаях аргументация и ответ изменятся:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Если мы будем анализировать ситуацию с точки зрения иного предмета отношения (для отношений в области современного интерактивного искусства можно выделить предмет, имеющий «социально-валютную ценность»). 2) Если внутриигровой рецепт динамита будет структурно соответствовать реальному рецепту динамита. В таком случае есть структурная адекватность и вопрос о возможности ограничения
--	--	---	---

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

			<p>такой информации перестает быть праздным.⁵⁰⁰</p> <p>3) Даже если внутриигровой рецепт динамита будет фантазийным, но за счет, например, «языковой игры» (слово «динамит» и там, и там) сама игра станет инструментом идеологического воздействия террористов или иных правонарушителей (т.е. обретет конвертируемую «социально-валютную ценность»), вопрос о возможности ограничения такой информации также перестает быть праздным.</p>
--	--	--	--

⁵⁰⁰ В действительности, это второе потенциальное исключение очень важно для всего исследования. *Во-первых*, оно может рассматриваться как вывод для информационного права (установление такого ограничения может быть легитимно, поскольку может быть рационально обосновано при условии «взвешивания» против свободы информации). *Во-вторых*, как вывод для гейм-дизайна (разработчикам рекомендуется учитывать реальность объекта, поскольку это может создать риски или, наоборот, если речь не идет о динамите и подобных вещах, возможности для игры). *В-третьих*, как вывод для *game studies* (изоморфность структуры элементов игры реальным предметам – необходимый фактор для перекалфикации продукта, например, из развлекательного в обучающий).

© *Архипов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

Приложение 3. Таблица соответствия выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права

Таблица 3. Соответствие выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права

№	Примерное ⁵⁰¹ выражение юридической догматики	Понятие концепции семантических пределов права	Пояснение
1.	«Абсурдное толкование [правового текста]».	<p><i>Значение 1.</i> Результат юридического толкования, предполагающий применение нормы права к общественным отношениям, предмет которых не обладает качествами «серьезности» и «реальности» в одно и то же время.</p> <p><i>Значение 2.</i> Результат юридического толкования, предполагающий применение нормы права к общественным отношениям, предмет которых не обладает каким-либо одним из принципиальных качеств («серьезности» или «реальности»), и при этом результат «взвешивания» моральных ценностей в данном обществе на данном этапе развития исключает применение правовой нормы.</p>	Несмотря на то, что и в правоприменительной практике, и в отдельных нормативных правовых текстах, и в теории юридического толкования используется критерий «абсурда», как правило, он не раскрывается достаточно подробно и конкретно, чтобы использовать его в реальной юридической аргументации. Придание четкого круга значений термину «абсурд» в контексте юридического толкования и является одной из ключевых задач настоящего исследования.
2.	«Диспозицией [<i>гипотезой / санкцией</i>] правовой нормы не охватываются [данные] факты дела» и (или) «Данные факты дела не входят в предмет правового регулирования данной правовой нормы».	Предмет рассматриваемых отношений <i>фантазиен</i> (структурно-функционально не адекватен) центральному значению правовой нормы.	«Фантазийность» предмета отношений, с точки зрения изоморфной интерпретации теории корреспондентной истины и по отношению к центральному значению правовой нормы, по определению означает, что факты, составляющие данный предмет не являются <i>юридическими фактами</i> .
3.	«Исходя из смысла рассматриваемой правовой нормы, она не распространяется на данные отношения».	«Предмет общественных отношений имеет “ <i>социально-валютную ценность</i> ”, хотя мы <i>не обязательно можем утверждать</i> , что предмет <i>структурно адекватен</i> »	Если предмет является внешним референтом ценности с точки зрения эмпирической социологии (далее – «ВРЦ») и (или) иным образом носит социально-

⁵⁰¹ Слово «примерный» в данном случае нацелено на пояснение того, что конкретные выражения юридической догматики

© *Архинов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

		центральному значению правовой нормы. Если предмет фантазии, нам необходимо осуществить «взвешивание» моральных ценностей для установления возможности правоприменения как результата расширительного толкования правового текста».	валютную ценность, отсылающую к конвертируемому обобщенному символическому посреднику (далее – «ОСП»), хотя и не упоминается или не подразумевается в правовой норме напрямую, он, тем не менее, может (и, вероятно, должен) регулироваться правом. Однако поскольку решение о применении права в данном случае неочевидно, необходимо обоснование, предполагающее «взвешивание» моральных ценностей.
4.	«В законодательстве есть пробел, и его необходимо устранить посредством аналогии права [<i>анalogии закона</i>]	Аналогично вышеизложенному, но при этом мы можем однозначно утверждать, что структура предмета отношения неадекватна (фантазийна) структуре, подразумеваемой в центральном значении правовой нормы.	Аналогично вышеизложенному, с учетом поправки об однозначном понимании фантазийности предмета.
5.	«Наиболее важные общественные отношения».	Общественные отношения, предмет которых имеет «социально-валютную ценность».	По многочисленным изданиям в области теории права кочует универсальное «объяснение» того, что может регулировать право. Конечно, право – на примере расхожего определения закона – может регулировать лишь «наиболее важные общественные отношения». Разумеется, это так. Но концепция семантических пределов права позволяет устранить аморфность круга значений данного термина и объяснить принцип выделения наиболее важных общественных отношений – через «социально-валютную ценность».
6.	«Специальный объект правоотношения». ⁵⁰²	Внешний референт ценности.	Специальный объект правоотношения носит

⁵⁰² Как отмечают А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, «Специальным объектом правоотношений можно считать конкретные материальные и нематериальные, одушевленные и неодушевленные объекты

© *Архинов Владислав Владимирович*, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, 2017 – 2019 (данная редакция текста как таковая). Текст диссертации для первого обсуждения на заседании кафедры. Не является технически завершенной работой, может изменяться и дополняться. Может содержать технические ошибки, опечатки и иные требующие доработки элементы. Размещается в репозитории СПбГУ, возможно цитирование в пределах, установленных ГК РФ, и с соблюдением соответствующих правил.

			ценностные свойства, а для права «ценностные свойства» имеет то, что отражает «социально-валютную ценность», конвертируемую в альтернативные ОСП. Поэтому специальный объект, как <i>конкретный</i> материальный или нематериальный объект, и представляет собой ВРЦ.
7.	«Общественная опасность».	«Серьезность» в значении конвертируемой «социально-валютной ценности».	Нюанс в том, что серьезность не обязательно означает общественную опасность – она означает достаточно часто ее полную противоположность. Условно такую противоположность можно назвать «общественной пользой» (очень похоже, что здесь мы сближаемся с утилитаризмом).

– носители ценностных свойств». См.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. С. 387. Указанное определение приведено в рамках плюралистической теории объекта правоотношения.